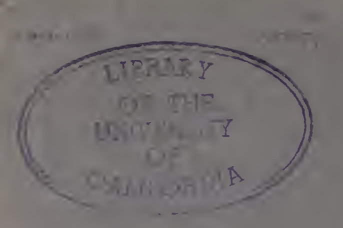

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ЭДГАРА ПО ВЪ ПЕРЕВОДѢ СЪ АНГЛІЙСКАГО К. Д. БАЛЬМОНТА ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ПОЭМЫ, СКАЗКИ

МОСКВА 1901
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„СКОРПІОНЪ“

К. Бальмонтъ

Эдгаръ По

Катюнѣ.

26 апрѣля 1901.
Спб.

К. Бальмонтъ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ЭДГАРА ПО ВЪ ПЕРЕВОДѢ СЪ АНГЛІЙСКАГО К. Д. БАЛЬМОНТА ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ПОЭМЫ, СКАЗКИ

МОСКВА 1901
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„СКОРПІОНЪ“

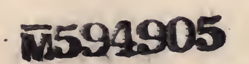
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
МОСКВА, ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. 5.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Произведенія Эдгара По представляютъ изъ себя тотъ первоисточникъ, въ которомъ черпали многія изъ своихъ вдохновеній и заимствовали многіе изъ своихъ художественныхъ пріемовъ властители цѣлыхъ поколѣній, Бодлэръ, Вилье де-Лиль-Адамъ, Малларме, Метерлинкъ, Оскаръ Уайльдъ, и другіе. Даже въ нашемъ великомъ Достоевскомъ чувствуется вліяніе Эдгара По. Художественная передача его произведеній имѣетъ, такимъ образомъ, не только непосредственное значеніе, но и косвенное. Кто интересуется психологіей современной души, тотъ найдетъ въ нихъ цѣлый рядъ незамѣнимыхъ указаній.

Многія изъ собранныхъ здѣсь произведеній Эдгара По появляются въ печати впервые. Другія были уже напечатаны нѣсколько лѣтъ тому назадъ („Баллады и Фантазіи“, „Таинственные разсказы“). Текстъ этихъ послѣднихъ тщательно пересмотрѣнъ и во многихъ мѣстахъ совершенно переработанъ.

„Скорпіонъ“.

ЭДГАРЪ ПО

(1809—1849)

Онъ былъ страстный и причудливый безумный человѣкъ.

Овальный Портретъ.

Нѣкоторые считали его сумасшедшимъ. Его приближенные знали достовѣрно, что это не такъ.

Маска Красной Смерти.

Есть удивительное напряженное состоянiе ума, когда человѣкъ сильнѣе, умнѣе, красивѣе самого себя. Это состоянiе можно назвать праздникомъ умственной жизни. Мысль воспринимаетъ тогда все въ необычныхъ очертанiяхъ, открываются неожиданныя перспективы, возникаютъ поразительныя сочетанiя, обостренныя чувства во всемъ улавливаютъ новизну, предчувствiе и воспоминанiе усиливаютъ личность двойнымъ внушенiемъ, и крылатая душа видитъ себя въ мiрѣ расширенномъ и углубленномъ. Такiя состоянiя, приближающiя насъ къ мiрамъ запредѣльнымъ, бываютъ у каждаго, какъ бы въ подтвержденiе великаго принципа конечной равноправности всѣхъ душъ. Но однихъ они посѣщаютъ, быть можетъ, только разъ въ жизни, надъ другими, то сильнѣе, то слабѣе, они простираютъ почти безпрерывное влiянiе, и есть избранники, которымъ дано въ каждую полночь видѣть привидѣнiя, и съ каждымъ разсвѣтомъ слышать бiенiе новыхъ жизней.

Къ числу такихъ немногихъ избранниковъ принадлежалъ величайшій изъ поэтовъ - символистовъ Эдгаръ По. Это — сама напряженность, это — воплощенный экстазъ — сдержанная ярость вулкана, выбрасывающаго лаву изъ нѣдръ земли въ вышній воздухъ — полная зноя, котельная могучей фабрики, охваченная шумами огня, который, приводя въ движеніе множество станковъ, ежеминутно заставляетъ опасаться взрыва.

Въ одномъ изъ своихъ наиболѣе таинственныхъ разсказовъ, „Человѣкъ толпы", Эдгаръ По описываетъ загадочнаго старика, лицо котораго напомнило ему образъ Дьявола. „Бросивъ бѣглый взглядъ на лицо этого бродяги, затаившаго какую-то страшную тайну, я получилъ", говоритъ онъ, „представленіе о громадной умственной силѣ, объ осторожности, скаредности, алчности, хладнокровіи, коварствѣ, кровожадности, о торжествѣ, о веселости, о крайнемъ ужасѣ, о напряженномъ—и безконечномъ отчаяніи". Если нѣсколько измѣнить слова этой сложной характеристики, мы получимъ точный портретъ самого поэта. Смотря на лицо Эдгара По, и читая его произведенія, получаешь представленіе о громадной умственной силѣ, о крайней осторожности въ выборѣ художественныхъ эффектовъ, объ утонченной скупости въ пользованіи словами, указывающей на великую любовь къ слову, о ненасытимой алчности души, о мудромъ хладнокровіи избранника, дерзающаго на то, передъ чѣмъ отступаютъ другіе, о торжествѣ законченнаго художника, о безумной веселости безъисходнаго ужаса, являющагося неизбѣжностью для такой души, о напряженномъ и безконечномъ отчаяніи. Загадочный старикъ, чтобы не остаться наединѣ съ своей страшной тайной, безустали скитается въ людской толпѣ; какъ Вѣчный Жидъ, онъ бѣжитъ съ одного мѣста на другое, и когда пустѣютъ нарядные кварталы города, онъ, какъ отверженный, спѣшитъ въ нищенскіе закоулки, гдѣ омерзительная нечисть гноится въ застоявшихся каналахъ. Такъ точно Эдгаръ По, проникнувшись философскимъ отчаяньемъ, затаивъ въ себѣ тайну пониманія міровой жизни, какъ кошмарной игры Бо̀льшаго въ меньшемъ, всю жизнь былъ подъ властью демона скитанія, и отъ са-

мыхъ воздушныхъ гимновъ серафима переходилъ къ самымъ чудовищнымъ ямамъ нашей жизни, чтобы черезъ остроту ощущенія соприкоснуться съ инымъ міромъ, чтобы и здѣсь, въ провалахъ уродства, увидѣть хотя сѣрное сіянье. И какъ загадочный старикъ былъ одѣтъ въ затасканное бѣлье хорошаго качества, а подъ тщательно застегнутымъ плащемъ скрывалъ что-то блестящее, брилліанты или кинжалъ, такъ Эдгаръ По въ своей искаженной жизни всегда оставался прекраснымъ демономъ, и надъ его творчествомъ никогда не погаснетъ изумрудное сіяніе Люцифера.

Это была планета безъ орбиты, какъ его назвали враги, думая унизить поэта, котораго они возвеличили такимъ названіемъ, сразу указывающимъ, что это — душа исключительная, слѣдующая въ мірѣ своими необычными путями, и горящая не блѣднымъ сіяньемъ полуспящихъ звѣздъ, а яркимъ особымъ блескомъ кометы. Эдгаръ По былъ изъ расы причудливыхъ изобрѣтателей новаго. Идя по дорогѣ, которую мы какъ будто уже давно знаемъ, онъ вдругъ заставляетъ насъ обратиться къ какимъ-то неожиданнымъ поворотамъ, и открываетъ не только уголки, но и огромныя равнины, которыхъ раньше не касался нашъ взглядъ, заставляетъ насъ дышать запахомъ травъ, до тѣхъ поръ никогда нами невиданныхъ, и однако же странно напоминающихъ нашей душѣ о чемъ-то бывшемъ очень давно, случившемся съ нами гдѣ-то не здѣсь. И слѣдъ отъ такого чувства остается въ душѣ надолго, пробуждая или пересоздавая въ ней какія-то скрытыя способности, такъ что послѣ прочтенія той или другой необыкновенной страницы, написанной безумнымъ Эдгаромъ, мы смотримъ на самые повседневные предметы инымъ проникновеннымъ взглядомъ. Событія, которыя онъ описываетъ, всѣ проходятъ въ замкнутой душѣ самого поэта; страшно похожія на жизнь, они совершаются гдѣ-то внѣ жизни, out of space—out of time, внѣ времени — внѣ пространства, ихъ видишь сквозь какое-то окно и, лихорадочно слѣдя за ними, дрожишь, оттого что не можешь съ ними соединиться.

Языкъ, замыслы, художественная манера, все отмѣчено въ Эдгарѣ По яркою печатью новизны. Никто изъ англій-

скихъ или американскихъ поэтовъ не зналъ до него, что можно сдѣлать съ англійскимъ стихомъ прихотливымъ сопоставленіемъ извѣстныхъ звуковыхъ сочетаній. Эдгаръ По взялъ лютню, натянулъ струны, онѣ выпрямились, блеснули, и вдругъ запѣли всею скрытою силой серебряныхъ перезвоновъ. Никто не зналъ до него, что сказки можно соединять съ философіей. Онъ слилъ въ органически-цѣльное единство художественныя настроенія и логическіе результаты высшихъ умозрѣній, сочеталъ двѣ краски въ одну, и создалъ новую литературную форму, философскія сказки, — гипнотизирующія одновременно и наше чувство, и нашъ умъ. Мѣтко опредѣливъ, что происхожденіе Поэзіи кроется въ жаждѣ Красоты болѣе безумной, чѣмъ та, которую намъ можетъ дать Земля, Эдгаръ По стремился утолить эту жажду созданіемъ неземныхъ образовъ. Его пейзажи измѣнены, какъ въ сновидѣніяхъ, гдѣ тѣ же предметы кажутся иными. Его водовороты затягиваютъ въ себя, и въ то же время заставляютъ думать о Богѣ, будучи пронизаны до самой глубины призрачнымъ блескомъ мѣсяца. Его женщины должны умирать преждевременно, и, какъ вѣрно говоритъ Бодлэръ, ихъ лица окружены тѣмъ золотымъ сіяніемъ, которое неотлучно соединено съ лицами святыхъ.

Колумбъ новыхъ областей въ человѣческой душѣ, онъ первый сознательно задался мыслью ввести уродство въ область красоты, и, съ лукавствомъ мудраго мага, создалъ поэзію ужаса. Онъ первый угадалъ поэзію распадающихся величественныхъ зданій, угадалъ жизнь корабля, какъ одухотвореннаго существа, уловилъ великій символизмъ явленій моря, установилъ художественную, полную волнующихъ намековъ, связь между человѣческой душой и неодушевленными предметами, пророчески почувствовалъ настроенія нашихъ дней, и, въ подавляющихъ мрачностью красокъ картинахъ, изобразилъ чудовищныя — неизбѣжныя для души — послѣдствія механическаго міросозерцанія.

Въ „Паденіи Дома Эшеръ“ онъ для будущихъ временъ нарисовалъ душевное распаденіе личности, гибнущей изъ-за своей утонченности. Въ „Овальномъ портретѣ“ онъ показалъ невозможность любви, потому что душа, исходя изъ созер-

цанья земного любимаго образа, возводитъ его, роковымъ восходящимъ путемъ, къ идеальной мечтѣ, къ запредѣльному первообразу, и, какъ только этотъ путь пройденъ, земной образъ лишается своихъ красокъ, отпадаетъ, умираетъ, и остается только мечта, прекрасная, какъ созданіе искусства, но—изъ иного міра, чѣмъ міръ земного счастья. Въ „Демонѣ извращенности“, въ „Вильямѣ Вильсонѣ“, въ сказкѣ „Черный котъ“, онъ изобразилъ непобѣдимую стихійность совѣсти, какъ ее не изображалъ до него еще никто. Въ такихъ произведеніяхъ, какъ „Нисхожденіе въ Мальстрёмъ“, „Манускриптъ, найденный въ бутылкѣ“ и „Повѣствованія Артура Гордона Пима“, онъ символически представилъ безнадежность нашихъ душевныхъ исканій, логическія стѣны, выростающія передъ нами, когда мы идемъ по путямъ познанія. Въ лучшей своей сказкѣ, „Молчаніе“, онъ изобразилъ проистекающій отсюда ужасъ, нестерпимую пытку, болѣе острую, чѣмъ отчаяніе, возникающую отъ сознанія того молчанія, которымъ окружены мы навсегда. Дальше, за нимъ, за этимъ сознаніемъ, начинается безпредѣльное царство смерти, фосфорическій блескъ разложенія, ярость смерча, самумы, бѣшенство бурь, которыя, свирѣпствуя извнѣ, проникаютъ и въ людскія обиталища, заставляя драпри шевелиться и двигаться змѣиными движеніями — царство, полное сплина, страха и ужаса, искаженныхъ призраковъ, глазъ, расширенныхъ отъ нестерпимаго испуга, чудовищной блѣдности, чумныхъ дыханій, кровавыхъ пятенъ, и бѣлыхъ цвѣтовъ, застывшихъ, и еще болѣе страшныхъ, чѣмъ кровь.

Человѣкъ, носившій въ своемъ сердцу такую остроту и сложность, неизбѣжно долженъ былъ страдать глубоко и погибнуть трагически, какъ это и случилось въ дѣйствительности.

Отдѣльныя слова людей, соприкасавшихся съ этимъ великимъ поэтомъ, характеризующія его, какъ человѣка, находятся въ полной гармоніи съ его поэзіей. Онъ говорилъ тихимъ сдержаннымъ голосомъ. У него были женственныя, но не изнѣженныя манеры. У него были изящныя маленькія руки и красивый ротъ, искаженный горькимъ выраже-

ніемъ. Его глаза пугали и приковывали, ихъ окраска была измѣнчивой, то цвѣта морской волны, то цвѣта ночной фіалки. Онъ рѣдко улыбался, и не смѣялся никогда. Онъ не могъ смѣяться—для него не было обмановъ. Какъ родственный ему Де-Куинси, онъ никогда не предполагалъ — онъ всегда зналъ. Какъ его собственный герой, капитанъ фантастическаго корабля, бѣгущаго въ полосѣ скрытаго теченія къ южному полюсу, онъ во имя Открытія спѣшилъ къ гибели, и хотя на лицѣ у него было мало морщинъ, но на немъ лежала печать, указывающая на миріады лѣтъ.

Его поэзія, ближе всѣхъ другихъ стоящая къ нашей сложной больной душѣ, есть воплощеніе царственнаго Сознанія, которое съ ужасомъ глядитъ на обступившую его со всѣхъ сторонъ неизбѣжность дикаго Хаоса.

К. Бальмонтъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПОЭМЫ

ВОРОНЪ.

Какъ то въ полночь, въ часъ угрюмый, полный тягостною думой,
Надъ старинными томами я склонялся въ полуснѣ,
Грезамъ страннымъ отдавался, вдругъ неясный звукъ раздался,
Будто кто-то постучался—постучался въ дверь ко мнѣ.
„Это вѣрно", прошепталъ я, „гость въ полночной тишинѣ,
„Гость стучится въ дверь ко мнѣ".

Ясно помню... Ожиданья... Поздней осени рыданья...
И въ каминѣ очертанья тускло тлѣющихъ углей...
О, какъ жаждалъ я разсвѣта! Какъ я тщетно ждалъ отвѣта
На страданье, безъ привѣта, на вопросъ о ней, о ней,
О Ленорѣ, что блистала ярче всѣхъ земныхъ огней,
О свѣтилѣ прежнихъ дней.

И завѣсъ пурпурныхъ трепетъ издавалъ какъ будто лепетъ,
Трепетъ, лепетъ, наполнявшій темнымъ чувствомъ сердце мнѣ.
Непонятный страхъ смиряя, всталъ я съ мѣста, повторяя:
„Это только гость, блуждая, постучался въ дверь ко мнѣ,
„Поздній гость пріюта проситъ въ полуночной тишинѣ,—
„Гость стучится въ дверь ко мнѣ".

Подавивъ свои сомнѣнья, побѣдивши опасенья,
Я сказалъ: „Не осудите замедленья моего!
„Этой полночью ненастной я вздремнулъ, и стукъ неясный
„Слишкомъ тихъ былъ, стукъ неясный,—и не слышалъ я его,
„Я не слышалъ“—тутъ раскрылъ я дверь жилища моего:—
Тьма, и больше ничего.

Взоръ застылъ, во тьмѣ стѣсненный, и стоялъ я изумленный,
Снамъ отдавшись, недоступнымъ на землѣ ни для кого;
Но какъ прежде ночь молчала, тьма душѣ не отвѣчала,
Лишь—„Ленора!“—прозвучало имя солнца моего,—
Это я шепнулъ, и эхо повторило вновь его,—
Эхо, больше ничего.

Вновь я въ комнату вернулся—обернулся—содрогнулся,—
Стукъ раздался, но слышнѣе, чѣмъ звучалъ онъ до того.
„Вѣрно, что-нибудь сломилось, что-нибудь пошевелилось,
„Тамъ за ставнями забилось у окошка моего,
„Это вѣтеръ, усмирю я трепетъ сердца моего,—
„Вѣтеръ, больше ничего“.

Я толкнулъ окно съ рѣшеткой,—тотчасъ важною походкой
Изъ-за ставней вышелъ Воронъ, гордый Воронъ старыхъ дней,
Не склонился онъ учтиво, но, какъ лордъ, вошелъ спѣсиво,
И, взмахнувъ крыломъ лѣниво, въ пышной важности своей,
Онъ взлетѣлъ на бюстъ Паллады, что надъ дверью былъ моей,
Онъ взлетѣлъ—и сѣлъ надъ ней.

Отъ печали я очнулся и невольно усмѣхнулся,
Видя важность этой птицы, жившей долгіе года.
„Твой хохолъ ощипанъ славно, и глядишь ты презабавно“,
Я промолвилъ „но скажи мнѣ: въ царствѣ тьмы, гдѣ Ночь всегда,
„Какъ ты звался, гордый Воронъ, тамъ, гдѣ Ночь царитъ всегда?“
Воронъ крикнулъ: „Никогда“.

Птица ясно отвѣчала, и хоть смысла было мало,
Подивился я всѣмъ сердцемъ на отвѣтъ ея тогда.
Да и кто не подивится, кто съ такой мечтой сроднится,
Кто повѣрить согласится, чтобы гдѣ-нибудь когда—
Сѣлъ надъ дверью—говорящій безъ запинки, безъ труда—
Воронъ съ кличкой: „Никогда“.

И, взирая такъ сурово, лишь одно твердилъ онъ слово,
Точно всю онъ душу вылилъ въ этомъ словѣ „никогда“,
И крылами не взмахнулъ онъ, и перомъ не шевельнулъ онъ,
Я шепнулъ: „Друзья сокрылись вотъ ужь многіе года,
„Завтра *онъ* меня покинетъ, какъ Надежды, навсегда“.
Воронъ каркнулъ: „Никогда“.

Услыхавъ отвѣтъ удачный, вздрогнулъ я въ тревогѣ мрачной,
„Вѣрно, былъ онъ“, я подумалъ, „у того, чья жизнь—Бѣда,
„У страдальца, чьи мученья возростали, какъ теченье
„Рѣкъ весной, чье отреченье отъ Надежды навсегда
„Въ пѣснѣ вылилось—о счастьи, что, погибнувъ навсегда,
Вновь не вспыхнетъ никогда“.

Но, отъ скорби отдыхая, улыбаясь и вздыхая,
Кресло я свое придвинулъ противъ Ворона тогда,
И, склонясь на бархатъ нѣжный, я фантазіи безбрежной
Отдался душой мятежной: „Это—Воронъ, Воронъ, да.
„Но о чемъ твердитъ зловѣщій этимъ чернымъ „Никогда“
Страшнымъ крикомъ „Никогда“.

Я сидѣлъ, догадокъ полный и задумчиво—безмолвный,
Взоры птицы жгли мнѣ сердце, какъ огнистая звѣзда,
И съ печалью запоздалой, головой своей усталой,
Я прильнулъ къ подушкѣ алой, и подумалъ я тогда:
Я одинъ, на бархатъ алый та, кого любилъ всегда,
Не прильнетъ ужь никогда.

1*

Но, постой, вокругъ темнѣетъ, и какъ будто кто-то вѣетъ,
То съ кадильницей небесной Серафимъ пришелъ сюда?
Въ мигъ неясный упоенья я вскричалъ: „Прости, мученье!
„Это Богъ послалъ забвенье о Ленорѣ навсегда,
„Пей, о, пей скорѣй забвенье о Ленорѣ навсегда!“
Каркнулъ Воронъ: „Никогда“.

И вскричалъ я въ скорби страстной: „Птица ты, иль духъ ужасный,
„Искусителемъ-ли посланъ, или грозой прибитъ сюда,—
„Ты пророкъ неустрашимый! Въ край печальный, нелюдимый,
„Въ край, Тоскою одержимый, ты пришелъ ко мнѣ сюда!
„О, скажи, найду-ль забвенье, я молю, скажи, когда?“
Каркнулъ Воронъ: „Никогда“.

„Ты пророкъ“, вскричалъ я, „вѣщій! Птица ты иль духъ зловѣщій,
„Этимъ Небомъ, что надъ нами—Богомъ, скрытымъ навсегда—
„Заклинаю, умоляя, мнѣ сказать,—въ предѣлахъ Рая
„Мнѣ откроется-ль святая, что средь ангеловъ всегда,
„Та, которую Ленорой въ небесахъ зовутъ всегда?“
Каркнулъ Воронъ: „Никогда“.

И воскликнулъ я, вставая: „Прочь отсюда, птица злая!
„Ты изъ царства тьмы и бури,—уходи опять туда,
„Не хочу я лжи позорной, лжи, какъ эти перья, черной,
„Удались же, духъ упорный! Быть хочу—одинъ всегда!
„Вынь свой жесткій клювъ изъ сердца моего, гдѣ скорбь—всегда!“
Каркнулъ Воронъ: „Никогда“.

И сидитъ, сидитъ зловѣщій, Воронъ черный, Воронъ вѣщій,
Съ бюста блѣднаго Паллады не умчится никуда,
Онъ глядитъ, уединенный, точно Демонъ полусонный,
Свѣтъ струится, тѣнь ложится, на полу дрожитъ всегда,
И душа моя изъ тѣни, что волнуется всегда,
Не возстанетъ—никогда!

КОЛОКОЛЬЧИКИ И КОЛОКОЛА

I.

Слышишь, сани мчатся въ рядъ,
Мчатся въ рядъ!
Колокольчики звенятъ,
Серебристымъ легкимъ звономъ слухъ нашъ сладостно томятъ,
Этимъ пѣньемъ и гудѣньемъ о забвеньи говорятъ.
О, какъ звонко, звонко, звонко,
Точно звучный смѣхъ ребенка,
Въ ясномъ воздухѣ ночномъ
Говорятъ они о томъ,
Что за днями заблужденья
Наступаетъ возрожденье,
Что волшебно наслажденье—наслажденье нѣжнымъ сномъ.
Сани мчатся, мчатся въ рядъ,
Колокольчики звенятъ,
Звѣзды слушаютъ, какъ сани, убѣгая, говорятъ,
И, внимая имъ, горятъ,
И мечтая, и блистая, въ небѣ духами парятъ;
И измѣнчивымъ сіяньемъ,
Молчаливымъ обаяньемъ,
Вмѣстѣ съ звономъ, вмѣстѣ съ пѣньемъ, о забвеньи говорятъ.

II.

Слышишь къ свадьбѣ зовъ святой,
Золотой!
Сколько нѣжнаго блаженства въ этой пѣснѣ молодой!
Сквозь спокойный воздухъ ночи
Словно смотрятъ чьи-то очи,
И блестятъ,
Изъ волны пѣвучихъ звуковъ на луну они глядятъ.
Изъ призывныхъ дивныхъ келій,
Полны сказочныхъ веселій,
Наростая, упадая, брызги свѣтлыя летятъ.
Вновь потухнутъ, вновь блестятъ,
И роняютъ свѣтлый взглядъ
На грядущее, гдѣ дремлетъ безмятежность нѣжныхъ сновъ,
Возвѣщаемыхъ согласьемъ золотыхъ колоколовъ!

III.

Слышишь, воющій набатъ,
Точно стонетъ мѣдный адъ!
Эти звуки, въ дикой мукѣ, сказку ужасовъ твердятъ.
Точно молятъ имъ помочь,
Крикъ кидаютъ прямо въ ночь,
Прямо въ уши темной ночи
Каждый звукъ,
То длиннѣе, то короче,
Выкликаетъ свой испугъ,—
И испугъ ихъ такъ великъ,
Такъ безуменъ каждый крикъ,

Что разорванные звоны, неспособные звучать,
Могутъ только биться, виться, и кричать, кричать, кричать!
Только плакать о пощадѣ,
И къ пылающей громадѣ
Вопли скорби обращать!
А межь тѣмъ огонь безумный,
И глухой и многошумный,
Все горитъ,
То изъ оконъ, то по крышѣ,
Мчится выше, выше, выше,
И какъ будто говоритъ:
Я хочу
Выше мчаться, разгораться, встрѣчу лунному лучу,
Иль умру, иль тотчасъ-тотчасъ вплоть до мѣсяца взлечу!
О, набатъ, набатъ, набатъ,
Если бъ ты вернулъ назадъ
Этотъ ужасъ, это пламя, эту искру, этотъ взглядъ,
Этотъ первый взглядъ огня,
О которомъ ты вѣщаешь, съ плачемъ, съ воплемъ, и звеня!
А теперь намъ нѣтъ спасенья,
Всюду пламя и кипѣнье,
Всюду страхъ и возмущенье!
Твой призывъ,
Дикихъ звуковъ несогласность
Возвѣщаетъ намъ опасность,
То ростетъ бѣда глухая, то спадаетъ, какъ приливъ!
Слухъ нашъ чутко ловитъ волны въ перемѣнѣ звуковой,
Вновь спадаетъ, вновь рыдаетъ мѣдно-стонущій прибой!

IV.

Похоронный слышенъ звонъ,
Долгій звонъ!

Горькой скорби слышны звуки, горькой жизни конченъ сонъ.
Звукъ желѣзный возвѣщаетъ о печали похоронъ!
И невольно мы дрожимъ,
Отъ забавъ своихъ спѣшимъ,
И рыдаемъ, вспоминаемъ, что и мы глаза смежимъ.
Неизмѣнно-монотонный,
Этотъ возгласъ отдаленный,
Похоронный тяжкій звонъ,
Точно стонъ,
Скорбный, гнѣвный,
И плачевный,
Выростаетъ въ долгій гулъ,
Возвѣщаетъ, что страдалецъ непробуднымъ сномъ уснулъ.
Въ колокольныхъ кельяхъ ржавыхъ,
Онъ для правыхъ и неправыхъ
Грозно вторитъ объ одномъ:
Что на сердцѣ будетъ камень, что глаза сомкнутся сномъ.
Факелъ траурный горитъ,
Съ колокольни кто-то крикнулъ, кто-то громко говоритъ,
Кто-то черный тамъ стоитъ,
И хохочетъ, и гремитъ,
И гудитъ, гудитъ, гудитъ,
Къ колокольнѣ припадаетъ,
Гулкій колоколъ качаетъ,
Гулкій колоколъ рыдаетъ,
Стонетъ въ воздухѣ нѣмомъ
И протяжно возвѣщаетъ о покоѣ гробовомъ.

АННАБЕЛЬ-ЛИ.

Это было давно, это было давно,
Въ королевствѣ приморской земли:
Тамъ жила и цвѣла та, что звалась всегда,
Называлася Аннабель-Ли,
Я любилъ, былъ любимъ, мы любили вдвоемъ,
Только этимъ мы жить и могли.

И, любовью дыша, были оба дѣтьми
Въ королевствѣ приморской земли.
Но любили мы больше, чѣмъ любятъ въ любви, —
Я и нѣжная Аннабель-Ли.
И, взирая на насъ, серафимы небесъ
Той любви намъ простить не могли.

Оттого и случилось когда-то давно,
Въ королевствѣ приморской земли,—
Съ неба вѣтеръ повѣялъ холодный изъ тучъ,
Онъ повѣялъ на Аннабель-Ли;
И родные толпою печальной сошлись
И ее отъ меня унесли,
Чтобъ навѣки ее положить въ саркофагъ,
Въ королевствѣ приморской земли.

Половины такого блаженства узнать
	Серафимы въ раю не могли,—
Оттого и случилось (какъ вѣдомо всѣмъ
	Въ королевствѣ приморской земли),—
Вѣтеръ ночью повѣялъ холодный изъ тучъ
	И убилъ мою Аннабель-Ли.

Но, любя, мы любили сильнѣй и полнѣй
	Тѣхъ, что старости бремя несли,—
	Тѣхъ, что мудростью насъ превзошли,—
И ни ангелы неба, ни демоны тьмы
	Разлучить никогда не могли,
Не могли разлучить мою душу съ душой
	Обольстительной Аннабель-Ли.

И всегда лучъ луны навѣваетъ мнѣ сны
	О плѣнительной Аннабель-Ли:
И зажжется ль звѣзда, вижу очи всегда
	Обольстительной Аннабель-Ли;
И въ мерцаньи ночей я все съ ней, я все съ ней,
Съ незабвенной—съ невѣстой—съ любовью моей—
	Рядомъ съ ней распростертъ я вдали,
	Въ саркофагѣ приморской земли.

УЛЯЛЮМЪ.

Небеса были сѣраго цвѣта,
Были сухи и скорбны листы,
Были сжаты и смяты листы.
За огнемъ отгорѣвшаго лѣта
Ночь пришла, сонъ глухой черноты,
Близь туманнаго озера Оберъ,
Тамъ гдѣ сходятся вѣдьмы на пиръ,
Гдѣ лѣсной заколдованный міръ,
Возлѣ дымнаго озера Оберъ,
Въ зачарованной области Виръ.

Тамъ однажды, въ аллеѣ Титановъ,
Я съ моею Душою блуждалъ,
Я съ Психеей, съ Душою блуждалъ.
Въ эти дни трепетанья вулкановъ
Я сердечнымъ огнемъ побѣждалъ,
Я спѣшилъ, я горѣлъ, я блисталъ;—
Точно сѣрные токи на Яникъ,
Бороздящіе горный оплотъ,
Возлѣ полюса, токи, что Яникъ
Покидаютъ, струясь отъ высотъ.

Мы мѣнялися лаской привѣта,
Но въ глазахъ затаилася мгла,
Наша память невѣрной была,
Мы забыли, что умерло лѣто,
Что октябрьская полночь пришла,
Мы забыли, что осень пришла,
И не вспомнили озеро Оберъ,
Гдѣ открылся намъ нѣкогда міръ,
Это дымное озеро Оберъ,
И излюбленный вѣдьмами Виръ.

Но когда уже ночь постарѣла,
И на звѣздныхъ небесныхъ часахъ
Былъ намекъ на разсвѣтъ въ небесахъ,—
Что-то облачнымъ сномъ забѣлѣло
Передъ нами, въ неясныхъ лучахъ,
И внезапно предсталъ серебристый
Полумѣсяцъ, двурогой чертой,
Полумѣсяцъ Астарты лучистый,
Очевидный двойной красотой.

Я промолвилъ: „Астарта нѣжнѣе
„И теплѣй, чѣмъ Діана, она—
„Въ царствѣ вздоховъ, и вздоховъ полна:
„Увидавъ, что, въ тоскѣ не слабѣя,
„Здѣсь душа затомилась одна,—
„Чрезъ созвѣздіе Льва проникая,
„Показала она въ облакахъ
„Путь къ забвенной тиши въ небесахъ,
„И чело передъ Львомъ не склоняя,
„Съ нѣжной лаской въ горящихъ глазахъ,
„Надъ берлогою Льва возникая,
„Засвѣтилась для насъ въ небесахъ“.

Но Психея, свой перстъ поднимая,
„Я не вѣрю“, промолвила, „въ сны
„Этой блѣдной богини Весны.
„О, не медли,—въ ней блѣдность больная!
„О, бѣжимъ! Поспѣшимъ! Мы должны!“
И въ испугѣ, въ истомѣ безсилья,
Не хотѣла, чтобъ дальше мы шли,
И ея ослабѣвшія крылья
Опускались до самой земли—
И влачились—влачились въ пыли.

Я отвѣтилъ: „То страхъ лишь напрасный,
„Устремимся на трепетный свѣтъ,
„Въ немъ кристальность, обмана въ немъ нѣтъ.
„Сибиллически—ярко—прекрасный,
„Въ немъ Надежды манящій привѣтъ,
„Онъ сквозь ночь намъ роняетъ свой слѣдъ.
„О, увѣруемъ въ это сіянье,
„Такъ зоветъ оно вкрадчиво къ снамъ,
„Такъ правдивы его обѣщанья
„Быть звѣздой путеводною намъ,
„Быть призывомъ, сквозь ночь, къ Небесамъ!“

Такъ ласкалъ, утѣшалъ я Психею
Толкованіемъ звѣздныхъ судебъ,
Зоркій страхъ въ ней утихъ и ослѣпъ.
И прошли до конца мы аллею,
И внезапно увидѣли склепъ,
Съ круговымъ начертаніемъ склепъ.
„Что гласитъ эта надпись?“—сказалъ я,
И, какъ вѣтра осенняго шумъ,
Этотъ вздохъ, этотъ стонъ услыхалъ я:
„Ты не зналъ? Улялюмъ—Улялюмъ—
„Здѣсь могила твоей Улялюмъ.“

И сраженный словами отвѣта,
Задрожавъ, какъ на вѣткѣ листы,
Какъ сухіе подъ вѣтромъ листы,
Я вскричалъ: „Значитъ, умерло лѣто,
„Это осень и сонъ черноты,
„Небеса потемнѣвшаго цвѣта.
„Ровно—годъ, какъ на кладбищѣ лѣта
„Я здѣсь ночью октябрьской блуждалъ,
„Я здѣсь съ ношею мертвой блуждалъ.
„Эта ночь была ночь безъ просвѣта,
„Самый годъ въ эту ночь умиралъ,—
„Что за демонъ сюда насъ зазвалъ?
„О, я знаю теперь, это—Оберъ,
„О, я знаю теперь, это—Виръ,
„Это—дымное озеро Оберъ
„И излюбленный вѣдьмами Виръ.“

КЪ ЕЛЕНѢ.

Тебя я видѣлъ разъ, одинъ лишь разъ.
Ушли года съ тѣхъ поръ, не знаю, *сколько*,—
Мнѣ чудится, прошло *немного* лѣтъ.
То было знойной полночью Іюля;
Зажглась въ лазури полная луна,
Съ твоей душою странно сочетаясь,
Она хотѣла быть на высотѣ
И быстро шла своимъ путемъ небеснымъ;
И вмѣстѣ съ нѣгой сладостной дремоты
Упалъ на землю ласковый покровъ
Ея лучей сребристо-шелковистыхъ,—
Прильнулъ къ устамъ полураскрытыхъ розъ.
И замеръ садъ. И вѣтеръ шаловливый,
Боясь движеньемъ чары возмутить,
На цыпочкахъ чуть слышно пробирался.
Покровъ лучей сребристо-шелковистыхъ
Прильнулъ къ устамъ полураскрытыхъ розъ,
И умерли въ изнеможеньи розы,

Ихъ души отлетѣли къ небесамъ,
Благоуханьемъ легкимъ и воздушнымъ;
Въ себя впивая лунный поцѣлуй,
Съ улыбкой счастья розы умирали,—
И очарованъ былъ цвѣтущій садъ—
Тобой, твоимъ присутствіемъ чудеснымъ.

Вся въ бѣломъ, на скамью полусклонясь,
Сидѣла ты, задумчиво—печальна,
И на твое открытое лицо
Ложился лунный свѣтъ, больной и блѣдный.
Меня Судьба въ ту ночь остановила,
(Судьба, чье имя также значитъ Скорбь),
Она внушила мнѣ взглянуть, помедлить,
Вдохнуть въ себя волненье спящихъ розъ.
И не было ни звука, міръ забылся,
Людской враждебный міръ,—лишь я и ты,—
(Двухъ этихъ словъ такъ сладко сочетанье!),
Не спали—я и ты. Я ждалъ—я медлилъ—
И въ мигъ одинъ исчезло все кругомъ.
(Не позабудь, что садъ былъ зачарованъ!).
И вотъ угасъ жемчужный свѣтъ луны,
И не было извилистыхъ тропинокъ,
Ни дерна, ни деревьевъ, ни цвѣтовъ,
И умеръ самый запахъ розъ душистыхъ
Въ объятіяхъ любовныхъ вѣтерка.
Все—все угасло—только ты осталась—
Не ты—но только блескъ лучистыхъ глазъ,
Огонь души въ твоихъ глазахъ блестящихъ.
Я видѣлъ только ихъ—и въ нихъ свой міръ—
Я видѣлъ только ихъ—часы бѣжали—
Я видѣлъ блескъ очей, смотрѣвшихъ въ высь.
О, сколько въ нихъ легендъ запечатлѣлось,
Въ небесныхъ сферахъ, полныхъ дивныхъ чаръ!
Какая скорбь! какое благородство!

Какой просторъ возвышенныхъ надеждъ
Какое море гордости отважной—
И глубина способности любить!

Но часъ насталъ—и блѣдная Діана,
Уйдя на западъ, скрылась въ облакахъ,
Въ себѣ таившихъ громъ и сумракъ бури;
И, призракомъ, ты скрылась въ полутьмѣ,
Среди деревъ, казавшихся гробами,
Скользнула и растаяла. Ушла.
Но блескъ твоихъ очей со мной остался.
Онъ *не хотѣлъ* уйти—и не уйдетъ.
И пусть меня покинули надежды,—
Твои глаза свѣтили мнѣ во мглѣ,
Когда въ ту ночь домой я возвращался,
Твои глаза блистаютъ мнѣ съ тѣхъ поръ
Сквозь мракъ тяжелыхъ лѣтъ и зажигаютъ
Въ моей душѣ свѣтильникъ чистыхъ думъ,
Неугасимый свѣточъ благородства.
И, наполняя духъ мой Красотой,
Они горятъ на Небѣ недоступномъ;
Колѣнопреклоненный, я молюсь,
Въ безмолвіи ночей моихъ печальныхъ,
Имъ—только имъ—и въ самомъ блескѣ дня
Я вижу ихъ, они не угасаютъ:
Двѣ нѣжныя лучистыя денницы—
Двѣ чистыя вечернія звѣзды.

ЛИНОРЪ.

О, сломанъ кубокъ золотой! душа ушла навѣкъ!
Скорби о той, чей духъ святой—среди Стигійскихъ рѣкъ.
Гюи де Виръ! Гдѣ весь твой міръ? Склони свой темный взоръ:
Тамъ гробъ стоитъ, въ гробу лежитъ твоя любовь, Линоръ!
Пусть горькій голосъ панихидъ для всѣхъ звучитъ бѣдой,
Пусть слышимъ мы, какъ намъ псалмы поютъ въ тоскѣ святой,
О той, что дважды умерла, скончавшись молодой.

„Лжецы! Вы были передъ ней—двуликій хоръ тѣней.
„И надъ больной вашъ духъ ночной шепнулъ: Умри скорѣй!
„Такъ какъ же *можетъ* гимнъ скорбѣть и стройно пѣть о той,
„Кто вашимъ глазомъ былъ убитъ и вашей клеветой,
„О той, что дважды умерла, невинно-молодой?“

Peccavimus; но не тревожь напѣва похоронъ,
Чтобъ духъ отшедшей той мольбой съ землей былъ примиренъ.
Она невѣстою была, и Радость въ ней жила,
Надѣвъ несвадебный уборъ, твоя Линоръ ушла.
И ты безумствуешь въ тоскѣ, твой духъ скорбитъ о ней,
И свѣтъ волосъ ея горитъ, какъ бы огонь лучей,
Сіяетъ жизнь ея волосъ, но не ея очей.

„Подите прочь! Въ моей душѣ ни тьмы, ни скорби нѣтъ.
„Не панихиду я пою, а пѣсню лучшихъ лѣтъ!
„Пусть не звучитъ протяжный звонъ угрюмыхъ похоронъ,
„Чтобъ не былъ свѣтлый духъ ея тѣмъ сумракомъ смущенъ.
„Отъ вражьихъ полчищъ гордый духъ, уйдя къ друзьямъ, исчезъ,
„Изъ бездны темныхъ Адскихъ золъ въ высокій міръ Чудесъ,
„Гдѣ золотой горитъ престолъ Властителя Небесъ“.

ЛЕЛЛИ.

Исполненъ упрека,
Я жилъ одиноко,
Въ затонѣ моихъ утомительныхъ дней.
Пока бѣлокурая нѣжная Лелли не стала стыдливой невѣстой моей,
Пока златокудрая юная Лелли не стала счастливой невѣстой моей.

Созвѣздія ночи
Темнѣе, чѣмъ очи
Красавицы-дѣвушки, милой моей.
И свѣтъ безтѣлесный
Вкругъ тучки небесной
Отъ ласково-лунныхъ жемчужныхъ лучей
Не можетъ сравниться съ волною небрежной ея золотистыхъ воздушныхъ кудрей,
Съ волною кудрей свѣтлоглазой и скромной невѣсты-красавицы, Лелли моей.

Теперь привидѣнья
Печали, Сомнѣнья
Боятся помедлить у нашихъ дверей.

И въ небѣ высокомъ
Блистательнымъ окомъ
Астарта горитъ все свѣтлѣй и свѣтлѣй.
И къ ней обращаетъ прекрасная Лелли сіянье своихъ материнскихъ очей,
Всегда обращаетъ къ ней юная Лелли фіалки своихъ безмятежныхъ очей.

***

Недавно тотъ, кто пишетъ эти строки,
Предъ разумомъ безумно преклоняясь,
Провозглашалъ идею „силы словъ“,
Онъ отрицалъ, разъ навсегда, возможность,
Чтобъ въ разумѣ людскомъ возникла мысль
Внѣ выраженья языка людского:
И вотъ, какъ бы смѣясь надъ похвальбой,
Два слова—чужеземныхъ—полногласныхъ,
Два слова итальянскія, изъ звуковъ
Такихъ, что только ангеламъ шептать ихъ,
Когда они загрезятъ подъ луной,
„Среди росы, висящей надъ холмами
„Гермонскими, какъ цѣпь изъ жемчуговъ“,
Въ его глубокомъ сердцѣ пробудили
Какъ бы еще немысленныя мысли,
Что существуютъ лишь какъ души мыслей,
Богаче, о, богаче, и страннѣе,
Безумнѣй тѣхъ видѣній, что могли
Надѣяться возникнуть въ изъясненьи
На арфѣ серафима Израфеля,
(„Что межь созданій Бога такъ пѣвучъ“).

А я! Мнѣ измѣнили заклинанья.
Перо безсильно падаетъ изъ рукъ.
Съ твоимъ прекраснымъ именемъ, какъ съ мыслью,
Тобой мнѣ данной,—не могу писать,
Ни чувствовать--увы—не чувство это.
Недвижно такъ стою на золотомъ
Порогѣ, передъ замкомъ сновидѣній,
Раскрытымъ широко,—глядя въ смущеньи
На пышность раскрывающейся дали,
И съ трепетомъ встрѣчая, вправо, влѣво,
И вдоль всего далекаго пути,
Среди тумановъ, пурпуромъ согрѣтыхъ,
До самаго конца—*одну тебя.*

МОЕЙ МАТЕРИ.

(Къ мистриссъ Клеммъ, матери жены Эдгара По, Виргиніи).

Когда въ Раю, гдѣ дышитъ благодать,
Нездѣшнею любовію томимы,
Другъ другу нѣжно шепчутъ серафимы,
У нихъ нѣтъ словъ нѣжнѣй, чѣмъ слово Мать.

И потому-то пылко возлюбила
Моя душа тебя такъ звать всегда,
Ты больше мнѣ, чѣмъ мать, съ тѣхъ поръ когда
Виргинія навѣки опочила.

Моя родная мать мнѣ жизнь дала,
Но рано, слишкомъ рано умерла.
И я тебя какъ мать люблю,—но Боже!

Насколько ты мнѣ болѣе родна,
Настолько, какъ была моя жена
Моей душѣ — моей души дороже!

МОЛЧАНІЕ.

Есть свойства — существа безъ воплощенья,
Съ двойною жизнью: видимый ихъ ликъ —
Въ той сущности двоякой, чей родникъ —
Свѣтъ въ веществѣ, предметъ и отраженье.
Двойное есть *Молчанье* въ нашихъ дняхъ,
Душа и тѣло — берега и море.
Одно живетъ въ заброшенныхъ мѣстахъ,
Вчера травой поросшихъ; въ ясномъ взорѣ,
Глубокомъ, какъ прозрачная вода,
Оно хранитъ печаль воспоминанья,
Среди рыданій найденное знанье;
Его названье: „Больше Никогда".
Не бойся воплощеннаго Молчанья,
Ни для кого не скрыто въ немъ вреда.
Но если ты съ его столкнешься тѣнью,
(Эльфъ безъимянный, что живетъ всегда
Тамъ, гдѣ людского не было слѣда),
Тогда молись, ты обреченъ мученью!

ЗАНТЕ.

Прекрасный островъ! Лучшій изъ цвѣтковъ
Тебѣ свое далъ нѣжное названье.
Какъ много ослѣпительныхъ часовъ
Ты будишь въ глубинѣ воспоминанья!
Какъ много сновъ, чей умеръ яркій свѣтъ,
Какъ много думъ, надеждъ похороненыхъ!
Видѣній той, которой больше нѣтъ,
Нѣтъ больше на твоихъ зеленыхъ склонахъ!

Нѣтъ больше! скорбный звукъ, чье волшебство
Мѣняетъ все. За этой тишиною
Нѣтъ больше чаръ! Отнынѣ предо мною
Ты проклятъ средь расцвѣта своего!
О, гіацинтный островъ! Алый Занте!
„Isola d'oro! Fior di Levante!"

КЪ ОДНОЙ ИЗЪ ТѢХЪ, КОТОРЫЯ ВЪ РАЮ.

Въ тебѣ я видѣлъ счастье
Во всѣхъ моихъ скорбяхъ,
Какъ лучъ среди ненастья,
Какъ островъ на волнахъ,
Цвѣты, любовь, участье
Цвѣли въ твоихъ глазахъ.

Тотъ сонъ былъ слишкомъ нѣженъ,
И я разстался съ нимъ.
И черный мракъ безбреженъ.
Мнѣ шепчутъ Дни: „Спѣшимъ!“
Но духъ мой безнадеженъ,
Безмолвенъ, недвижимъ.

О, какъ туманна бездна
Навѣкъ погибшихъ дней!
И духъ мой безполезно
Лежитъ, дрожитъ надъ ней,
Лазурь небесъ беззвѣздна,
И нѣтъ, и нѣтъ огней.

Сады надеждъ безмолвны,
Имъ больше не цвѣсти,
Печально плещутъ волны
„Прости — прости — прости“,
Сады надеждъ безмолвны,
Мнѣ некуда идти.

И дни мои — томленье,
И ночью всѣ мечты
Изъ тьмы уединенья
Спѣшатъ туда, гдѣ — ты,
Воздушное видѣнье
Нездѣшней красоты!

Изъ всѣхъ, кому тебя увидѣть — утро,
Изъ всѣхъ, кому тебя не видѣть — ночь,
Полнѣйшее исчезновенье солнца,
Изъятаго изъ высоты Небесъ,—
Изъ всѣхъ, кто ежечасно, со слезами,
Тебя благословляетъ за надежду,
За жизнь, за то, что болѣе, чѣмъ жизнь,
За возрожденье вѣры схороненной,
Довѣрья къ Правдѣ, вѣры въ Человѣчность,—
Изъ всѣхъ, что, умирая, прилегли
На жесткій одръ Отчаянья нѣмого
И вдругъ вскочили, голосъ твой услышавъ,
Призывно-нѣжный зовъ: „Да будетъ свѣтъ!"
Призывно-нѣжный голосъ, воплощенный
Въ твоихъ глазахъ, о, свѣтлый серафимъ,—
Изъ всѣхъ, кто предъ тобою такъ обязанъ,
Что молятся они, благодаря,—
О, вспомяни того, кто всѣхъ вѣрнѣе,
Кто полонъ самой пламенной мольбой,
Подумай сердцемъ, это онъ взываетъ
И, создавая бѣглость этихъ строкъ,
Трепещетъ, сознавая, что душою
Онъ съ ангеломъ небеснымъ говоритъ.

СОНЪ ВО СНѢ.

Пусть останется съ тобой
Поцѣлуй прощальный мой!
Отъ тебя я ухожу,
И тебѣ теперь скажу:
Не ошиблась ты въ одномъ,—
Жизнь моя была лишь сномъ.
Но мечта, что сномъ жила,
Днемъ-ли, ночью-ли ушла,
Какъ видѣнье-ли, какъ свѣтъ,
Что́ мнѣ въ томъ,—ея ужь *нѣтъ*.
Все, что зрится, мнится мнѣ,
Все есть только сонъ во снѣ.

Я стою на берегу,
Бурю взоромъ стерегу.
И держу въ рукахъ своихъ
Горсть песчинокъ золотыхъ.
Какъ они ласкаютъ взглядъ!
Какъ ихъ мало! Какъ скользятъ
Всѣ—межъ пальцевъ—внизъ, къ волнѣ,
Къ глубинѣ—на горе мнѣ!

Какъ ихъ бѣгъ мнѣ задержать,
Какъ сильнѣе руки сжать?
Сохранится-ль хоть *одна*,
Или все возьметъ волна?
Или то, что зримо мнѣ,
Все есть только сонъ во снѣ?

Одинъ прохожу я свой путь безутѣшный,
Въ душѣ наростаетъ печаль;
Бѣгу, убѣгаю, въ тревогѣ поспѣшной,
И нѣтъ ни цвѣтка на дорогѣ, ведущей въ угрюмую даль.
Повсюду мученья;
Въ суровой пустынѣ, гдѣ дико кругомъ,
Одно утѣшенье,
Мечта о тебѣ, мое счастье, мнѣ свѣтитъ нетлѣннымъ лучомъ.

Мнѣ снятся волшебные сны — о тебѣ.
Не такъ-ли въ пучинѣ безвѣстной,
Надъ моремъ возносится островъ чудесный,
Бушуютъ свирѣпыя волны, кипятъ въ неустанной борьбѣ.
Но островъ не внемлетъ,
И будто не видитъ, что дико кругомъ,
И ласково дремлетъ,
И солнце его изъ-за тучи цѣлуетъ дрожащимъ лучомъ.

Я не скорблю, что мой земной удѣлъ
Земного мало зналъ самозабвенья,
Что сонъ любви давнишней отлетѣлъ
Передъ враждой единаго мгновенья.
Скорблю я не о томъ, что въ блескѣ дня
Меня счастливѣй нищій и убогій,
Но что жалѣешь *ты*, мой другъ, *меня*,
Идущаго пустынною дорогой.

КОЛИЗЕЙ.

Прообразъ Рима древняго! Святыня,
Роскошный знакъ высокихъ созерцаній,
Оставленный для Времени вѣками
Похороненной пышности и власти.
О, наконецъ, чрезъ столько-столько дней
Различныхъ странствій, жажды ненасытной,
(Той жажды, что искала родниковъ
Сокрытыхъ знаній, здѣсь, въ тебѣ лежащихъ),
Смиреннымъ измѣненнымъ человѣкомъ,
Склоняюсь я теперь передъ тобой,
Среди твоихъ тѣней, и упиваюсь,
Душой своей души, въ твоемъ величьи,
Въ твоей печали, пышности и славѣ.

Обширность! Древность! Память нѣкихъ дней!
Молчаніе! И Ночь! И Безутѣшность!
Я съ вами—я васъ вижу въ вашей славѣ—
О, чары, достовѣрнѣе тѣхъ чаръ,
Что были скрыты садомъ Геосиманскимъ,—
Властнѣй тѣхъ чаръ, что, съ тихихъ звѣздъ струясь,
Возникли надъ халдеемъ восхищеннымъ!

Гдѣ палъ герой, колонна упадаетъ!
Гдѣ вился золотой орелъ, тамъ въ полночь—
Сторожевой полетъ летучей мыши!
Гдѣ римскія матроны развѣвали
По вѣтру сѣть волосъ позолоченыхъ,
Теперь тамъ развѣваются волчцы!
Гдѣ, развалясь на золотомъ престолѣ,
Сидѣлъ монархъ, теперь, какъ привидѣнье,
Подъ сумрачнымъ лучомъ луны двурогой,
Въ свой каменистый домъ, храня молчанье,
Проскальзываетъ ящерица скалъ!

Но подожди! ужели эти стѣны—
И эти своды въ сѣткѣ изъ плюща—
И эти полустершіяся глыбы—
И эти почернѣвшіе столбы—
И призрачные эти архитравы—
И эти обвалившіяся фризы—
И этотъ мракъ—развалины—обломки—
И эти камни—горе! эти камни
Сѣдые—неужели это все,
Что ѣдкія Мгновенья пощадили
Изъ прежняго величія и славы,
Храня ихъ для Судьбы и для меня?

„Не все"—мнѣ вторятъ Отклики—„не все.
„Пророческіе звуки возникаютъ
„Навѣки, громкимъ голосомъ, изъ насъ,
„И отъ Развалинъ къ мудрому стремятся,
„Какъ звучный голосъ отъ Мемнона къ Солнцу.
„Мы властвуемъ сердцами самыхъ сильныхъ,
„Вліяніемъ своимъ самодержавнымъ
„Блюдемъ всѣ исполинскіе умы.
„Нѣтъ, не безсильны сумрачные камни.
„Не вся отъ насъ исчезла наша власть,

„Не вся волшебность свѣтлой нашей славы—
„Не всѣ насъ окружающія чары—
„Не всѣ въ насъ затаившіяся тайны—
„Не всѣ воспоминанья, что, надъ нами
„Замедливъ, облекли насъ навсегда
„Въ покровъ того, что болѣе, чѣмъ слава“.

ЭЛЬДОРАДО.

Между горъ и долинъ
Ѣдетъ рыцарь, одинъ,
Никого ему въ мірѣ не надо.
Онъ все ѣдетъ впередъ,
Онъ все пѣсню поетъ,
Онъ замыслилъ найти Эльдорадо.

Но, въ скитаньяхъ—одинъ,
Дожилъ онъ до сѣдинъ,
И погасла былая отрада.
Ѣздилъ рыцарь вездѣ,
Но не встрѣтилъ нигдѣ,
Не нашелъ онъ нигдѣ Эльдорадо.

И когда онъ усталъ,
Предъ скитальцемъ предсталъ
Странный призракъ — и шепчетъ: „Что надо?“
Тотчасъ рыцарь ему:
„Разскажи, не пойму,
„Укажи, гдѣ страна Эльдорадо?“

И отвѣтила Тѣнь:
„Гдѣ рождается день,
„Лунныхъ горъ гдѣ чуть зрима громада.
„Черезъ адъ, черезъ рай,
„Все впередъ поѣзжай,
„Если хочешь найти Эльдорадо!“

ЧЕРВЬ-ПОБѢДИТЕЛЬ.

Во тьмѣ безутѣшной — блистающій праздникъ
    Огнями волшебный театръ озаренъ.
Сидятъ серафимы, въ покровахъ, и плачутъ,
    И каждый печалью глубокой смущенъ.
Трепещутъ крылами и смотрятъ на сцену,
    Надежда и ужасъ проходятъ, какъ сонъ
И звуки оркестра въ тревогѣ вздыхаютъ,
    Заоблачной музыки слышится стонъ.

Имѣя подобіе Господа Бога,
    Снуютъ скоморохи туда и сюда;
Ничтожныя куклы, приходятъ, уходятъ,
    О чемъ-то бормочутъ, ворчатъ иногда;
Надъ ними нависли огромныя тѣни,
    Со сцены они не уйдутъ никуда,
И крыльями Кондора вѣютъ безшумно,
    Съ тѣхъ крыльевъ незримо слетаетъ — Бѣда!

Мишурныя лица! — Но знаешь, ты знаешь,
    Причудливой пьесѣ забвенія нѣтъ.
Безумцы за Призракомъ гонятся жадно,
    Но Призракъ скользитъ, какъ блуждающій свѣтъ;

Бѣжитъ онъ по кругу, чтобъ снова вернуться
Въ исходную точку, въ святилище бѣдъ;
И много Безумія въ драмѣ ужасной,
И Грѣхъ въ ней завязка, и Счастья въ ней нѣтъ.

Но что это тамъ? Между гаэровъ пестрыхъ
Какая-то красная форма ползетъ,
Оттуда, гдѣ сцена окутана мракомъ!
То червь,—скоморохамъ онъ гибель несетъ.
Онъ корчится!—корчится!—гнусною пастью
Испуганныхъ гаэровъ алчно грызетъ,
И ангелы стонутъ, и червь искаженный
Багряную кровь ненасытно сосетъ.

Потухли огни, догорѣло сіянье!
Надъ каждой фигурой, дрожащей, нѣмой,
Какъ саванъ зловѣщій, крутится завѣса,
И падаетъ внизъ, какъ порывъ грозовой—
И ангелы, съ мѣстъ поднимаясь, блѣднѣютъ,
Они утверждаютъ, объятые тьмой,
Что эта трагедія Жизнью зовется,
Что Червь-Побѣдитель—той драмы герой!

ЗАКОЛДОВАННЫЙ ЗАМОКЪ.

Въ самой зеленой изъ нашихъ долинъ,
Гдѣ обиталище духовъ добра,
Нѣкогда замокъ стоялъ властелинъ,
Кажется, высился только вчера.
Тамъ онъ вздымался, гдѣ Умъ молодой
Былъ самодержцемъ своимъ.
Нѣтъ, никогда надъ такой красотой
Не раскрывалъ своихъ крылъ Серафимъ!

Бились знамена, горя, какъ огни,
Какъ золотое сверкая руно.
(Все это было—въ минувшіе дни,
Все это было давно).
Полный воздушныхъ своихъ перемѣнъ,
Въ нѣжномъ сіяніи дня,
Вѣтеръ душистый вдоль призрачныхъ стѣнъ
Вился, крылатый, чуть слышно звеня.

Путники, странствуя въ области той,
Видѣли въ два огневыя окна
Духовъ, идущихъ пѣвучей четой,
Духовъ, которымъ звучала струна,

Вкругъ того трона, гдѣ высился онъ,
Багрянородный герой,
Славой, достойной его, окруженъ,
Царь надъ волшебною этой страной.

Вся въ жемчугахъ и рубинахъ была
Пышная дверь золотого дворца,
Въ дверь все плыла и плыла и плыла,
Искрясь, горя безъ конца,
Армія Откликовъ, долгъ чей святой
Былъ только—славить его,
Пѣть, съ поражающей слухъ красотой,
Мудрость и силу царя своего.

Но злыя созданья, въ одеждахъ печали,
Напали на дивную область царя.
(О, плачьте, о, плачьте! Надъ тѣмъ, кто въ опалѣ,
Ни завтра, ни послѣ не вспыхнетъ заря!).
И вкругъ его дома та слава, что прежде
Жила и цвѣла въ обаяньи лучей,
Живетъ лишь какъ стонъ панихиды надеждѣ,
Какъ память едва вспоминаемыхъ дней.

И путники видятъ, въ томъ краѣ туманномъ,
Сквозь окна, залитыя красною мглой,
Огромныя формы, въ движеніи странномъ,
Диктуемомъ дико-звучащей струной.
Межъ тѣмъ какъ, противныя, быстрой рѣкою,
Сквозь блѣдную дверь, за которой Бѣда,
Выносятся тѣни и шумной толпою,
Забывши улыбку, хохочутъ всегда.

ДОЛИНА ТРЕВОГИ.

Когда-то здѣсь былъ ясный долъ,
Откуда весь народъ ушелъ.
Онъ удалился на войну
И поручилъ свою страну
Вниманью звѣздъ сторожевыхъ,
Чтобъ ночью, съ башенъ голубыхъ,
Съ своей лазурной высоты,
Они глядѣли на цвѣты,
Среди которыхъ цѣлый день
Сверкала, медля, свѣтотѣнь.
Теперь же кто бы ни пришелъ,
Увидитъ, какъ встревоженъ долъ.
Нѣтъ безъ движенья ничего,
За исключеньемъ одного:
Лишь вѣтры дремлютъ пеленой
Надъ зачарованной страной.
Не вѣтромъ движутся стволы,
Что полны зыбью, какъ валы
Вокругъ Гебридскихъ островов.
И не движеніемъ вѣтровъ
Гонимы тучи здѣсь и тамъ,
По безпокойнымъ Небесамъ.
Съ утра до вечера, какъ дымъ,
Несутся съ шорохомъ глухимъ,

Надъ тьмой фіалокъ роковыхъ,
Что смотрятъ сонмомъ глазъ людскихъ,
Надъ снѣгомъ лилій, что, какъ сонъ,
Хранятъ могилы безъ именъ,
Хранятъ, и взоръ свой не смежатъ,
И вѣчно плачутъ и дрожатъ.
Съ ихъ ароматнаго цвѣтка
Бѣжитъ роса, бѣжитъ вѣка,
И слезы съ тонкихъ ихъ стеблей—
Какъ дождь сверкающихъ камней.

ГОРОДЪ НА МОРѢ.

Здѣсь Смерть себѣ воздвигла тронъ,
Здѣсь городъ, призрачный, какъ сонъ,
Стоитъ въ уединеньи странномъ,
Вдали, на Западѣ туманномъ,
Гдѣ добрый, злой, и лучшій, и злодѣй
Пріяли сонъ—забвеніе страстей.
Здѣсь храмы и дворцы и башни,
Изъѣденные силой дней,
Въ своей недвижности всегдашней,
Въ нагроможденности тѣней,
Ничѣмъ на наши не похожи.
Кругомъ, гдѣ вѣтеръ не дохнетъ,
Въ своемъ невозмутимомъ ложѣ,
Застыла гладь угрюмыхъ водъ.

Надъ этимъ городомъ печальнымъ,
Въ ночь безъисходную его,
Не вспыхнетъ лучъ на Небѣ дальномъ.
Лишь съ моря, тускло и мертво,
Вдоль башенъ блѣдный свѣтъ струится,
Межь капищъ, межь дворцовъ змѣится,
Вдоль стѣнъ, пронзившихъ небосклонъ,
Бѣгущихъ въ высь, какъ Вавилонъ,

Среди изваянныхъ бесѣдокъ,
Среди растеній изъ камней,
Среди видѣній бывшихъ дней,
Совсѣмъ забытыхъ напослѣдокъ,
Средь полныхъ смутной мглой бесѣдокъ,
Гдѣ сѣтью мраморной горятъ
Фіалки, плющъ и виноградъ.

Не отражая небосводъ,
Застыла гладь угрюмыхъ водъ.
И тѣни башенъ пали внизъ,
И тѣни съ башнями слились,
Какъ будто вдругъ, и тѣ, и тѣ,
Они повисли въ пустотѣ.
Межь тѣмъ какъ съ башни — мрачный видъ! —
Смерть исполинская глядитъ.

Зіяетъ сумракъ смутныхъ сновъ
Разверстыхъ капищъ и гробовъ,
Съ горящей, въ уровень, водой;
Но блескъ убранства золотой
На опочившихъ мертвецахъ,
И брилліанты, что звѣздой
Горятъ у идоловъ въ глазахъ,
Не могутъ выманить волны
Изъ этой водной тишины.
Хотя бы только зыбь прошла
По гладкой плоскости стекла,
Хотя бы вѣтеръ чуть дохнулъ
И дрожью влагу шевельнулъ.
Но нѣтъ намека, что вдали,
Тамъ, гдѣ-то, дышутъ корабли,
Намека нѣтъ на зыбь морей,
Не страшныхъ ясностью своей.

Но чу! Возникла дрожь въ волнѣ!
Пронесся ропотъ въ вышинѣ!
Какъ будто башни, вдругъ осѣвъ,
Разъяли въ морѣ сонный зѣвъ,—
Какъ будто ихъ верхи, впотьмахъ,
Пробѣлъ родили въ Небесахъ.
Краснѣе зыбь морскихъ валовъ,
Слабѣй дыханіе Часовъ.
И въ часъ, когда, стеня въ волнѣ,
Сойдетъ тотъ городъ къ глубинѣ,
Пріявъ его въ свою тюрьму,
Возстанетъ Адъ, качая тьму,
И весь поклонится ему.

СТРАНА СНОВЪ.

Дорогой темной, нелюдимой,
Лишь злыми духами хранимой,
Гдѣ нѣкій черный тронъ стоитъ,
Гдѣ нѣкій Идолъ, Ночь, царитъ,
До этихъ мѣстъ, въ недавній мигъ,
Изъ крайней Ѳуле я достигъ,
Изъ той страны, гдѣ вѣчно сны, гдѣ чаръ высокихъ постоянство,
Внѣ Времени — и внѣ Пространства.

Бездонныя долины, безбрежные потоки,
Провалы и пещеры, Гигантскіе лѣса,
Ихъ сумрачныя формы—какъ смутные намеки,
Никто не различитъ ихъ, на всемъ дрожитъ роса.
Возвышенныя горы, стремящіяся вѣчно
Обрушиться, сквозь воздухъ, въ моря безъ береговъ,
Теченія морскія, что жаждутъ безконечно
Взметнуться ввысь, къ пожару горящихъ облаковъ.
Озера, безпредѣльность просторовъ полноводныхъ,
Нѣмая безконечность пустынныхъ мертвыхъ водъ,
Затишье водъ пустынныхъ, безмолвныхъ и холодныхъ,
Со снѣгомъ спящихъ лилій, сомкнутыхъ въ хороводъ.

Близь озерныхъ затоновъ, межь далей полноводныхъ,
Близь этихъ одинокихъ печальныхъ мертвыхъ водъ,
Близь этихъ водъ пустынныхъ, печальныхъ и холодныхъ,
Со снѣгомъ спящихъ лилій, сомкнутыхъ въ хороводъ,—
Близь горъ,—близь рѣкъ, что вьются, какъ водныя аллеи,
И ропщутъ еле слышно, журчатъ—журчатъ всегда,—
Вблизи сѣдого лѣса,—вблизи болотъ, гдѣ змѣи,
Гдѣ только змѣи, жабы, и ржавая вода,—
Вблизи прудковъ зловѣщихъ и темныхъ ямъ съ водою,
Гдѣ притаились Вѣдьмы, что возлюбили мглу,—
Вблизи всѣхъ мѣстъ проклятыхъ, насыщенныхъ бѣдою,
О, въ самомъ нечестивомъ и горестномъ углу,—
Тамъ путникъ, ужаснувшись, встрѣчаетъ предъ собою
Закутанныя въ саванъ видѣнія тѣней,
Встающія внезапно воздушною толпою,
Воспоминанья бывшихъ невозвратимыхъ Дней.
Всѣ въ бѣлое одѣты, они проходятъ мимо,
И вздрогнутъ, и, вздохнувши, спѣшатъ къ сѣдымъ лѣсамъ,
Видѣнья отошедшихъ, что стали тѣнью дыма,
И преданы, съ рыданьемъ, Землѣ—и Небесамъ.

Для сердца, чьи страданья—столикая громада,
Для духа, что печалью и мглою окруженъ,
Здѣсь тихая обитель,—услада,—Эльдорадо,—
Лишь здѣсь изнеможенный съ собою примиренъ.
Но путникъ, проходящій по этимъ дивнымъ странамъ,
Не можетъ—и не смѣетъ открыто видѣть ихъ,
Ихъ таинства навѣки окутаны туманомъ,
Они полусокрыты отъ слабыхъ глазъ людскихъ.
Такъ хочетъ ихъ Властитель, навѣки возбранившій
Пріоткрывать рѣсницы и поднимать чело,
И каждый духъ печальный, въ предѣлы ихъ вступившій,
Ихъ можетъ только видѣть сквозь дымное стекло.

Дорогой темной, нелюдимой,
Лишь злыми духами хранимой,
Гдѣ нѣкій черный тронъ стоитъ,
Гдѣ нѣкій Идолъ, Ночь, царитъ,
Изъ крайнихъ мѣстъ, въ недавній мигъ,
Я дома своего достигъ.

ИЗРАФЕЛЬ.

..И ангелъ Израфель, струны сердца котораго—лютня, и у котораго изъ всѣхъ созданій Бога—сладчайшій голосъ.

Коранъ.

На Небѣ есть ангелъ, прекрасный,
И лютня въ груди у него.
Всѣхъ духовъ, пѣвучестью ясной,
Нѣжнѣй Израфель сладкогласный,
И, чарой охвачены властной,
Созвѣздья напѣвъ свой согласный
Смиряютъ, чтобъ слушать его.

Колеблясь въ истомѣ услады,
Пылаетъ любовью Луна.
Въ подъятіи высшемъ, она
Внимаетъ изъ мглы и прохлады.
И быстрыя медлятъ Плеяды;
Чтобъ слышать тотъ гимнъ въ Небесахъ,
Семь Звѣздъ улетающихъ рады
Сдержать быстролетный размахъ.

И шепчутъ созвѣздья, внимая,
И сонмы влюбленныхъ въ него,

Что пѣсня его огневая
Обязана лютнѣ его.
Поетъ онъ, на лютнѣ играя,
И струны живыя на ней,
И бьется та пѣсня живая
Среди необычныхъ огней.

Но ангелы дышатъ въ лазури,
Гдѣ мысли глубоки у всѣхъ;
Полна тамъ воздушныхъ утѣхъ
Любовь, возрощенная бурей;
И взоры лучистые Гурій
Исполнены той красотой,
Что чувствуемъ мы за звѣздой.

Итакъ, навсегда справедливо
Презрѣнье твое, Израфель,
Къ напѣвамъ, лишеннымъ порыва!
Для творчества страсть — колыбель.
Все стройно въ тебѣ и красиво,
Живи, и прими свой вѣнецъ,
О, лучшій, о, мудрый пѣвецъ!

Восторженность чувствъ изступленныхъ
Пылающимъ ритмамъ подстать.
Подъ музыку звуковъ, сплетенныхъ
Изъ думъ Израфеля безсонныхъ,
Подъ звонъ этихъ струнъ полнозвонныхъ
И звѣздамъ отрадно молчать.

Все Небо твое, все блаженство.
Нашъ міръ—міръ восторговъ и бѣдъ.
Расцвѣтъ нашъ есть только расцвѣтъ.
И тѣнь твоего совершенства
Для насъ ослѣпительный свѣтъ.

Когда Израфелемъ я былъ бы,
Когда Израфель былъ бы мной,
Онъ пѣсни такой не сложилъ бы
Безумной — печали земной.
И звуки, смѣлѣе, чѣмъ эти,
Значительнѣй въ звучномъ завѣтѣ,
Возникли бы, въ пламенномъ свѣтѣ,
Надъ всею небесной страной.

СКАЗКИ

МЕТЦЕНГЕРШТЕЙНЪ.

Pestis eram vivus—moriens tua mors ero [1]).

Martin Luther.

Ужасъ и фатальность бродили вездѣ во всѣ вѣка. Зачѣмъ же указывать время, къ которому относится мой разсказъ? Достаточно будетъ сказать, что тогда существовала въ глубинѣ Венгріи упорная, хотя и скрытая вѣра въ ученіе о Перевоплощеніи. О самомъ ученіи — т.-е. объ его ложности или о его вѣроятіи — я не говорю ничего. Я утверждаю, однако, что нашъ скептицизмъ (какъ, по словамъ. Лябрюйера, и все наше несчастіе) въ значительной степени *„vient de ne pouvoir être seuls"* (происходитъ отъ того, что мы не можемъ быть одни) [2]).

Но въ суевѣріи Венгерцевъ были нѣкоторые пункты, почти приводившіе къ абсурду. Жители Венгріи весьма существенно отличались отъ авторитетовъ Востока. Напри-

---

[1]) При жизни былъ для тебя чумой — умирая, буду твоей смертью.

[2]) Мерсье, въ „L'an deux mille quatre cent quarante", серьезно поддерживаетъ ученіе о Перевоплощеніи. І. Д. Израэли говоритъ, что „нѣтъ системы болѣе простой и менѣе противорѣчащей разуму". Полковникъ Эсенъ Алленъ, „Green Mountain Boy". также считается серьезнымъ сторонникомъ ученія о Перевоплощеніи.

мѣръ—*„Душа“*, говорили венгерцы—я цитирую слова умнаго и остраго Парижанина—*„ne demeure qu'une seule fois dans un corps sensible. Ainsi — un cheval, un chien, un homme même, ne sont que la ressemblance illusoire de ces êtres“* (Душа живетъ только однажды въ тѣлѣ, одаренномъ чувствительностью. Такимъ образомъ лошадь, собака, даже человѣкъ являются ничѣмъ инымъ, какъ обманчивымъ подобіемъ этихъ существъ).

Фамиліи Берлифитцинга и Метценгерштейна враждовали между собой въ теченіи столѣтій. Никогда раньше не было двухъ домовъ такихъ знаменитыхъ и взаимно проникнутыхъ ненавистью такой смертельной. Начало этой вражды, повидимому, было обусловлено словами древняго пророчества—„Высокое имя потерпитъ страшное паденіе, когда, какъ всадникъ надъ своей лошадью, смертность Метценгерштейна будетъ торжествовать надъ безсмертіемъ Берлифитцинга.“

Конечно, эти слова сами по себѣ имѣли мало смысла, если только въ нихъ есть смыслъ. Но еще болѣе тривіальныя причины обусловили — и не такъ давно — послѣдствія въ равной мѣрѣ богатыя событіями. Кромѣ того, между этими владѣніями, которыя были смежными, давно существовало соперничество въ сферѣ вліянія на хлопотливое правительство. Затѣмъ, близкіе сосѣди рѣдко бываютъ друзьями; а обитатели Замка Берлифитцингъ могли смотрѣть съ своихъ высокихъ башенъ въ самыя окна Дворца Метценгерштейнъ. Наконецъ, пышность, болѣе чѣмъ феодальная, менѣе всего была способна смягчить раздраженіе Берлифитцинговъ, не столь родовитыхъ и не столь богатыхъ. Что же удивительнаго, что слова предсказанія, хотя бы и лишенныя смысла, сумѣли вызвать и были способны поддерживать вражду между двумя фамиліями, уже предрасположенными къ ссорѣ, благодаря всяческимъ подстрекательствамъ родового соперничества? Пророчество, повидимому, указывало, если оно могло только на что-нибудь

указывать, на окончательное торжество дома, уже и теперь болѣе могущественнаго; и, конечно, соперникъ болѣе слабый и менѣе влiятельный вспоминалъ объ этихъ словахъ съ чувствомъ самой острой вражды.

Вильгельмъ, Графъ Берлифитцингъ, хотя и происходившiй отъ благородныхъ предковъ, былъ въ эпоху этого повѣствованiя недужнымъ и выжившимъ изъ ума старикомъ, ничѣмъ не замѣчательнымъ, кромѣ необузданной закоренѣлой фамильной антипатiи къ сопернику и такой страстной любви къ лошадямъ и къ охотѣ, что ни физическое нездоровье, ни преклонный возрастъ, ни слабоумiе не удерживали его отъ ежедневнаго занятiя этимъ спортомъ.

Что касается Фредерика, Барона Метценгерштейна, онъ былъ еще не старъ. Его отецъ, Министръ Г—, умеръ молодымъ. Его мать, Леди Мэри, быстро послѣдовала за своимъ мужемъ. Фредерику шелъ въ это время восемнадцатый годъ. Въ городѣ восемнадцать лѣтъ не Богъ вѣсть какой возрастъ, но въ глуши — въ великолѣпной глуши такого стариннаго помѣстья—колебанiя маятника исполнены болѣе глубокаго значенiя.

Благодаря нѣкоторымъ особеннымъ обстоятельствамъ, исходившимъ изъ распоряженiй его отца, молодой Баронъ тотчасъ же послѣ его смерти вступилъ во владѣнiе обширными богатствами. Не часто находились въ прежнее время въ рукахъ одного венгерскаго дворянина такiя громадныя помѣстья. Его замкамъ не было числа. Всего болѣе выдѣлялся изъ нихъ по своимъ размѣрамъ и пышности „Дворецъ Метценгерштейнъ". Пограничная линiя его владѣнiй никогда въ точности не была опредѣлена, но главный его паркъ имѣлъ въ окружности пятьдесятъ миль.

При наслѣдованiи такого несравненнаго богатства собственникомъ такимъ молодымъ, и съ характеромъ такимъ извѣстнымъ, мало оставалось мѣста для догадокъ относительно вѣроятнаго теченiя событiй. И дѣйствительно, въ продолженiе трехъ дней поведенiе юнаго наслѣдника да-

леко превзошло ожиданія самыхъ пламенныхъ его поклонниковъ.

Позорное безпутство — вопіющее предательство — неслыханныя жестокости — быстро дали понять трепещущимъ вассаламъ, что никакое рабское подчиненіе съ ихъ стороны, — никакіе уколы совѣсти съ его — не будутъ отнынѣ обезпечивать ихъ отъ безцеремонныхъ посягательствъ маленькаго Калигулы. На четвертый день, ночью, конюшни въ Замкѣ Берлифитцингъ были объяты пламенемъ: всѣ сосѣди единогласно приписали пожаръ злодѣйскимъ замысламъ Барона, отвратительное коварство котораго уже сказалось въ разныхъ чудовищныхъ дѣяніяхъ.

Но въ то время какъ происходила суматоха, вызванная пожаромъ, самъ молодой владѣтель, повидимому погруженный въ глубокія размышленія, сидѣлъ въ одномъ изъ обширныхъ и пустынныхъ верхнихъ покоевъ фамильнаго Дворца Метценгерштейнъ. Богатая, хотя и поблекшая, обивка, угрюмо висѣвшая на стѣнахъ, изображала призрачныя и величественныя фигуры множества знаменитыхъ предковъ. *Здѣсь* священники и высшія духовныя особы, разукрашенныя горностаями, сидятъ запросто съ самодержцемъ и сувереномъ, кладутъ veto на желаніе мірского короля, или воздерживаютъ посредствомъ fiat папскаго верховенства мятежническіе замыслы Архидьявола. *Тамъ* высокія стройныя фигуры Князей Метценгерштейновъ — ихъ мускулистые боевые кони, попирающіе трупы павшихъ враговъ — заставляли трепетать самые сильные нервы своей могучей выразительностью; и *здѣсь* опять сладострастныя фигуры дамъ давно прошедшихъ дней, точно бѣлоснѣжные лебеди, проплывали въ лабиринтѣ фантастическихъ танцевъ подъ струны воображаемой музыки.

Но въ то время какъ Баронъ съ дѣйствительнымъ или притворнымъ вниманіемъ слушалъ постепенно возроставшую суматоху въ конюшняхъ Берлифитцинга — или быть можетъ обдумывалъ еще болѣе новое, еще болѣе рѣшитель-

ное дѣяніе дерзости и своевольства—его глаза безотчетно устремились на фигуру громадной лошади, которая, отличаясь неестественной окраской, была изображена на обивкѣ, какъ принадлежащая Сарацинскому предку враждебной фамиліи. Сама лошадь на переднемъ фонѣ рисунка стояла неподвижно, наподобіе статуи—между тѣмъ какъ значительно дальше, назади, сброшенный всадникъ погибалъ подъ рапирой одного изъ Метценгерштейновъ.

Дьявольская улыбка заиграла на губахъ у Фредерика, когда онъ замѣтилъ направленіе, въ которомъ, независимо отъ его воли, устремился его взглядъ. Но онъ не отвелъ своихъ глазъ въ сторону. Напротивъ, онъ никакъ не могъ объяснить ту непобѣдимую тревогу, которая налегла на его чувства, какъ саванъ. Лишь послѣ усилій онъ могъ примирить свои смутныя и безсвязныя ощущенія съ увѣренностью, что онъ не спитъ. Чѣмъ дольше онъ смотрѣлъ, тѣмъ болѣе онъ погружался въ чары—тѣмъ невозможнѣе казалось ему оторвать свой взоръ отъ картины, заворожившей его. Но шумъ снаружи внезапно выросъ до громадныхъ размѣровъ, и онъ, сдѣлавъ надъ собою напряженное усиліе, обратилъ вниманіе на блескъ ослѣпительнаго краснаго свѣта, отброшеннаго отъ пылающихъ конюшенъ на окна замка.

Это, однако, продолжалось не болѣе секунды; взоры Фредерика механически возвратились къ стѣнѣ. Къ его крайнему ужасу и изумленію голова гигантской лошади перемѣнила за это время свое положеніе. Шея животнаго, раньше какъ бы съ жалостью согнутая дугой надъ распростертымъ тѣломъ господина, была теперь вытянута во всю длину по направленію къ Барону. Глаза, до этого невидимые, теперь были полны энергическаго и совершенно человѣческаго выраженія, причемъ они блистали необыкновенно краснымъ пылающимъ огнемъ; и растянутыя губы видимо взбѣшенной лошади выставляли совершенно наружу ея отвратительные зубы, зубы скелета.

Пораженный ужасомъ, молодой Баронъ невѣрной походкой направился къ двери. Когда онъ открывалъ ее, полоса краснаго свѣта, ворвавшись въ комнату, отбросила его отчетливую тѣнь на колеблющуюся обивку; и онъ содрогнулся, увидѣвъ, что тѣнь—въ то самое время какъ онъ зашатался на порогѣ—приняла неподвижное положеніе, и какъ разъ наполнила контуры неумолимаго и торжествующаго убійцы, поражавшаго Сарацина Берлифитцинга.

Чтобы усмирить свое смятеніе, Баронъ ринулся на дворъ. У главныхъ воротъ дворца онъ встрѣтилъ трехъ конюховъ. Съ большими усиліями, и съ опасностью для собственной жизни, они удерживали гигантскую огненнаго цвѣта лошадь, которая бѣшено билась.

„Чья лошадь? откуда вы ее взяли?“ спросилъ Фредерикъ придирчивымъ и грубымъ тономъ, тотчасъ же увидавъ, что таинственная лошадь, изображенная на обивкѣ, являлась совершеннымъ двойникомъ лошади, бѣсившейся передъ нимъ.

„Это ваша собственность“, отвѣтилъ одинъ изъ конюховъ, „по крайней мѣрѣ никто не заявляетъ претензій на нее. Мы ее поймали на всемъ бѣгу, она вся была покрыта пѣной, и дымилась въ бѣшенствѣ, и бѣжала изъ горящихъ конюшенъ Замка Берлифитцингъ. Мы думали, что это—одна изъ выводныхъ лошадей стараго Графа, и хотѣли отвести ее назадъ. Но тамошніе грумы наотрѣзъ отказались отъ нея, что̀ очень странно, такъ какъ на ней очевидные знаки того, что она убѣжала изъ самаго огня“.

„Кромѣ того, на лбу у нея совершенно явственно видиѣются буквы В. Ф. Б.“ вмѣшался второй конюхъ, „я думаю, что это, конечно, начальныя буквы Вильгельма Фонъ Берлифитцинга—но всѣ въ замкѣ рѣшительно говорятъ, что она знать не знаютъ этой лошади“.

„Очень странно!“ задумчиво сказалъ молодой Баронъ, и, повидимому, самъ не сознавалъ, что̀ онъ хотѣлъ сказать этими словами. „Вы говорите, что это замѣчательная

лошадь—что это чудо, а не лошадь! Однако, какъ можно видѣть, съ ней довольно трудно справиться; впрочемъ, пусть она будетъ моей“, прибавилъ онъ послѣ нѣкоторой паузы, „быть можетъ, такой ѣздокъ, какъ Фредерикъ Метценгерштейнъ, сумѣетъ укротить самого дьявола изъ конюшенъ Берлифитцинга“.

„Вы ошибаетесь, господинъ мой, лошадь, какъ мы, кажется, упоминали, *не* принадлежитъ къ конскому заводу Графа. Если бы она была изъ его конюшенъ, развѣ мы бы осмѣлились привести ее предъ лицо владѣтеля, носящаго ваше имя.“

„Хорошо!“ сухо замѣтилъ Баронъ, и въ то же самое мгновеніе изъ дворца поспѣшными шагами прибѣжалъ пажъ, весь раскраснѣвшійся. Онъ прошепталъ на ухо своему господину о внезапномъ исчезновеніи небольшого куска обивки въ одной изъ комнатъ; тутъ онъ принялся описывать точныя подробности; но онъ настолько понизилъ голосъ, что у него не вырвалось ни одного слова, которое могло бы успокоить возбужденное любопытство конюховъ.

Молодой Фредерикъ въ теченіи этого разговора казался взволнованнымъ и объятымъ самыми разнообразными ощущеніями. Вскорѣ, однако, къ нему вернулось его хладнокровіе, и упорное злорадство запечатлѣлось на его лицѣ, когда онъ отдалъ категорическое приказаніе немедленно же запереть упомянутую комнату, и ключъ принести ему.

„Ваша милость изволили слышать о несчастной смерти стараго охотника Берлифитцинга?“ спросилъ Барона одинъ изъ его вассаловъ, между тѣмъ какъ по удаленіи пажа гигантская лошадь, которую благородный владѣтель присвоилъ себѣ, начала съ удвоеннымъ бѣшенствомъ биться и скакать по длинной аллеѣ, шедшей отъ дворца къ конюшнямъ Метценгерштейна.

„Нѣтъ!“ возразилъ Баронъ, рѣзко поворачиваясь къ говорящему, „умеръ, говорите вы?“

„Точно такъ; и для вашей милости, вѣроятно, это неслишкомъ нежеланная новость!“

Быстрая улыбка скользнула по лицу Фредерика.

„Какъ онъ умеръ?“

„Онъ бросился спасать своихъ любимыхъ лошадей, и въ это время самъ погибъ въ огнѣ“.

„Дѣй-стви-тель-но!“ воскликнулъ Баронъ, какъ будто бы правда какой-то возбуждающей мысли лишь мало-по-малу производила на него впечатлѣніе.

„Дѣйствительно!“ повторилъ вассалъ.

„Ужасно!“ спокойно проговорилъ юноша, и, хладнокровно повернувшись, пошелъ въ замокъ.

Съ этого времени замѣтная перемѣна произошла во внѣшнемъ поведеніи распутнаго Барона Фредерика Фонъ Метценгерштейна. На самомъ дѣлѣ, своими поступками онъ обманулъ ожиданія всѣхъ и разбилъ планы многихъ хитроумныхъ мамашъ; при этомъ его привычки и манеры еще менѣе, чѣмъ прежде, выказывали какое-либо сродство съ нравами сосѣдней аристократіи. Онъ больше никогда не показывался за предѣлами своихъ собственныхъ владѣній, и во всемъ обширномъ мірѣ, соединенномъ узами общежитія, у него не было рѣшительно ни одного товарища — если только эта противоестественная необузданная лошадь огненнаго цвѣта, на которой съ тѣхъ поръ онъ постоянно скакалъ, не имѣла какого-нибудь таинственнаго права на названіе его друга.

Тѣмъ не менѣе, въ теченіи долгаго времени, со стороны сосѣдей къ нему періодически поступали многочисленныя приглашенія. „Не пожелаетъ-ли Баронъ удостоить своимъ присутствіемъ наши празднества?“ „Не пожелаетъ-ли Баронъ принять участіе въ охотѣ на вепря?“ — „Метценгерштейнъ не охотится;“ „Метценгерштейнъ не будетъ,“ таковы были его лаконичные и высокомѣрные отвѣты.

Эти неоднократныя оскорбленія не могли быть терпимы со стороны надменной знати. Приглашенія стали менѣе сердечными, менѣе частыми; съ теченіемъ времени они прекратились совершенно. Вдова несчастнаго Графа Берли-

фитцинга, въ присутствіи слушателей, выразила даже надежду, „что Баронъ, быть можетъ, сидитъ дома, когда и не расположенъ быть дома, разъ онъ презрѣлъ общество себѣ равныхъ; что онъ ѣздитъ верхомъ, когда и не желаетъ ѣздить, разъ онъ отдалъ предпочтеніе обществу лошади“. Конечно это была весьма глупая вспышка наслѣдственнаго чувства оскорбленности, и она только доказывала, какъ своеобразно безсмысленны бываютъ наши выраженія, когда мы хотимъ быть необыкновенно энергичными.

Лица благожелательныя, однако же, приписывали перемѣну въ поведеніи молодого Барона естественной скорби сына о безвременной утратѣ родителей,—забывая его жестокое и беззастѣнчивое поведеніе въ теченіи краткаго періода, послѣдовавшаго непосредственно за этой утратой. Были и такіе, которые дѣлали предположенія, что тутъ замѣшано преувеличенное представленіе о личномъ значеніи и личномъ достоинствѣ. Были и такіе, (среди нихъ нужно упомянуть фамильнаго врача), которые не колебались указывать на болѣзненную меланхолію и наслѣдственное нездоровье, по поводу чего среди толпы существовали темные намеки весьма двусмысленнаго свойства.

Дѣйствительно, извращенная привязанность Барона къ недавно пріобрѣтенному коню—привязанность, достигавшая, повидимому, новой силы послѣ каждаго новаго проявленія свирѣпыхъ и демонскихъ наклонностей животнаго—въ концѣ концовъ сдѣлалась, въ глазахъ всѣхъ здравомыслящихъ людей, отвратительной и неестественной страстью. Въ блескѣ полдня—въ мертвый часъ ночи — былъ-ли онъ здоровъ, былъ-ли онъ боленъ—въ ясную погоду и въ бурю—молодой Метценгерштейнъ, сидя на сѣдлѣ, казался прикованнымъ къ этой колоссальной лошади, неукротимая дерзновенность которой такъ хорошо согласовалась съ его собственнымъ духомъ.

Были, кромѣ того, обстоятельства, которыя, сочетаясь съ послѣдними событіями, придавали неземной и зловѣщій

характеръ маніи всадника и способностямъ коня. Пространство, захваченное однимъ прыжкомъ, было въ точности смѣрено, и до изумительной степени превзошло самыя безумныя ожиданія людей наиболѣе изобрѣтательныхъ. Притомъ, у Барона не было никакого особеннаго *имени* для этого животнаго, хотя всѣ остальныя, имъ собранныя, отличались характерными прозвищами. Да и конюшня, ему отведенная, находилась на извѣстномъ разстояніи отъ остальныхъ; что же касается обязанностей конюха и другихъ необходимыхъ заботъ, никто, кромѣ самого собственника, не рѣшался исполнять ихъ, или хотя бы входить въ загородкуособенцаго стойла этой лошади. Слѣдуетъ также замѣтить, что, хотя тремъ грумамъ, поймавшимъ лошадь, когда она убѣгала отъ пожара въ Замкѣ Берлифитцингъ, удалось остановить ея бѣгъ съ помощью узды съ цѣпью и петли—тѣмъ не менѣе ни одинъ изъ трехъ не могъ бы съ увѣренностью утверждать, что во время этой опасной борьбы, или когда-нибудь послѣ, ему дѣйствительно удалось положить руку на тѣло звѣря. Примѣры особенной разумности въ ухваткахъ горячей и породистой лошади не могутъ вызывать излишняго вниманія, но тутъ были особыя обстоятельства, которыя неотступно бросались въ глаза людямъ наиболѣе скептическимъ и равнодушнымъ; и говорили, что иногда животное заставляло изумленную толпу, стоявшую вокругъ, отступать съ ужасомъ передъ глубокимъ и поразительнымъ значеніемъ его страшной печати—иногда молодой Метценгерштейнъ блѣднѣлъ и отшатывался передъ быстрымъ испытующимъ выраженіемъ его строгихъ и человѣчески глядящихъ глазъ.

Однако, изъ всей свиты Барона не было никого, кто усомнился бы въ пламенности этой необыкновенной привязанности молодого владѣтеля къ исключительнымъ свойствамъ его пылкой лошади; никого, кромѣ незначительнаго и невзрачнаго маленькаго пажа, уродство котораго бросалось въ глаза каждому, и мнѣнія котораго вовсе не имѣли вѣса.

Онъ (если объ его мысляхъ стоитъ вообще упоминать) имѣлъ наглость утверждать, что господинъ его никогда не садился въ сѣдло безъ того, чтобы не испытать какой-то необъяснимый и почти незамѣтный трепетъ; и что, при возвращеніи съ каждой продолжительной и обычной скачки, выраженіе торжествующаго злорадства искажало каждый мускулъ его лица.

Въ одну бурную ночь, пробудившись отъ тяжелаго сна, Метценгерштейнъ, какъ маніакъ, вышелъ изъ своей комнаты, и, сѣвши второпяхъ на лошадь, поскакалъ прочь, среди лѣсного лабиринта. Обстоятельство столь обычное не возбудило никакого особеннаго вниманія, но съ чувствомъ самой напряженной тревоги слуги ждали его возвращенія, когда, послѣ нѣсколькихъ часовъ его отсутствія, величественныя и огромныя зданія Дворца Метценгерштейнъ затрещали и закачались до самаго основанія подъ дѣйствіемъ густой и синевато-багровой массы неукротимаго огня.

Такъ какъ пламя, когда его замѣтили впервые, сдѣлало уже такія страшныя опустошенія, что всѣ усилія спасти хотя бы часть зданія были очевидно безплодны, всѣ окрестные жители, охваченные изумленіемъ, стояли недвигаясь, въ молчаливомъ, пожалуй, даже въ равнодушномъ удивленіи. Но вскорѣ нѣчто новое и страшное приковало къ себѣ вниманіе столпившагося множества, и доказало, насколько возбужденіе, вызываемое въ чувствахъ толпы созерцаніемъ человѣческой агоніи, сильнѣе волненія, возбуждаемаго самыми страшными зрѣлищами неодушевленной матеріи.

Въ глубинѣ длинной аллеи изъ вѣковыхъ дубовъ, которая вела изъ лѣса къ главному входу во Дворецъ Метценгерштейнъ, появился конь, мчавшій всадника, безъ шляпы и въ безпорядочномъ костюмѣ, съ стремительнымъ бѣшенствомъ, превосходившимъ самого Демона Бури.

Не было сомнѣнія, что всадникъ не могъ обуздать эту скачку. Агонія его лица, судорожное бореніе всего его тѣла, указывали съ очевидностью на сверхчеловѣческія

усилія; но, кромѣ одного одинокаго крика, ни звука не сорвалось съ его истерзанныхъ губъ, которыя насквозь были прокушены въ напряженности ужаса. Мгновеніе — и топотъ копытъ рѣзко и жестко прозвучалъ, выдѣляясь изъ рева огней и крика вѣтровъ—еще мгновеніе, и, перескочивъ однимъ прыжкомъ входныя ворота и ровъ, конь вскочилъ на колеблющуюся лѣстницу дворца и вмѣстѣ съ своимъ всадникомъ исчезъ въ вихрѣ хаотическаго пламени.

Бѣшенство бури немедленно умерло, и внезапно настало мертвое затишье. Бѣлое пламя еще продолжало окутывать зданіе, какъ саванъ, и, потокомъ стремясь въ спокойную атмосферу, вскинуло ослѣпительный блескъ сверхъестественнаго свѣта; между тѣмъ какъ облако дыма тяжело насѣло надъ зубцами зданія въ видѣ явственной колоссальной фигуры—*лошади.*

СКАЗКА ИЗВИЛИСТЫХЪ ГОРЪ.

Въ концѣ 1827 года, во время моего пребыванія близь Шарлоттесвилля, въ Виргиніи, я случайно познакомился съ Мистеромъ Августомъ Бэдло (Bedloe). Этотъ молодой джентльменъ былъ достопримѣчателенъ во всѣхъ отношеніяхъ и возбуждалъ во мнѣ глубокій интересъ и любопытство. Я считалъ невозможнымъ понять ни его моральное, ни его физическое состояніе. О его происхожденіи я не могъ получить никакихъ удовлетворительныхъ свѣдѣній. Откуда онъ прибылъ, я никогда не могъ узнать. Даже касательно его возраста — хоть я и назвалъ его молодымъ джентльменомъ — я долженъ сказать, что было въ немъ что-то, весьма меня смущавшее. Конечно, онъ *казался* молодымъ — и онъ даже особенно охотно говорилъ о своемъ молодомъ возрастѣ — случались, однако, моменты, когда для меня не было никакихъ затрудненій представить, что ему лѣтъ сто. Но ни въ какомъ отношеніи не былъ онъ столь особеннымъ, какъ въ своей наружности. Онъ былъ необыкновенно высокъ и тонокъ. Очень сутуловатъ. Ноги у него были необыкновенно длинныя и исхудалыя. Лобъ широкій и низкій. Лицо совершенно безкровное. Ротъ большой и подвижный, а зубы, хотя и здоровые, но такіе неровные, что подобныхъ зубовъ я никогда раньше не видалъ въ человѣческихъ челюстяхъ. Улыбка

его, однако, отнюдь не была непріятной, какъ можно было бы предположить; она только никогда не мѣнялась въ выраженіи. Это была улыбка глубокой печали—безперемѣнной и безпрерывной мрачности. Глаза у него были ненормально большіе и круглые, какъ у кошки. И самые зрачки, при усиленіи или уменьшеніи свѣта, сокращались и расширялись именно такъ, какъ мы это наблюдаемъ у представителей кошачьей породы. Въ минуты возбужденія они дѣлались блестящими до неправдоподобности; отъ нихъ исходили блистательные лучи какъ бы не отраженнаго, а внутренняго свѣта, какъ это бываетъ со свѣчой или солнцемъ; но въ своемъ обыкновенномъ состояніи они были такими тусклыми, тупыми, и настолько закрытыми пеленой, что возбуждали представленіе о глазахъ давно зарытаго трупа.

Эти внѣшнія особенности причиняли ему, повидимому, много непріятностей, и онъ постоянно намекалъ на нихъ, въ тонѣ наполовину изъяснительномъ, наполовину оправдательномъ, что̀ въ первый разъ, когда я его услыхалъ, произвело на меня крайне тягостное впечатлѣніе. Вскорѣ, однако, я къ этому привыкъ, и ощущеніе неловкости исчезло. Повидимому, его намѣреніемъ было не столько прямо заявить, сколько дать почувствовать, что физически онъ не всегда былъ тѣмъ, чѣмъ сталъ—что долгій рядъ невралгическихъ припадковъ низвелъ его отъ болѣе чѣмъ обычной красоты до того состоянія, въ которомъ я его увидѣлъ. Въ теченіи многихъ лѣтъ его лѣчилъ врачъ по имени Темпльтонъ — старикъ, лѣтъ быть можетъ семидесяти—онъ встрѣтилъ его впервые въ Саратогѣ, и получилъ отъ него, или вообразилъ себѣ, что получилъ отъ него, значительное облегченіе. Въ результатѣ Бэдло, бывшій человѣкомъ состоятельнымъ, договорился съ Докторомъ Темпльтономъ, что этотъ послѣдній, ежегодно получая щедрое вознагражденіе, будетъ посвящать свое время и свои медицинскія познанія исключительнымъ заботамъ о немъ.

Докторъ Темпльтонъ въ юности много путешествовалъ, и во время пребыванія въ Парижѣ въ значительной степени сдѣлался приверженцемъ доктринъ Месмера. Острыя боли своего паціента ему удалось смягчить исключительно съ помощью магнетизма; и успѣхъ этотъ естественно внушилъ больному извѣстную вѣру въ тѣ идеи, изъ которыхъ выводились средства врачеванія. Докторъ, однако, какъ всѣ энтузіасты, дѣлалъ всѣ усилія, чтобы совершенно обратить своего ученика, и, въ концѣ концовъ, это ему удалось настолько, что онъ убѣдилъ больного подвергнуться многочисленнымъ опытамъ. — Частымъ ихъ повтореніемъ былъ обусловленъ результатъ, за послѣднее время сдѣлавшійся столь обычнымъ, что онъ уже почти не обращаетъ на себя вниманія, но въ тотъ періодъ, къ которому относится мой разсказъ, бывшій большою рѣдкостью въ Америкѣ. Я хочу сказать, что между Докторомъ Темпльтономъ и Бэдло мало-по-малу возникло вполнѣ отчетливое и сильно выраженное магнетическое *соотношеніе*. Не буду, однако, утверждать, чтобы это *соотношеніе* выходило за предѣлы простой усыпляющей силы; но эта сила достигла большой напряженности. При первой попыткѣ вызвать магнетическую дремоту, месмеристъ потерпѣлъ полный неуспѣхъ. При пятой или шестой успѣхъ былъ крайне частичнымъ, и получился лишь послѣ долгихъ усилій. Только при двѣнадцатой попыткѣ успѣхъ былъ полный. Послѣ этого воля паціента быстро подчинилась волѣ врача, такъ что, когда я впервые познакомился съ обоими, сонъ вызывался почти мгновенно, силою простого хотѣнія со стороны оперирующаго, если больной даже и не зналъ о его присутствіи. Только теперь, въ 1845 году, когда подобныя чудеса подтверждаются ежедневными свидѣтельствами тысячъ людей, дерзаю я разсказывать объ этой видимой невозможности, какъ о серьезномъ фактѣ.

Темпераментъ у Бэдло былъ въ высшей степени впечатлительный, возбудимый, и склонный къ энтузіазму. Во-

ображеніе его было необыкновенно сильнымъ и творческимъ; и нѣтъ сомнѣнія, что оно пріобрѣтало дополнительную силу, благодаря постоянному употребленію морфія, который онъ принималъ въ большомъ количествѣ, и безъ котораго онъ, казалось, не могъ бы существовать. Онъ имѣлъ обыкновеніе принимать большую дозу тотчасъ послѣ завтрака, каждое утро — или вѣрнѣе тотчасъ вслѣдъ за чашкой крѣпкаго кофе, такъ какъ до полудня онъ ничего не ѣлъ — послѣ этого онъ отправлялся одинъ, или же въ сопровожденіи лишь собаки, на долгую прогулку среди фантастическихъ и угрюмыхъ холмовъ, что лежатъ на западъ и на югъ отъ Шарлоттесвилля и носятъ наименованіе Извилистыхъ Горъ.

Въ одинъ тусклый теплый туманный день, на исходѣ ноября, во время того страннаго *междуцарствія* во временахъ года, которое называется въ Америкѣ Индійскимъ Лѣтомъ, Мистеръ Бэдло, по обыкновенію, отправился къ холмамъ. День прошелъ, а онъ не вернулся.

Часовъ около восьми вечера, серьезно обезпокоенные такимъ долгимъ его отсутствіемъ, мы уже собирались отправиться на поиски, какъ вдругъ онъ появился передъ нами, и состояніе его здоровья было такое же, какъ всегда, но онъ былъ возбужденъ болѣе обыкновеннаго. То, что онъ разсказалъ о своихъ странствіяхъ, и о событіяхъ, его удержавшихъ, было на самомъ дѣлѣ достопримѣчательно.

„Какъ вы помните“, началъ онъ, „я ушелъ изъ Шарлоттесвилля часовъ въ девять утра. Я тотчасъ же отправился къ горамъ, и часовъ около десяти вошелъ въ ущелье, совершенно для меня новое. Я шелъ по изгибамъ этой стремнины съ самымъ живымъ интересомъ. Сцена, представшая передо мной со всѣхъ сторонъ, хотя врядъ ли могла быть названа величественной, имѣла въ себѣ что-то неописуемое, и, для меня, плѣнительно-угрюмое. Мѣстность казалась безусловно дѣвственной. Я не могъ отрѣшиться отъ мысли, что до зеленаго дерна и до сѣрыхъ утесовъ, по кото-

рымъ я ступалъ, никогда раньше не касалась нога ни одного человѣческаго существа. Входъ въ этотъ провалъ такъ замкнутъ и въ дѣйствительности такъ недоступенъ—развѣ что нужно принять во вниманіе какія-нибудь случайныя обстоятельства — такъ уединенъ, что нѣтъ ничего невозможнаго, если я былъ дѣйствительно первымъ искателемъ—самымъ первымъ и единственнымъ искателемъ—когда либо проникшимъ въ это уединеніе.

„Густой и совершенно особенный туманъ или паръ, свойственный Индійскому Лѣту, и теперь тяжело висѣвшій на всемъ, несомнѣнно способствовалъ усиленію тѣхъ смутныхъ впечатлѣній, которыя создавались окружавшими меня предметами. Этотъ ласкающій туманъ былъ до такой степени густой, что я не могъ различать дорогу передъ собой болѣе, чѣмъ на двѣнадцать ярдовъ. Она была крайне извилиста, и такъ какъ солнца не было видно, я вскорѣ утратилъ всякое представленіе о томъ, въ какомъ направленіи я шелъ. Между тѣмъ, морфій оказывалъ свое обычное дѣйствіе—а именно, надѣлилъ весь внѣшній міръ напряженностью интереса. Въ трепетѣ листа—въ цвѣтѣ прозрачной былинки—въ очертаніяхъ трилистника—въ жужжаніи пчелы—въ сверканіи капли росы—въ дыханіи вѣтра—въ слабыхъ ароматахъ, исходившихъ изъ лѣса—во всемъ этомъ возникала цѣлая вселенная внушеній—веселая и пестрая вереница рапсодической и несвязанной методомъ мысли.

„Погруженный въ нее, я блуждалъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, въ продолженіи которыхъ туманъ до такой степени усилился, что, наконецъ, я былъ вынужденъ буквально идти ощупью. И мной овладѣло неописуемое безпокойство — что-то вродѣ нервнаго колебанія и нервной дрожи—я боялся ступать, боялся обрушиться въ какую-нибудь пропасть. Вспомнились мнѣ также и странныя исторіи, которыя разсказывались объ этихъ Извилистыхъ Холмахъ, и о грубыхъ свирѣпыхъ племенахъ, живущихъ въ ихъ лѣсахъ и пещерахъ. Тысячи смутныхъ фантазій

угнетали и смущали меня—фантазій тѣмъ болѣе волнующихъ, что онѣ были смутными. Вдругъ мое вниманіе было остановлено громкимъ боемъ барабана.

„Понятно, я удивился до послѣдней степени. Барабанъ въ этихъ горахъ вещь неизвѣстная. Я не болѣе бы удивился, услыхавъ трубу Архангела. Но тутъ возникло нѣчто новое, еще болѣе удивительное по своей поразительности и волнующей неожиданности. Раздался странный звукъ бряцанья или звяканья, какъ бы отъ связки большихъ ключей — и въ то же мгновеніе какой-то темнолицый и полуголый человѣкъ съ крикомъ пробѣжалъ около меня. Онъ промчался такъ близко, что я чувствовалъ на своемъ лицѣ его горячее дыханіе. Въ одной рукѣ онъ держалъ какое-то орудіе, составленное изъ набора стальныхъ колецъ, которыми онъ, убѣгая, потрясалъ. Едва только онъ исчезъ въ туманѣ, передо мной, тяжело дыша въ погонѣ за нимъ, съ открытою пастью и горящими глазами, пронесся какой-то огромный звѣрь. Я не могъ ошибиться. Это была гіена.

„Видъ этого чудовища скорѣе смягчилъ, нежели усилилъ мои страхи—теперь я вполнѣ увѣрился, что я спалъ, и попытался пробудить себя до полнаго сознанія. Я смѣло и бодро шагнулъ впредъ. Я сталъ тереть себѣ глаза. Я громко кричалъ. Я щипалъ себѣ руки и ноги. Маленькій ручеекъ предсталъ предъ моими глазами, и, наклонившись надъ нимъ, я омылъ себѣ голову, руки и шею. Это, повидимому, разсѣяло неясныя ощущенія, до сихъ поръ угнетавшія меня. Я всталъ, какъ мнѣ думалось, другимъ человѣкомъ, и твердо и спокойно пошелъ впередъ, по моей невѣдомой дорогѣ.

„Въ концѣ концовъ, совершенно истощенный ходьбою и гнетущей спертостью атмосферы, я сѣлъ подъ какимъ-то деревомъ. Въ это мгновеніе прорѣзался невѣрный лучъ солнца, и тѣнь отъ листьевъ этого дерева слабо, но явственно упала на траву. Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ я удивленно

смотрѣлъ на эту тѣнь. Ея видъ ошеломилъ меня и исполнилъ изумленіемъ. Я взглянулъ вверхъ. Это была пальма.

„Я быстро вскочилъ, въ состояніи страшнаго возбужденія—мысль, что все это мнѣ снилось, больше не могла существовать. Я видѣлъ—я понималъ, что я вполнѣ владѣю моими чувствами — и они внесли теперь въ мою душу цѣлый міръ новыхъ и необыкновенныхъ ощущеній. Жара внезапно сдѣлалась нестерпимой. Страннымъ запахомъ былъ исполненъ вѣтерокъ.—Глухой безпрерывный ропотъ, подобный ропоту полноводной, но тихо текущей рѣки, достигъ до моего слуха, перемѣшиваясь съ своеобразнымъ гудѣніемъ множества человѣческихъ голосовъ.

„Въ то время какъ я прислушивался, исполненный крайняго изумленія, которое напрасно старался бы описать, сильнымъ и краткимъ порывомъ вѣтра, какъ мановеніемъ волшебнаго жезла, нависшій туманъ былъ отнесенъ въ сторону.

„Я находился у подножья высокой горы, и глядѣлъ внизъ, на обширную равнину, по которой извивалась величественная рѣка. На ея берегу стоялъ какой-то, какъ бы Восточный, городъ, вродѣ тѣхъ, о которыхъ мы читаемъ въ Арабскихъ Сказкахъ, но по характеру своему еще болѣе особенный, чѣмъ какой-либо изъ описанныхъ тамъ городовъ. Находясь высоко надъ уровнемъ города, я могъ видѣть съ своего мѣста каждый его уголокъ и каждый закоулокъ, точно они были начерчены на картѣ. Улицы представлялись безчисленными, и пересѣкали одна другую неправильно, по всѣмъ направленіямъ, но они были скорѣе вьющимися аллеями, чѣмъ улицами, и буквально кишѣли жителями. Дома были безумно живописны. Повсюду была цѣлая чаща балконовъ, верандъ, минаретовъ, храмовъ, и оконныхъ углубленій, украшенныхъ фантастической рѣзьбой. Базары были переполнены; богатые товары были выставлены на нихъ во всей роскоши безконечнаго разнообразія—шелки, кисея, ослѣпительнѣйшіе ножи и кинжалы, велико-

лѣпнѣйшія украшенія и драгоцѣнные камни. Наряду съ этимъ, со всѣхъ сторонъ виднѣлись знамена и паланкины, носилки со стройными женщинами, совершенно закутанными въ покровы, слоны, покрытые пышными попонами, причудливые идолы, барабаны, хоругви и гонги, копья, серебряныя и позолоченныя палицы. И посреди толпы, и крика, и общаго замѣшательства, и сумятицы — посреди милліона черныхъ и желтыхъ людей, украшенныхъ тюрбанами и одѣтыхъ въ длинныя платья, людей съ развѣвающимися бородами, блуждало безчисленное множество священныхъ быковъ, разукрашенныхъ лентами, межъ тѣмъ какъ обширные легіоны грязныхъ, но священныхъ обезьянъ, бормоча и оглашая воздухъ рѣзкими криками, цѣплялись по карнизамъ мечетей или повисали на минаретахъ и оконныхъ углубленіяхъ. Отъ людныхъ улицъ къ берегамъ рѣки нисходили безчисленные ряды ступеней, ведущихъ къ купальнямъ, между тѣмъ какъ рѣчная вода, казалось, съ трудомъ пробивала себѣ дорогу сквозь безчисленное множество тяжко нагруженныхъ кораблей, которые на всемъ протяженіи загромождали ея поверхность. За предѣлами города, частыми величественными группами, росли пальмы и кокосовыя деревья, вмѣстѣ съ другими гигантскими и зачарованными деревьями, изобличавшими глубокій возрастъ; а тамъ и сямъ виднѣлись—рисовое поле, покрытая тростникомъ крестьянская хижина, прудокъ, пустынный храмъ, цыганскій таборъ, или одинокая стройная дѣвушка, идущая, съ кувшиномъ на головѣ, къ берегамъ великолѣпной рѣки.

„Вы, конечно, скажете теперь, что все это я видѣлъ во снѣ. Но это не такъ. Въ томъ, что я видѣлъ — въ томъ, что я слышалъ—въ томъ, что я чувствовалъ — въ томъ, что я думалъ—не было ни одной изъ тѣхъ особенностей, которыя безусловно присущи сну. Все было строго и неразрывно связано въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ. Усомнившись сперва, дѣйствительно-ли я не сплю, я сдѣлалъ цѣлый рядъ провѣрокъ, и онѣ меня убѣдили, что я дѣй-

ствительно бодрствую. Когда кто-нибудь спитъ, и во снѣ начинаетъ подозрѣвать, что онъ спитъ, подозрѣніе *всегда подтверждается*, и спящій пробуждается почти немедленно. Такимъ образомъ Новалисъ не ошибается, говоря, что „мы близки къ пробужденію, когда намъ снится, что мы видимъ сонъ". Если бы видѣніе посѣтило меня такъ, какъ я его описываю, не возбуждая во мнѣ подозрѣнія, что это сонъ, тогда дѣйствительно это могъ бы быть сонъ, но когда все случилось такъ, какъ это было, и у меня возникло подозрѣніе, и я провѣрилъ себя, я поневолѣ долженъ отнести это видѣніе къ другимъ явленіямъ".

„Относительно этого я не увѣренъ, что вы заблуждаетесь", замѣтилъ Докторъ Темпльтонъ, „но продолжайте. Вы встали и спустились въ городъ".

„Я всталъ", продолжалъ Бэдло, смотря на Доктора съ видомъ глубокаго изумленія, „я всталъ, какъ вы говорите, и спустился въ городъ. По дорогѣ я попалъ въ огромную толпу, заполнявшую всѣ пути, и стремившуюся въ одномъ направленіи, причемъ все свидѣтельствовало о крайней степени возбужденія. Вдругъ, совершенно внезапно, и подъ дѣйствіемъ какого-то непостижимаго толчка, я весь проникся напряженнымъ личнымъ интересомъ къ тому, что происходило. Какъ мнѣ казалось, я чувствовалъ, что мнѣ предстоитъ здѣсь важная роль, какая именно, я не вполнѣ понималъ. Я испытывалъ, однако, по отношенію къ окружавшей меня толпѣ, чувство глубокой враждебности. Попятившись назадъ, я вышелъ изъ толпы, и быстро, окольнымъ путемъ, достигъ городъ и вошелъ въ него. Здѣсь все было въ состояніи самой дикой сумятицы и распри. Небольшая группа людей, одѣтыхъ наполовину въ Индійскія одежды, наполовину въ Европейскія, подъ предводительствомъ офицера, въ мундирѣ отчасти Британскомъ, при большомъ неравенствѣ силъ поддерживала схватку съ чернью, кишѣвшей въ аллеяхъ. Взявъ оружіе одного убитаго офицера, я примкнулъ къ болѣе слабой партіи, и сталъ сра-

жаться, противъ кого, не зналъ самъ, съ нервною свирѣпостью отчаянья. Вскорѣ мы были подавлены численностью, и были вынуждены искать убѣжища въ чемъ-то вродѣ кіоска. Здѣсь мы забаррикадировались, и, хотя на время, были въ безопасности. Сквозь круглое окно, находившееся около верха кіоска, я увидѣлъ огромную толпу, объятую бѣшенымъ возбужденіемъ; окруживъ нарядный дворецъ, нависшій надъ рѣкой, она производила на него нападеніе. Вдругъ, изъ верхняго окна дворца спустился нѣкто женоподобный, на веревкѣ, сдѣланной изъ тюрбановъ, принадлежавшихъ его свитѣ. Лодка была уже наготовѣ, и онъ бѣжалъ въ ней на противоположный берегъ рѣки.

„И нѣчто новое овладѣло теперь моей душой. Я сказалъ своимъ товарищамъ нѣсколько торопливыхъ, но энергичныхъ словъ и, склонивъ нѣсколькихъ изъ нихъ на свою сторону, сдѣлалъ изъ кіоска отчаянную вылазку. Мы ворвались въ окружавшую толпу. Сперва враги отступили передъ нами. Они собрались, оказали бѣшеное сопротивленіе, и снова отступили. Тѣмъ временемъ мы были отнесены далеко отъ кіоска, и, ошеломленные, совершенно запутались среди узкихъ улицъ, надъ которыми нависли высокіе дома, въ лабиринтѣ, куда солнце никогда не могло заглянуть. Чернь яростно тѣснила насъ, угрожая намъ своими копьями, и засыпая насъ тучами стрѣлъ. Эти послѣднія были необыкновенно замѣчательны, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ походили на изогнутый Малайскій кинжалъ. Они были сдѣланы въ подражаніе тѣлу ползущей змѣи, были длинныя, черныя, и съ отравленною бородкой. Одна изъ нихъ поразила меня въ правый високъ. Я зашатался и упалъ. Мгновенный и страшный недугъ охватилъ меня. Я рванулся — я задохся — я умеръ.

„*Теперь* вы врядъ-ли будете настаивать на томъ, что все ваше приключеніе не было сномъ“, сказалъ я, улыбаясь. „Вы не приготовились къ тому, чтобы утверждать, что вы мертвы?“

Говоря эти слова, я конечно ожидалъ отъ Бэдло какого-нибудь живого возраженія; но, къ моему удивленію, онъ заколебался, задрожалъ, страшно поблѣднѣлъ, и ничего не отвѣтилъ. Я взглянулъ на Темпльтона. Онъ сидѣлъ на своемъ стулѣ прямо и неподвижно — зубы у него стучали, а глаза выскакивали изъ орбитъ. „Продолжайте!“ сказалъ онъ, наконецъ, хриплымъ голосомъ, обращаясь къ Бэдло.

„Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ“, продолжалъ разсказчикъ, „моимъ единственнымъ чувствомъ—моимъ единственнымъ ощущеніемъ—было ощущеніе темноты и небытія, съ сознаніемъ смерти. Наконецъ, душу мою пронизалъ рѣзкій и внезапный толчокъ, какъ бы отъ дѣйствія электричества. Вмѣстѣ съ этимъ возникло ощущеніе эластичности и свѣта. Этотъ послѣдній я почувствовалъ—не увидѣлъ. Мгновенно мнѣ показалось, что я поднялся съ земли. Но во мнѣ не было ничего тѣлеснаго, ничего видимаго, слышимаго, или осязаемаго. Толпа исчезла. Шумъ прекратился. Городъ былъ, сравнительно, спокоенъ. Рядомъ со мной лежало мое тѣло, со стрѣлой въ вискѣ, голова была вздута и обезображена. Но все это я чувствовалъ—не видѣлъ. Я не принималъ участія ни въ чемъ. Даже тѣло казалось мнѣ чѣмъ-то неимѣющимъ ко мнѣ никакого отношенія. Хотѣнія у меня не было вовсе, но какъ будто я былъ вынужденъ къ движенію, и легко вылетѣлъ изъ города, слѣдуя окольнымъ путемъ, черезъ который я вошелъ въ него. Когда я достигъ того пункта въ горномъ провалѣ, гдѣ я встрѣтилъ гіену, я опять испыталъ толчокъ, какъ бы отъ гальванической баттареи; чувство вѣса, хотѣнія, матеріи, вернулось ко мнѣ. Я сдѣлался прежнимъ самимъ собою, и быстро направился домой — но происшедшее не потеряло своей живости реальнаго — и даже теперь, ни на мгновеніе, я не могу принудить мой разумъ смотрѣть на это, какъ на сонъ“.

„Это и не было сномъ“, сказалъ Темпльтонъ съ видомъ глубокой торжественности, „но было бы трудно найти для

этого какое-нибудь другое наименованіе. Предположимъ только, что человѣческая душа нашихъ дней стоитъ на краю какихъ-то поразительныхъ психическихъ открытій. Удовольствуемся пока этимъ предположеніемъ. Для остального у меня есть нѣкоторыя объясненія. Вотъ офортъ, который я долженъ былъ показать вамъ раньше, но который не показывалъ вамъ, повинуясь какому-то необъяснимому чувству ужаса".

„Мы взглянули на картину. Я не увидѣлъ въ ней ничего необыкновеннаго; но впечатлѣніе, оказанное ею на Бэдло, было поразительно. Онъ почти лишился чувствъ, смотря на нее. А между тѣмъ, это была всего только миніатюра, портретъ — правда, удивительно исполненный — изображавшій его собственное, столь примѣчательное, лицо. По крайней мѣрѣ, такъ подумалъ я.

„Вы можете видѣть", сказалъ Темпльтонъ, „дату этой картины — вотъ здѣсь, еле замѣтно, въ углу — 1780. Въ этомъ году былъ сдѣланъ портретъ. Это мой умершій другъ — Мистеръ Олдэбъ — съ которымъ я находился въ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ, въ Калькуттѣ, въ то время когда тамъ былъ правителемъ Уорренъ Гастингсъ. Мнѣ было тогда всего двадцать лѣтъ. Когда я въ первый разъ увидѣлъ васъ, Мистеръ Бэдло, въ Саратогѣ, именно это чудесное сходство между вами и портретомъ побудило меня заговорить съ вами, искать вашей дружбы, и устроить все такъ, что въ концѣ-концовъ я сталъ вашимъ постояннымъ сотоварищемъ. Къ этому я былъ вынужденъ отчасти, а можетъ быть и главнымъ образомъ, горестнымъ воспоминаніемъ объ умершемъ, но отчасти также безпокойнымъ и не вполнѣ лишеннымъ ужаса любопытствомъ относительно васъ самихъ.

„Подробно описывая видѣніе, представившееся вамъ среди холмовъ, вы самымъ точнымъ образомъ описали Индійскій городъ Бенаресъ, находящійся на берегу Священной Рѣки. Мятежъ, схватка, и побоище, были дѣйствитель-

ными событіями, сопровождавшими возстаніе Чайтъ-Синга, которое случилось въ 1780 году, когда жизнь Гастингса подвергалась неминуемой опасности. Человѣкъ, спасшійся съ помощью веревки изъ тюрбановъ, былъ самъ Чайтъ-Сингъ. Кучка людей, заключившихся въ кіоскѣ, представляла изъ себя сипаевъ и Британскихъ офицеровъ, находившихся подъ предводительствомъ Гастингса. Я также принадлежалъ къ ихъ числу, и сдѣлалъ все возможное, чтобы предупредить безразсудную и злополучную вылазку офицера, который палъ въ одной изъ заполненныхъ толпою аллей, пораженный отравленною стрѣлой Бенгалезца. Этотъ офицеръ былъ моимъ ближайшимъ другомъ. Это былъ Олдэбъ. Вы можете видѣть это изъ записи — (здѣсь говорившій вынулъ записную книжку, нѣсколько страницъ которой были, повидимому, только что исписаны) — „въ то самое время, какъ вы воображали себѣ все это среди холмовъ, здѣсь, дома, я заносилъ на бумагу всѣ подробности событія“.

Приблизительно черезъ недѣлю послѣ этого разговора слѣдующія строки появились въ одной изъ Шарлоттесвильскихъ газетъ:

„Считаемъ своимъ прискорбнымъ долгомъ извѣстить о смерти Мистера Августа Бэдло (Bedlo), джентльмэна, чрезвычайная любезность котораго, вмѣстѣ съ многими достоинствами, издавна возбудила къ нему любовь среди жителей Шарлоттесвилля.

„Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ Мистеръ Бэдло страдалъ невралгіей, которая нерѣдко грозила принять роковой оборотъ. Но это должно быть разсматриваемо лишь какъ косвенная причина его смерти. Ближайшей причиной было нѣчто совершенно особенное. Во время прогулки среди Извилистыхъ Горъ, нѣсколько дней тому назадъ, онъ слегка простудился, и получилъ лихорадку, сопровождавшуюся сильнымъ приливомъ крови къ головѣ. Чтобы облегчить страданія, Докторъ Темпльтонъ прибѣгнулъ къ мѣстному кровопусканію. Піявки были приставлены къ вискамъ. Въ

страшно быстрый срокъ времени больной скончался, и тогда обнаружилось, что въ банку съ піявками случайно попала одна изъ тѣхъ ядовитыхъ червеобразныхъ піявокъ, которыя время отъ времени попадаются въ окрестныхъ прудахъ. Она присосалась къ небольшой артеріи на правомъ вискѣ. Ея крайнее сходство съ врачебной піявкой было причиной того, что ошибка была замѣчена слишкомъ поздно.

„*NB.* — Ядовитую Шарлоттесвильскую піявку всегда можно отличить отъ врачебной по ея чернотѣ, и въ особенности по ея извивающимся или червеобразнымъ движеніямъ, дѣлающимъ ее чрезвычайно похожей на змѣю".

Я разговаривалъ съ издателемъ упомянутой газеты по поводу этого замѣчательнаго случая, какъ вдругъ мнѣ пришло въ голову спросить его, почему имя умершаго было напечатано какъ Бэдло (Bedlo).

„Я думаю", сказалъ я, „у васъ есть основанія для такого правописанія, но мнѣ всегда казалось, что на концѣ нужно писать *e*".

„Основанія?—о, нѣтъ", отвѣтилъ онъ. „Это просто типографская ошибка. Всѣ знаютъ, что это имя пишется съ *e* на концѣ, и никогда въ жизни не слышалъ я, чтобы его писали иначе".

„Въ такомъ случаѣ", пробормоталъ я, повертываясь спиной, „въ такомъ случаѣ, дѣйствительно, истина страннѣе всякаго вымысла—ибо что же изъ себя представляетъ Бэдло безъ *e*, какъ не Олдэбъ, перевернутое наоборотъ? И этотъ человѣкъ говоритъ мнѣ о типографской ошибкѣ!"

МЕСМЕРИЧЕСКОЕ ОТКРОВЕНІЕ.

Какія бы сомнѣнія ни существовали еще касательно *законовъ,* управляющихъ месмеризмомъ, поразительные его *факты* допускаются теперь почти всѣми. Въ этихъ послѣднихъ сомнѣваются лишь тѣ, чья профессія—сомнѣваться, безполезная и постыдная клика. Отнынѣ нѣтъ потери времени болѣе безплодной, какъ пытаться *доказывать,* что человѣкъ, простымъ упражненіемъ воли, способенъ настолько запечатлѣть свое вліяніе на другомъ, что можетъ повергнуть его въ ненормальное состояніе, явленія котораго крайне походятъ на явленія *смерти*, или по крайней мѣрѣ походятъ на нихъ болѣе, чѣмъ всѣ почти явленія нормальнаго порядка намъ извѣстныя; доказывать, что во время этого состоянія человѣкъ, окованный такимъ вліяніемъ, пользуется лишь съ усиліемъ, и только въ слабой степени, внѣшними органами чувствъ, но воспринимаетъ обостренно-утонченнымъ воспріятіемъ, и какъ бы черезъ каналы, предполагаемые неизвѣстными, вещи, находящіяся внѣ полномочія физическихъ органовъ; что, кромѣ того, умственныя его способности въ такомъ состояніи чудеснымъ образомъ повышены и усилены; что симпатическое соотношеніе съ лицомъ, на него вліяющимъ, глубоко; и наконецъ, что его чувствительность къ воспріятію вліянія

увеличивается въ соотвѣтствіи съ частымъ повтореніемъ, а обнаруженныя особыя явленія, въ той же самой пропорціи, расширяются и дѣлаются болѣе *отчетливыми.*

Я говорю, что было бы излишней задачей доказывать то, что составляетъ законы месмеризма въ основныхъ его чертахъ, я и не стану въ данную минуту обременять моихъ читателей столь безполезными доказательствами. Мое намѣреніе теперь совершенно другого рода. Я чувствую побужденіе, хотя бы предъ лицомъ цѣлаго міра предразсудковъ, сообщить безъ поясненій замѣчательные результаты разговора, происшедшаго между усыпленнымъ и мной.

Въ теченіи уже значительнаго времени я подвергалъ месмерическому вліянію субъекта, о которомъ идетъ рѣчь (Мистера Ванкирка), и обычная острая впечатлительность и экзальтація месмерическаго воспріятія проявилась. Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ страдалъ отъ несомнѣнной чахотки, я не разъ смягчилъ своими пассами самыя мучительныя ея проявленія, и въ Среду ночью, 15-го числа сего мѣсяца, я былъ позванъ къ нему.

Больнаго мучили острыя боли въ области сердца, онъ дышалъ съ большимъ затрудненіемъ, и всѣ обычные симптомы астмы были налицо. При такихъ спазмахъ онъ обыкновенно съ успѣхомъ ставилъ горчичники къ нервнымъ центрамъ. Но въ этотъ вечеръ данное средство не помогло.

Когда я вошелъ въ комнату, онъ встрѣтилъ меня привѣтливой улыбкой и, хотя физическія боли видимо его терзали, душевно онъ, казалось, былъ совершенно уравновѣшенъ.

„Я послалъ за вами сегодня“, сказалъ онъ, „не столько для того, чтобы успокоить мои физическія страданія, сколько для того, чтобы удовлетворить мое любопытство касательно нѣкоторыхъ психическихъ впечатлѣній, вызвавшихъ во мнѣ недавно большое безпокойство и удивленіе. Мнѣ не нужно говорить вамъ, насколько скептически я

былъ настроенъ до сихъ поръ относительно вопроса о безсмертіи души. Не могу отрицать, что именно въ той самой душѣ, которую я отвергалъ, всегда какъ бы существовало смутное полу-ощущеніе собственнаго своего существованія. Но это полу-ощущеніе никогда не возростало до убѣжденія. Съ этимъ мой разсудокъ ничего не могъ подѣлать. Дѣйствительно, всѣ попытки логическаго изслѣдованія привели меня къ еще большему скептицизму, чѣмъ прежде. Мнѣ посовѣтовали изучать Кузена. Я изучалъ его, и по собственнымъ его произведеніямъ, и по тѣмъ отзвукамъ, которые онъ нашелъ въ Европѣ и въ Америкѣ. У меня была, напримѣръ, подъ рукой книга Мистера Броунсона „Чарльзъ Эльвудъ". Я прочелъ ее съ большимъ вниманіемъ. Въ общемъ я нашелъ ее логичной, но тѣ части, которыя не были *чисто* логическими, являются, къ несчастью, начальными аргументами невѣрующаго героя книги. Въ итогѣ мнѣ показалось очевиднымъ, что разсуждающій не смогъ убѣдить самого себя. Конецъ здѣсь явно забылъ свое начало, какъ это случилось съ Тринкуло. Словомъ, я быстро увидалъ, что если человѣкъ хочетъ быть внутренно убѣжденнымъ въ своемъ собственномъ безсмертіи, онъ никогда не убѣдится путемъ простыхъ отвлеченій, которыя такъ долго были въ модѣ среди моралистовъ въ Англіи, во Франціи и въ Германіи. Отвлеченія могутъ забавлять и развлекать, но они не завладѣваютъ разумомъ. По крайней мѣрѣ, здѣсь на землѣ философія, я убѣжденъ, всегда будетъ безуспѣшно стараться заставить насъ глядѣть на свойства, какъ на вещи. Воля можетъ согласиться, — душа — умъ никогда.

„Итакъ, повторяю, я только наполовину чувствовалъ, но умомъ никогда не вѣрилъ. Однако, за послѣднее время произошло извѣстное усиленіе этого чувства, пока оно не стало до такой степени походить на согласіе со стороны разсудка, что для меня стало затруднительнымъ дѣлать между ними различіе. Я готовъ просто объяснить такое

впечатлѣніе месмерическимъ вліяніемъ. Не могу дать лучшаго объясненія своей мысли, какъ предположивъ, что месмерическая экзальтація дѣлаетъ меня способнымъ къ воспріятію цѣлаго ряда логическихъ умозаключеній, которыя, въ моемъ ненормальномъ состояніи, убѣждаютъ, но которыя, въ полномъ согласованіи съ месмерическими явленіями, продолжаютъ существовать въ моемъ нормальномъ состояніи лишь какъ *впечатлѣніе*. Въ состояніи месмерической усыпленности размышленіе и заключеніе, причина и слѣдствіе, соприсутствуютъ. Въ моемъ естественномъ состояніи, съ исчезновеніемъ причины, остается только слѣдствіе и, быть можетъ, лишь частично.

„Эти соображенія заставляютъ меня думать, что за цѣлымъ рядомъ искусно поставленныхъ вопросовъ, обращенныхъ ко мнѣ въ то время, какъ я буду подвергнутъ месмеризаціи, могутъ послѣдовать любопытные отвѣты. Вы часто наблюдали состояніе глубокаго самопознанія, выказываемое месмерически-усыпленнымъ—обширное знаніе, которое онъ обнаруживаетъ относительно всѣхъ пунктовъ, касающихся самаго месмерическаго состоянія; изъ этого самопознанія могутъ быть извлечены указанія для составленія правилъ цѣлаго катехизиса“.

Конечно, я согласился сдѣлать опытъ. Нѣсколькихъ пассовъ было достаточно, чтобы Мистеръ Ванкиркъ погрузился въ месмерическій сонъ. Его дыханіе немедленно сдѣлалось болѣе спокойнымъ, и онъ, казалось, не испытывалъ больше никакихъ физическихъ страданій. Между нами произошелъ слѣдующій разговоръ. — *В.* будетъ означать въ діалогѣ паціента, *П.* — меня.

П. Вы спите?

В. Да—нѣтъ; мнѣ хотѣлось бы спать болѣе крѣпкимъ сномъ.

П. *(Послѣ нѣсколькихъ новыхъ пассовъ).* Теперь вы спите?

В. Да.

П. Какъ вы думаете, чѣмъ кончится ваша теперешняя болѣзнь?

В. *(Послѣ долгаго колебанія и говоря какъ бы съ усиліемъ).* Я долженъ умереть.

П. Мысль о смерти мучаетъ васъ?

В. *(Съ большой живостью).* Нѣтъ, нѣтъ!

П. Васъ радуетъ предстоящее?

В. Если бы я былъ въ состояніи бодрствованія, я хотѣлъ бы умереть. Но теперь это не имѣетъ смысла. Месмерическое состояніе такъ близко къ смерти, что я имъ довольствуюсь.

П. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы объяснились, Мистеръ Ванкиркъ.

В. Охотно, но это требуетъ бо̀льшихъ усилій, чѣмъ я я способенъ ихъ сдѣлать. Вы меня спрашиваете не такъ.

П. Что же я долженъ спросить?

В. Вы должны начать съ начала.

П. Съ начала! Но гдѣ же начало?

В. Вы знаете, что начало есть — Богъ. *(Это было сказано тихимъ колеблющимся голосомъ и со всѣми признаками глубочайшаго благоговѣнія).*

П. Что же такое Богъ?

В. *(Послѣ нѣсколькихъ мгновеній колебанія).* Я не могу сказать.

П. Развѣ Богъ — не духъ?

В. Когда я былъ въ состояніи бодрствованія, я зналъ, что̀ вы разумѣете подъ словомъ „духъ“, но теперь мнѣ это кажется только словомъ, такимъ же, напримѣръ, какъ истина, красота. Я разумѣю, что это только свойство.

П. Развѣ это невѣрно, что Богъ нематеріаленъ?

В. Нематеріальности нѣтъ, это только слово. То, что не есть матерія, не существуетъ вовсе — развѣ что свойства суть вещи.

П. Тогда Богъ матеріаленъ?

В. Нѣтъ. *(Этотъ отвѣтъ весьма изумилъ меня).*

П. Такъ что же такое онъ?

В. *(Послѣ долгой паузы, и невнятнымъ голосомъ).* Я понимаю, но объ этомъ трудно говорить. *(Послѣ новой долгой паузы).* Это — не духъ, потому что онъ существуетъ. Это и не матерія, *какъ вы ее разумѣете.* Но есть *градаціи* матеріи, о которыхъ ничего не знаютъ; болѣе плотнымъ движется болѣе тонкое, болѣе тонкимъ болѣе плотное. Напримѣръ, атмосфера приводитъ въ движеніе электрическую основу, между тѣмъ какъ электрическая основа проникаетъ атмосферу. Эти градаціи матеріи увеличиваются въ разрѣженности или тонкости до тѣхъ поръ, пока мы не достигаемъ *безчастичной* матеріи — безраздѣльной, *единой*; и здѣсь законъ передачи движенія и проницаемости видоизмѣняется. Крайняя или безчастичная матерія не только все проникаетъ, но и все приводитъ въ движеніе — и такимъ образомъ она *есть* все въ самомъ себѣ. Эта матерія есть Богъ. То, что люди пытаются воплотить въ словѣ „мысль", представляетъ изъ себя матерію въ движеніи.

П. Метафизики утверждаютъ, что всякое дѣйствіе сводится къ движенію и мышленію, и что послѣднее есть источникъ перваго.

В. Да; и теперь я вижу спутанность самой идеи. Движеніе есть дѣйствіе *разума* — не *мышленія.* Безчастичная матерія, или Богъ, въ состояніи спокойствія, представляетъ изъ себя (насколько мы можемъ это постичь) то, что люди называютъ разумомъ. И власть самодвиженія (равноцѣнная по дѣйствію человѣческой волѣ) представляетъ изъ себя, въ безчастичной матеріи, результатъ ея единства и всевліянія; *какъ* — этого я не знаю, и теперь ясно вижу, что и не узнаю никогда. Но безчастичная матерія, приведенная въ движеніе нѣкоторымъ закономъ, или свойствомъ, существующимъ въ себѣ, представляетъ изъ себя нѣчто мыслящее.

П. Не можете ли вы мнѣ дать болѣе точное представленіе о томъ, что̀ вы называете безчастичной матеріей.

В. Матерія, которую познаетъ человѣкъ, при градаціи ускользаетъ отъ чувствъ. Передъ нами, напримѣръ, металлъ, кусокъ дерева, капля воды, атмосфера, газъ, теплота, электричество, свѣтоносный эѳиръ. Теперь, все это мы называемъ матеріей, и всю матерію подводимъ подъ одно общее опредѣленіе; однако же, несмотря на это, не можетъ быть двухъ представленій болѣе существенно различныхъ, чѣмъ то, которое мы связываемъ съ металломъ, и съ свѣтоноснымъ эѳиромъ. Достигая до этого послѣдняго, мы чувствуемъ почти непобѣдимую склонность отнести его въ ту область, къ которой относится духъ или ничто. Единственное соображеніе, удерживающее насъ, есть наше представленіе объ его атомическомъ строеніи; и здѣсь мы даже взываемъ о помощи къ нашему представленію объ атомѣ, какъ о чемъ-то обладающемъ безконечной малостью, твердостью, осязаемостью, и вѣсомъ. Уничтожьте идею атомическаго строенія, и вы не будете болѣе способны смотрѣть на эѳиръ какъ на сущность или, по крайней мѣрѣ, какъ на матерію. За неимѣніемъ лучшаго слова, мы можемъ называть его духомъ. Сдѣлайте теперь одинъ шагъ за предѣлы свѣтоноснаго эѳира — представьте матерію настолько болѣе разрѣженную, чѣмъ эѳиръ, насколько этотъ эѳиръ разрѣженнѣе металла, и вы сразу (несмотря на всѣ школьные догматы) достигнете единой массы — безчастичной матеріи. Ибо, хотя мы можемъ допустить безконечную малость самыхъ атомовъ, безконечная малость въ пространствѣ между ними — абсурдъ. Должна быть точка — должна быть степень разрѣженности, при которой, если атомы достаточно численны, промежуточныя пространства должны исчезнуть, и масса должна абсолютно слиться. Но разъ мы устранили идею атомическаго строенія, природа массы неизбѣжно проскользаетъ въ ту область, которую мы постигаемъ какъ духъ. Ясно однако, что это попрежнему остается матеріей. Дѣло заключается въ томъ, что представить духъ невозможно, какъ невозможно вообразить то, что не существуетъ. Ко-

гда мы льстимъ себя увѣренностью, что мы построили представленіе о немъ, мы просто обманываемъ нашъ разумъ разсмотрѣніемъ безконечно разрѣженной матеріи.

П. Мнѣ представляется непреоборимымъ одно возраженіе противъ идеи абсолютнаго слитія, абсолютнаго сцѣпленія массы, именно, чрезвычайно малое сопротивленіе, испытываемое небесными тѣлами въ ихъ обращеніи въ пространствѣ — сопротивленіе, которое, какъ теперь удостовѣрено, правда, существуетъ въ *извѣстной* степени, но которое тѣмъ не менѣе такъ незначительно, что оно было совершенно незамѣчено Ньютономъ, при всей его проницательности. Мы знаемъ, что сопротивленіе тѣлъ находится преимущественно въ пропорціи къ ихъ плотности. Абсолютное сцѣпленіе есть абсолютная плотность. Тамъ гдѣ нѣтъ промежуточныхъ пространствъ, не можетъ быть прохожденія. Абсолютно густой эѳиръ представилъ бы безконечно болѣе дѣйствительную задержку для движенія звѣзды, чѣмъ это могъ бы сдѣлать эѳиръ изъ брилліанта или желѣза.

В. На ваше возраженіе можно отвѣтить съ легкостью, которая почти равняется видимой невозможности на него отвѣтить. — Что касается движенія звѣзды, нѣтъ никакой разницы между тѣмъ, проходитъ ли она черезъ эѳиръ, *или эѳиръ черезъ нее*. Нѣтъ астрономической ошибки болѣе необъяснимой, чѣмъ та, что объясняетъ извѣстную замедленность кометъ ихъ прохожденіемъ черезъ эѳиръ: ибо, какимъ бы разрѣженнымъ мы ни предположили эѳиръ, онъ возникъ бы преградой для всего звѣзднаго обращенія, въ гораздо болѣе краткій періодъ, чѣмъ это было допущено астрономами, попытавшимися обойти тотъ пунктъ, который они сочли невозможнымъ понять. Замедленіе, дѣйствительно испытываемое, является, съ другой стороны, приблизительно такимъ, какое могло бы быть ожидаемо отъ *тренія* эѳира при мгновенномъ прохожденіи черезъ планету. Въ одномъ случаѣ задерживающая сила мгновенна и завершена въ самой себѣ—въ другомъ она безконечно собирательна.

П. Но во всемъ этомъ—въ этомъ отожествленіи чистой матеріи съ Богомъ—нѣтъ ничего кощунственнаго? *(Я былъ вынужденъ повторить этотъ вопросъ, прежде чѣмъ усыпленный могъ вполнѣ понять, что̀ я хочу сказать).*

В. Можете ли вы сказать, *почему* матерія должна быть менѣе почитаема, чѣмъ разумъ? Притомъ вы забываете, что матерія, о которой я говорю, во всѣхъ отношеніяхъ, есть истинный „разумъ“ или „духъ“ школьной терминологіи, насколько это касается ея высокихъ способностей, и, кромѣ того, одновременно представляетъ изъ себя „матерію“ той же школьной терминологіи. Богъ, со всѣми качествами, приписываемыми духу, есть лишь совершенство матеріи.

П. Вы утверждаете, значитъ, что безчастичная матерія въ движеніи есть мысль.

В. Вообще, это движеніе есть всемірная мысль всемірнаго разума. Эта мысль творитъ. Все сотворенное есть ничто иное, какъ мысль Бога.

П. Вы говорите „вообще“

В. Да. Всемірный разумъ есть Богъ. Для новыхъ индивидуальностей *матерія* необходима.

П. Но вы говорите теперь о „разумѣ“ и о „матеріи“, какъ это дѣлаютъ метафизики.

В. Да—чтобы избѣжать смѣшенія. Когда я говорю „разумъ“, я разумѣю безчастичную или конечную матерію; подъ „матеріей“ я понимаю все остальное.

П. Вы сказали, что „для новыхъ индивидуальностей матерія необходима“.

В. Да, такъ какъ разумъ въ своемъ невоплощенномъ существованіи есть чистый Богъ. Для созданія индивидуально мыслящихъ существъ было необходимо воплотить частицы божественнаго разума. Такимъ образомъ человѣкъ индивидуализированъ. Отрѣшенный отъ этого дара тѣлесности, онъ былъ бы Богомъ. Теперь же частичное движеніе воплощенныхъ частицъ безчастичной матеріи есть мысль человѣка, какъ движеніе въ цѣломъ—мысль Бога.

П. Вы говорите, что отрѣшенный отъ тѣла человѣкъ будетъ Богомъ?

В. *(Послѣ сильнаго колебанія).* Я не могъ этого сказать, это безсмыслица.

П. *(Смотря на запись).* Вы *сказали*, что „отрѣшенный отъ дара тѣлесности, человѣкъ былъ бы Богомъ“.

В. И это—вѣрно. Человѣкъ, такимъ образомъ измѣненный, *сталъ бы* Богомъ—сталъ бы неиндивидуализированнымъ. Но онъ никогда не можетъ быть такъ измѣненъ, по крайней мѣрѣ никогда *не будетъ* — иначе мы должны были бы вообразить дѣйствіе Бога возвращающимся къ самому себѣ—дѣйствіе безцѣльное и напрасное. Человѣкъ—созданіе. Созданія—мысли Бога. Свойство мысли—быть невозвратимой.

П. Я не понимаю. Вы говорите, что человѣкъ никогда не будетъ отрѣшенъ отъ тѣла?

В. Я говорю, что никогда онъ не будетъ безтѣлеснымъ.

П. Объясните.

В. Есть два тѣла—начальное и законченное,—въ соотвѣтствіи съ двумя состояніями, червяка и мотылька. То, что мы называемъ „смертью“, есть лишь болѣзненная метаморфоза. Наше теперешнее воплощеніе—поступательное, подготовительное, временное. Наше будущее воплощеніе — совершенное, конечное, безсмертное. Конечная жизнь есть полный замыселъ.

П. Но метаморфозу червяка мы постигаемъ осязательно.

В. *Мы*—конечно, но не червякъ. Матерія, изъ которой состоитъ наше начальное тѣло, находится въ предѣлахъ кругозора органовъ этого тѣла, или, говоря яснѣе, наши начальные органы приспособлены къ той матеріи, изъ которой создано тѣло конечное. Такимъ образомъ конечное тѣло ускользаетъ отъ нашихъ начальныхъ чувствъ, и мы видимъ лишь раковину, отпадающую отъ внутренней формы,

не самую внутреннюю форму; но эта внутренняя форма, также какъ облекающая ее раковина, постижима для тѣхъ, кто уже пріобрѣлъ конечную жизнь.

П. Вы нѣсколько разъ говорили, что месмерическое состояніе очень похоже на смерть. Какимъ образомъ?

В. Когда я говорю, что оно походитъ на смерть, я разумѣю, что оно походитъ на конечную жизнь; ибо, когда я усыпленъ, чувства моей начальной жизни отсутствуютъ, и я постигаю внѣшнія явленія непосредственно, безъ органовъ, черезъ ту среду, которой я буду пользоваться въ конечной, неорганизованной жизни.

П. Неорганизованной?

В. Да; органы суть инструменты, съ помощью которыхъ индивидуальность становится въ ощутимыя отношенія съ частичными разрядами и формами матеріи, въ исключеніе другихъ разрядовъ и формъ. Человѣческіе органы приспособлены къ его начальному состоянію и только къ нему одному; конечное его состояніе, будучи неорганизованнымъ, является неограниченнымъ разумѣніемъ во всѣхъ отношеніяхъ—за исключеніемъ свойствъ воли Бога—т. е. движенія безчастичной матеріи. Вы будете имѣть ясное представленіе о конечномъ тѣлѣ, вообразивъ его, какъ сплошной мозгъ. Это *не* такъ; но представленіе такого порядка приблизитъ васъ къ пониманію того, что *есть* въ дѣйствительности. Свѣтовое тѣло сообщаетъ вибрацію свѣтоносному эѳиру. Вибраціи рождаютъ другія подобныя въ сѣтчаткѣ; эти послѣднія, въ свою очередь, сообщаютъ другія подобныя зрительному нерву. Нервъ сообщаетъ другія подобныя мозгу. Мозгъ, равнымъ образомъ, сообщаетъ другія подобныя безчастичной матеріи, проникающей все. Движеніе этой послѣдней есть мысль, воспріятіе которой есть первое волнообразное колебаніе. Это порядокъ, которымъ разумъ начальной жизни сообщается съ внѣшнимъ міромъ; внѣшній же міръ—ограниченъ для начальной жизни индивидуальными особенностями ея органовъ. Но въ ко-

нечной, неорганизованной жизни внѣшній міръ касается всего тѣла (созданнаго, какъ я сказалъ, изъ основы, имѣющей сродство съ мозгомъ), и между ними нѣтъ ничего посредствующаго, кромѣ эѳира, безконечно болѣе разрѣженнаго, чѣмъ эѳиръ свѣтоносный; и на этотъ-то эѳиръ — въ согласіи съ нимъ — вибрируетъ все тѣло, приводя въ движеніе проникающую его безчастичную матерію. Потому, именно отсутствію имѣющихъ индивидуальное назначеніе органовъ мы должны приписать почти безграничную воспріемлемость конечной жизни. Для начальныхъ существъ органы — клѣтки, необходимыя для нихъ, пока у нихъ не выростутъ крылья.

П. Вы говорите о начальныхъ „существахъ". Развѣ есть, кромѣ человѣка, другія начальныя мыслящія существа?

В. Многочисленныя скопленія разрѣженной матеріи въ туманности, въ планеты, въ солнца и въ другія тѣла, являющіяся не туманностями, не солнцами, не планетами, имѣютъ своимъ единственнымъ назначеніемъ доставить *пищу* для индивидуальныхъ свойствъ органовъ безконечнаго количества начальныхъ существъ. Безъ необходимости начальной жизни, которая предшествуетъ конечной, такихъ тѣлъ не было бы. Каждое изъ нихъ заселено различнымъ множествомъ органическихъ начальныхъ мыслящихъ существъ. Во всѣхъ органы различествуютъ въ соотвѣтствіи съ частными чертами обиталища. Въ смерти или въ метаморфозѣ эти существа, пользуясь конечной жизнью—безсмертіемъ—и постигая всѣ тайны, кромѣ *одной*, дѣлаютъ все и проходятъ повсюду, силой простого хотѣнія:—пребываютъ не на звѣздахъ, которыя намъ кажутся единственными осязательностями, и для размѣщенія которыхъ, какъ мы слѣпо думаемъ, будто бы было создано пространство — но въ самомъ пространствѣ — въ этой безконечности, истинно субстанціальная громадность которой поглощаетъ звѣздо-тѣни, стирая ихъ, какъ несуществующее, въ воспріятіи ангеловъ.

П. Вы говорите, что „безъ *необходимости* начальной жизни“ не было бы звѣздъ. Откуда же эта необходимость?

В. Въ неорганизованной жизни, такъ же какъ и въ неорганической матеріи вообще, нѣтъ ничего, что могло бы препятствовать дѣйствію простого *единственнаго* закона—Божественнаго хотѣнія. Съ цѣлью образовать препятствіе и была создана организованная жизнь и органическая матерія (сложная, субстанціальная, и обремененная законами).

П. Но въ свою очередь, какая была необходимость создавать это препятствіе?

В. Слѣдствіе ненарушеннаго закона есть совершенство—справедливость — отрицательное счастье. Слѣдствіе закона нарушеннаго — несовершенство, несправедливость, положительное страданіе. Черезъ препятствія, представляемыя числомъ, сложностью и субстанціальностью законовъ органической жизни и матеріи, нарушеніе закона дѣлается въ извѣстной степени осуществимымъ. Такимъ образомъ, страданіе, которое невозможно въ неорганизованной жизни, возможно въ организованной.

П. Но для какой благой цѣли страданіе, такимъ образомъ, сдѣлалось возможнымъ?

В. Все хорошо или дурно по сравненію. Соотвѣтственный анализъ долженъ показать, что наслажденіе, во всѣхъ случаяхъ, есть лишь контрастъ страданія. *Положительное* наслажденіе есть не болѣе, какъ идея. Чтобы быть до извѣстной степени счастливымъ, мы должны въ той же степени пострадать. Никогда не знать страданія, значило бы никогда не знать благословенія. Но разъ, какъ было сказано, въ неорганизованной жизни страданіе невозможно, возникаетъ необходимость жизни организованной. Боль первичной жизни Земли есть единственная основа для благословенности конечной жизни въ Небесахъ.

П. Еще одно изъ вашихъ выраженій я никакъ не могу понять—„истинно *субстанціальная* громадность безконечности“.

В. Это, вѣроятно, потому, что у васъ нѣтъ достаточно родового понятія для наименованія самой *„субстанціи“*. Мы должны разсматривать ее не какъ качество, а какъ чувство; это—воспріятія въ мыслящихъ существахъ, приспособленіе матеріи къ ихъ организаціи. Многое изъ того, что существуетъ на землѣ, предстанетъ для обитателей Венеры какъ ничто—многое изъ того, что зримо и осязаемо на Венерѣ, мы совсѣмъ не могли бы воспринять какъ существующее. Но для неорганическихъ существъ—для ангеловъ—вся цѣлость безчастичной матеріи есть субстанція, т. е. вся цѣлость того, что мы называемъ „пространствомъ“, является для нихъ самой истинной субстанціальностью;— между тѣмъ, звѣзды, въ силу того, что̀ мы разсматриваемъ какъ ихъ матеріальность, ускользаютъ отъ ангельскаго чувства именно въ той пропорціи, въ какой безчастичная матерія, въ силу того, что̀ мы разсматриваемъ какъ ея нематеріальность, ускользаетъ отъ чувства органическаго.

Когда усыпленный произносилъ слабымъ голосомъ эти послѣднія слова, я замѣтилъ въ его лицѣ какое-то особенное выраженіе, которое нѣсколько встревожило меня и заставило тотчасъ разбудить его. Едва я это сдѣлалъ, какъ свѣтлая улыбка озарила всѣ его черты и, откинувшись на подушку, онъ испустилъ духъ. Я замѣтилъ, что менѣе, чѣмъ въ одну минуту послѣ этого, его тѣло уже приняло всю суровую неподвижность камня. Лобъ его былъ холоденъ, какъ ледъ. Такимъ обыкновенно онъ представляется лишь послѣ того, какъ на немъ долго лежала рука Азраила. Не говорилъ-ли, на самомъ дѣлѣ, усыпленный послѣднюю часть своей рѣчи, обращенной ко мнѣ, изъ области тѣней?

МОГУЩЕСТВО СЛОВЪ.

Ойносъ. Прости, Агатосъ, слабость духа, едва окрыеннаго безсмертіемъ!

Агатосъ. Ты ничего не сказалъ, милый Ойносъ, за что нужно было бы просить прощенія. Даже и здѣсь знаніе не является слѣдствіемъ простого созерцанія. Что касается мудрости, ты можешь смѣло спрашивать о ней у ангеловъ, она тебѣ можетъ быть дана!

Ойносъ. Но мнѣ думалось, что въ этомъ существованіи я сразу узнаю обо всемъ и, такимъ образомъ, сразу сдѣлаюсь счастливымъ, все узнавши.

Агатосъ. О, счастье заключается не въ знаніи, а въ пріобрѣтеніи знанія! Съ каждымъ мигомъ снова познавая, мы съ каждымъ мигомъ снова получаемъ благословеніе. Но знать все—это было бы проклятіемъ дьявола.

Ойносъ. Но Всевышній, развѣ Онъ не все знаетъ?

Агатосъ. *Это*, только это *одно* должно еще оставаться неизвѣстнымъ даже и для Него, ибо Онъ Всеблаженный.

Ойносъ. Но если мы ежечасно умножаемъ наши познанія, вѣдь въ *концѣ концовъ* все будетъ извѣстно!

Агатосъ. Взгляни внизъ въ эти бездонныя пространства!—постарайся проникнуть взоромъ черезъ многочисленные сонмы звѣздъ, пока мы медленно скользимъ среди

пихъ, вотъ такъ — и такъ — и такъ! Ты видишь, что даже и духовное зрѣніе вездѣ задерживается безпрерывно тянущимися золотыми оплотами вселенной! — оплотами, состоящими изъ миріадовъ свѣтящихся тѣлъ, самое число которыхъ явилось для того, чтобы слиться въ одно цѣлое!

Ойносъ. Я вижу ясно, что безконечность матеріи не сонъ.

Агатосъ. Въ Эдемѣ *нѣтъ* сновъ — но здѣсь шопотомъ говорятъ, что *единственное* назначеніе безконечности матеріи — это быть безконечными источниками, гдѣ душа могла бы утолять свою жажду *знать*, которая навѣки неугасима въ ней — ибо угасить ее, значило бы уничтожить самую жизнь души. Спрашивай же меня, милый Ойносъ, безъ колебаній и безъ опасеній. Устремимся впередъ! Оставимъ по лѣвую сторону громкую гармонію Плеядъ, и проскользнемъ черезъ толпу свѣтилъ въ звѣздные луга, за предѣлы Оріона, гдѣ вмѣсто фіалокъ и веселыхъ глазокъ и троицына цвѣта протянулись гряды трояких и трехцвѣтныхъ солнцъ.

Ойносъ. А теперь, Агатосъ, покуда мы движемся впередъ, учи меня!—говори мнѣ знакомыми звуками земли! Я не понялъ, на что ты сейчасъ намекнулъ мнѣ, говоря о способахъ и методахъ того, что, во время нашей смертности, мы привыкли называть Мірозданіемъ. Ты хочешь сказать, что Создатель не Богъ?

Агатосъ. Я хочу сказать, что Божество не создаетъ.

Ойносъ. Объясни!

Агатосъ. *Только* вначалѣ Онъ создалъ. Видимыя созданія, которыя теперь такъ безпрерывно возникаютъ къ жизни во вселенной, могутъ быть разсматриваемы лишь какъ косвенные или посредственные, не какъ прямые или непосредственные результаты Божественной творческой силы.

Ойносъ. Среди людей, милый Агатосъ, эта мысль показалась бы до крайности еретической.

Агатосъ. Среди ангеловъ, милый Ойносъ, она кажется простою истиной.

Ойносъ. Я могу понять тебя въ такомъ смыслѣ, что извѣстныя дѣйствія того, что мы именуемъ Природой или законами природы, заставляютъ, при извѣстныхъ условіяхъ, возникать то, чтó имѣетъ всѣ *видимыя черты* созданія. Незадолго предъ окончательнымъ крушеніемъ земли были, я хорошо помню, неоднократные и очень успѣшные опыты того, чтó нѣкоторыми философами довольно несправедливо было названо созданіемъ микроскопическихъ существъ.

Агатосъ. То, что ты говоришь, является въ дѣйствительности примѣромъ вторичнаго созданія, примѣромъ *единственнаго* вида зиждительнаго процесса, когда-либо возникавшаго съ тѣхъ поръ какъ первое слово, будучи сказано, вызвало къ жизни первый законъ.

Ойносъ. А эти звѣздные міры, что, вспыхивая изъ бездны небытія, ежечасно обрисовываются на небесахъ—эти звѣзды, Агатосъ, развѣ не являются непосредственнымъ твореніемъ Царя?

Агатосъ. Позволь мнѣ, милый Ойносъ, шагъ за шагомъ привести тебя къ представленію, которое я разумѣю. Ты хорошо знаешь, что какъ ни одна мысль не можетъ погибнуть, такъ нѣтъ и ни одного дѣйствія, которое бы не было сопряжено съ безконечнымъ результатомъ. Такъ, напримѣръ, когда мы были жителями земли, мы двигали руками и этимъ самымъ сообщали вибрацію окружавшей насъ атмосферѣ. Эта вибрація безконечно распространялась, пока она не давала толчокъ каждой частицѣ земного воздуха, который съ тѣхъ поръ, и *навсегда*, былъ приведенъ въ состояніе дѣятельности однимъ движеніемъ руки. Этотъ фактъ хорошо былъ извѣстенъ математикамъ нашей планеты. Дѣйствительно, они подвергли точному вычисленію особые эффекты, производимые въ жидкости особыми движеніями, — такъ что легко сдѣлалось опредѣлить, въ какой точный періодъ движеніе данныхъ размѣровъ можетъ опоясать весь земной шаръ и (навсегда) оказать свое вліяніе на каждый атомъ окружающей атмосферы. Идя об-

ратнымъ путемъ, они безъ затрудненій опредѣлили, по данному эффекту и при данныхъ условіяхъ, размѣръ первоначальнаго движенія. Теперь, математики, увидѣвши, что результаты любого даннаго толчка были абсолютно безконечны — увидѣвши, что извѣстная часть этихъ результатовъ точнымъ образомъ могла быть прослѣжена съ помощью алгебраическаго анализа — увидѣвши, кромѣ того, легкость слѣдованія по обратному пути — увидѣли, въ то же самое время, что этотъ родъ самаго анализа включалъ въ себѣ возможность безконечнаго прогресса — что для его поступательнаго движенія и для его примѣнимости не было мыслимыхъ границъ, исключая тѣхъ, которыя находились въ умѣ, осуществлявшемъ и примѣнявшемъ данный анализъ. Но на этомъ пунктѣ наши математики остановились.

Ойносъ. А почему же, Агатосъ, они должны были бы идти дальше?

Агатосъ. Потому что за этимъ были нѣкоторыя соображенія глубокой важности. Изъ того, что̀ они знали, можно было вывести, что для существа съ безконечнымъ разумѣніемъ — для того, передъ кѣмъ *совершенство* алгебраическаго анализа было разоблаченнымъ — не было никакого затрудненія прослѣдить каждый толчокъ, данный воздуху — и черезъ воздухъ перешедшій въ эѳиръ — до отдаленнѣйшихъ послѣдствій, отодвинутыхъ въ безконечно далекую эпоху времени. На самомъ дѣлѣ, можно доказать, что каждый изъ такихъ толчковъ, *оказавшій давленіе на воздухъ*, долженъ, *въ концѣ*, оказать впечатлѣніе на каждое индивидуальное существо, находящееся *въ предѣлахъ вселенной;* — и существо безконечнаго разумѣнія — существо, которое мы вообразили — могло бы прослѣдить отдаленныя колебанія движенія — прослѣдить ихъ по всѣмъ направленіямъ, въ ихъ вліяніяхъ на всѣ частицы всей матеріи — по разнымъ направленіямъ, навсегда, въ видоизмѣненныхъ ими старыхъ формахъ — или, другими словами, *въ ихъ созданіи новаго* — до тѣхъ поръ пока оно не нашло бы ихъ отра-

женными — *наконецъ*, невліяющими — откинутыми назадъ отъ трона Божества. И не только такое существо могло бы сдѣлать это, но въ любую эпоху, разъ ему былъ бы представленъ данный результатъ—если бы, напримѣръ, его разсмотрѣнію представили одну изъ этихъ безчисленныхъ кометъ — оно могло бы безъ затрудненія, съ помощью обратнаго аналитическаго пути, опредѣлить, какому первоначальному побужденію она повинуется. Эта власть слѣдованія обратнымъ путемъ въ его абсолютной полнотѣ и совершенствѣ — эта способность отнесенія, во *всѣ* эпохи, *всѣхъ* дѣйствій ко *всѣмъ* причинамъ—является, конечно, преимуществомъ только Божества — но въ каждомъ видоизмѣненіи степени, за предѣлами абсолютнаго совершенства, эта власть осуществляется цѣлымъ множествомъ Ангельскихъ Разумовъ.

Ойносъ. Но ты говоришь только о побужденіяхъ, запечатлѣнныхъ въ воздухѣ.

Агатосъ. Говоря о воздухѣ, я разумѣлъ только землю; но общее положеніе имѣетъ отношеніе къ побужденіямъ, запечатлѣннымъ въ эѳирѣ — который, такъ какъ онъ проникаетъ, и только онъ проникаетъ, все пространство, является великимъ посредникомъ *созданія.*

Ойносъ. Тогда всякое движеніе, какого бы то ни было характера, создаетъ?

Агатосъ. Должно. Но истинная философія издавна научила насъ, что источникъ всякаго движенія есть мысль— а источникъ всякой мысли есть--

Ойносъ. Богъ.

Агатосъ. Я говорилъ съ тобой, Ойносъ, какъ съ ребенкомъ прекрасной Земли, только что погибшей — о побужденіяхъ, запечатлѣнныхъ въ атмосферѣ Земли.

Ойносъ. Да.

Агатосъ. И пока я это говорилъ, не мелькнула-ли въ твоемъ умѣ какая-нибудь мысль о *физическомъ могуществѣ словъ?* Не является ли каждое слово побужденьемъ, вліяющимъ на воздухъ?

7*

Ойносъ. Но почему же ты плачешь, Агатосъ—и почему, о, почему твои крылья слабѣютъ, когда мы паримъ надъ этой прекрасной звѣздой — самой зеленой и самой страшной изо всѣхъ, встрѣченныхъ нами въ нашемъ полетѣ? Блестящіе цвѣты ея подобны волшебному сну — но свирѣпые ея вулканы подобны страстямъ мятежнаго сердца.

Агатосъ. Они *то*, что̀ ты видишь! они *то* въ дѣйствительности! Эта безумная звѣзда — вотъ уже три столѣтія тому назадъ я, стиснувъ руки, и съ глазами полными слезъ, у ногъ моей возлюбленной — сказалъ ее — нѣсколькими страстными словами — далъ ей рожденіе. Ея блестящіе цвѣты *воистину* есть самый завѣтный изъ всѣхъ невоплотившихся сновъ, и бѣснующіеся ея вулканы *воистину суть* страсти самаго бурнаго и самаго оскорбленнаго изъ всѣхъ сердецъ.

БЕСѢДА МЕЖДУ МОНОСОМЪ И УНОЙ.

Μὲλλοντα ταῦτα.

То, что грядетъ.

Софоклъ. Антигона.

Уна. „Вновь рожденная“?

Моносъ. Да, прекраснѣйшая и нѣжно любимая моя Уна, „вновь рожденная“. Таковы были слова, о мистическомъ значеніи которыхъ я такъ долго размышлялъ, отвергая истолкованія, данныя жречествомъ, пока Смерть сама не разрѣшила для меня тайну.

Уна. Смерть!

Моносъ. Какъ странно, милая Уна, ты вторишь моимъ словамъ! Я вижу какое-то колебаніе въ твоихъ шагахъ, въ глазахъ твоихъ какое-то радостное безпокойство. Ты смущена и подавлена величественной новизною Вѣчной Жизни. Да, я говорилъ о Смерти. И какъ необычно звучитъ здѣсь это слово, издавна вносившее ужасъ во всѣ сердца, пятная ржавчиной всѣ наслажденія!

Уна. А, Смерть, призракъ, присутствовавшій при всѣхъ празднествахъ! Какъ часто, Моносъ, терялись мы въ размышленіяхъ объ ея природѣ! Какъ таинственно вставала она помѣхою для людского благословенія, говоря ему — „до сихъ поръ, и не дальше!“ Эта правдивая взаимная любовь,

горѣвшая въ груди у насъ, милый мой Моносъ,—какъ тщетно мы тѣшили себя мыслью, что, если мы счастливы при ея первомъ возникновеніи, наше счастье возростетъ съ ея возростаніемъ! Увы, по мѣрѣ того какъ она росла, росъ въ нашихъ сердцахъ и страхъ предъ тѣмъ недобрымъ часомъ, который спѣшилъ, чтобы разлучить насъ навсегда! И такимъ образомъ, съ теченіемъ времени, любить стало мученіемъ. Самая ненависть была бы тогда милосердіемъ.

Моносъ. Не говори здѣсь объ этихъ печаляхъ, дорогая Уна—моя, теперь моя навѣки.

Уна. Но память о прошлой печали не составляетъ-ли радость въ настоящемъ? Мнѣ многое еще хочется сказать о вещахъ, которыя были. Прежде всего, я горю нетерпѣніемъ узнать объ обстоятельствахъ твоего перехода черезъ темную Долину и Тѣнь.

Моносъ. Когда же блистательная Уна спрашивала о чемъ-нибудь своего Моноса напрасно? Я буду подробенъ въ своемъ повѣствованіи, но съ какого времени долженъ начаться зачарованный разсказъ?

Уна. Съ какого времени?

Моносъ. Ты сказала.

Уна. Я понимаю тебя, Моносъ. Въ Смерти мы оба познали склонность человѣка опредѣлять неопредѣлимое. Я не хочу сказать, начни съ момента прекращенія жизни—но начни съ того грустнаго, грустнаго мгновенія, когда, послѣ того какъ лихорадка оставила тебя, ты погрузился въ бездыханное и недвижное оцѣпенѣніе, и я закрыла твои блѣдныя вѣки, прикоснувшись къ нимъ страстными перстами любви.

Моносъ. Одно слово сначала, милая Уна, объ общихъ условіяхъ въ жизни человѣка той эпохи. Ты помнишь, что одинъ или два мудреца среди нашихъ предковъ—мудрые въ дѣйствительности, хотя не въ глазахъ міра—посмѣли усомниться въ вѣрности выраженія „прогрессъ“ примѣнительно къ развитію нашей цивилизаціи. Въ каждомъ изъ пяти

или шести столѣтій, непосредственно предшествовавшихъ нашему распаденію, бывали періоды, когда возникалъ какой-нибудь могучій умъ, смѣло ратуя за тѣ основоположенія, истинность которыхъ является теперь для нашего освобожденнаго разума столь неотразимо очевидной—основоположенія, которыя должны были бы научить нашу расу скорѣе покорствовать руководству законовъ природы, нежели пытаться управлять ими. Черезъ долгіе промежутки времени являлись первоклассные умы, смотрѣвшіе на каждое пріобрѣтеніе въ области практическаго знанія, какъ на шагъ назадъ въ сферѣ истинной полезности. Иногда поэтическій разумъ — тотъ разумъ, что теперь предстаетъ для нашего чувства, какъ самый возвышенный изъ всѣхъ— ибо истины, имѣвшія для насъ наиболѣе важное значеніе, могли быть достигнуты лишь съ помощью той *аналогіи*, которая говоритъ убѣдительно одному воображенію, а для безпомощнаго разсудка не имѣетъ смысла — иногда этотъ поэтическій разумъ дѣлалъ шагъ дальше въ развитіи смутной идеи философскаго пониманія, и въ мистической притчѣ, гласящей о древѣ познанія и объ его запретномъ смертоносномъ плодѣ, онъ находилъ явственныя указанія на то, что знаніе неприличествуетъ человѣку при младенческомъ состояніи его души. Эти люди — поэты — живя и погибая среди презрѣнія „утилитаристовъ,“ грубыхъ педантовъ, присвоившихъ себѣ наименованіе, подходившее лишь къ тѣмъ, кто былъ презираемъ—эти люди, поэты, мучительно, но мудро, размышляли о старинныхъ дняхъ, когда наши потребности были настолько же простыми, насколько наши наслажденія острыми — о дняхъ, когда *веселость* была словомъ неизвѣстнымъ, такъ торжественно и полнозвучно было счастье—о тѣхъ святыхъ, величественныхъ и благословенныхъ дняхъ, когда голубыя рѣки привольно бѣжали среди холмовъ, нетронутыхъ ничьей рукой, въ далекія лѣсныя уединенія, первобытныя, душистыя и неизслѣдованныя. Но такія благородныя исключенія изъ

общей междоусобицы служили лишь къ тому, чтобы увеличить ее силою сопротивленія. Увы, къ намъ пришли самые недобрые изъ всѣхъ нашихъ недобрыхъ дней. Великое „развитіе“—такъ лицемѣріе назвало его—шло своимъ чередомъ: недужное сотрясеніе, моральное и физическое. Искусство—Искусства—воцарились и, разъ занявши тронъ, набросили цѣпи на разумъ, вознесшій ихъ ко власти. Человѣкъ, не могшій не признавать величія Природы, пришелъ въ ребяческое ликованіе по поводу достигнутаго имъ и все увеличивавшагося господства надъ ея стихіями. И какъ разъ тогда, когда онъ рисовался себѣ въ своемъ воображеніи Богомъ, младенческое тупоуміе овладѣло имъ. Какъ можно было предположить по началу его недуга, онъ заразился системой и абстракціей. Онъ запутался въ обобщеніяхъ. Среди другихъ неуклюжихъ идей мысль о всеобщемъ равенствѣ завладѣла вниманіемъ: и предъ лицомъ аналогіи и Бога—вопреки громко предостерегающему голосу законовъ *градаціи*, столь видимо проникающей все, что есть на Землѣ и на Небѣ — были сдѣланы безумныя попытки установить всеглавенствующую Демократію. Но это зло неизбѣжно проистекало изъ зла руководящаго, Знанія. Человѣкъ не могъ одновременно знать и подчиняться. А между тѣмъ возникли огромные дымящіеся города, неисчислимые. Искаженные, сжались зеленые листья передъ горячимъ дыханіемъ печей. Прекрасный ликъ Природы былъ обезображенъ какъ бы губительнымъ дѣйствіемъ какой-то омерзительной болѣзни. И мнѣ кажется, милая Уна, что даже наше дремотное чувство искусственности и неестественности могло бы остановить насъ здѣсь. Но теперь явствуетъ, что мы сами создали наше разрушеніе, извративъ нашъ *вкусъ* или, скорѣе, слѣпо предавъ небреженію его воспитаніе въ школахъ. Ибо поистинѣ, во время такого кризиса, одинъ только вкусъ—эта способность, которая, занимая среднее положеніе между чистымъ разумомъ и моральнымъ чувствомъ, никогда бы не должна

была упускаться изъ вниманія — только вкусъ могъ бы мягко возвратить насъ къ Красотѣ, къ Природѣ и къ Жизни. Но увы, гдѣ былъ этотъ чистый созерцательный духъ и величественная интуиція Платона! Увы, гдѣ была эта *μουσική*, въ которой онъ справедливо видѣлъ нѣкое всеудовлетворяющее воспитаніе для души. Увы, и въ томъ и въ другомъ была самая крайняя нужда, когда и то и другое было самымъ безраздѣльнымъ образомъ забыто или презрѣно *).

Паскаль, философъ котораго мы оба любимъ, сказалъ — и какъ вѣрно! — *„que tout notre raisonnement se réduit à céder au sentiment“* **); и не вполнѣ невозможно, что чувство естественности, если бы время позволило, снова захватило бы свое старинное господство надъ жесткимъ школьнымъ математическимъ разсудкомъ. Но этого не случилось. Наступила преждевременная старость міра, обусловленная излишествами знанія. Масса человѣчества этого не увидала,

*) „Было бы трудно найти лучшій способъ воспитанія, чѣмъ тотъ, который уже былъ найденъ опытомъ столькихъ вѣковъ; онъ можетъ быть вкратцѣ опредѣленъ, какъ гимнастическія упражненія для тѣла и *музыка* для души“. — *Республика*, *Книга II*. „По этой причинѣ музыкальное воспитаніе есть наиболѣе существенное; ибо оно заставляетъ Ритмъ и Гармонію проникать самымъ интимнымъ образомъ въ душу, съ силой завладѣвая ей, наполняя ее *красотой* и дѣлая человѣка *красиво-мыслящимъ*: онъ начинаетъ хвалить и восхищаться *красивымъ;* принимаетъ въ свою душу красивое съ радостью, питается имъ и *уподобляетъ ему свое существо*“. — *Ibid. Книга III*. Музыка (*μουσική*) имѣла однако у Аѳинянъ гораздо болѣе обширное значеніе, чѣмъ у насъ. Она включала въ себя не только гармоніи такта и лада, но и поэтическій способъ выраженія, чувство и творчество, каждое въ самомъ широкомъ смыслѣ. Изученіе *музыки* было у нихъ на самомъ дѣлѣ общимъ воспитаніемъ вкуса—того, что̀ распознаетъ прекрасное—въ отличіе и въ противоположность отъ разсудка, который имѣетъ дѣло только съ истиннымъ.

**) Всѣ наши разсужденія сводятся къ тому, чтобы уступить чувству.

или, живя чувственно, хотя и несчастливо, не хотѣла видѣть. Что касается меня, повѣствованія Земли научили меня видѣть въ полной гибели награду самой высокой цивилизаціи. Я почерпнулъ предвѣденіе нашей Судьбы въ сопоставленіи Китая, простого и терпѣливаго, съ архитекурной Ассиріей, съ Египтомъ, чей геній—астрологія, съ Нубіей, болѣе утонченной, чѣмъ двѣ эти страны, съ безпокойной матерью всѣхъ Искусствъ. Въ исторіи *) этихъ странъ я встрѣтилъ проблескъ изъ Будущаго. Индивидуальныя явленія искусственности въ области трехъ этихъ послѣднихъ были мѣстными недугами Земли, и въ индивидуальномъ ихъ ниспроверженіи мы видѣли примѣненіе мѣстныхъ цѣлительныхъ средствъ; но для зараженнаго міра во всемъ его объемѣ я не могъ предвидѣть возрожденія иначе, какъ въ смерти. И такъ какъ человѣкъ, въ смыслѣ расы, не могъ прекратиться, я увидѣлъ, что онъ долженъ быть *„вновь рожденнымъ“*.

Тогда-то, моя прекрасная, моя возлюбленная, мы въ свѣтѣ дней окутывали наши души снами, мы въ сумеречномъ свѣтѣ говорили о дняхъ грядущихъ, когда изуродованная Искусственностью поверхность Земли, подвергнувшись тому очищенію **), которое лишь одно могло бы стереть ея прямоугольныя непристойности, вновь одѣнется зеленью и горными склонами и смѣющимися водами Рая, и сдѣлается, наконецъ, достойнымъ обиталищемъ для человѣка: — для человѣка, очищеннаго Смертью, для человѣка, возвышенный умъ котораго въ знаніи не будетъ больше находить отравы— для освобожденнаго, возрожденнаго, блаженнаго и отнынѣ безсмертнаго, хотя все еще *матеріальнаго,* человѣка.

Уна. Я хорошо помню эти бесѣды, милый Моносъ; но эпоха ниспроверженія огнемъ была не такъ близка, какъ

---

*) „Исторія“ отъ *ἱστορεῖν*, созерцать.

**) Слово purification, очищеніе, повидимому должно здѣсь имѣть соотношеніе съ своимъ Греческимъ корнемъ *πὺρ*—огонь.

мы думали, и какъ указанный тобой упадокъ достовѣрно предвозвѣщалъ намъ. Люди жили и умирали въ предѣлахъ индивидуальности. И ты самъ занемогъ и перешелъ въ могилу; въ могилу же быстро за тобой послѣдовала и твоя вѣрная Уна. И хотя столѣтіе, которое прошло съ тѣхъ поръ и своимъ заключеніемъ еще разъ соединило насъ, не терзало наши дремлющія чувства нетерпѣливымъ ощущеніемъ длительности, однако, милый Моносъ, это было всетаки столѣтіе.

Моносъ. Скажи лучше—точка въ смутной безконечности. Безспорно, я умеръ во время одряхлѣнія Земли. Сердце мое было истомлено тревогой, благодаря всеобщей смутѣ и упадку; я сдѣлался жертвой жестокой лихорадки. Послѣ нѣсколькихъ немногихъ дней страданій, и многихъ дней исполненнаго сновидѣній бреда, насыщеннаго экстазомъ, проявленія котораго ты приняла за страданія, между тѣмъ какъ я жаждалъ, но былъ безсиленъ разсѣять твое заблужденіе — послѣ нѣсколькихъ дней, какъ ты сказала, мной овладѣло бездыханное и неподвижное оцѣпенѣніе; и тѣ, что стояли вокругъ меня, нарекли это *Смертью.*

Слова — существа смутныя. Мое состояніе не лишило меня способности воспріятія. Оно представилось мнѣ не очень отличающимся отъ крайняго успокоенія того человѣка, который, послѣ долгаго и глубокаго сна, неподвижно лежа, весь распростертый, въ полуденный часъ жгучаго лѣта, начинаетъ медленно возвращаться къ сознанію, не будучи пробужденъ никакой внѣшней помѣхой, но лишь въ силу достаточности своего сна.

Я болѣе не дышалъ. Пульсъ былъ недвижимъ. Сердце перестало биться. Хотѣніе не исчезло, но было безсильно. Чувства были необыкновенно дѣятельными, хотя дѣятельность ихъ проистекала изъ разныхъ центровъ—нерѣдко они исполняли свои отправленія вперемежку, одно вмѣсто другого. Вкусъ и обоняніе были неразрѣшимо смѣшаны и превратились въ одно чувство, ненормальное и напряженное.

Розовая вода, которою ты ласково увлажнила мои губы въ послѣднее мгновеніе, наполнила меня нѣжными видѣніями цвѣтовъ—фантастическихъ цвѣтовъ, гораздо болѣе красивыхъ, чѣмъ какой-либо изъ цвѣтковъ старой Земли, но прообразы которыхъ мы видимъ здѣсь цвѣтущими вкругъ насъ. Прозрачныя и безкровныя вѣки не представляли полной преграды для зрѣнія. Такъ какъ воля отсутствовала, глазныя яблоки не могли вращаться въ своихъ впадинахъ — но всѣ предметы въ области зрительнаго полушарія были видимы съ большей или меньшей явственностью; лучи, падавшіе на внѣшнюю сѣтчатку или въ углы глаза, производили болѣе живое впечатлѣніе, чѣмъ тѣ лучи, которые касались лба или внутренней поверхности глаза. Но это впечатлѣніе было столь аномальнымъ, что я воспринималъ его только какъ *звукъ* — нѣжный или рѣзкій, въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, были-ли предметы, возникавшіе возлѣ меня, свѣтлыми или темными въ своей поверхности, закругленными или полными угловъ въ очертаніяхъ. Въ то же самое время слухъ, хотя и возбужденный до извѣстной степени, не былъ неправильнымъ въ своемъ дѣйствіи—онъ только оцѣнивалъ реальные звуки съ поразительной точностью и съ столь же необыкновенной повышенностью воспріятія. Осязаніе подверглось перемѣнѣ болѣе своеобразной. Впечатлѣнія, имъ воспринимаемыя, принимались медленно, но задерживались съ упорствомъ, и каждый разъ кончались самымъ высокимъ физическимъ наслажденіемъ. Такъ, прикосновеніе твоихъ нѣжныхъ пальцевъ къ моимъ вѣкамъ, сперва воспринятое лишь зрѣніемъ, потомъ, послѣ того какъ они давно уже были удалены, наполнило все мое существо безмѣрнымъ чувственнымъ восторгомъ. Я говорю, чувственнымъ восторгомъ. *Всѣ* мои воспріятія были чисто чувственными. Матеріалы, доставлявшіеся бездѣйственному мозгу чувствами, ни въ малѣйшей степени не облекались умершимъ разумѣніемъ въ форму. Страданія было въ этомъ очень мало; наслажденія много; но моральнаго страданія

или наслажденія—не было вовсе. Такъ, твои безумныя рыданія волною проникли въ мой слухъ со всѣми перемѣнами ихъ скорбной пѣвучести, и были восприняты въ каждомъ измѣненіи ихъ печальнаго ритма; но они были нѣжными музыкальными звуками—и только; они не внушали угасшему разсудку указанія на скорбь, ихъ родившую; между тѣмъ какъ обильныя, крупныя слезы, падавшія на мое лицо, говоря присутствующимъ о сердцѣ, которое разбилось, наполняли каждую фибру моего существа только экстазомъ. И это было поистинѣ—*Смертью*, о которой эти присутствовавшіе говорили благоговѣйно, тихимъ шопотомъ, а ты, нѣжная Уна, задыхаясь и громкими криками.

Они одѣвали меня во гробъ — три или четыре темныя фигуры, озабоченно метавшіяся туда и сюда. Когда они пересѣкали прямую линію моего зрѣнія, они дѣйствовали на меня какъ *формы*; но, проходя сбоку, ихъ образы исполняли меня впечатлѣніемъ криковъ, стоновъ, и другихъ зловѣщихъ выраженій страха, ужаса и горя. Ты одна, одѣтая въ бѣлое, двигалась вокругъ меня по всѣмъ направленіямъ музыкально.

День убывалъ; и по мѣрѣ того какъ его свѣтъ слабѣлъ, мной стало овладѣвать смутное безпокойство — тревога, какую испытываетъ спящій, когда печальные, реальные звуки безпрерывно упадаютъ въ его слухъ — отдаленные, тихіе, колокольные звоны, торжественные, раздѣленные долгими, но равными моментами молчанія, и согласованные съ грустными снами. Пришла ночь, и вмѣстѣ съ ея тѣнями чувство тягостной неуютности. Она налегла на мои члены бременемъ чего-то тупого и тяжелаго, и была осязательна. Въ ней былъ также звукъ глухого стенанія, подобный отдаленному гулу прибоя, но болѣе продолжительный, который, начавшись съ наступленіемъ сумерекъ, возросъ въ силѣ съ наступленьемъ темноты.

Внезапно въ комнату были внесены свѣчи, и этотъ гулъ, прервавшись, немедленно возникъ частыми, неравными

взрывами того же самаго звука, но менѣе угрюмаго и менѣе явственнаго. Гнетъ тяжелаго бремени въ значительной степени былъ облегченъ; и, исходя отъ пламени каждой лампады (ихъ было нѣсколько), въ мой слухъ безпрерывно вливалась волна монотонной мелодіи. Когда же, приблизившись къ ложу, на которомъ я былъ распростертъ, ты тихонько сѣла около меня, милая Уна, ароматно дыша своими нѣжными устами и прижимая ихъ къ моему лбу, въ груди моей трепетно пробудилось что-то такое, что, смѣшавшись съ чисто физическими ощущеніями, вызванными во мнѣ окружающимъ, возникло какъ нѣчто родственное самому чувству — чувство, которое, наполовину оцѣнивъ твою глубокую любовь и скорбь, наполовину отвѣтило имъ; но это чувство не укрѣпилось въ сердцѣ, чуждомъ біеній, и казалось скорѣе тѣнью, чѣмъ дѣйствительностью, и быстро поблекло, сперва превратившись въ крайнее спокойствіе потомъ въ чисто чувственное наслажденіе, какъ прежде.

И тогда изъ обломковъ и хаоса обычныхъ чувствъ во мнѣ какъ бы возникло шестое чувство, всесовершенное. Я обрѣлъ безумный восторгъ, въ его проявленіяхъ—но восторгъ все еще физическій, такъ какъ разумѣніе не участвовало въ немъ. Движеніе въ физической основѣ совершенно прекратилось. Ни одинъ мускулъ не дрожалъ; ни одинъ нервъ не трепеталъ; ни одна артерія не билась. Но въ мозгѣ, повидимому, возникло *то*, о чемъ никакія слова не могутъ дать чисто человѣческому разуму даже самаго смутнаго представленія. Я хотѣлъ бы назвать это умственнымъ пульсирующимъ маятникомъ. Это было моральное воплощеніе отвлеченной человѣческой идеи *Времени*. Абсолютнымъ уравниваніемъ этого движенія—или такого, какъ это—были вывѣрены циклы самихъ небесныхъ тѣлъ. Съ помощью его я измѣрилъ неправильности часовъ, стоявшихъ на каминѣ, и карманныхъ часовъ, принадлежавшихъ окружающимъ. Ихъ тиканія звучно достигали моего слуха. Малѣйшія уклоненія отъ истинной пропорціи—а эти укло-

ненія были господствующимъ явленіемъ — производили на меня совершенно такое же впечатлѣніе, какое нарушенія отвлеченной истины на землѣ производятъ обыкновенно на моральное чувство. Хотя въ комнатѣ не было даже двухъ хронометровъ, индивидуальныя секунды которыхъ въ точности совпадали бы, для меня, однако, не было никакого затрудненія удерживать въ умѣ тоны и относительныя мгновенныя ошибки каждаго. И вотъ это-то чувство—это острое, совершенное, самосуществующее чувство *длительности*, чувство, существующее (человѣкъ, пожалуй, не могъ бы этого понять) независимо отъ какой-либо послѣдовательности событій—эта идея—это шестое чувство, возставшее изъ пепла погибшихъ остальныхъ, было первымъ, очевиднымъ и достовѣрнымъ шагомъ внѣвременной души, на порогѣ временной Вѣчности.

Была полночь, и ты еще сидѣла около меня. Всѣ другіе удалились изъ комнаты Смерти. Они положили меня въ гробъ. Лампады горѣли невѣрнымъ свѣтомъ; я зналъ это по трепетности монотонныхъ струнъ. Вдругъ эти звуковыя волны уменьшились въ ясности и въ объемѣ. И вотъ, они совсѣмъ прекратились. Ароматъ исчезъ изъ моего обонянія. Формы не вліяли больше на мое зрѣніе. Гнетъ Темноты приподнялся отъ моей груди. Глухой толчокъ, подобный электрическому, распространился по моему существу, и за нимъ послѣдовала полная потеря идеи соприкосновенія. Все то, что люди называютъ чувствомъ, потонуло въ безраздѣльномъ сознаніи сущности и въ единственномъ неотступномъ чувствѣ длительности. Смертное тѣло было, наконецъ, поражено рукою смертнаго *Распаденія*.

Но еще не вся воспріемлемость исчезла, потому что сознаніе и чувство, продолжая оставаться, замѣняли нѣкоторыя изъ ея проявленій летаргической интуиціей. Я оцѣнилъ теперь зловѣщую перемѣну, совершившуюся въ моемъ тѣлѣ, и какъ спящій иногда сознаетъ тѣлесное присутствіе того, кто надъ нимъ наклоняется, такъ я, о, нѣж-

ная Уна, все еще смутно чувствовалъ, что ты сидѣла около меня. И когда пришелъ полдень второго дня, я тоже не былъ чуждъ сознанія тѣхъ движеній, которыя отодвинули тебя отъ меня, и заключили меня въ гробу, и сложили меня на погребальныя дроги, и отнесли меня къ могилѣ, и опустили меня туда, и тяжко нагромоздили надо мною комья земли, и такъ оставили меня, въ чернотѣ и въ разложеніи, отдавъ меня печальнымъ и торжественнымъ снамъ въ сообществѣ съ червемъ.

И здѣсь, въ этой темницѣ, у которой мало тайнъ, чтобы ихъ разоблачить, пронеслись дни и недѣли и мѣсяцы; и душа тѣсно слѣдила за каждой улетающей секундой, и безъ усилія запоминала ея полетъ — безъ усилія и безъ цѣли.

Прошелъ годъ. Сознаніе *бытія* съ каждымъ часомъ становилось менѣе явственнымъ, и сознаніе простого *мѣстонахожденія* въ значительной степени заступило его. Идея сущности слилась съ идеей *мѣста*. Узкое пространство, непосредственно окружавшее то, что было тѣломъ, дѣлалось теперь самымъ тѣломъ. Наконецъ, какъ часто случается со спящимъ (лишь посредствомъ сна и его міра изобразима *Смерть*)—наконецъ, какъ иногда случается на Землѣ съ тѣмъ, кто охваченъ глубокой дремотой, когда какой-нибудь промелькнувшій свѣтъ наполовину пробудилъ его, но оставилъ его наполовину погруженнымъ въ сны— ко мнѣ, въ тѣсномъ объятіи съ *Тѣнью*, достигъ *тотъ* свѣтъ, что одинъ долженъ былъ бы имѣть силу пробуждать — свѣтъ непрерывной *Любви*. Надъ могилой, гдѣ я лежалъ, погружаясь во тьму, — суетились люди. Они приподняли влажную землю. На мои ветшающія кости опустился гробъ Уны.

И вотъ опять все было пусто. Этотъ облачный свѣтъ погасъ. Этотъ слабый трепетъ, вибраціями, перешелъ въ покой. Одно за другимъ толпою прошли *пятилѣтія*. Прахъ возвратился къ праху. Для червя больше не было пищи.

Чувство бытія, наконецъ, совершенно исчезло, и, замѣняя его, замѣняя все, воцарились господствующіе и безпрерывные—самодержцы, *Мѣсто* и *Время*. Для *того*, что уже *не было* — для того, что не имѣло формы—для того, что не имѣло мысли — для того, что не имѣло чувства—для того, что было беззвучнымъ, но въ чемъ матерія не участвовала совсѣмъ—для всего этого ничтожества, для всего этого безсмертія, могила была еще домомъ, и разъѣдающіе часы—сотоварищами.

РАЗГОВОРЪ МЕЖДУ ЭЙРОСОМЪ И ХАРМІОНОЙ.

Πῦρ σοι προσοίσω.

Я принесу тебѣ огонь.

Эврипидъ. Андромаха.

Эйросъ. Почему ты зовешь меня Эйросомъ?

Харміона. Такъ отнынѣ ты будешь называться всегда. Ты долженъ, кромѣ того, забыть и *мое* земное имя и говорить со мной, какъ съ Харміоной.

Эйросъ. Такъ это дѣйствительно не сонъ!

Харміона. Для насъ нѣтъ больше сновъ;—но объ этихъ тайнахъ мы будемъ говорить сейчасъ. Какъ я рада, что ты имѣешь видъ живого и мыслящаго. Завѣса тѣни уже ниспала съ твоихъ глазъ. Будь мужественнымъ и не бойся ничего. Назначенные тебѣ дни оцѣпенѣнія исполнились, и завтра я сама введу тебя въ полноту блаженства и чудесности новаго твоего существованія.

Эйросъ. Это правда—я совсѣмъ не чувствую оцѣпенѣнія. Странное недомоганіе и страшная темнота оставили меня, я не слышу больше этого безумнаго, стремительнаго, ужаснаго гула, подобнаго „голосу многихъ водъ“. Но чувства мои зачарованы, Харміона, остротою воспріятія *новаго*.

Харміона. Черезъ нѣсколько дней все это пройдетъ;— но я вполнѣ понимаю тебя и чувствую за тебя. Вотъ уже десять земныхъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я испытала то, что испытываешь ты—но воспоминаніе объ этомъ все еще не покидаетъ меня. Впрочемъ, ты уже перенесъ теперь все то страданіе, которое тебѣ суждено было испытать въ Эдемѣ.

Эйросъ. Въ Эдемѣ?

Харміона. Въ Эдемѣ.

Эйросъ. О, Боже! пощади меня, Харміона!— Я подавленъ величіемъ всего окружающаго—неизвѣстнаго, сдѣлавшагося извѣстнымъ—умозрительнаго Будущаго, погрузившагося въ торжественное и достовѣрное Настоящее.

Харміона. Не прикасайся теперь къ такимъ мыслямъ. Мы будемъ говорить объ этомъ завтра. Твой умъ колеблется, и его волненіе утихнетъ, если ты предашься простымъ воспоминаніямъ. Не гляди кругомъ, ни впередъ—но назадъ. Я горю нетерпѣніемъ, такъ мнѣ хочется услышать о подробностяхъ того поразительнаго событія, которое перебросило тебя къ намъ. Разскажи мнѣ о немъ. Поговоримъ о знакомыхъ вещахъ, старымъ знакомымъ языкомъ міра, погибшаго такъ страшно.

Эйросъ. О, страшно, страшно!—Это дѣйствительно не сонъ.

Харміона. Сновъ больше нѣтъ. Очень меня оплакивали, милый Эйросъ?

Эйросъ. Оплакивали, Харміона?—о, горько. До этого послѣдняго часа надъ твоими родными тяготѣла, какъ туча, неотступная печаль и благоговѣйная скорбь.

Харміона. А этотъ послѣдній часъ—говори мнѣ о немъ. Вспомни, что, кромѣ самаго факта гибели, я не знаю ничего. Когда, уйдя изъ среды человѣчества, я перешла сквозь Могилу въ Ночь—въ это время, если память мнѣ не измѣняетъ, несчастіе, постигшее васъ, не было предвидѣно никѣмъ. Но, правда, я была мало знакома съ умозрѣніями тѣхъ дней.

Эйросъ. Это индивидуальное несчастіе, дѣйствительно, какъ ты говоришь, было совсѣмъ непредвидѣннымъ; но подобныя злополучія долгое время уже были предметомъ обсужденія среди астрономовъ. Врядъ-ли мнѣ нужно говорить тебѣ, другъ мой, что даже въ то время, когда ты насъ покинула, люди согласились понимать тѣ мѣста въ священнѣйшихъ писаніяхъ, которыя говорятъ о конечномъ разрушеніи всѣхъ вещей огнемъ, какъ имѣющія отношеніе лишь къ земному шару. Но касательно того, что̀ явится непосредственной причиной гибели, умозрѣніе было безъ указаній, съ той эпохи, когда астрономическое знаніе лишило кометы ихъ пламенныхъ ужасовъ. Весьма малая плотность этихъ тѣлъ была прочно установлена. Наблюденія показали, что они проходили среди спутниковъ Юпитера, не причиняя какого-либо ощутимаго измѣненія ни въ массѣ ни въ орбитахъ этихъ второстепенныхъ планетъ. Долгое время мы смотрѣли на этихъ странниковъ какъ на туманныя созданія, непостижимой разрѣженности, и считали ихъ совершенно неспособными нанести какой-либо ущербъ нашей прочной планетѣ, даже въ случаѣ соприкосновенія. Но соприкосновенія не опасались нимало, ибо элементы всѣхъ кометъ были въ точности извѣстны. Что среди *нихъ* мы должны были искать посредника, грозившаго разрушеніемъ черезъ огонь, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ считалось мыслью недопустимой. Но чудесное и безумно-фантастическое въ послѣдніе дни страшно возросло среди человѣчества; и хотя лишь между немногихъ невѣжественныхъ людей укоренилось истинное предчувствіе, когда *новая* комета была возвѣщена астрономами, однако эта вѣсть всѣми была принята съ какимъ-то особеннымъ волненіемъ и недовѣріемъ.

Элементы этого страннаго небеснаго тѣла были немедленно вычислены, и всѣми наблюдавшими тотчасъ было признано, что его прохожденіе черезъ перигелій *) должно

*) Точка ближайшаго разстоянія планетъ отъ солнца.

будетъ привести его въ тѣсное сосѣдство съ землей. Было два-три астронома, изъ числа второстепенныхъ, рѣшительно утверждавшихъ, что соприкосновенie было неизбѣжно. Я не могу хорошо изобразить тебѣ впечатлѣнie, оказанное этимъ сообщенieмъ на толпу. Въ теченiи немногихъ краткихъ дней никто не хотѣлъ новѣрить въ предположенie, котораго никакъ не могъ принять разумъ, такъ долго бывшiй среди повседневнаго. Но истина факта, имѣющаго жизненный интересъ, вскорѣ находитъ себѣ доступъ и въ разумъ людей самыхъ глупыхъ. Въ концѣ всѣ увидѣли, что астрономическое знанie не обманывало, и кометы стали ждать. Ея приближенie сначала не было, повидимому, быстрымъ, и видъ ея, какъ казалось, не представлялъ ничего особеннаго. Она была темно-красная, и хвостъ ея былъ едва замѣтенъ. Въ теченiи семи или восьми дней мы не замѣчали существеннаго увеличенiя въ ея дiаметрѣ, и могли наблюдать лишь частичное измѣненie въ цвѣтѣ. Между тѣмъ обычныя занятiя людей подверглись небреженiю, и всѣ интересы сосредоточились на разроставшихся обсужденiяхъ природы кометы, возникшихъ между философами. Даже люди наиболѣе невѣжественные пробудили свои дремотные умы, чтобы предаться этимъ размышленiямъ. Ученые *теперь* отдавали свой умъ, свою душу — не на то, чтобы успокоить страхъ, или чтобы поддержать излюбленную теорiю. Нѣтъ. Они отыскивали — они жадно искали истины. Они съ мученiемъ рвались къ усовершенствованному знанiю. *Правда* возникла во всей чистотѣ своей силы и необыкновеннаго величiя, и мудрые поклонились ей.

Чтобы отъ ожидавшагося столкновенiя получился существенный ущербъ для нашей планеты или для ея обитателей, это мнѣнie съ каждымъ часомъ теряло почву среди мудрыхъ; и мудрые получили теперь полную свободу въ управленiи разсудкомъ и фантазiей толпы. Было доказано, что плотность кометнаго *ядра* была гораздо менѣе плот-

ности самаго разрѣженнаго изъ нашихъ газовъ; и безвредное прохожденіе такого гостя среди спутниковъ Юпитера было важнымъ пунктомъ, на которомъ настаивали и который въ значительной степени успокоилъ опасенія. Теологи, съ ревностью, зажженной страхомъ, указывали на библейскія пророчества и излагали ихъ передъ народомъ съ прямотой и простотой, какимъ не было раньше примѣра. Что конечное разрушеніе земли должно послѣдовать черезъ воздѣйствіе огня, эта истина была указываема съ необыкновеннымъ жаромъ, вездѣ усилившимъ эту убѣжденность. И такъ какъ кометы по природѣ своей были не огненными (какъ знали теперь всѣ), эта истина въ значительной степени избавляла всѣхъ отъ предчувствія предсказаннаго великаго бѣдствія. Слѣдуетъ замѣтить, что распространенные предразсудки и вульгарныя заблужденія касательно чумы и войнъ—заблужденія, обыкновенно овладѣвавшія умами при каждомъ новомъ появленіи кометы—были теперь совершенно неизвѣстны, точно разумъ какимъ-то внезапнымъ судорожнымъ движеніемъ сразу сбросилъ суевѣріе съ его престола. Самые слабые умы почерпнули энергію въ пробудившемся чрезмѣрномъ интересѣ.

Какія меньшія невзгоды могутъ послѣдовать за столкновеніемъ, объ этомъ говорили тщательно и подробно. Ученые разсуждали о незначительныхъ геологическихъ переворотахъ, о вѣроятныхъ измѣненіяхъ климата и, въ результатѣ, растительности; о возможныхъ магнетическихъ и электрическихъ вліяніяхъ. Многіе утверждали, что никакого видимаго или ощутимаго воздѣйствія не получится никоимъ образомъ. Въ то время какъ подобныя разсужденія шли своимъ порядкомъ, предметъ разсужденія постепенно приближался, дѣлаясь шире въ видимомъ діаметрѣ и усиливаясь въ яркости блеска. По мѣрѣ того какъ онъ приближался, человѣчество стало блѣднѣть. Всѣ людскія занятія прекратились.

Былъ замѣчательный моментъ въ теченіи общаго чув-

ства, когда комета, въ длинѣ своей, достигла размѣровъ, превосходящихъ размѣры каждаго изъ подобныхъ явленій, сохранившихся въ памяти. Отбросивъ теперь всякую шаткую надежду на то, что астрономы ошибались, всѣ чувствовали достовѣрность бѣды. Химерическій видъ отошелъ отъ ужаса. Сердца самыхъ смѣлыхъ изъ нашей расы бились яростно въ ихъ груди. Немногихъ дней было, однако, достаточно, чтобы превратить эти ощущенія въ чувства еще болѣе нестерпимыя. Мы не могли больше связывать эту странную сферу ни съ какими *обычными* мыслями. Ея *историческіе* аттрибуты исчезли. Она подавляла насъ отвратительною *новизною* ощущеній. Это было для насъ не астрономическое явленіе на небесахъ, а какъ бы инкубусъ на сердцахъ нашихъ, какъ бы тѣнь на нашемъ мозгѣ. Съ невообразимою быстротой она приняла видъ гигантской мантіи изъ разрѣженнаго пламени, простирающейся отъ горизонта до горизонта.

Но прошелъ день, и люди вздохнули свободнѣе. Было ясно, что мы уже находимся въ полосѣ вліянія кометы, но мы жили. Мы даже чувствовали необыкновенную эластичность тѣла и живость ума. Чрезмѣрная разрѣженность предмета нашего ужаса была очевидна; ибо все, что было на небѣ, ясно было видно черезъ него. Между тѣмъ наша растительность видимо измѣнилась; и благодаря этому предсказанному обстоятельству мы увѣровали въ предвидѣніе мудрыхъ. Безумная роскошь листвы, до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстная, вспыхнула на всѣхъ произрастаніяхъ.

Наступилъ новый день—а бичъ еще не достигъ насъ. Теперь было очевидно, что сперва насъ должно было коснуться его ядро. Безумная перемѣна совершилась съ людьми; и первое ощущеніе *боли* было безумнымъ сигналомъ для всеобщихъ воплей и ужаса. Это первое чувство боли выразилось въ сильномъ стѣсненіи груди и легкихъ, и въ невыносимой сухости кожи. Нельзя было отрицать, что атмосфера наша радикально измѣнилась; ея строеніе и возможныя грозившія

измѣненія были теперь предметомъ всеобщихъ толковъ. Результаты изслѣдованія отозвались электрическимъ ударомъ напряженнѣйшаго страха, дрогнувшаго во всемірномъ сердцѣ человѣка.

Давно было извѣстно, что окружавшій насъ воздухъ состоялъ изъ газовъ кислорода и азота въ отношеніи двадцати одной сотой кислорода и семидесяти девяти сотыхъ азота на каждую единицу атмосферы. Кислородъ, являвшійся основой горѣнія и проводникомъ тепла, былъ безусловно необходимъ для поддержанія тѣлесной жизни и былъ самымъ могучимъ и энергичнымъ проводникомъ въ природѣ. Напротивъ, азотъ былъ неспособенъ поддерживать ни тѣлесную жизнь, ни пламя. Было удостовѣрено, что неестественный избытокъ кислорода долженъ былъ сказаться именно въ такомъ повышеніи тѣлесной живости, какую мы испытали за послѣднее мгновеніе. Логическое развитіе этой мысли, ея продленіе и было тѣмъ, что породило ужасъ. Что должно было явиться результатомъ *полнаго удаленія азота?* Воспламененіе неудержимое, всепожирающее, всевластное, немедленное;— полное осуществленіе во всѣхъ точныхъ и страшныхъ подробностяхъ — пламенныхъ и внушающихъ ужасъ пророчествъ, которыми грозила Святая Книга.

Нужно-ли мнѣ изображать, Харміона, безуміе человѣчества, лишившееся теперь всякихъ узъ? Та разрѣженность кометы, которая сперва внушала намъ надежду, была теперь источникомъ самаго горькаго отчаянія. Въ ея неосязаемой газообразности мы ясно увидѣли свершеніе Рока. Между тѣмъ прошелъ еще день — унося съ собой послѣдній отблескъ надежды. Мы задыхались въ быстро измѣнявшемся воздухѣ. Красная кровь бурно билась въ своихъ узкихъ каналахъ. Бѣшеный бредъ овладѣлъ всѣми людьми; и, судорожно протянувъ руки къ грозившимъ небесамъ, всѣ дрожали и оглашали воздухъ криками. Ядро разрушителя было теперь на насъ;—даже здѣсь, въ Эдемѣ, я трепещу,

говоря это. Позволь мнѣ быть краткимъ—краткимъ, какъ застигнувшая насъ гибель. Въ теченіи мгновенія вездѣ былъ дикій, зловѣщій свѣтъ, всего коснувшійся и во все проникшій. Потомъ — преклонимся, о, Харміона, предъ чрезмѣрнымъ величіемъ Бога! — потомъ возникъ пронесшійся повсюду, исполненный вскрика, гулъ, какъ бы голосъ изъ самыхъ устъ Его, и вся нависшая масса эѳира, въ которомъ мы существовали, сразу вспыхнула особымъ напряженнымъ пламенемъ, для чьего чрезмѣрнаго блеска и всевоспламеняющаго зноя даже у ангеловъ нѣтъ имени въ вышнихъ Небесахъ чистаго знанія. Такъ окончилось все.

ГОПЪ-ФРОГЪ *).

Никогда я не видалъ никого, кто могъ бы сравниться съ королемъ въ зажигательной веселости и любви къ шуткамъ. Онъ, повидимому, жилъ только для шутокъ. Разсказать добрую шутливую исторію, и разсказать ее хорошо, это былъ вѣрнѣйшій путь къ его благосклонности. Такимъ образомъ произошло, что семь его министровъ всѣ были отмѣнными шутниками. Кромѣ того, по примѣру короля, они всѣ были плотными, коренастыми и жирными, въ этомъ они были такъ же несравненны, какъ и въ искусствѣ шутить. Толстѣютъ — ли люди отъ шутокъ, или въ самой тучности есть что-то предрасполагающее къ шутливости, этого я никогда въ точности не могъ опредѣлить, но во всякомъ случаѣ достовѣрно, что худощавый шутникъ *rara avis in terris* **).

Объ утонченностяхъ, или, какъ онъ называлъ ихъ, о „призракахъ" остроумія король безпокоился очень мало. Онъ въ особенности любилъ, чтобы шутка была, такъ сказать, *на широкую ногу*, и ради этого нерѣдко заботился объ ея *длиннотахъ*. Излишніе деликатессы претили ему. Онъ предпочелъ бы „Гаргантюа" Раблэ „Задигу" Воль-

*) Hop—по-англійски значитъ прыгать, frog—лягушка.

**) Птица рѣдкостная.

тера; и, въ заключеніе всего, шутки, сопровождавшіяся дѣйствіемъ, соотвѣтствовали его вкусу гораздо болѣе, чѣмъ шутки словесныя.

Въ тѣ времена, къ которымъ относится мое повѣствованіе, профессіональные шуты еще не совсѣмъ вышли изъ моды при дворахъ. Нѣкоторые изъ великихъ „властителей" континента еще держали при себѣ „дураковъ", они были одѣты въ пестрые костюмы, украшены колпаками съ бубенчиками, и отъ нихъ всегда ожидали мѣткихъ остротъ на тотъ или иной случай, въ обмѣнъ на крохи, падавшія съ королевскаго стола.

Нашъ возлюбленный король, конечно, держалъ при себѣ „дурака". Дѣло въ томъ, что онъ *положительно нуждался* въ чемъ-нибудь этакомъ сумасбродномъ—хотя бы для того, чтобы уравновѣсить тяжеловѣсную мудрость семи мудрецовъ, бывшихъ его министрами, уже не говоря о немъ самомъ.

Его дуракъ, или профессіональный шутъ, былъ, однако, не *только* дуракомъ. Его достоинство было утроено въ глазахъ короля тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ былъ карликъ и увѣчный. Карлики были въ тѣ дни такими же обычными явленіями при дворахъ, какъ и шуты; и многимъ монархамъ было бы трудно прожить свой вѣкъ (дни при дворѣ, пожалуй, длиннѣе, чѣмъ гдѣ-либо), если бы у нихъ не было шута, *вмѣстѣ съ которымъ* можно было бы смѣяться, и карлика, *надъ которымъ* можно бы было насмѣхаться. Но, какъ я уже замѣтилъ, всѣ эти шуты, въ девяносто девяти случаяхъ изъ ста, толсты, жирны и неповоротливы,—такъ что у нашего короля было съ чѣмъ поздравить себя, ибо Гопъ-Фрогъ (такъ звали шута) представлялъ изъ себя тройное сокровище въ одной персонѣ.

Я думаю, что лица, крестившія карлика, назвали его при крещеніи *не* „Гопъ-Фрогомъ", это имя ему было милостиво пожаловано, по общему согласію, семью министрами, благодаря тому, что онъ не могъ ходить, какъ всѣ другіе. Дѣйствительно, Гопъ-Фрогъ могъ двигаться только такимъ

образомъ, что его походка какъ бы напоминала знаки междометія: онъ не то прыгалъ, не то ползалъ, извиваясь,— движенія, безконечнымъ образомъ услаждавшія короля и, конечно, доставлявшія ему немалое утѣшеніе, потому что (несмотря на выпуклость его живота и прирожденную припухлость головы) весь дворъ считалъ его красавцемъ-мужчиной.

Но хотя Гопъ-Фрогъ, благодаря искривленію ногъ, могъ двигаться по землѣ или по полу съ большими трудностями и усиліями, громадная мускульная сила, которой природа наградила его, какъ бы въ видѣ возмѣщенія за несовершенство нижнихъ конечностей, давала ему возможность учинять съ необыкновеннымъ проворствомъ всякія продѣлки, вездѣ, гдѣ дѣло шло о деревьяхъ, канатахъ, или вообще, гдѣ нужно было на что-нибудь вскарабкиваться. При такихъ упражненіяхъ онъ, конечно, болѣе походилъ на бѣлку или на маленькую обезьяну, нежели на лягушку.

Не могу сказать съ точностью, изъ какой страны былъ родомъ Гопъ-Фрогъ,—изъ какой-то дикой области, о которой никто не слыхалъ и которая находилась очень далеко отъ двора нашего короля. Гопъ-Фрогъ, вмѣстѣ съ одной молодой дѣвушкой, почти такой же карлицей, какъ онъ (хотя необыкновенно пропорціональной и преискусной танцовщицей), былъ насильственно оторгнутъ отъ родного очага, и оба они изъ своихъ собственныхъ домовъ, находившихся въ смежныхъ провинціяхъ, были посланы, въ качествѣ подарка, королю, однимъ изъ тѣхъ генераловъ, которые всегда побѣждаютъ.

При такихъ обстоятельствахъ нѣтъ ничего удивительнаго, что между двумя маленькими плѣнниками возникла самая тѣсная близость. Дѣйствительно, они скоро сдѣлались закадычными друзьями. Гопъ-Фрогъ, хотя и былъ большимъ искусникомъ во всякихъ шуткахъ, не пользовался, однако, популярностью и не могъ оказывать никакихъ услугъ Триппеттѣ, но *она*, благодаря изяществу и изысканной красотѣ, (хоть и карлица), была общей любимицей, пользовалась боль-

шимъ вліяніемъ и никогда не упускала случая примѣнить его на пользу Гопъ-Фрога.

По случаю какого-то крупнаго государственнаго событія, какого именно не помню, — король рѣшилъ устроить маскарадъ; а когда при нашемъ дворѣ случался маскарадъ или что-нибудь въ этомъ родѣ, тогда таланты и Гопъ-Фрога и Триппетты, конечно, выступали на сцену. Гопъ-Фрогъ въ особенности былъ изобрѣтателенъ въ искусствѣ устраивать пышныя зрѣлища, выдумывать новые характерные типы и подбирать костюмы для маскированныхъ баловъ, во всемъ этомъ онъ былъ такимъ искусникомъ, что, казалось, ничего бы не вышло безъ его помощи.

Ночь, назначенная для *празднества*, наступила. Пышный залъ причудливо былъ разукрашенъ, подъ надзоромъ Триппетты, чтобы придать маскараду возможный *блескъ*. Весь дворъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ торжества. Что до костюмовъ и масокъ, какъ легко догадаться, каждый вò-время пришелъ къ тому или другому рѣшенію. Многіе приготовились къ своимъ *ролямъ* за недѣлю или даже за мѣсяцъ; и ни у кого на самомъ дѣлѣ не было ни малѣйшихъ колебаній, ни у кого, кромѣ короля и его семи министровъ. Почему колебались *они*, я никакъ бы не могъ сказать,— развѣ что они дѣлали это ради шутки. Болѣе вѣроятно, впрочемъ, что имъ было трудно приготовиться, по причинѣ ,ихъ основательной тучности. Какъ бы то ни было, время уходило; и, прибѣгая къ послѣднему средству, они послали за Триппеттой и Гопъ-Фрогомъ.

Когда два маленькіе друга пришли на зовъ короля, онъ сидѣлъ за столомъ и пилъ вино вмѣстѣ съ семью сочленами своего совѣщательнаго кабинета; но владыка, повидимому, былъ рѣшительно не въ своей тарелкѣ. Онъ зналъ, что Гопъ-Фрогъ не выносилъ вина; дѣйствительно, оно возбуждало бѣднаго калѣку настолько, что онъ дѣлался почти безумнымъ, а безуміе чувство не особенно пріятное. Но король любилъ свои активныя шутки, и ему

показалось очень пріятнымъ заставить Гопъ-Фрога выпить и (какъ король изволилъ опредѣлить это) „развеселиться“.

„Ну-ка, поди-ка сюда, Гопъ-Фрогъ“, сказалъ онъ, когда шутъ вмѣстѣ со своею подругой вошелъ въ комнату: „вотъ выпей-ка“, онъ показалъ ему на кубокъ, налитый до краевъ, „за здоровье твоихъ отсутствующихъ друзей“ (тутъ Гопъ-Фрогъ вздохнулъ), „а потомъ покажи намъ, братецъ, свою изобрѣтательность. Намъ нужно что-нибудь характерное, что - нибудь *характерное*, любезнѣйшій, новенькое. Надоѣло намъ это вѣчное одно и то же. Ну, пей же, вино подогрѣетъ твое остроуміе“.

Гопъ-Фрогъ попытался было отвѣтить на предупредительность короля обычною шуткой, но усиліе не увѣнчалось успѣхомъ. Случилось такъ, что это былъ какъ разъ день рожденія бѣднаго карлика, и приказаніе выпить за „отсутствующихъ друзей“ вызвало слезы на его глаза. Не одна крупная горькая капля упала въ кубокъ, который онъ взялъ изъ рукъ тирана.

„А! ха, ха“, загремѣлъ тотъ, когда карликъ съ отвращеніемъ выпилъ кубокъ. „Стаканъ добраго вина вещь великая! Да что это, братецъ, у тебя уже и глаза засвѣтились!“

Бѣдняга! Его большіе глаза не свѣтились, а скорѣе *сверкали*, вино оказывало на его впечатлительный мозгъ не только сильное, но и мгновенное дѣйствіе. Онъ порывисто поставилъ кубокъ на столъ и осмотрѣлъ всю компанію пристальнымъ полубезумнымъ взглядомъ. Всѣ эти господа, повидимому, въ высшей степени забавлялись успѣшною *„шуткой“* короля.

„Ну-съ, а теперь къ дѣлу“, сказалъ первый министръ, *очень* толстый человѣкъ.

„Да“, сказалъ король; „помоги-ка намъ, братецъ, что-нибудь выдумать, что-нибудь характерное, Гопъ-Фрогъ; всѣмъ намъ не достаетъ характера — всѣмъ — ха, ха, ха!“ И такъ какъ это положительно было сказано въ видѣ шутки, смѣхъ короля былъ подхваченъ семикратнымъ эхомъ.

Гопъ-Фрогъ также смѣялся, хотя слабо и нѣсколько разсѣянно.

„Ну, ну“, нетерпѣливо проговорилъ король, „что же, ничего еще тебѣ не приходитъ въ голову?“

„Мнѣ хочется выдумать что-нибудь *новое*“, отвѣчалъ карликъ разсѣянно. Онъ былъ совершенно ошеломленъ виномъ.

„Хочется!“ бѣшено закричалъ тиранъ. „Что ты хочешь сказать этимъ *хочется?* А, понимаю. Ты надулъ губы, и тебѣ еще хочется вина, ну, выпей, выпей!“ и, наливъ другой кубокъ, онъ предложилъ его увѣчному. Тотъ уставился на вино пристальнымъ взглядомъ и еле дышалъ.

„Пей, говорятъ тебѣ“, разразилось чудовище, „или, чортъ побери...“.

Карликъ колебался. Король былъ красенъ отъ гнѣва. Придворные сладко улыбались. Триппетта, мертвенно блѣдная, приблизилась къ креслу короля и, упавъ передъ нимъ на колѣни, умоляла пощадить ея друга.

Нѣсколько мгновеній тиранъ смотрѣлъ на нее, очевидно, пораженный ея дерзостью. Онъ, повидимому, совершенно не зналъ, что̀ ему дѣлать или говорить,—какъ наиболѣе прилично выразить свое негодованіе. Наконецъ, не говоря ни слова, онъ съ яростью толкнулъ ее отъ себя и выплеснулъ ей въ лицо полный стаканъ вина.

Несчастная дѣвушка встала черезъ силу и, не смѣя даже вздохнуть, заняла свое прежнее мѣсто у конца стола.

На полминуты воцарилась такая мертвая тишина, что можно было бы услыхать паденіе листа или пера. Тишина была прервана глухимъ, но рѣзкимъ и продолженнымъ *царапающимъ* звукомъ, который одновременно исходилъ какъ бы изо всѣхъ угловъ комнаты.

„Что — что — *что*, спрашиваю я тебя, хочешь ты этимъ сказать?“ спросилъ король, бѣшено поворачиваясь къ карлику. Послѣдній, какъ кажется, въ значительной степени успѣлъ отрезвиться и, смотря пристально, но спокойно,

прямо въ лицо тирану, воскликнулъ. „Я, я? Почему непремѣнно я?"

„Это, кажется, оттуда", замѣтилъ одинъ изъ придворныхъ, „я думаю, это попугай на окнѣ точилъ клювъ о проволоку клѣтки".

„Вѣрно", отвѣтилъ король, какъ будто весьма облегченный этою догадкой, „но я бы могъ поклясться рыцарскою честью, что это вонъ тотъ бродяга скрипѣлъ зубами".

Тутъ карликъ захохоталъ (а король былъ слишкомъ расположенъ къ шуткамъ, чтобы быть недовольнымъ чьимъ бы то ни было смѣхомъ), причемъ обнаружилъ два ряда широкихъ, сильныхъ и безобразныхъ зубовъ. При этомъ онъ выразилъ рѣшительную готовность выпить сколько угодно вина. Государь былъ умиротворенъ; и Гопъ-Фрогъ, осушивъ новый кубокъ, безъ видимыхъ дурныхъ послѣдствій, тотчасъ же и съ большимъ воодушевленіемъ началъ обсуждать маскарадные планы.

„Не могу объяснить, въ силу какого сплетенія мыслей", замѣтилъ онъ очень спокойно, и съ такимъ видомъ какъ будто бы онъ никогда съ роду не пилъ вина, „не могу объяснить, но *именно послѣ того, какъ* ваше величество изволили ударить эту дѣвушку и выплеснули ей въ лицо вино—*именно послѣ того, какъ* ваше величество изволили это сдѣлать, и въ то время какъ попугай произвелъ такой странный шумъ около окна, мнѣ припомнилась прекрасная забава—одна изъ обычныхъ въ моей странѣ игръ—у насъ въ маскарадахъ она исполняется очень часто, здѣсь же будетъ совершенною новинкой. Къ несчастью, однако, для этого требуется компанія въ восемь человѣкъ, и—"

„Да насъ *какъ разъ* восемь!" воскликнулъ король, смѣясь на свою тонкую наблюдательность. „Я и семь министровъ, какъ разъ восемь. Ну, въ чемъ же дѣло?"

„Мы называемъ это", отвѣтилъ хромецъ, "Восемь Скованныхъ Орангъ-Утанговъ", и, дѣйствительно, это чудесная штука, если хорошо разыграть".

„*Мы—то* ужь ее разыграемъ,“ замѣтилъ король, пріосаниваясь и опуская вѣки.

„Вся прелесть игры,“ продолжалъ Гопъ-Фрогъ, „заключается въ чувствѣ страха, который можно нагнать на женщинъ“.

„Превосходно!“ заревѣли хоромъ король и его министры.

„*Я* васъ наряжу орангъ-утангами“ продолжалъ карликъ; „предоставьте все мнѣ. Сходство будетъ такое поразительное, что всѣ примутъ васъ за настоящихъ звѣрей и, конечно, страхъ гостей будетъ равняться ихъ изумленію“.

„О, да это дѣйствительно превосходно“, воскликнулъ король, „Гопъ-Фрогъ, я тебя, братецъ, озолочу“.

„Цѣпи будутъ гремѣть, потому они и необходимы, они увеличатъ смятеніе. Можно будетъ подумать, что вы убѣжали *цѣлой толпой* отъ своихъ вожатыхъ. Вы не можете себѣ представить, ваше величество, какой *эффектъ* произведутъ на маскарадную публику восемь скованныхъ орангъ-утанговъ, которые большинству покажутся настоящими; и каково это будетъ, когда они бросятся съ дикими криками въ толпу изящныхъ и разряженныхъ мужчинъ и женщинъ. *Контрастъ* неподражаемый“.

„*Надо* думать,“ сказалъ король, и весь совѣтъ быстро поднялся (уже становилось поздно), чтобы немедленно привести въ исполненіе планъ Гопъ-Фрога.

Тѣ пріемы, съ помощью которыхъ онъ хотѣлъ изготовить партію орангъ-утанговъ, были очень несложны, но въ достаточной степени дѣйствительны для намѣченной цѣли. Упомянутыя животныя въ ту эпоху, къ которой относится мое повѣствованіе, были весьма рѣдкостными вездѣ въ цивилизованномъ мірѣ, и такъ какъ черты сходства, созданныя карликомъ, приводили къ достаточной звѣроподобности и къ болѣе чѣмъ достаточной отвратительности, соотвѣтствіе съ природой были, повидимому, обезпечено. Король и его

министры прежде всего были облечены въ узкія ажурныя рубахи и панталоны. Затѣмъ они были густо намазаны жидкой смолой. Тутъ кто-то изъ участниковъ предложилъ примѣнить перья; но это предложеніе было немедленно отвергнуто карликомъ, который, какъ дважды два четыре, доказалъ, что шерсть такого животнаго, какъ орангъ-утангъ, гораздо лучше можно изобразить съ помощью *льна*. Согласно съ этимъ, слой смолы былъ покрытъ густымъ слоемъ льна. Затѣмъ достали длинную цѣпь. Прежде всего она прошла вокругъ таліи короля *и была закрѣплена*; затѣмъ она обошла вокругъ таліи одного изъ министровъ и тоже закрѣплена; затѣмъ вокругъ таліи каждаго изъ остальныхъ, тѣмъ же порядкомъ. Когда этотъ процесъ закрѣпленія цѣпи былъ оконченъ, и участники игры стояли другъ отъ друга такъ далеко, какъ только было можно, они образовывали изъ себя кругъ; и, чтобы придать всему естественный видъ, Гопъ-Фрогъ протянулъ остатокъ цѣпи, въ видѣ двухъ діаметровъ, сходящихся подъ прямыми углами, поперекъ круга, совершенно такъ же, какъ въ наши дни сковываютъ Чимпанзе и другихъ крупныхъ обезьянъ съ острова Борнео.

Большой залъ, въ которомъ долженъ былъ праздноваться маскарадъ, представлялъ изъ себя круглую комнату, очень высокую, причемъ солнечный свѣтъ проходилъ сюда черезъ единственное окно, находившееся въ вышинѣ. По ночамъ (время, для котораго преимущественно предназначался этотъ чертогъ) залъ освѣщался главнымъ образомъ громаднымъ канделябромъ, который свѣшивался на цѣпи изъ самаго центра косого окна, находившагося въ потолкѣ, и который поднимался и опускался съ помощью обыкновеннаго противовѣса; но (въ видахъ изящества) этотъ послѣдній шелъ по ту сторону купола и тянулся надъ сводомъ.

Внѣшнее убранство комнаты было предоставлено надзору Триппетты, но кое въ чемъ, повидимому, ею руководилъ разсудительный ея другъ, карликъ. Такъ, по его внушенію) канделябръ былъ убранъ прочь. Капли воска (а при такой

теплотѣ атмосферы развѣ можно было отъ нихъ уберечься) могли бы причинить серьезный ущербъ богатому одѣянію гостей, которые, по причинѣ большого многолюдства, не *всѣ* были бы въ состояніи избѣгать центральнаго пункта комнаты, то есть того пункта, который находился подъ канделябромъ. Въ различныхъ мѣстахъ чертога, тамъ и сямъ, были поставлены добавочные свѣтильники, и по одному ароматичному факелу было помѣщено въ правой рукѣ каждой изъ Каріатидъ, которыя стояли противъ стѣнъ, числомъ всего на всего пятьдесятъ или шестьдесятъ.

Слѣдуя совѣтамъ Гопъ-Фрога, восемь орангъ-утанговъ терпѣливо дожидались полночи, чтобы явиться въ полномъ блескѣ, когда залъ будетъ биткомъ набитъ нарядными масками. Но какъ только часы возвѣстили полночь, они тотчасъ же ринулись всѣ вмѣстѣ, или вѣрнѣе вкатились— ибо, благодаря цѣпи, большинство изъ участниковъ этой компаніи по необходимости падало, и всѣ они спотыкались.

Въ толпѣ масокъ послѣдовало необыкновенное возбужденіе, отъ котораго исполнилось восторгомъ сердце короля. Какъ и было предположено, многіе изъ гостей рѣшили, что эти твари съ такой свирѣпой наружностью дѣйствительно *какія-то* животныя, хотя быть можетъ и не подлинные орангъ-утанги. Многія изъ женщинъ отъ ужаса попадали въ обморокъ. И еслибы король не позаботился заранѣе о томъ, чтобы въ залѣ не было никакого оружія, его компанія быстро искупила бы свою забаву кровью. Теперь же поднялась страшная давка по направленію къ дверямъ, но они, по приказанію короля, были заперты тотчасъ же, какъ онъ вошелъ, и ключи, согласно внушеніямъ карлика, были переданы *ему*.

Въ то время какъ суматоха достигала своихъ высшихъ предѣловъ, и каждый изъ веселящихся заботился только о своей собственной безопасности (благодаря давкѣ было дѣйствительно много опасности, самой *настоящей*), можно, было видѣть, какъ цѣпь, на которой обыкновенно висѣлъ канде-

лябръ и которая была удалена вмѣстѣ съ нимъ, теперь мало-по-малу, еле замѣтно, начала опускаться внизъ, пока ея крючковатый конецъ не очутился на разстояніи приблизительно трехъ футовъ отъ пола.

Вскорѣ послѣ этого король и его семь сотоварищей, вдоволь напрыгавшись въ залѣ по всѣмъ направленіямъ, очутились, наконецъ, въ ея центрѣ и, естественно, въ непосредственной близости отъ цѣпи. Карликъ, слѣдуя за ними по пятамъ и понуждая ихъ поддерживать суматоху, схватилъ ихъ цѣпь въ точкѣ пересѣченія двухъ частей, проходившихъ по кругу діаметрально, подъ прямыми углами, затѣмъ съ быстротою молніи онъ зацѣпилъ за это мѣсто крюкомъ, на которомъ обыкновенно висѣлъ канделябръ,—и въ одно мгновеніе, дѣйствіемъ какой-то невидимой силы, висячая цѣпь была подтянута вверхъ настолько, что за крюкъ уже нельзя было взяться; орангъ-утанги, съ логической неизбѣжностью, были стянуты вмѣстѣ и столкнулись лицомъ къ лицу.

Маски тѣмъ временемъ нѣсколько оправились отъ своей тревоги и, начиная смотрѣть на все, какъ на искусно выдуманную шутку, разразились громкимъ хохотомъ по поводу смѣшного положенія обезьянъ.

„Предоставьте ихъ *мнѣ*!“ вдругъ закричалъ Гопъ-Фрогъ, и его рѣзкій пронзительный голосъ отчетливо вырѣзался изъ этого смутнаго гула. „Предоставьте ихъ *мнѣ*! Кажется, *я-то* ихъ знаю. Если только я взгляну на нихъ хорошенько, *я* тотчасъ же скажу, кто они!

Затѣмъ, карабкаясь надъ головами столпившихся зѣвакъ, онъ пробрался къ стѣнѣ, выхватилъ у одной изъ Каріатидъ факелъ, и, вернувшись тѣмъ же порядкомъ къ центру комнаты, вскочилъ, съ ловкостью обезьяны, на голову къ королю, вскарабкался еще на нѣсколько футовъ по цѣпи и опустилъ внизъ факелъ, какъ бы разсматривая группу орангъ-утанговъ и все продолжая кричать: „ужь *я-то* разузнаю, кто они!“

И въ то время какъ вся нарядная толпа (до обезьянъ включительно) была объята судорожнымъ смѣхомъ, шутъ внезапно издалъ рѣзкій свистъ, цѣпь быстро взлетѣла вверхъ футовъ на тридцать, увлекая за собою испуганныхъ и бьющихся орангъ-утанговъ и заставляя ихъ висѣть въ пространствѣ между косымъ окномъ и поломъ. Что касается Гопъ-Фрога, онъ, карабкаясь по цѣпи, пока она поднималась, все еще сохранялъ свое прежнее положеніе относительно восьми замаскированныхъ и все еще (какъ будто ничего не произошло) онъ продолжалъ устремлять къ нимъ факелъ, словно пытаясь разсмотрѣть, кто они.

Всѣ присутствующіе были такъ изумлены этимъ внезапнымъ подъятіемъ вверхъ, что на минуту въ чертогѣ воцарилось мертвое молчаніе. Оно было нарушено совершенно такимъ же глухимъ рѣзкимъ *царапающимъ* звукомъ, какой раньше привлекъ вниманіе короля и его совѣтниковъ, когда въ лицо Триппеттѣ было выплеснуто вино, но теперь уже не могло быть вопроса, *откуда* исходилъ этотъ звукъ—это карликъ скрипѣлъ и скрежеталъ своими клыкообразными зубами, между тѣмъ какъ ротъ его покрылся пѣной, а глаза блистали сумасшедшею яростью, устремляясь къ приподнятымъ лицамъ короля и его семи сотоварищей.

„Ага“, выговорилъ, наконецъ, разсвирѣпившій шутъ. „Ага! я начинаю узнавать, *что̀ это* за публика!“ и, дѣлая видъ, что онъ желаетъ посмотрѣть на короля хорошенько, онъ поднесъ факелъ къ его льняному покрову, и мгновенно брызнули струи яркаго огня. Менѣе чѣмъ въ полминуту всѣ восемь орангъ-утанговъ пылали ослѣпительнымъ пламенемъ, среди криковъ толпы, которая, будучи поражена глубокимъ ужасомъ, смотрѣла на нихъ снизу и не имѣла возможности оказать имъ хотя бы малѣйшую помощь.

Наконецъ, огни, быстро увеличиваясь въ силѣ, принудили шута вскарабкаться выше по цѣпи. И когда онъ сдѣлалъ это движеніе, толпа опять на краткое мгновеніе по-

грузилась въ безмолвіе. Карликъ воспользовался удобнымъ случаемъ и снова заговорилъ:

„Теперь я *отлично* вижу, что̀ это за публика. Это великій король и его семь совѣтниковъ—король, которому ничего не стоитъ ударить беззащитную дѣвушку, и его семь совѣтниковъ, которые подстрекаютъ его на оскорбленіе. А что̀ до меня, я просто шутъ—Гопъ-Фрогъ, и *это моя послѣдняя шутка*."

Благодаря сильной воспламеняемости льна и смолы, дѣяніе мести былъ окончено, едва только карликъ договорилъ свои послѣднія слова. Восемь труповъ висѣли на своихъ цѣпяхъ, почернѣлая масса, вонючая, гнусная, неузнаваемая. Калѣка швырнулъ въ нихъ свой факелъ, проворно вскарабкался къ потолку, и скрылся въ косомъ окнѣ.

Думаютъ, что Триппетта, находясь надъ сводомъ зала, была соучастницей своего друга въ его жестокой мести, и что оба они бѣжали на родину, ибо никто ихъ больше не видалъ.

ТѢНЬ.

Истинно, хотя я и шествую
через долину *Тѣни*...

Псаломъ Давида.

Вы, читающіе эти строки, вы еще среди живыхъ; но я, написавшій ихъ, уже давно отошелъ въ область тѣней. Ибо, истинно, странныя событія произойдутъ, и много тайныхъ дѣлъ разоблачится, и вѣка уйдутъ за вѣками, прежде чѣмъ эти записи будутъ найдены людьми. И когда они будутъ найдены, одни имъ не повѣрятъ, другіе усомнятся, и весьма немногіе погрузятся въ размышленіе надъ буквами, которыя я вырѣзаю на этихъ таблицахъ желѣзнымъ рѣзцомъ.

Тотъ годъ былъ годомъ ужаса, онъ былъ исполненъ чувствъ, которыя сильнѣй, чѣмъ ужасъ, и для которыхъ нѣтъ названья на языкѣ земли. Ибо много было чудесъ и предзнаменованій, и отовсюду, надъ землей и надъ моремъ, Чума широко распространила свои черныя крылья. Однако, тѣ, которые искусились въ звѣздной наукѣ, знали, что небо своимъ видомъ предвѣщаетъ несчастіе; и, вмѣстѣ съ другими, я, Грекъ Ойносъ, ясно видѣлъ, что мы приблизились къ возврату того семьсотъ девяносто четвертаго года, когда, при вступленіи въ созвѣздіе Овенъ, планета Юпитеръ соеди-

нена съ краснымъ кольцомъ страшнаго Сатурна. И, если я не заблуждаюсь, необыкновенное состояніе небесъ наложило свою власть не только на внѣшній ликъ земли, но и на души, на мысли и размышленія всего человѣчества.

Была ночь, насъ было семь; въ глубинѣ знаменитыхъ чертоговъ, въ мрачномъ городѣ Птолемаидѣ, сидѣли мы вкругъ нѣсколькихъ сосудовъ, наполненныхъ пурпурнымъ Хіосскимъ виномъ. Въ нашъ покой не было иного входа, кромѣ высокой бронзовой двери; и дверь эту сдѣлалъ искусникъ Коринносъ, и была она украшена рѣдкой ручной работой, и была заперта изнутри. Черныя завѣсы, равно, защищали этотъ угрюмый покой и предохраняли насъ отъ вида луны и зловѣщихъ звѣздъ, и опустѣвшихъ улицъ;— но предчувствіе Кары и воспоминанія о ней не могли быть подавлены такъ легко. Вкругъ насъ, близь насъ, было нѣчто, въ чемъ я не могу отдать себѣ яснаго отчета—нѣчто матеріальное и духовное—тяжелая атмосфера — отсутствіе возможности вздохнуть глубоко—и тоска—и, прежде всего, тотъ страшный родъ существованья, которымъ живутъ люди усталые, когда чувства трепещутъ, возбужденныя до крайней остроты, а способности духа тускло дремлютъ и спятъ. Насъ давила смертельная тяжесть. Она нависла надъ нашими членами—надъ убранствомъ чертога—она отяготила кубки, изъ которыхъ мы пили; и все кругомъ казалось подавленнымъ и распростертымъ подъ бременемъ этого унынія — все, исключая семи желѣзныхъ свѣтильниковъ, освѣщавшихъ наше пиршество. Блѣдные и неподвижные, они горѣли, вытягиваясь въ тонкія пряди свѣта; и въ кругломъ эбеновомъ столѣ, вокругъ котораго мы сидѣли и который сіяньемъ этихъ свѣтильниковъ былъ превращенъ въ зеркало, каждый изъ пирующихъ созерцалъ блѣдность собственнаго лица и, безпокойно горящіе, потупленные взоры своихъ сотоварищей. И все же мы смѣялись, и были веселы—веселились истерически; и мы пѣли пѣсни Анакреона—пѣсни безумія; и мы пили неудержно—хотя пурпуръ

вина напоминалъ намъ кровь. Ибо въ чертогѣ былъ восьмой сотоварищъ — юный Зоилъ. Мертвый, вытянутый во всю свою длину и окутанный саваномъ, онъ былъ геніемъ и демономъ картины. Увы! онъ не участвовалъ въ нашемъ веселіи, и только лицо его, искаженное муками, да глаза, гдѣ смерть угасила лишь наполовину пламя чумы, казалось, слѣдили за нами, принимая участіе въ нашемъ пирѣ, настолько, насколько мертвецы способны участвовать въ веселіи тѣхъ, кто долженъ умереть. Но хотя я, Ойносъ, чувствовалъ, что глаза усопшаго устремлены на меня, я все же силился не понимать горечи ихъ выраженія, и, упрямо смотря въ глубину эбеноваго зеркала, громкимъ и звучнымъ голосомъ пѣлъ пѣсни Теосскаго поэта. Но мало-помалу мое пѣніе замерло, и неясные слабые отзвуки потерялись среди черныхъ завѣсъ, и умолкли. И вотъ, изъ глубины этихъ черныхъ завѣсъ, гдѣ только что замеръ послѣдній звукъ пѣсни, поднялась тѣнь, мрачная, неопредѣленная— тѣнь, подобная той, которую бросаетъ отъ человѣка луна, когда она низко стоитъ надъ горизонтомъ; но то не была тѣнь человѣка, и не Бога, и ни одного изъ существъ извѣстныхъ. И, заколебавшись на одно мгновенье среди завѣсъ, она встала, наконецъ, твердо и прямо, на поверхности бронзовой двери. Но тѣнь была смутная, безформенная, неопредѣленная; это не была тѣнь человѣка, и не Бога— не Бога греческаго, не Бога халдейскаго, и ни одного изъ Боговъ египетскихъ. И тѣнь остановилась на громадной бронзовой двери, подъ выгнутымъ карнизомъ, и она не двигалась, и она не произносила ни слова, но укрѣплялась все болѣе и болѣе, и сдѣлалась неподвижной. И, если память мнѣ не измѣняетъ, дверь, на которой укрѣпилась тѣнь, находилась какъ разъ надъ тѣломъ противъ ногъ юнаго Зоила, окутаннаго саваномъ. Но у насъ, у семи сотоварищей, увидѣвшихъ тѣнь, исходящую изъ завѣсъ, не было мужества взглянуть на нее пристально; но мы опустили глаза и продолжали смотрѣть въ глубину эбеноваго

зеркала. И потомъ, наконецъ, я, Ойносъ, осмѣлился произнести нѣсколько словъ тихимъ голосомъ и спросилъ у тѣни, гдѣ ея жилище и какъ ея имя. И тѣнь отвѣтила: „Я *Тѣнь,* и жилище мое близь катакомбъ города Птолемаиды, рядомъ съ мрачными адскими равнинами, что замыкаютъ нечистый каналъ Харона!“ И тогда, всѣ семеро, мы поднялись отъ ужаса на нашихъ ложахъ, и выпрямились, дрожащіе, внѣ себя, полные трепета; ибо звукъ голоса, которымъ говорила тѣнь, не былъ звукомъ голоса одного существа, но множества существъ; и этотъ голосъ, отъ слога до слога мѣняя выраженіе, глухо звучалъ для насъ, будучи подобенъ родному знакомому говору тысячъ и тысячъ отшедшихъ друзей.

ОСТРОВЪ ФЕИ.

Nullus enim locus sine genio est *).

Servius.

„La Musique", говоритъ Мармонтель въ своихъ „Contes Moraux", которые наши переводчики, какъ бы въ насмѣшку надъ ихъ духомъ, упорно именуютъ „нравоучительными разсказами"—*„la musique est le seul des talents qui jouisse de lui même, tous les autres veulent des témoins" **)*. Онъ смѣшиваетъ здѣсь удовольствіе слушать нѣжные звуки съ способностью создавать ихъ. Совершенно такъ же, какъ и всякій другой *талантъ*, музыка можетъ доставлять полное наслажденіе лишь въ томъ случаѣ, если есть второе лицо, которое бы могло оцѣнить исполненіе; и совершенно наравнѣ съ другими талантами, она создаетъ *эффекты*, которыми можно вполнѣ наслаждаться въ одиночествѣ. Мысль, которую *raconteur* не сумѣлъ ясно выразить или которую онъ нарочно такъ выразилъ изъ національной любви къ остроумной игрѣ словъ, является вполнѣ основательной, именно, что высокая музыка можетъ

---

*) Ибо нѣтъ ни одного мѣста, въ которомъ бы не было своего генія.

**) Музыка есть единственный видъ таланта, который наслаждается самимъ собой; всѣ другіе требуютъ свидѣтелей.

быть нами оцѣнена наиболѣе полно лишь тогда, когда мы совершенно одни. Въ такой формѣ данное положеніе сразу можетъ быть принято тѣми, кто любитъ лиру ради ея самой и ради ея невещественныхъ качествъ. Но есть еще одно наслажденіе у падшихъ смертныхъ, и быть можетъ единственное, которое даже болѣе, чѣмъ музыка, связано съ сопутствующимъ чувствомъ уединенія. Я разумѣю блаженство, испытываемое при созерцаніи картинъ природы. Истинно, кто хочетъ видѣть полнымъ взглядомъ славу Господа на землѣ, тотъ долженъ созерцать ее въ уединеніи. Для меня, по крайней мѣрѣ, присутствіе не только человѣческой жизни, но и жизни во всякой иной формѣ, кромѣ зеленыхъ существъ, ростущихъ на землѣ и лишенныхъ голоса, является пятномъ на ландшафтѣ, чѣмъ-то враждебнымъ генію картины. Я люблю созерцать темныя долины, и сѣрые утесы, и источники водъ, что смѣются безмолвной улыбкой, и лѣса, что вздыхаютъ въ безпокойномъ снѣ, и надменныя горы, что, насторожившись, смотрятъ внизъ,— все это я люблю созерцать, я вижу во всемъ этомъ исполинскіе члены одного, полнаго духа и чувства, громаднаго цѣлаго—того цѣлаго, чья форма (сферическая) является наиболѣе совершенной и наиболѣе вмѣстительной изо всѣхъ; чей путь лежитъ среди дружескихъ планетъ; чья нѣжная прислужница—луна; чей властитель—солнце; чья жизнь—вѣчность; чья мысль—помыслъ божества; чья услада—знаніе; чьи судьбы потеряны въ безбрежности; чье представленіе о насъ подобно нашему представленію о микроскопическихъ животныхъ, опустошающихъ нашъ мозгъ; это—существо, которое мы логично считаемъ совершенно неодушевленнымъ и матеріальнымъ, почти тѣмъ же, чѣмъ микроскопическія животныя считаютъ насъ.

Наши телескопы и математическія изслѣдованія рѣшительно убѣждаютъ насъ, несмотря на ханжество невѣжественныхъ святошъ, что пространство, а потому и вмѣстимость, является соображеніемъ весьма важнымъ въ глазахъ Все-

могущаго. Круги, по которымъ вращаются звѣзды, наиболѣе приспособлены къ движенію, безъ столкновенія, восможно наибольшаго числа тѣлъ. Формы этихъ тѣлъ какъ разъ таковы, чтобы въ предѣлахъ данной поверхности заключать возможно наибольшее количество матеріи; между тѣмъ какъ самыя поверхности расположены такимъ образомъ, чтобы помѣстить на себѣ населеніе бо̀льшее, чѣмъ могли бы помѣстить тѣ же поверхности, расположенныя иначе. И пусть пространство безконечно,—въ этомъ обстоятельствѣ нѣтъ никакого возраженія противъ той мысли, что вмѣстимость является соображеніемъ весьма важнымъ предъ лицомъ Всемогущаго; ибо, чтобы наполнить безконечность пространства, нужна безконечность матеріи; и такъ какъ мы ясно видимъ, что надѣленіе матеріи жизненной силой представляетъ изъ себя начало,—насколько мы можемъ судить, *руководящее* начало въ дѣяніяхъ Бога, было бы нелогичнымъ предполагать, что это начало ограничивается предѣлами всего мелочнаго, гдѣ мы видимъ его слѣдъ ежедневно, и исключать его изъ предѣловъ всего грандіознаго. Такъ какъ мы находимъ одинъ кругъ въ другомъ, безъ конца, причемъ всѣ вращаются около одного отдаленнаго центра, который есть Божество, не можемъ ли мы аналогичнымъ образомъ предположить жизнь въ жизни, меньшую въ большей, и всѣ—въ лонѣ Духа Господня? Словомъ, мы безумно заблуждаемся, тщеславно полагая, что человѣкъ, въ своихъ теперешнихъ или грядущихъ судьбахъ, является въ мірѣ моментомъ болѣе важнымъ, чѣмъ эта обширная „глыба юдоли", которую онъ обрабатываетъ и презираетъ, и за которой онъ не признаетъ души, руководясь тѣмъ поверхностнымъ соображеніемъ, что онъ не видитъ ея проявленій *).

Подобныя мечты, посѣщавшія меня всегда во время моихъ скитаній среди горъ и лѣсовъ, на берегахъ рѣкъ и

---

*) Разсуждая о морскихъ приливахъ и отливахъ, въ своемъ сочиненіи „De Situ Orbis", Помпоній Мела говоритъ: „или міръ есть большое животное, или..." и т. д.

океана, придавали моимъ размышленіямъ особую окраску, которую будничный міръ не преминетъ назвать фантастической. Я много бродилъ среди такихъ картинъ природы, и заходилъ далеко, и часто блуждалъ въ одиночествѣ; и наслажденіе, которое я испытывалъ, проходя по туманнымъ глубокимъ долинамъ, или бросая взглядъ на отраженье неба въ спокойномъ зеркалѣ озеръ, усиливалось, углублялось при мысли, что я бродилъ *одинъ*. Что это за болтливый Французъ сказалъ, намекая на извѣстное произведеніе Циммермана: „la solitude est une belle chose; mais il faut quelqu'un pour vous dire que la solitude est une belle chose“ *). Эпиграмма хоть куда; но упомянутой необходимости совсѣмъ не существуетъ.

Во время одного изъ такихъ странствій, въ далекой мѣстности, среди горъ, сплетавшихся съ горами, среди печальныхъ рѣкъ съ ихъ безконечными излучинами, среди меланхолическихъ и дремлющихъ болотъ, я случайно достигъ мѣста, гдѣ была небольшая рѣчка съ островомъ. Я пришелъ къ ней внезапно, во время многолиственнаго Іюня, и легъ на дернъ подъ вѣтвями какого-то ароматическаго невѣдомаго кустарника, чтобы, созерцая, отдаться дремотѣ. Я чувствовалъ, что именно такимъ образомъ я долженъ смотрѣть на эту картину,—такъ много въ ней было того, что мы называемъ видѣніемъ.

Отовсюду, кромѣ запада, гдѣ солнце склонялось къ закату, высились зеленѣющія стѣны лѣса. Небольшая рѣчка, дѣлавшая рѣзкій поворотъ въ своемъ теченіи и тотчасъ же терявшаяся изъ виду, казалось, не могла уйти изъ собственной тюрьмы, но поглощалась на востокѣ темной зеленью древесной листвы; въ то время какъ на противоположной сторонѣ (такъ представлялось мнѣ, когда я лежалъ и смотрѣлъ вверхъ) безшумно и безпрерывно струился въ

*) Уединеніе вещь прекрасная; но необходимо, чтобы былъ кто-нибудь, кто бы вамъ сказалъ, что уединеніе вещь прекрасная.

долину пышный водопадъ багряныхъ и золотыхъ лучей, бѣжавшихъ изъ источниковъ вечерняго неба.

Почти въ срединѣ той узкой перспективы, которая представлялась моему дремлющему взору, былъ небольшой и круглый островокъ; украшенный роскошной зеленью, онъ покоился на рѣчномъ лонѣ.

И берегъ въ глубь рѣки глядѣлъ,
Съ своимъ сливаясь отраженьемъ,—
Какъ будто въ воздухѣ висѣлъ.

Такъ была похожа на зеркало эта прозрачная вода, что почти невозможно было опредѣлить, гдѣ начиналось ея хрустальное царство на этомъ изумрудномъ склонѣ.

Мое положеніе позволяло мнѣ обнять однимъ взглядомъ оба конца острова, и восточный и западный, и я замѣтилъ своеобразное различіе въ ихъ внѣшнемъ видѣ. Западный край острова казался лучезарнымъ гаремомъ цвѣтущихъ красавицъ. Онъ блисталъ и вспыхивалъ подъ косвеннымъ взоромъ заката и улыбался своими нѣжными цвѣтами. Короткая и гибкая трава издавала легкій ароматъ и вся была усѣяна Златооками. Легкія деревья стояли прямо; стройныя, прекрасныя, полныя граціи, блистая глянцевитой и измѣнчивой корой, они смотрѣли весело и по своей формѣ и листвѣ отличались восточнымъ характеромъ. Во всемъ виднѣлась жизнерадостность, блаженство бытія, и хотя не было ни малѣйшаго вѣтерка, но все кругомъ какъ будто приводилось въ движеніе воздушнымъ перепархиваніемъ безчисленныхъ мотыльковъ, которые казались крылатыми тюльпанами *).

Восточный край острова былъ объятъ глубокой тѣнью. Все было проникнуто мрачной, но прекрасной и полной умиротворенія печалью. Темныя деревья склонялись какъ бы подъ гнетомъ скорби—они представлялись согбенными тор-

---

*) Florem putares nare per liquidum aethera.—Подумаешь, что цвѣтокъ плаваетъ въ прозрачномъ эѳирѣ. *P. Commire.*

жественно-угрюмыми призраками и точно говорили о надгробной печали—о преждевременной смерти. Трава имѣла глубокую окраску кипариса, ея плакучіе листья томно поникли, и среди нихъ виднѣлись тамъ и сямъ незамѣтные мелкіе бугорки, низкіе и продолговатые, которые, не будучи могилами, имѣли видъ могилъ, ибо вкругъ нихъ, цѣпляясь, росли стебли руты и розмарина. Тѣнь деревьевъ тяжело упадала на воду и, казалось, сама хоронила себя въ ней, напитывая мракомъ глубину. Мнѣ пришло на умъ, что каждая тѣнь, по мѣрѣ того, какъ солнце склонялось все ниже и ниже, отдѣлялась нехотя отъ ствола, дававшаго ей рожденье, и поглощалась рѣкой, и новыя тѣни мгновенно исходили отъ деревьевъ, на смѣну прежнихъ, скрывшихся въ могилу.

Эта мысль, разъ возникнувъ въ моей фантазіи, охватила ее всецѣло, и я отдался мечтамъ. „Если былъ гдѣнибудь зачарованный островъ“, сказалъ я самому себѣ, „вотъ—онъ здѣсь. Это уголокъ, гдѣ встрѣчаются тѣ немногія нѣжныя Феи, которыя уцѣлѣли отъ гибели, постигшей ихъ расу. Не въ этихъ ли зеленыхъ могилахъ онѣ находятъ свое погребеніе? Не разстаются ли онѣ съ своей нѣжной жизнью такъ же, какъ люди? Или, напротивъ, не угасаютъ ли онѣ постепенно, отдавая Богу свою жизнь, исчерпывая мало-по-малу свое бытіе, какъ эти деревья отдаютъ свои тѣни одну за другою рѣчной глубинѣ? Не является ли жизнь Феи для смерти, ее поглощающей, тѣмъ же, чѣмъ умирающее дерево является для водъ рѣки, которыя оно поитъ своими тѣнями, заставляя ее все сильнѣй и сильнѣе чернѣть отъ поглощаемой добычи?“

Пока я такъ мечталъ съ полузакрытыми глазами, солнце быстро уходило на покой, и крутящіеся порывы водоворота стали виться вокругъ острова, принося на его грудь широкіе ослѣпительно-бѣлые хлопья, отдѣлявшіеся отъ коры сикоморъ, хлопья, которые своимъ многообразнымъ и разнороднымъ положеніемъ на водѣ давали живому воображе-

нію возможность видѣть въ нихъ все, что ему хотѣлось; пока я такъ мечталъ, мнѣ показалось, что одна изъ тѣхъ самыхъ Фей, о которыхъ я думалъ, стала медленно двигаться отъ западнаго края острова, держа свой путь изъ царства свѣта въ тьму. Фея стояла выпрямившись на странно-хрупкомъ челнокѣ, который она приводила въ движеніе призрачнымъ подобіемъ весла. Въ то время, когда она находилась въ области гаснущихъ лучей, ея лицо сіяло радостью, но темная печаль искажала его, когда она вступала въ область тѣни. Она медленно скользила вдоль островка и, обогнувъ его, опять вошла въ предѣлы свѣта. „Кругъ, который только что свершила Фея“, продолжалъ я мечтать, „есть годъ ея короткой жизни. Она пережила сейчасъ лѣто и зиму. Она годомъ ближе къ своей смерти: ибо я не могъ не видѣть, что, когда она вступила въ область тѣни, ея собственная тѣнь отдѣлилась отъ ея фигуры, и черныя воды, еще болѣе почернѣвъ, поглотили ее“.

И снова показался челнокъ, и снова появилась Фея, но на лицѣ ея было больше заботы и нерѣшительности, и меньше свободной безпечности. Она опять изъ царства свѣта вступила въ тьму (которая съ минуты на минуту все чернѣла), и опять ея тѣнь, отдѣлившись, упала и слилась съ водой, напоенной мракомъ. И снова, и снова плыла она, огибая островъ (межъ тѣмъ какъ солнце устремлялось на покой), и каждый разъ, при вступленіи въ область лучей, лицо ея становилось все печальнѣе, все блѣднѣе, неопредѣленнѣе, и каждый разъ отъ нея отдѣлялась все болѣе мрачная тѣнь, поглощаемая все болѣе чернѣвшей тьмою. И наконецъ, когда солнце исчезло совершенно, Фея, теперь не болѣе какъ блѣдный призракъ самой себя, исполненная безутѣшной скорби, вошла въ непроглядную тьму, и вышла ли она когда-нибудь оттуда, я не могу сказать, потому что все покрылось непроницаемымъ мракомъ, и я не видѣлъ больше ея волшебнаго лица.

ОВАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТЪ.

Egli è *vivo* e parlerebbe se non osservasse la rigola del silentio *).

Надпись подъ однимъ итальянскимъ портретомъ св. Бруно.

Лихорадка моя была упорна и продолжительна. Всѣ средства, какія только можно было достать въ этой дикой мѣстности близь Аппенинъ, были исчерпаны, но безъ какихъ-либо результатовъ. Мой слуга и единственный мой сотоварищъ въ уединенномъ замкѣ былъ слишкомъ взволнованъ и слишкомъ неискусенъ, чтобы рѣшиться пустить мнѣ кровь, которой, правда, я уже слишкомъ достаточно потерялъ въ схваткѣ съ бандитами. Я не могъ также съ спокойнымъ сердцемъ отпустить его поискать гдѣ-нибудь помощи. Наконецъ, неожиданно я вспомнилъ о маленькомъ свертќѣ опіума, который лежалъ вмѣстѣ съ табакомъ въ деревянномъ ящичкѣ: въ Константинополѣ я пріобрѣлъ привычку курить табакъ вмѣстѣ съ такой лѣкарственной примѣсью. Педро подалъ мнѣ ящичекъ. Порывшись, я нашелъ желанное наркотическое средство. Но когда дѣло дошло до

*) Онъ *живъ*, и онъ заговорилъ бы, если бы не соблюдалъ правило молчанія.

необходимости отдѣлить должную часть, мной овладѣло раздумье. При куреніи было почти безразлично, *какое количество* употреблялось. Обыкновенно я наполнялъ трубку до половины опіумомъ и табакомъ, и перемѣшивалъ то и другое — половина на половину. Иногда, выкуривъ всю эту смѣсь, я не испытывалъ никакого особеннаго дѣйствія; иногда же, еле выкуривъ двѣ трети, я замѣчалъ симптомы мозгового разстройства, которые бывали даже угрожающими и предостерегали меня, дабы я воздержался. Правда, эффектъ, производимый опіумомъ, при легкомъ измѣненіи въ количествѣ, совершенно былъ чуждъ какой-либо опасности. Тутъ, однако, дѣло обстояло совершенно иначе. Никогда раньше я *не принималъ* опіума *внутрь*. У меня бывали случаи, когда мнѣ приходилось принимать лауданумъ и морфій, и относительно *этихъ* наркотиковъ я не имѣлъ бы основаній колебаться. Но опіумъ въ чистомъ видѣ былъ мнѣ неизвѣстенъ. Педро зналъ объ этомъ не больше меня, и такимъ образомъ, находясь въ подобныхъ критическихъ обстоятельствахъ, я пребывалъ въ полной нерѣшительности. Тѣмъ не менѣе я не былъ особенно огорченъ этимъ и, разсудивъ, рѣшилъ принимать опіумъ *постепенно*. Первая доза должна быть *очень* ограниченной. Если она окажется недѣйствительной, размышлялъ я, можно будетъ ее повторить; и такъ можно будетъ продолжать, пока лихорадка не утихнетъ, или пока ко мнѣ не придетъ благодѣтельный сонъ, не посѣщавшій меня почти уже цѣлую недѣлю. Сонъ былъ необходимостью, чувства мои находились въ состояніи какого-то опьяненія. Именно это смутное состояніе души, это тупое опьяненіе, несомнѣнно, помѣшало мнѣ замѣтить безсвязность моихъ мыслей, которая была такъ велика, что я сталъ разсуждать о большихъ и малыхъ дозахъ, не имѣя предварительно какого-либо опредѣленнаго масштаба для сравненія. Въ ту минуту я совершенно не представлялъ себѣ, что доза опіума, казавшаяся мнѣ необычайно малой, на самомъ дѣлѣ могла быть необычайно большой. Напро-

10*

тивъ, я хорошо помню, что съ самой невозмутимой самоувѣренностью я опредѣлилъ количество, необходимое для пріема, по его отношенію къ цѣлому куску, находившемуся въ моемъ распоряженіи. Порція, которую я, наконецъ, проглотилъ, и проглотилъ безстрашно, была несомнѣнно весьма малой частью *всего количества, находившагося въ моихъ рукахъ*.

Замокъ, куда мой слуга рѣшился скорѣе проникнуть силой, нежели допустить, чтобы я, измученный и раненый, провелъ всю ночь на открытомъ воздухѣ, былъ однимъ изъ тѣхъ мрачныхъ и величественныхъ зданій-громадъ, которыя такъ давно хмурятся среди Аппенинъ, не только въ фантазіи Мистрисъ Радклиффъ, но и въ дѣйствительности. По всей видимости онъ былъ покинутъ на время и совсѣмъ еще недавно. Мы устроились въ одной изъ самыхъ небольшихъ и наименѣе роскошно обставленныхъ комнатъ. Она находилась въ уединенной башенкѣ. Обстановка въ ней была богатая, но износившаяся и старинная. Стѣны были покрыты обивкой и увѣшаны разнаго рода военными доспѣхами, а также цѣлымъ множествомъ очень стильныхъ современныхъ картинъ въ богатыхъ золотыхъ рамахъ съ арабесками. Они висѣли не только на главныхъ частяхъ стѣны, но и въ многочисленныхъ уголкахъ, которыя странная архитектура зданія дѣлала необходимыми — и я сталъ смотрѣть на эти картины съ чувствомъ глубокаго интереса, быть-можетъ обусловленнаго моимъ начинавшимся бредомъ; такъ я приказалъ Педро закрыть тяжелыя ставни — ибо была уже ночь—зажечь свѣчи въ высокомъ канделябрѣ, стоявшемъ у кровати близь подушекъ, и совершенно отдернуть черныя бархатныя занавѣси съ бахромой, окутывавшія самую постель. Я рѣшилъ, что если ужь мнѣ не уснуть, такъ я, по крайней мѣрѣ, буду поочередно смотрѣть на эти картины, и читать маленькій томикъ, который лежалъ на подушкѣ и содержалъ въ себѣ критическое ихъ описаніе.

Долго, долго я читалъ—и глядѣлъ на созданія искусства

съ преклоненіемъ, съ благоговѣніемъ. Быстро убѣгали чудесныя мгновенья, и подкрался глубокій часъ полночи. Положеніе канделябра показалось мнѣ неудобнымъ, и, съ трудомъ протянувши руку, я избѣжалъ нежелательной для меня необходимости будить моего слугу, и самъ переставилъ его такимъ образомъ, чтобы снопъ лучей полнѣе падалъ на книгу.

Но движеніе мое произвело эффектъ совершенно неожиданный. Лучи многочисленныхъ свѣчей (ибо ихъ дѣйствительно было много) упали теперь въ нишу, которая была до этого окутана глубокой тѣнью, падавшей отъ одного изъ столбовъ кровати. Я увидалъ такимъ образомъ при самомъ яркомъ освѣщеніи картину, которой раньше совершенно не замѣчалъ. Это былъ портретъ молодой дѣвушки, только что развившейся до полной женственности. Я стремительно взглянулъ на картину—и закрылъ глаза. Почему я такъ сдѣлалъ, это въ первую минуту было непонятно мнѣ самому. Но пока рѣсницы мои оставались закрытыми, я сталъ лихорадочно думать, почему я закрылъ ихъ. Это было инстинктивнымъ движеніемъ, съ цѣлью выиграть время— удостовѣриться, что зрѣніе не обмануло меня — успокоить и подчинить свою фантазію болѣе трезвому и точному наблюденію. Черезъ нѣсколько мгновеній я опять устремилъ на картину пристальный взглядъ.

Теперь не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что я вижу ясно и правильно; ибо первая яркая вспышка свѣчей, озарившая это полотно, повидимому, разсѣяла то дремотное оцѣпенѣніе, которое завладѣло всѣми моими чувствами, и сразу вернула меня къ реальной жизни.

Какъ я уже сказалъ, это былъ портретъ молодой дѣвушки. Только голова и плечи — въ стилѣ *виньетки*, говоря языкомъ техническимъ; многіе штрихи напоминали манеру Сѐлли въ его излюбленныхъ головкахъ. Руки, грудь, и даже концы лучезарныхъ волосъ, незамѣтно сливались съ неопредѣленной глубокой тѣнью, составлявшей задній

фонъ всей картины. Рама была овальная, роскошно позолоченная и филигранная, *въ Мавританскомъ вкусѣ*. Разсматривая картину какъ созданіе искусства, я находилъ, что ничего не могло быть прекраснѣе ея. Но не самымъ исполненіемъ и не безсмертной красотой лица я былъ пораженъ такъ внезапно и такъ сильно. Конечно я никакъ не могъ думать, что фантазія моя, вызванная изъ состоянія полудремоты, была слишкомъ живо настроена, и что я принялъ портретъ за голову живого человѣка. Я сразу увидѣлъ, что особенности рисунка, его *виньеточный* характеръ, и качества рамы, должны были съ перваго взгляда уничтожить подобную мысль — должны были предохранить меня даже отъ мгновенной иллюзіи. Упорно размышляя объ этомъ, я оставался, быть можетъ, цѣлый часъ, полусидя, полулежа, устремивъ на портретъ пристальный взглядъ. Наконецъ, насытившись скрытой тайной художественнаго эффекта, я откинулся на постель. Я понялъ, что очарованіе картины заключалось въ необычайной *жизненности* выраженія, которая, сперва поразивъ меня, потомъ смутила, покорила, и ужаснула. Съ чувствомъ глубокаго и почтительнаго страха я передвинулъ канделябръ на его прежнее мѣсто. Устранивъ такимъ образомъ отъ взоровъ причину моего глубокаго волненія, я съ нетерпѣніемъ отыскалъ томикъ, гдѣ обсуждались картины и описывалась исторія ихъ возникновенія. Открывъ его на страницѣ, гдѣ описывался овальный портретъ, я прочелъ смутный и причудливый разсказъ:

„Она была дѣвушкой самой рѣдкостной красоты, и была столько же прекрасна, сколько весела. И злополученъ былъ тотъ часъ, когда она увидала, и полюбила художника, и сдѣлалась его женой. Страстный, весь отдавшійся занятіямъ, и строгій, онъ уже почти имѣлъ невѣсту въ своемъ искусствѣ; она же была дѣвушкой самой рѣдкостной красоты, и была столько же прекрасна, сколько весела: вся—смѣхъ, вся—лучезарная улыбка, она была рѣзва и шаловлива, какъ молодая лань: она любила и лелѣяла все,

къ чему ни прикасалась: ненавидѣла только Искусство, которое соперничало съ ней: пугалась только палитры и кисти и другихъ несносныхъ инструментовъ, отнимавшихъ у нея ея возлюбленнаго. Ужасной вѣстью было для этой женщины услышать, что художникъ хочетъ написать портретъ и самой новобрачной. Но она была смиренна и послушна, и безропотно сидѣла она цѣлыя недѣли въ высокой и темной комнатѣ, помѣщавшейся въ башнѣ, гдѣ свѣтъ, скользя, струился только сверху на полотно. Но онъ, художникъ, вложилъ весь свой геній въ работу, которая росла и создавалась, съ часу на часъ, со дня на день. И онъ былъ страстный, и причудливый, безумный человѣкъ, терявшійся душой въ своихъ мечтаніяхъ; и не *хотѣлъ* онъ видѣть, что блѣдный свѣтъ, струившійся такъ мрачно и угрюмо въ эту башню, снѣдалъ веселость и здоровье новобрачной, и всѣ видѣли, что она угасаетъ, только не онъ. А она все улыбалась и улыбалась, и не проронила ни слова жалобы, ибо видѣла, что художникъ (слава котораго была велика) находилъ пламенное и жгучее наслажденіе въ своей работѣ, и дни и ночи старался возсоздать на полотнѣ лицо той, которая его такъ любила, которая изо-дня въ день все болѣе томилась и блѣднѣла. И правда, тѣ, что видѣли портретъ, говорили тихимъ голосомъ о сходствѣ, какъ о могущественномъ чудѣ, и какъ о доказательствѣ не только творческой силы художника, но и его глубокой любви къ той, которую онъ возсоздавалъ такъ чудесно. Но, наконецъ, когда работа стала близиться къ концу, никто не находилъ болѣе доступа въ башню; потому что художникъ, съ самозабвеніемъ безумія отдавшійся работѣ, почти не отрывалъ своихъ глазъ отъ полотна, почти не глядѣлъ даже на лицо жены. И не *хотѣлъ* онъ видѣть, что краски, которыя онъ раскинулъ по полотну, были совлечены съ лица той, что сидѣла близь него. И когда минули долгія недѣли, и лишь немногое осталось довершить, одинъ штрихъ около рта, одну блёстку на глазъ, душа этой женщины

вновь вспыхнула, какъ угасающій свѣтильникъ, догорѣвшій до конца. И вотъ, положенъ штрихъ, и вотъ, положена блестка; и на мгновеніе художникъ остановился, охваченный восторгомъ, передъ работой, которую онъ создалъ самъ; но тотчасъ же, еще не отрывая глазъ, онъ задрожалъ и поблѣднѣлъ, и, полный ужаса, воскликнувъ громко: „Да вѣдь это сама *Жизнь!*", онъ быстро обернулся, чтобы взглянуть на возлюбленную: —„*Она была мертва!*"

ЛИГЕЙЯ.

И если кто не умираетъ, это отъ могущества воли. Кто познаетъ сокровенныя тайны воли и ея могущества? Самъ Богъ есть великая воля, проникающая все своею напряженностью. И не уступилъ бы человѣкъ ангеламъ, даже и передъ смертью не склонился бы, если бъ не была у него слабая воля.

Joseph Glanvill.

Клянусь, я не могу припомнить, какъ, когда или даже въ точности гдѣ я узналъ впервые леди Лигейю. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и память моя ослабѣла отъ множества страданій. Или, быть можетъ, я не въ силахъ припомнить этого *теперь*, потому что на самомъ дѣлѣ необыкновенныя качества моей возлюбленной, ея исключительныя знанія, особенный и такой мирный оттѣнокъ ея красоты, и полное чаръ захватывающее краснорѣчіе ея мелодичнаго грудного голоса прокрадывались въ мое сердце такъ незамѣтно, съ такимъ постепеннымъ упорствомъ, что я и не замѣтилъ этого, не узналъ. Да, но все же мнѣ чудится, что я встрѣтилъ ее впервые, и встрѣчалъ много разъ потомъ, въ какомъ-то обширномъ, старинномъ городѣ, умирающемъ на берегахъ Рейна. Она, конечно, говорила

мнѣ о своемъ происхожденіи. Что ея родъ былъ очень древнимъ, въ этомъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Лигейя! Лигейя! Погруженный въ такія занятія, которыя болѣе, чѣмъ что-либо иное, могутъ, по своей природѣ, убить впечатлѣнія внѣшняго міра, я чувствую, какъ одного этого нѣжнаго слова, Лигейя, достаточно, чтобы предо мною явственно предсталъ образъ той, кого уже больше нѣтъ. И теперь, пока я пишу, во мнѣ вспыхиваетъ воспоминаніе, что я *никогда не зналъ* фамильнаго имени той, которая была моимъ другомъ и невѣстой, и сдѣлалась потомъ товарищемъ моихъ занятій и, наконецъ, супругой моего сердца. Было ли это прихотливымъ желаніемъ моей Лигейи? или то было доказательствомъ силы моего чувства, что я никогда не предпринималъ никакихъ изслѣдованій по этому поводу? или скорѣе не было ли это моимъ собственнымъ капризомъ, моимъ романтическимъ жертвоприношеніемъ на алтарь самаго страстнаго преклоненія? Я только неясно помню самый фактъ, — удивительно ли, что я совершенно забылъ объ обстоятельствахъ, обусловившихъ или сопровождавшихъ его? И если дѣйствительно тотъ духъ, который названъ *Романомъ*, если эта блѣдная, туманнокрылая *Ashtophet* языческаго Египта председѣдательствовала, какъ говорятъ, на свадьбахъ, сопровождавшихся мрачными предзнаменованіями, нѣтъ сомнѣнья, что она предсѣдательствовала на моей.

Есть, однако, нѣчто дорогое, относительно чего память моя не ошибается. Это *внѣшность* Лигейи. Высокаго роста, Лигейя была тонкой, въ послѣдніе дни даже исхудалой. Тщетно было бы пытаться описать величественность, спокойную непринужденность всѣхъ ея движеній, непостижимую легкость и эластичность ея поступи. Она приходила и уходила точно тѣнь. Никогда я не слыхалъ, что она входитъ въ мой рабочій кабинетъ, я только узнавалъ объ этомъ, когда она касалась моего плеча своею словно выточенной изъ мрамора рукой — я съ наслажденьемъ узнавалъ объ этомъ, слыша нѣжный звукъ

ея грудного голоса. Ни одна дѣвушка въ мірѣ не могла сравняться съ нею красотой лица. Это былъ какой-то лучистый сонъ, навѣянный ошумомъ, воздушное и душу возвышающее видѣніе, въ которомъ было больше безумной красоты, больше божественнаго очарованія, чѣмъ въ тѣхъ фантастическихъ снахъ, что парили надъ спящими душами Делосскихъ дочерей. Однако, черты ея лица не отличались той правильностью, почитать которую въ классическихъ созданіяхъ язычниковъ мы научены издавна и напрасно. „Нѣтъ изысканной красоты", говоритъ Бэконъ, Лордъ Веруламскій, справедливо разсуждая о всѣхъ разнородныхъ формахъ и *видахъ* красоты, „безъ нѣкоторой *странности* въ соразмѣрности частей". Я видѣлъ, что у Лигейи не было классической правильности въ чертахъ, я понималъ, что ея красота дѣйствительно „изысканная", и чувствовалъ, что много было „странности", проникавшей ее, и все же я тщетно пытался открыть какую-либо неправильность и подробно прослѣдить мое собственное представленіе „страннаго". Я всматривался въ очертанія высокаго и блѣднаго лба—онъ былъ безукоризненъ; но какъ бездушно это слово въ примѣненіи къ величавости такой божественной! бѣлизна кожи, не уступающая чистѣйшей слоновой кости, пышная широта и безмятежность, легкій выступъ надъ висками; и потомъ эти роскошные локоны, цвѣта воронова крыла, съ природными завитками, съ отливомъ вполнѣ оправдывающимъ силу Гомеровскаго эпитета, „гіацинтовый!" Я смотрѣлъ на тонкія очертанія носа, и нигдѣ, за исключеніемъ изящныхъ Еврейскихъ медальоновъ, не видалъ я такого совершенства. Та же чудесная гладкая поверхность, тотъ же еле замѣтный выступъ, приближающійся къ типу орлинаго, тѣ же гармонично-изогнутыя брови, говорящія о свободной душѣ. Я смотрѣлъ на нѣжный ротъ. Онъ былъ поистинѣ торжествомъ всего неземного: очаровательная верхняя губа, короткая и приподнятая, сладострастная дремота нижней, ямочки, которыя всегда играли, и цвѣтъ, который гово-

рилъ, зубы, отражавшіе съ блескомъ удивительнымъ каждый лучъ благословеннаго свѣта, падавшаго на нихъ и разгоравшагося мирной и ясной улыбкой. Я размышлялъ о формѣ подбородка—и здѣсь, также, находилъ грацію широты, нѣжность и пышность, полноту и духовность Эллинскую, дивное очертаніе, которое богъ Аполлонъ лишь во снѣ открылъ Клеомену, гражданину Аѳинскому. И потомъ я пристально смотрѣлъ въ самую глубь большихъ глазъ Лигейи.

Для глазъ мы не находимъ моделей въ отдаленной древности. Быть можетъ, именно въ глазахъ моей возлюбленной скрывалась тайна, на которую намекаетъ Лордъ Веруламскій. Мнѣ кажется, они были гораздо больше, чѣмъ глаза обыкновеннаго смертнаго. Продолговатые, они были длиннѣе, чѣмъ газельи глаза, отличающіе племя, что живетъ въ долинѣ Нурджагадъ. Но только временами—въ моменты высшаго возбужденія—эта особенность становилась рѣзко-замѣтной въ Лигейѣ. И въ подобные моменты ея красота — быть можетъ, это только такъ казалось моей взволнованной фантазіи — была красотою существъ, живущихъ въ небесахъ или по крайней мѣрѣ внѣ земли—красотою легендарныхъ Гурій Турціи. Цвѣтъ зрачковъ былъ лучезарно-чернымъ, и прекрасны были эти длинныя агатовыя рѣсницы. Брови, нѣсколько изогнутыя, были такого же цвѣта. Однако, „странность“, которую я находилъ въ глазахъ, заключалась не въ формѣ, не въ цвѣтѣ, не въ блистательности чертъ, она крылась въ *выраженіи.* О, какъ это слово лишено значенія! за этимъ звукомъ, какъ бы теряющимся въ пространствѣ, скрывается наше непониманіе цѣлой бездны одухотворенности. Выраженіе глазъ Лигейи! Какъ долго, цѣлыми часами, я размышлялъ объ этомъ! Въ продолженіи лѣтнихъ ночей, отъ зари до зари, я старался измѣрить ихъ глубину! Что скрывалось въ зрачкахъ моей возлюбленной? Что - то болѣе глубокое, чѣмъ колодецъ Демокрита! Что это *было?* Я сгоралъ страстнымъ

желаніемъ найти разгадку. О, эти глаза! эти большія, эти блестящія, эти божественныя сферы! они стали для меня двумя созвѣздными близнецами Леды, а я для нихъ — самымъ набожнымъ изъ астрологовъ.

Среди многихъ непостижимыхъ аномалій, указываемыхъ наукой о духѣ, нѣтъ ни одной настолько поразительной, какъ тотъ фактъ—никогда, кажется, никѣмъ не отмѣченный — что при усиліяхъ возсоздать въ памяти что-нибудь давно-забытое мы часто находимся *на самомъ краю* воспоминанія, не будучи, однако, въ состояніи припомнить. И подобно этому, какъ часто, отдаваясь упорнымъ размышленіямъ о глазахъ Лигейи, я чувствовалъ, что я близокъ къ полному познанію ихъ выраженія—я чувствовалъ, что вотъ сейчасъ я его достигну—но оно приближалось, и однако же не было всецѣло моимъ—и въ концѣ концовъ совершенно исчезало! И (какъ странно, страннѣе всѣхъ странностей!) я находилъ въ самыхъ обыкновенныхъ предметахъ, меня окружавшихъ, нить аналогіи, соединявшую ихъ съ этимъ выраженіемъ. Я хочу сказать, что послѣ того какъ красота Лигейи вошла въ мою душу и осталось тамъ на своемъ алтарѣ, я не разъ получалъ отъ предметовъ матеріальнаго міра такое же ощущеніе, какимъ всегда наполняли и окружали меня ея большіе лучезарные глаза. И однако же, я не могъ опредѣлить это чувство, или точно прослѣдить его, или даже всегда имѣть о немъ ясное представленіе. Повторяю, я иногда вновь испытывалъ его, видя быстро-ростущую виноградную лозу, смотря на ночную бабочку, на мотылька, на куколку, на поспѣшныя струи проточныхъ водъ. Я чувствовалъ его въ океанѣ, въ паденіи метеора. Я чувствовалъ его во взглядахъ нѣкоторыхъ людей, находившихся въ глубокой старости. И есть одна или двѣ звѣзды на небѣ (въ особенности одна, звѣзда шестой величины, двойная и измѣнчивая, находящаяся близь большой звѣзды въ созвѣздіи Лиры), — при созерцаніи ея черезъ телескопъ я испытывалъ это ощущеніе. Оно охватывало меня, когда я

слышалъ извѣстное сочетаніе звуковъ, исходящихъ отъ струнныхъ инструментовъ, и нерѣдко, когда я прочитывалъ въ книгахъ ту или иную страницу. Среди другихъ безчисленныхъ примѣровъ я хорошо помню одинъ отрывокъ изъ Джозефа Глэнвилля, который (быть можетъ, по своей причудливости — кто скажетъ?) каждый разъ при чтеніи давалъ мнѣ это ощущеніе: „И если кто не умираетъ, это отъ могущества воли. Кто познаетъ сокровенныя тайны воли и ея могущества? Самъ Богъ есть великая воля, проникающая все своею напряженностью. И не уступилъ бы человѣкъ ангеламъ, даже и передъ смертью не склонился бы, если бъ не была у него слабая воля".

Долгіе годы и послѣдовательныя размышленія дали мнѣ возможность установить нѣкоторую отдаленную связь между этимъ отрывкомъ изъ Англійскаго моралиста и извѣстной чертой въ характерѣ Лигейи. Своеобразная *напряженность* въ мысляхъ, въ поступкахъ, въ словахъ, являлась у нея, быть можетъ, результатомъ или во всякомъ случаѣ показателемъ той гигантской воли, которая, за время нашихъ долгихъ и тѣсныхъ отношеній, могла бы дать и другое болѣе непосредственное указаніе на себя. Изъ всѣхъ женщинъ, которыхъ я когда-либо зналъ, Лигейя, на видъ всегда невозмутимая и ясная, была терзаема самыми дикими коршунами неудержимой страсти. И эту страсть я могъ измѣрить только благодаря чрезмѣрной расширенности ея глазъ, которые пугали меня и приводили въ восторгъ, благодаря магической мелодичности, ясности и звучности ея грудного голоса, отличавшагося чудесными модуляціями, и благодаря дикой энергіи ея зачарованныхъ словъ, которая удваивалась контрастомъ ея манеры говорить.

Я упоминалъ о познаніяхъ Лигейи: дѣйствительно они были громадны — такой учености я никогда не видалъ въ женщинѣ. Она глубоко проникла въ классическіе языки, и, насколько мои собственныя знанія простирались на

языки современной Европы, я никогда не видалъ у нея пробѣловъ. Да и вообще видѣлъ-ли я *когда-нибудь*, чтобъ у Лигейи былъ пробѣлъ въ той или иной отрасли академической учености, наиболѣе уважаемой за свою наибольшую запутанность?

Какъ глубоко, какъ странно поразила меня эта единственная черта въ натурѣ моей жены, какъ приковала она мое вниманіе именно за этотъ послѣдній періодъ! Я сказалъ, что никогда не видѣлъ такой учености ни у одной женщины, но существуетъ-ли вообще гдѣ-нибудь человѣкъ, который послѣдовательно, и успѣшно, охватилъ бы *всю* широкую сферу моральнаго, физическаго и математическаго знанія. Я не видалъ раньше того, что теперь вижу ясно, не замѣчалъ, что Лигейя обладала познаніями гигантскими, изумительными; все же, я слишкомъ хорошо чувствовалъ ея безконечное превосходство сравнительно со мной, и съ довѣрчивостью ребенка отдался ея руководству, и шелъ за ней черезъ хаосъ метафизическихъ изслѣдованій, которыми я съ жаромъ занимался въ первые годы нашего супружества. Съ какимъ великимъ торжествомъ—съ какимъ живымъ восторгомъ — съ какой идеальной воздушностью надежды, я *чувствовалъ,* что моя Лигейя склонялась надо мною въ то время, какъ я былъ погруженъ въ области знанія столь мало отыскиваемаго—еще менѣе извѣстнаго — и предо мною постепенно раскрывались чудесныя перспективы, пышныя и совершенно непочатыя, и, идя по этому дѣвственному пути, я долженъ былъ наконецъ достичь своей цѣли, придти къ мудрости, которая слишкомъ божественна и слишкомъ драгоцѣнна, чтобы не быть запретной!

Сколько же было скорби въ моемъ сердцѣ, когда, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, я увидалъ, что мои глубокообоснованныя надежды вспорхнули, какъ птицы, и улетѣли прочь! Безъ Лигейи я былъ безпомощнымъ ребенкомъ, который въ ночномъ мракѣ ощупью отыскиваетъ свою дорогу

и не находитъ. Лишь ея присутствіе, движенія ея ума могли освѣтить для меня живымъ свѣтомъ тайны трансцендентальности, въ которыя мы были погружены; не озаренная лучистымъ сіяніемъ ея глазъ, вся эта книжная мудрость, только что бывшая воздушно-золотой, дѣлалась тяжелѣе, чѣмъ мрачный свинецъ. Эти чудесные глаза блистали все рѣже и рѣже надъ страницами, наполнявшими меня напряженными размышленіями. Лигейя заболѣла. Ея безумные глаза горѣли сіяньемъ слишкомъ лучезарнымъ; блѣдные пальцы, окрасившись краскою смерти, сдѣлались прозрачно-восковыми; и голубыя жилки обрисовывались на бѣлизнѣ ея высокаго лба, то возвышаясь, то опускаясь, при каждой самой слабой перемѣнѣ ея чувствъ. Я видѣлъ, что ей суждено умереть — и въ мысляхъ отчаянно боролся съ свирѣпымъ Азраиломъ. Къ моему изумленію жена моя, объятая страстью, боролась съ еще большей энергіей. Въ ея суровой натурѣ было много такого, что заставляло меня думать, что къ ней смерть должна была придти безъ обычной свиты своихъ ужасовъ, но въ дѣйствительности было не такъ. Слова безсильны дать хотя бы приблизительное представленіе о томъ страстномъ упорствѣ, которое она выказала въ своей борьбѣ съ Тѣнью. Я стоналъ въ тоскѣ, при видѣ этого плачевнаго зрѣлища. Мнѣ хотѣлось бы ее утѣшить, мнѣ хотѣлось бы ее уговорить; но—при напряженности ея безумнаго желанія жить — жить — *только бы* жить—всякія утѣшенія и разсужденія одинаково были верхомъ безумія. Однако же, до самого послѣдняго мгновенія, среди судорожныхъ пытокъ, терзавшихъ ея гордый духъ, ясность всѣхъ ея ощущеній и мыслей внѣшнимъ образомъ оставалось неизмѣнной. Ея голосъ дѣлался все глубже—все нѣжнѣе и какъ будто отдаленнѣе — но я не смѣлъ пытаться проникнуть въ загадочный смыслъ ея словъ, которыя она произносила такъ спокойно. Зачарованный какимъ-то изступленнымъ восторгомъ, я слушалъ эту сверхчеловѣческую мелодію—и мой умъ жадно устрем-

лялся къ надеждамъ и представленіямъ, которыхъ ни одинъ изъ смертныхъ донынѣ не зналъ никогда.

Что она меня любила, въ этомъ я не могъ сомнѣваться; и мнѣ легко было понять, что въ ея сердцѣ любовь должна была царить не такъ, какъ царитъ заурядная страсть. Но только въ смерти она показала вполнѣ всю силу своего чувства. Долгіе часы, держа мою руку въ своей, она изливала предо мною полноту своего сердца, и эта преданность, болѣе чѣмъ страстная, возростала до обожанія. Чѣмъ заслужилъ я блаженство слышать такія признанія?— чѣмъ заслужилъ я проклятіе, отнимавшее у меня мою возлюбленную въ тотъ самый мигъ, когда она дѣлала мнѣ такія признанія? Но я не въ силахъ останавливаться на этомъ подробно. Я скажу только, что въ этой любви, которой Лигейя отдалась больше, чѣмъ можетъ отдаться женщина, въ любви, которая, увы, была незаслуженной, дарованной совершенно недостойному, я увидалъ, наконецъ, источникъ ея пламеннаго и безумнаго сожалѣнія о жизни, убѣгавшей теперь съ такою быстротой. Именно это безумное желаніе, эту неутолимую жажду жить— *только бы* жить — я не въ силахъ изобразить — не въ силахъ найти для этого ни одного слова, способнаго быть краснорѣчивымъ.

Въ глубокую полночь, въ ту ночь, когда она умерла,— властнымъ голосомъ подозвавъ меня къ себѣ, она велѣла мнѣ повторить стихи, которые сложились у нея въ умѣ за нѣсколько дней передъ этимъ. Я повиновался ей. Вотъ они:—

Во тьмѣ безутѣшной — блистающій праздникъ,
   Огнями волшебный театръ озаренъ!
Сидятъ серафимы, въ покровахъ, и плачутъ,
   И каждый печалью глубокой смущенъ,
Трепещутъ крылами и смотрятъ на сцену,
   Надежда и ужасъ проходятъ какъ сонъ,
И звуки оркестра въ тревогѣ вздыхаютъ,
   Заоблачной музыки слышится стонъ.

Имѣя подобіе Господа Бога,
Снуютъ скоморохи туда и сюда;
Ничтожныя куклы приходятъ, уходятъ,
О чемъ-то бормочутъ, ворчатъ иногда,
Надъ ними нависли огромныя тѣни,
Со сцены они не уйдутъ никуда,
И крыльями Кондора вѣютъ безшумно,
Съ тѣхъ крыльевъ незримо слетаетъ Бѣда!

Мишурныя лица! — Но знаешь, ты знаешь,
Причудливой пьесѣ забвенія нѣтъ!
Безумцы за Призракомъ гонятся жадно,
Но Призракъ скользитъ, какъ блуждающій свѣтъ;
Бѣжитъ онъ по кругу, чтобъ снова вернуться
Въ исходную точку, въ святилище бѣдъ;
И много Безумія въ драмѣ ужасной,
И Грѣхъ — въ ней завязка, и счастья въ ней нѣтъ!

Но что это тамъ? Между гаэровъ пестрыхъ
Какая-то красная форма ползетъ
Оттуда, гдѣ сцена окутана мракомъ!
То червь, — скоморохамъ онъ гибель несетъ.
Онъ корчится! — корчится! — гнусною пастью
Испуганныхъ гаэровъ алчно грызетъ,
И ангелы стонутъ, и червь искаженный
Багряную кровь ненасытно сосетъ.

Потухло — потухло — померкло сіянье!
Надъ каждой фигурой, дрожащей, нѣмой,
Какъ саванъ зловѣщій, крутится завѣса,
И падаетъ внизъ, какъ порывъ грозовой —
И ангелы, съ мѣстъ поднимаясь, блѣднѣютъ,
Они утверждаютъ, объятые тьмой,
Что эта трагедія „Жизнью“ зовется,
Что Червь Побѣдитель — той драмы герой!

„О, Боже мой“, почти вскрикнула Лигейя, быстро вставая и судорожно простирая руки вверхъ, — „О, Боже мой, о, Небесный Отецъ мой! неужели все это неизбѣжно? неужели этотъ побѣдитель не будетъ когда-нибудь побѣжденъ? Неужели мы не часть и не частица существа Твоего? Кто — кто знаетъ тайны воли и ея могущества? Человѣкъ не усту-

пилъ бы и ангеламъ, *даже и передъ смертью не склонился бы,* если-бъ не была у него слабая воля".

И потомъ, какъ бы истощенная этой вспышкой, она безсильно опустила свои блѣдныя руки и торжественно вернулась на свое смертное ложе. И когда замирали ея послѣдніе вздохи, на губахъ ея затрепеталъ неясный шопотъ. Я приникъ къ ней и опять услыхалъ заключительныя слова отрывка изъ Глэнвилля: — *„И не уступилъ бы человѣкъ ангеламъ, даже и передъ смертью не склонился бы, если бъ не была у него слабая воля!"*

Она умерла, и, пригнетенный до самаго праха тяжестью скорби, я не могъ больше выносить пустыннаго уединенія моего дома въ этомъ туманномъ городѣ, умирающемъ на берегахъ Рейна. У меня не было недостатка въ томъ, что люди называютъ богатствомъ. Лигейя принесла мнѣ больше, гораздо больше, чѣмъ это выпадаетъ на долю обыкновенныхъ смертныхъ. И вотъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ утомительнаго и безцѣльнаго скитанья, я купилъ, и частію привелъ въ порядокъ, полуразрушенное аббатство — не буду его называть — въ одной изъ самыхъ дикихъ и наименѣе людныхъ мѣстностей живописной Англіи. Мрачная и угрюмая величественность зданія, почти дикій характеръ помѣстья, грустныя и освященныя временемъ воспоминанія, связанныя съ тѣмъ и съ другимъ, имѣли въ себѣ много чего-то, что гармонировало съ чувствомъ крайней безпріютности, забросившей меня въ эту отдаленную и безлюдную мѣстность. Оставивъ почти неизмѣннымъ внѣшній видъ аббатства, эти руины, поросшія зеленью, которая свѣшивалась гирляндами,—внутри зданія я далъ просторъ болѣе чѣмъ царственной роскоши, руководясь какой-то ребяческой извращенностью, а, быть можетъ, и слабой надеждой разсѣять мои печали. Еще въ дѣтствѣ у меня была большая склонность къ такимъ фантазіямъ, и теперь они снова вернулись ко мнѣ, какъ бы внушенныя безуміемъ тоски. Увы; я чувствую, какъ много начинающагося безумія можно было

открыть въ этихъ пышныхъ и фантастическихъ драпировкахъ, въ Египетской рѣзьбѣ, исполненной торжественности, въ этихъ странныхъ карнизахъ и мебели, въ сумасшедшихъ узорахъ ковровъ, затканныхъ золотомъ! Я сдѣлался рабомъ опіума, и всѣ мои занятія и планы пріобрѣли окраску моихъ сновъ. Но я не буду останавливаться подробно на всемъ этомъ безуміи. Я буду говорить только объ одной комнатѣ — да будетъ она проклята навѣки! — о комнатѣ, куда въ моментъ затемнѣнія моихъ мыслей я привелъ отъ алтаря свою новобрачную—преемницу незабвенной Лигейи—бѣлокурую и голубоглазую Леди Ровену-Трэваніонъ-Тримэнъ.

Нѣтъ ни одной архитектурной подробности, нѣтъ ни одного украшенія въ этой свадебной комнатѣ, которыхъ я не видѣлъ бы теперь совершенно явственно. Какимъ образомъ надменная семья моей новобрачной, въ своей жаждѣ золота, рѣшилась допустить, чтобы эта дѣвушка, дочь такъ горячо любимая, перешагнула черезъ порогъ комнаты, украшенной *такимъ* убранствомъ? Я сказалъ, что хорошо помню всѣ подробности обстановки, хотя память моя самымъ печальнымъ образомъ теряетъ воспоминанія высокой важности; а въ этой фантастической роскоши не было никакой системы, никакой гармоніи, на которую воспоминаніе могло бы опереться. Являясь частью высокой башни аббатства, укрѣпленнаго какъ замокъ, комната эта представляла изъ себя пятиугольникъ и была очень обширна. Всю южную сторону пятиугольника занимало единственное окно—громадное и цѣльное Венеціанское стекло, съ окраской свинцоваго цвѣта, такъ что лучи солнца или мѣсяца, проходя черезъ него, мертвенно озаряли предметы внутри. Надъ верхней частью этого окна распространялась сѣть многолѣтнихъ виноградныхъ вѣтвей, которыя цѣплялись за массивныя стѣны башни. Дубовый потолокъ, смотрѣвшій мрачно, былъ необычайно высокъ, простирался сводомъ и тщательно былъ украшенъ инкрустаціями самыми странными и вычурными, въ стилѣ наполовину Готическомъ,

наполовину Друидическомъ. Въ глубинѣ этого угрюмаго свода, въ самомъ центрѣ, висѣла на единственной цѣпи, сдѣланной изъ продолговатыхъ золотыхъ колецъ, громадная лампа изъ того же металла, въ формѣ кадильницы, украшенная Сарацинскими узорами, и снабженная прихотливыми отверстіями такимъ образомъ, что черезъ нихъ, какъ бы живые, скользили и извивались змѣиные отливы разноцвѣтныхъ огней.

Въ разныхъ мѣстахъ кругомъ стояли тамъ и сямъ оттоманки и золотые канделябры, въ Восточномъ вкусѣ, и, кромѣ того, здѣсь была постель, брачное ложе въ Индійскомъ стилѣ, низкое, украшенное изваяніями изъ сплошного эбеноваго дерева, съ балдахиномъ, имѣвшимъ видъ похороннаго покрова. Въ каждомъ изъ угловъ комнаты возвышался гигантскій саркофагъ изъ чернаго гранита, съ царскихъ могилъ Луксора; ихъ древнія крышки были украшены незабвенными изображеніями. Но главная фантазія, царившая надо всѣмъ, крылась, увы, въ обивкѣ этого покоя. Высокія стѣны, гигантскія и даже непропорціональныя, сверху до низу были обтянуты массивной тяжелой матеріей, падавшей широкими складками,—эта матерія виднѣлась и на полу, какъ коверъ, и на оттоманкахъ, какъ покрышка, и на эбеновой кровати, какъ балдахинъ, и на окнѣ, какъ пышные извивы занавѣсей, частію закрывавшихъ окно. Матерія была богато заткана золотомъ. На неровныхъ промежуткахъ она вся была испещрена арабескными изображеньями, которыя имѣли приблизительно около фута въ діаметрѣ и узорно выдѣлялись агатово-чернымъ цвѣтомъ. Но эти изображенія являлись настоящими арабесками лишь тогда, когда на нихъ смотрѣли съ одного извѣстнаго пункта. Посредствомъ пріема, который теперь очень распространенъ и слѣды котораго можно найти въ самой отдаленной древности, они были сдѣланы такимъ образомъ, что мѣняли свой видъ. Для того, кто входилъ въ комнату, они просто представлялись чѣмъ-то уродливымъ, по мѣрѣ приближенія къ

нимъ этотъ характеръ постепенно исчезалъ, и мало-по-малу посѣтитель, мѣняя свое мѣсто въ комнатѣ, видѣлъ себя окруженнымъ безконечной процессіей чудовищныхъ образовъ, подобныхъ тѣмъ, которые родились въ суевѣрныхъ представленіяхъ Сѣвера, или тѣмъ, что возникали въ преступныхъ сновидѣніяхъ монаховъ. Фантасмагорическій эффектъ въ значительной степени увеличивался искусственнымъ введеніемъ безпрерывнаго сильнаго теченія воздуха изъ-за драпировокъ, дававшаго всему отвратительное и безпокойное оживленіе.

Въ такихъ-то чертогахъ, въ такомъ брачномъ покоѣ, провелъ я съ Леди Тримэнъ нечестивые часы перваго мѣсяца нашего брака, и провелъ безъ особеннаго безпокойства. Что жена моя боялась дикой перемѣнчивости моего характера, что она избѣгала меня, что она любила меня далеко не пламенной любовью, этого я не могъ не видѣть, но все это доставляло мнѣ скорѣе удовольствіе, нежели что-либо иное. Я ненавидѣлъ ее ненавистью отвращенія, болѣе напоминающей демона, чѣмъ человѣка. Мои воспоминанія убѣгали назадъ (о, съ какой силой раскаянія!) къ Лигейѣ, къ возлюбленной, къ священной, къ прекрасной, къ погребенной. Я упивался воспоминаніями объ ея чистотѣ, объ ея мудрости, о, благородной воздушности ея ума, о ея страстной, ея полной обожанія любви. И вотъ мой духъ вспыхнулъ и весь возгорѣлся пламенемъ сильнѣйшимъ, чѣмъ огонь ея собственной души. Объятый экстазомъ сновъ, навѣянныхъ опіумомъ (ибо я обыкновенно находился во власти этого зелья), я испытывалъ желаніе громко восклицать, произносить ея имя въ молчаніи ночи, или днемъ наполнять звуками дорогого имени тѣнистые уголки долинъ, какъ будто этой дикой энергіей, этой торжественной страстью, неутолимой жаждой моей тоски объ усопшей, я могъ возвратить ее къ путямъ, которые она покинула — о, *могло-ли* это быть, что она навѣки ихъ покинула — на землѣ?

Въ началѣ второго мѣсяца нашего брака Леди Ровена

была застигнута внезапной болѣзнью, и выздоровленіе шло очень медленно. Лихорадка, снѣдавшая ее по ночамъ, была безпокойной; и, находясь въ возмущенномъ состояніи полудремоты, она говорила о звукахъ и о движеніяхъ, которые возникали то здѣсь, то тамъ въ этой комнатѣ, составлявшей часть башни, что̀ я, конечно, могъ приписать только разстройству ея фантазіи, или, быть можетъ, фантасмагорическому вліянію самой комнаты. Но съ теченіемъ времени она стала выздоравливать — наконецъ, совсѣмъ поправилась. Однако, черезъ самый короткій промежутокъ времени, вторичный припадокъ, еще болѣе сильный, снова уложилъ ее въ постель; и послѣ него ея здоровье, всегда слабое, никакъ не могло возстановиться. Съ этого времени болѣзнь приняла тревожный характеръ, и припадки, возобновляясь, становились все болѣе угрожающими, какъ бы насмѣхаясь и надъ знаніями, и надъ тщательными усиліями врачей. По мѣрѣ того какъ увеличивался этотъ хроническій недугъ, который, повидимому, настолько овладѣлъ всѣмъ ея существомъ, что, конечно, его невозможно было устранить обычными человѣческими средствами, я не могъ не замѣтить подобнаго же возрастанія ея нервной раздражительности и возбужденности, до такой степени, что самыя обыкновенныя вещи стали внушать ей страхъ. Она опять начала говорить, и на этотъ разъ болѣе часто и съ большимъ упорствомъ, о звукахъ—о легкихъ звукахъ—и о необычайныхъ движеніяхъ среди занавѣсей, о чемъ она уже говорила раньше.

Однажды ночью, въ концѣ Сентября, она съ большой настойчивостью, и съ бо̀льшимъ, нежели обыкновенно, волненіемъ, старалась обратить мое вниманіе на то, что вызывало въ ней тревогу. Она только что очнулась отъ своего безпокойнаго сна, и я, будучи исполненъ наполовину безпокойства, наполовину смутнаго страха, слѣдилъ за выраженіемъ ея исхудалаго лица. Я сидѣлъ близъ эбеновой кровати, на одной изъ Индійскихъ оттоманокъ. Больная слегка приподнялась и говорила настойчивымъ тихимъ шо-

потомъ о звукахъ, которые она *только что* слышала, но которыхъ я не могъ услыхать—о движеніяхъ, которыя она *только что* видѣла, но которыхъ я не могъ замѣтить. Вѣтеръ бѣшено бился за обивкой, я хотѣлъ объяснить ей (признаюсь, я самъ не могъ *вполнѣ* этому вѣрить), что это едва различимое дыханіе и эти легкія измѣненія фигуръ на стѣнахъ являлись самымъ естественнымъ дѣйствіемъ обычнаго теченія вѣтра. Но смертельная блѣдность, распространившаяся по ея лицу, доказывала мнѣ, что всѣ мои усилія успокоить ее были безплодны. Она, повидимому, теряла сознаніе, а между тѣмъ вблизи не было ни одного изъ слугъ, кого бы я могъ позвать. Вспомнивъ, гдѣ находился графинъ съ легкимъ виномъ, которое было прописано ея врачами, я поспѣшно устремился черезъ комнату, чтобы принести его. Но когда я вступилъ въ полосу свѣта, струившагося отъ кадильницы, два обстоятельства поразили и приковали къ себѣ мое вниманіе. Я почувствовалъ, какъ что-то осязательное, хотя и невидимое, прошло, слегка коснувшись всего моего существа; и я увидѣлъ, что на золотомъ коврѣ, въ самой серединѣ пышнаго сіянья, струившагося отъ кадильницы, находилась тѣнь—слабая, неопредѣленная тѣнь, ангельскаго вида — такая, что она какъ бы являлась тѣнью тѣни. Но я былъ сильно опьяненъ неумѣренной дозой опіума, и не обратилъ особеннаго вниманія на эти явленія, и не сказалъ о нихъ ни слова Ровенѣ. Отыскавъ вино, я вернулся на прежнее мѣсто, налилъ полный бокалъ и поднесъ его къ губамъ изнемогавшей леди. Ей, однако, сдѣлалось немного лучше, она сама взяла бокалъ, а я опустился на оттоманку близь нея, не отрывая отъ нея глазъ. И тогда, совершенно явственно, я услышалъ легкій шумъ шаговъ, ступавшихъ по ковру и близь постели; и въ слѣдующее мгновеніе, когда Ровена подняла бокалъ къ своимъ губамъ, я увидѣлъ, или быть можетъ мнѣ пригрезилось, что я увидѣлъ, какъ въ бокалъ, точно изъ какого-то незримаго источника, нахо-

дившагося въ воздухѣ этой комнаты, упало три-четыре крупныя капли блестящей рубиново-красной жидкости. Если я это видѣлъ—Ровена не видала. Безъ колебаній она выпила вино, и я ни слова не сказалъ ей объ обстоятельствѣ, которое въ концѣ концовъ должно было являться ничѣмъ инымъ, какъ внушеніемъ возбужденнаго воображенія, сдѣлавшагося болѣзненно-дѣятельнымъ благодаря страху, который испытывала леди, а также благодаря опіуму и позднему часу.

Не могу, однако, скрыть, что, тотчасъ послѣ паденія рубиновыхъ капель, въ болѣзни моей жены произошла быстрая перемѣна къ худшему; такъ что на третью ночь ея слуги были заняты приготовленіемъ къ ея похоронамъ, а на четвертую я сидѣлъ одинъ, около ея окутаннаго въ саванъ тѣла, въ этой фантастической комнатѣ, которая приняла ее какъ мою новобрачную.—Безумныя видѣнья, порожденныя опіумомъ, витали предо мной, подобно тѣнямъ. Я устремлялъ безпокойные взоры на саркофаги, находившіеся въ углахъ комнаты, на измѣнчивыя фигуры, украшавшія обивку, и на сплетающіеся переливы разноцвѣтныхъ огней кадильницы. Повинуясь воспоминаніямъ о подробностяхъ той минувшей ночи, я взглянулъ на освѣщенное мѣсто пола, которое находилось подъ сіяньемъ кадильницы, на ту часть ковра, гдѣ я видѣлъ слабые слѣды тѣни. Однако, ихъ больше не было; и, вздохнувъ съ облегченіемъ, я обратилъ свои взоры къ блѣдному и строгому лицу, виднѣвшемуся на постели. И вдругъ воспоминанія о Лигейѣ цѣлымъ роемъ охватили меня, и сердце мое снова забилось неудержимо и безумно, опять почувствовавъ всю несказанную муку, съ которой я смотрѣлъ тогда на *нее*, вотъ такъ же окутанную саваномъ. Ночь убывала; а сердце мое все было исполнено горькихъ мыслей о моей единственной безконечно-любимой возлюбленной, и я продолжалъ смотрѣть на тѣло Ровены.

Было, вѣроятно, около полночи, быть можетъ, нѣсколько раньше, быть можетъ, нѣсколько позже, я не слѣдилъ за

временемъ, какъ вдругъ тихое рыданье, еле слышное, но совершенно явственное, внезапно вывело меня изъ полудремотнаго состоянія. Я *чувствовалъ*, что оно исходило отъ эбеноваго ложа — отъ ложа смерти. Я прислушался, охваченный точно агоніей суевѣрнаго страха—но звукъ не повторился. Я устремилъ пристальный взглядъ, стараясь открыть какое-нибудь движеніе въ тѣлѣ, но не могъ замѣтить ни малѣйшаго его слѣда. Но не можетъ быть, что я ошибся. Я *слышалъ* этотъ звукъ, хотя и слабый, и душа моя пробудилась во мнѣ. Весь охваченный однимъ желаніемъ, я упорно смотрѣлъ на недвижное тѣло. Долгія минуты прошли, прежде чѣмъ случилось что-нибудь, что могло бы разъяснить эту тайну. Наконецъ, стало очевидно, что слабая, очень слабая, еле замѣтная краска румянца вспыхнула на щекахъ Ровены, и наполнила маленькія жилки на ея опущенныхъ вѣкахъ. Я почувствовалъ, что сердце мое перестало биться, и члены мои какъ бы окаменѣли, повинуясь чувству неизреченнаго страха и ужаса, для котораго на языкѣ человѣческомъ нѣтъ достаточно энергическаго выраженія. Однако, сознаніе долга въ концѣ-концовъ возвратило мнѣ самообладаніе. Я не могъ болѣе сомнѣваться, что мы слишкомъ поторопились —что Ровена была еще жива. Нужно было немедленно принять какія-нибудь мѣры; но башня была изолирована отъ той части зданія, гдѣ жила прислуга— у меня не было никакихъ средствъ обратиться за помощью, не оставляя комнаты—оставить же комнату, хотя бы на нѣсколько мгновеній, я не могъ рѣшиться. Я началъ одинъ, собственными усиліями, дѣлать попытки вернуть назадъ еще трепетавшій, еще колебавшійся духъ. Между тѣмъ черезъ самое непродолжительное время стало очивидно, что произошелъ возвратъ видимой смерти; краска угасла на щекахъ и вѣкахъ, смѣнившись блѣдностью болѣе мертвой, чѣмъ бѣлизна мрамора; губы вдвойнѣ исказилисъ ужасной судорогой смерти; вся поверхность тѣла быстро сдѣлалась холодной и отвратительно-скользкой; и тотчасъ снова по-

явилась обычная полная окоченѣлость. Весь дрожа, я кинулся къ ложу, откуда былъ такъ внезапно исторгнутъ, и снова отдался пламеннымъ снамъ и мечтаньямъ о Лигейѣ.

Такимъ образомъ прошелъ часъ, и (могло-ли это быть?) я снова услыхалъ какой-то смутный звукъ, исходившій изъ того мѣста, гдѣ стояло эбеновое ложе. Я сталъ прислушиваться—въ состояніи крайняго ужаса. Звукъ повторился—это былъ вздохъ. Бросившись къ тѣлу, я увидѣлъ—явственно увидѣлъ—трепетъ на губахъ. Минуту спустя онѣ слегка раздвинулись, открывая блестящую линію жемчужныхъ зубовъ. Крайнее изумленіе боролось теперь въ моей груди съ глубокимъ ужасомъ, который царствовалъ въ ней раньше безраздѣльно. Я чувствовалъ, что въ глазахъ у меня темнѣетъ, что разумъ мой колеблется; лишь съ помощью крайняго усилія мнѣ удалось, наконецъ, принудить себя къ мѣрамъ, на которыя чувство долга еще разъ указало мнѣ. Румянецъ пятнами выступилъ теперь на лбу, на щекахъ и на шеѣ; замѣтная теплота распространилась по всему тѣлу; было слышно слабое біеніе сердца. Леди была *жива;* и съ удвоеннымъ жаромъ я снова принялся за дѣло воскрешенія. Я растиралъ и согрѣвалъ виски и руки, принималъ всѣ мѣры, которыя были мнѣ внушены опытомъ, а также и моей немалой начитанностью въ медицинѣ. Все тщетно. Краска внезапно исчезла, пульсъ прекратился, губы приняли мертвенное выраженіе, и мгновеніе спустя, къ тѣлу снова вернулась его ледяная холодность, синеватый оттѣнокъ, напряженная окоченѣлость, омертвѣлыя очертанья, и всѣ тѣ чудовищныя особенности, которыя показываютъ, что трупъ много дней пролежалъ въ гробу.

И снова я отдался видѣньямъ и мечтамъ о Лигейѣ—и снова (удивительно-ли, что я дрожу, когда пишу это?)—*снова* до слуха моего донеслось тихое рыданіе, съ того мѣста, гдѣ стояло эбеновое ложе. Но зачѣмъ я буду подробно описывать неописуемый ужасъ этой ночи? Зачѣмъ я

буду разсказывать, какъ опять и опять, почти вплоть до сѣраго разсвѣта, повторялась эта чудовищная драма оживанія; какъ всякій разъ она кончалась страшнымъ возвратомъ къ еще болѣе мрачной и, повидимому, еще болѣе непобѣдимой смерти; какъ всякій разъ агонія имѣла видъ борьбы съ какимъ-то незримымъ врагомъ; и какъ за каждой новой борьбой слѣдовало какое-то странное измѣненіе въ выраженіи трупа? Я хочу скорѣй кончить.

Страшная ночь почти уже прошла, и та, которая была мертвой, еще разъ зашевелилась, и теперь болѣе сильно, чѣмъ прежде, хотя она пробуждалась отъ смерти болѣе страшной и безнадежной, чѣмъ каждое изъ первыхъ умираній. Я уже давно пересталъ сходить съ своего мѣста и предпринимать какія-либо усилія, я неподвижно сидѣлъ на оттоманкѣ, безпомощно отдавшись вихрю бѣшеныхъ ощущеній, среди которыхъ крайній ужасъ являлся, можетъ быть, наименѣе страшнымъ, наименѣе уничтожающимъ. Тѣло, повторяю, зашевелилось, и теперь болѣе сильно, чѣмъ прежде. Жизненныя краски возникали на лицѣ съ необычайной энергіей — члены дѣлались мягкими, — и если бы не вѣки, которыя были плотно сомкнуты, если бы не повязки и не покровъ, придававшіе погребальный характеръ лицу, я могъ бы подумать, что Ровена дѣйствительно совершенно стряхнула съ себя оковы смерти. Но, если, даже тогда, эта мысль не вполнѣ овладѣла мной, я, наконецъ, не могъ болѣе въ этомъ сомнѣваться, когда, поднявшись съ ложа, спотыкаясь, слабыми шагами, съ закрытыми глазами, имѣя видъ спящаго лунатика, существо, окутанное саваномъ, вышло на середину комнаты.

Я не дрогнулъ — не двинулся — ибо цѣлое множество несказанныхъ фантазій, связанныхъ съ видомъ, съ походкой, съ движеніями призрака, бѣшено промчавшись въ моемъ умѣ, парализовали меня — заставили меня окаменѣть. Я не двигался — я только смотрѣлъ на привидѣніе. Въ мысляхъ моихъ былъ безумный безпорядокъ — неукротимое смятеніе.

Возможно-ли, чтобы передо мной стояла *живая* Ровена? Возможно-ли, чтобы *это* была Ровена—бѣлокурая голубоглазая Леди Ровена-Трэваніонъ-Тримэнъ? Почему, *почему* сталъ бы я въ этомъ сомнѣваться? Повязка тяжело висѣла вокругъ рта — но неужели же это не ротъ Леди Тримэнъ? И щеки — на нихъ былъ румянецъ, какъ въ расцвѣтѣ ея жизни — да, конечно, это прекрасныя щеки живой Леди Тримэнъ. И подбородокъ съ ямочками, какъ въ тѣ дни, когда она была здорова, неужели это не ея подбородокъ?—но что это, *она выросла за свою болѣзнь?* Чтò за невыразимое безуміе охватило меня при этой мысли? Одинъ прыжокъ, и я былъ рядомъ съ ней! Отшатнувшись отъ моего прикосновенія, она уронила съ своей головы развязавшійся погребальный покровъ, и тогда въ волнующейся атмосферѣ комнаты обрисовались ея длинные разметавшіеся волосы; *они были чернѣе, чѣмъ вороновы крылья полночи!* И тогда на этомъ лицѣ медленно открылись *глаза.* „Такъ вотъ они, наконецъ“, воскликнулъ я громкимъ голосомъ, „могу-ли я — могу-ли я ошибаться— вотъ они, громадные, и черные, и зачарованные глаза—моей утраченной любви — Леди — Леди Лигейи“.

ДЕМОНЪ ИЗВРАЩЕННОСТИ.

При разсмотрѣніи человѣческихъ способностей и побужденій,—при обсужденіи *prima mobilia* человѣческой души, френологи упустили изъ виду одну наклонность, которая, несмотря на то, что она существуетъ, какъ чувство коренное, первичное, непревратимое, была, однако, въ равной мѣрѣ просмотрѣна и всѣми моралистами, имъ предшествовавшими. Повинуясь заносчивости разсудка, они всѣ одинаково просмотрѣли ее. Ея существованіе ускользнуло отъ нашихъ чувствъ, благодаря намъ самимъ, мы сами не хотѣли допустить ея существованія—у насъ не было вѣры; будь то вѣра въ откровеніе или въ Каббалу. Мысль объ этой наклонности никогда не возникала въ нашемъ умѣ, исключительно въ силу того, что она была бы сверхдолжной. Мы не видимъ *нужды* въ такомъ побужденіи—въ такой наклонности. Мы были бы не въ состояніи постичь ея необходимости. Мы не могли бы понять, т.-е., вѣрнѣе, мы не поняли идеи этого *primum mobile*, хотя оно само всегда навязывалось намъ; мы были безсильны понять, какимъ образомъ оно могло споспѣшествовать какимъ-нибудь цѣлямъ человѣческаго общежитія, временнымъ или неизмѣннымъ. Нельзя отрицать, что френологія, а также, въ большой мѣрѣ, и всѣ метафизическія знанія, были состряпаны

a priori. Человѣкъ разума или логики, болѣе, чѣмъ человѣкъ пониманія и наблюденія, притязаетъ на знаніе намѣреній Бога — диктуетъ ему задачи. Измѣривъ такимъ образомъ, съ чувствомъ собственной услады, помыслы Іеговы, онъ вывелъ изъ этихъ помысловъ свои безчисленныя системы мышленія. Въ сферѣ френологіи, напримѣръ, мы прежде всего установили, и довольно естественно, что, согласно съ намѣреніями Божества, человѣкъ долженъ ѣсть. Послѣ этого мы приписали человѣку органъ чувства питанія, органъ, являющійся бичемъ Господнимъ и принуждающій человѣка ѣсть, во что бы то ни стало. Затѣмъ, рѣшивъ, что это была воля Господа, чтобы человѣкъ продолжалъ свой родъ, мы открыли органъ чувства любви; мы продолжали въ этомъ направленіи, и открыли органъ чувства страсти къ борьбѣ, чувства идеальности, чувства причинности, чувства художественности, —словомъ, мы открыли цѣлую систему органовъ, олицетворяющихъ извѣстную наклонность, извѣстное моральное чувство, или какую-нибудь способность чистаго разума. И въ этомъ распорядкѣ первичныхъ *побудительныхъ началъ* человѣческихъ дѣйствій, послѣдователи Шпурцгейма, справедливо или ошибочно, частью или цѣликомъ, слѣдовали въ принципѣ лишь по стопамъ своихъ предшественниковъ, выводя и установляя рѣшительно все изъ предвзятаго представленія о судьбѣ человѣка, и опираясь на субъективно понимаемыя намѣренія его Творца.

Было бы гораздо разумнѣе, и гораздо надежнѣе, создавать классификацію (если ужъ она необходима) на основаніи того, что человѣкъ дѣлалъ обыкновенно или случайно, и что онъ дѣлалъ всегда случайно, нежели на основаніи того, что, какъ мы рѣшили, Божество внушаетъ ему дѣлать. Если мы не можемъ понять Бога въ его видимыхъ дѣлахъ, какъ можемъ мы понять его непостижимые помыслы, вызывающіе эти дѣла къ бытію? Если мы не можемъ уразумѣть его въ созданіяхъ внѣшнихъ, какъ можемъ мы проникнуть въ его существенные замыслы или въ фазисы его творчества?

Заключеніе *a posteriori* должно было бы указать френологіи, какъ на одно изъ прирожденныхъ и первичныхъ началъ человѣческихъ дѣйствій, на нѣчто парадоксальное, что мы можемъ назвать *извращенностью*, за недостаткомъ наименованія болѣе опредѣлительнаго. Въ томъ смыслѣ, какъ я его понимаю, это, въ дѣйствительности, *mobile*, лишенное мотива, мотивъ не *мотивированный*. Повинуясь его подсказываніямъ, мы поступаемъ безъ постижимой цѣли; или, если это представляется противорѣчіемъ въ терминахъ, мы можемъ измѣнить теорему и сказать слѣдующимъ образомъ: повинуясь его подсказываніямъ, мы поступаемъ такъ, а не иначе, именно потому, что разсудокъ *не* велитъ намъ этого дѣлать. Въ теоріи, не можетъ быть разсужденія менѣе разсудительнаго; но, въ дѣйствительности, нѣтъ побужденія, которое бы осуществлялось болѣе неуклонно. При извѣстныхъ условіяхъ, и въ извѣстныхъ умахъ, оно абсолютно непобѣдимо. Я не болѣе убѣжденъ въ своемъ существованіи, чѣмъ въ томъ, что сознаніе грѣховности или ошибочности какого-нибудь поступка является нерѣдко непобѣдимой, и единственной, *силой*, побуждающей насъ совершить его. И эта, нависающая тяжелымъ гнетомъ, наклонность дѣлать зло ради зла не допускаетъ никакого анализа, никакого разложенія на простые элементы. Это — коренное первичное побужденіе — стихійное. Я знаю, мнѣ скажутъ, что, если мы упорствуемъ въ извѣстныхъ поступкахъ въ силу того, что мы *не* должны бы упорствовать въ нихъ, наше поведеніе есть только видоизмѣненіе того, что проистекаетъ обыкновенно изъ *чувства страсти къ борьбѣ*, какъ его понимаетъ френологія. Но одного бѣглаго взгляда достаточно, чтобы увидѣть ложность такой мысли. Френологическое чувство страсти къ борьбѣ необходимо связано, по своей сущности, съ представленіемъ о самозащитѣ. Это — наша собственная охрана противъ несправедливости. Данное чувство имѣетъ въ виду наше благополучіе; и такимъ образомъ одновре-

менно съ его развитіемъ въ насъ возбуждается желаніе собственнаго благополучія. Отсюда слѣдуетъ, что желаніе благополучія неизбѣжно должно возникать одновременно со всякимъ побужденіемъ, которое представляетъ изъ себя простое видоизмѣненіе чувства страсти къ борьбѣ; но при возникновеніи того неопредѣленнаго ощущенія, которое я называю *извращенностью,* желаніе благополучія не только не пробуждается, но возникаетъ чувство, находящееся съ нимъ въ рѣзкомъ антагонизмѣ.

Послѣ всего сказаннаго, лучшій отвѣтъ на только что замѣченный софизмъ, это — воззваніе къ собственному сердцу каждаго. Ни одинъ человѣкъ, если только онъ пожелаетъ честно и добросовѣстно вопросить свою собственную душу, не будетъ отрицать коренного характера обсуждаемой наклонности. Она столько же непостижима, сколько очевидна. Всякій, напримѣръ, въ тотъ или иной періодъ, испытывалъ положительное и серьезнѣйшее желаніе мучить своего собесѣдника пространными околичностями. Говорящій прекрасно знаетъ, что онъ возбуждаетъ непріятное чувство; онъ самымъ искреннимъ образомъ желаетъ нравиться; обыкновенно онъ говоритъ кратко, точно и ясно; самая отчетливая и лаконическая рѣчь вертится у него на умѣ; онъ съ большимъ трудомъ сдерживаетъ себя, чтобы она не вырвалась; онъ боится вызвать гнѣвъ въ томъ, къ кому онъ обращается; онъ сталъ бы сожалѣть о такомъ чувствѣ; но у него быстро возникаетъ мысль, что извѣстными вводными предложеніями и различными фразами въ скобкахъ этотъ гнѣвъ могъ бы быть возбужденъ. Этой одной мысли достаточно. Побужденіе выростаетъ въ желаніе, желаніе въ хотѣніе, хотѣніе въ непобѣдимое влеченіе, и это влеченіе проявляется внѣшнимъ образомъ (къ глубокому сожалѣнію и прискорбію говорящаго, и несмотря ни на какія послѣдствія).

Передъ нами задача, которую мы должны немедленно разрѣшить. Мы знаемъ, что всякая отсрочка губительна.

Важнѣйшій жизненный кризисъ трубнымъ звукомъ призываетъ насъ къ немедленной дѣятельности и къ неукоснительной энергіи. Мы сгораемъ отъ нетерпѣнія, насъ снѣдаетъ желаніе поскорѣе начать необходимое, вся наша душа воспламенена предчувствіемъ блестящихъ результатовъ. Нужно поскорѣе, поскорѣе, сегодня же, начать работу, и, однако, мы откладываемъ ее до завтра; почему? Отвѣта нѣтъ; развѣ что мы испытываемъ нѣчто *извращенное*—употребляя слово безъ пониманія основнаго принципа. Приходитъ *завтра*, и вмѣстѣ съ нимъ самое безпокойное нетерпѣливое желаніе приступить къ исполненію обязанностей, но наряду съ этимъ увеличеніемъ нетерпѣливой тревоги приходитъ также неизъяснимая жажда отсрочки, чувство положительно страшное, ибо оно непостижимо. Мгновенья бѣгутъ, и это жадное чувство ростетъ. Вотъ уже насталъ послѣдній часъ, нужно дѣйствовать. Мы содрогаемся отъ бѣшенства противорѣчія, борющагося въ насъ—отъ борьбы между опредѣленнымъ и туманнымъ—между существеннымъ и тѣнью. Но если борьба зашла уже такъ далеко, бороться напрасно—побѣждаетъ тѣнь. Бьетъ часъ, и это — погребальный звонъ, возвѣщающій о гибели нашего блаженства. Въ то же время, это—крикъ пѣтуха для привидѣнія, которое такъ долго властвовало надъ нами. Оно блѣднѣетъ—исчезаетъ—мы свободны. Прежняя энергія возвращается. *Теперь* мы будемъ работать. Увы, *слишкомъ поздно!*

Мы стоимъ на краю пропасти. Мы глядимъ въ бездну—у насъ кружится голова — намъ дурно. Наше первое движеніе отступить отъ опасности. Непонятнымъ образомъ мы остаемся. Мало-по-малу наша дремота, и головокруженіе, и ужасъ, сливаются въ одно туманное неопредѣлимое чувство. Посредствомъ измѣненій, еще болѣе незамѣтныхъ, это туманное чувство принимаетъ явственныя очертанія, подобно тому какъ въ Арабскихъ Ночахъ изъ бутылки изошли испаренія, а изъ нихъ возникъ духъ.

Но изъ этихъ *нашихъ* тумановъ, ползущихъ надъ краемъ пропасти, возникаетъ до осязательности форма гораздо болѣе страшная, чѣмъ всякій сказочный духъ, всякій демонъ, и однако это не болѣе, какъ мысль, но мысль ужасающая, охватывающая насъ холодомъ до глубины души, проникающая насъ всецѣло жестокой усладой своего ужаса. Нами овладѣваетъ весьма простая мысль: „А что, если бы броситься внизъ съ такой высоты? Что испытали бы мы тогда?“ И мы страшно хотимъ этого полета — этого бѣшенаго паденія— именно потому, что оно связано съ представленіемъ о самой ужасной и самой чудовищной смерти, о самыхъ ненавистныхъ пыткахъ, какія когда-либо возникали въ нашей фантазіи; и такъ какъ нашъ разумъ властно отталкиваетъ насъ отъ края бездны, *именно поэтому* мы приближаемся къ ней еще болѣе стремительно. Среди страстей нѣтъ страсти болѣе дьявольской и болѣе нетерпѣливой, чѣмъ та, которую испытываетъ человѣкъ, когда, содрогаясь надъ пропастью, онъ хочетъ броситься внизъ. Позволить себѣ, хотя на одно мгновенье, *думать*, — означаетъ неминуемую гибель; ибо размышленіе велитъ намъ воздержаться, и *потому-то*, говорю я, мы *не можемъ*. Если около насъ не случится дружеской руки, которая бы насъ схватила, или если мы не успѣемъ внезапнымъ усиліемъ откинуться отъ пропасти назадъ, мы уже погибли, мы падаемъ.

Разсматривая такія явленія съ различныхъ сторонъ, мы всегда поймемъ, что они продиктованы исключительно духомъ *извращенности*. Совершая такіе поступки, мы совершаемъ ихъ въ силу сознанія, что мы *не* должны такъ поступать. Внѣ этого или за этимъ не скрывается никакого, доступнаго для пониманья побужденія; и мы могли бы на самомъ дѣлѣ считать такую извращенность прямымъ искушеніемъ дьявола, если бы не знали, что иногда она приводитъ къ благимъ результатамъ.

Я говорилъ такъ много, чтобы хотя сколько-нибудь отвѣтить вамъ на вашъ вопросъ — чтобы объяснить, по-

чему я здѣсь—представить вамъ хотя слабую видимость причины, объясняющей, почему я ношу эти кандалы и нахожусь въ камерѣ осужденныхъ. Если бы я не былъ такъ пространенъ, вы или совсѣмъ не поняли бы меня, или, какъ весь этотъ подлый сбродъ, сочли бы меня сумасшедшимъ. Теперь же вы можете легко замѣтить, что я являюсь одной изъ несосчитанныхъ жертвъ Демона Извращенности.

Невозможно, чтобы какой-нибудь поступокъ могъ быть совершенъ съ большей обдуманностью и осмотрительностью. Недѣли, мѣсяцы я размышлялъ о средствахъ убійства. Я отвергъ тысячу плановъ, потому что ихъ исполненіе включало въ себя *возможность* разоблаченія. Наконецъ, читая какіе-то французскіе мемуары, я нашелъ разсказъ о болѣзни, почти смертельной, которая приключилась съ M-me Пило, благодаря дѣйствію свѣчки, случайно отравленной. Мысль объ этомъ сразу овладѣла моей фантазіей. Я зналъ, что старикъ — моя жертва—имѣлъ обыкновеніе читать въ постели. Я зналъ, кромѣ того, что его спальня представляла изъ себя маленькую комнату съ плохой вентиляціей. Но зачѣмъ я буду обременять васъ всѣми этими нелѣпыми подробностями. Мнѣ нѣтъ надобности описывать весьма несложныя уловки, съ помощью которыхъ я замѣнилъ въ его подсвѣчникѣ свѣчу, бывшую тамъ, восковой свѣчей своего собственнаго приготовленія. На слѣдующее утро онъ былъ найденъ мертвымъ въ своей постели, и постановленіе судебнаго слѣдователя гласило: „Умеръ, посѣщенный Богомъ“ *).

Я получилъ въ наслѣдство состояніе старика, и все шло прекрасно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Мысль о разоблаченіи ни разу не приходила мнѣ на умъ. Съ остатками роковой свѣчи я самъ распорядился тщательнѣйшимъ образомъ. Я не оставилъ ни малѣйшихъ слѣдовъ, съ по-

*) Скоропостижная смерть — формула англійскаго судопроизводства.

мощью которыхъ возможно было бы обвинить меня въ преступленіи, или хотя бы подвергнуть подозрѣнію. Невозможно представить себѣ, какое роскошное чувство удовлетворенія возникало въ моей груди, когда я размышлялъ о своей полной безопасности. Въ теченіи очень долгаго періода времени я постепенно пріобрѣталъ привычку упиваться этимъ чувствомъ. Оно доставляло мнѣ болѣе дѣйствительное наслажденіе, чѣмъ всѣ чисто-мірскія выгоды, которыми я былъ обязанъ своему грѣху. Но, въ концѣ концовъ, настало время, когда это пріятное ощущеніе, мало-по-малу и совершенно незамѣтно, превратилось въ назойливую и мучительную мысль. Она была мучительна, потому что она назойливо преслѣдовала меня. Я едва могъ освободиться отъ нея хотя бы на мгновенье. Очень часто случается, что нашъ слухъ или, вѣрнѣе, нашу память такимъ образомъ преслѣдуетъ какой-нибудь надоѣдливый мотивъ, какая-нибудь шаблонная пѣсенка или ничтожный обрывокъ изъ оперы. Мучительное ощущеніе не можетъ въ насъ уменьшиться, если пѣсня сама по себѣ прекрасна, или оперная арія достойна похвалы. Такимъ образомъ я, въ концѣ-концовъ, сталъ безпрерывно ловить себя на размышленіяхъ о моей безопасности, и на повтореніи тихимъ чуть слышнымъ голосомъ двухъ словъ, „Я спасенъ!“.

Однажды, бродя по улицамъ, я поймалъ себя на этомъ занятіи: вполголоса я бормоталъ свое обычное „Я спасенъ“. Въ порывѣ капризной дерзости я повторилъ эти слова, придавъ имъ новую форму: —„Я спасенъ—я спасенъ—лишь бы только я не былъ настолько глупъ, чтобы открыто сознаться!“

Едва я выговорилъ эти слова, какъ почувствовалъ, что холодъ охватилъ меня до самаго сердца. У меня была нѣкоторая опытность насчетъ этихъ порывовъ извращенности (природу которыхъ я нѣсколько затруднялся объяснить), и я прекрасно помнилъ, что никогда не могъ съ успѣхомъ сопротивляться такимъ припадкамъ; и теперь мое собственное нечаянное самовнушеніе, что я могъ бы имѣть глупость от-

крыто сознаться въ преступленіи, встало лицомъ къ лицу со мной, какъ будто самый духъ того, кто былъ мной убитъ—и, кивнувъ, поманило меня къ смерти.

Въ первое мгновенье я сдѣлалъ усиліе стряхнуть съ себя этотъ кошмаръ. Я быстро пошелъ впередъ, скорѣе, еще скорѣе, и, наконецъ, побѣжалъ. Я испытывалъ бѣшеное желаніе кричать. Каждая новая волна мысли послѣдовательно ложилась на меня новымъ ужасомъ, — увы, я хорошо, слишкомъ хорошо, понималъ, что *думать* въ моемъ положеніи означало погибнуть. Я все ускорялъ свои шаги. Я прыгалъ, какъ сумасшедшій, въ толпѣ прохожихъ. Наконецъ, чернь встревожилась и устремилась за мной въ погоню. *Тогда* я почувствовалъ, что судьба моя завершилась. Если бъ я могъ вырвать свой языкъ, я бы вырвалъ его—но чей-то голосъ грубо прозвучалъ надъ моимъ ухомъ—чья-то рука еще болѣе грубо схватила меня за плечо. Я обернулся—я чувствовалъ, что задыхаюсь. Въ теченіи мгновенья я испытывалъ всѣ пытки удушья; я былъ ошеломленъ, я ослѣпъ, я оглохъ; и затѣмъ какой-то невидимый демонъ, подумалъ я, ударилъ меня по спинѣ своей широкой ладонью. Тайна, которую я такъ давно удерживалъ, вырвалась изъ моей души.

Они разсказываютъ, что я говорилъ совершенно отчетливо, но съ видимой рѣзкостью и неудержимой стремительностью, какъ бы опасаясь, что кто-нибудь вмѣшается, прежде чѣмъ я закончу этотъ краткій, но исполненный такой значительности, разсказъ, отдававшій меня во власть палача и ада.

Сообщивъ все, что было необходимо для того чтобы вполнѣ убѣдить правосудіе, я упалъ, и безъ чувствъ распростерся на землѣ.

Но что мнѣ еще сказать? Сегодня я *здѣсь*, и въ цѣпяхъ! Завтра я буду на свободѣ?—*но гдѣ?*

ЧЕРНЫЙ КОТЪ.

Я хочу записать самый странный и въ то-же время самый обыкновенный разсказъ, но не прошу, чтобы мнѣ вѣрили, и не думаю, что мнѣ повѣрятъ. Дѣйствительно, нужно быть сумасшедшимъ, чтобы ожидать этого при такихъ обстоятельствахъ, когда мои собственныя чувства отвергаютъ свои показанія. А я не сумасшедшій, и во всякомъ случаѣ мои слова — не бредъ. Но завтра я умру, и сегодня мнѣ хотѣлось бы освободить мою душу отъ тяжести. Я намѣренъ разсказать просто, кратко, и безъ всякихъ поясненій, цѣлый рядъ событій чисто личнаго семейнаго характера. Въ своихъ послѣдствіяхъ эти событія устрашили—замучили—погубили меня. Однако, я не буду пытаться истолковывать ихъ. Для меня они явились ничѣмъ инымъ, какъ Ужасомъ — для многихъ они покажутся не столько страшными, сколько *причудливыми*. Впослѣдствіи, быть можетъ, найдется какой-нибудь умъ, который пожелаетъ низвести мой фантомъ до общаго мѣста — какой-нибудь умъ болѣе спокойный, болѣе логичный, и гораздо менѣе возбудимый, чѣмъ мой, и въ обстоятельствахъ, которыя я излагаю съ ужасомъ, онъ не увидитъ ничего, кромѣ ординарной послѣдовательности самыхъ естественныхъ причинъ и слѣдствій.

Съ ранняго дѣтства я отличался кротостью и мягкостью характера. Нѣжность моего сердпа была даже такъ велика, что я былъ посмѣшищемъ среди своихъ товарищей. Въ особенности я любилъ животныхъ, и родители мои награждали меня цѣлымъ множествомъ безсловесныхъ любимцевъ. Съ ними я проводилъ бо̀льшую часть моего времени, и для меня было самымъ большимъ удовольствіемъ кормить и ласкать ихъ. Эта своеобразная черта росла, по мѣрѣ того какъ я самъ росъ, и въ зрѣломъ возрастѣ я нашелъ въ ней одинъ изъ главныхъ источниковъ наслажденія. Тѣмъ, кто испытывалъ привязанность къ вѣрной и умной собакѣ, я врядъ ли долженъ объяснять особенный характеръ и своеобразную напряженность удовольствія, отсюда проистекающаго. Въ безкорыстной и самоотверженной любви животнаго есть что-то, что идетъ прямо къ сердцу того, кто имѣлъ неоднократный случай убѣдиться въ жалкой дружбѣ и въ непрочной, какъ паутина, вѣрности существа, именуемаго *Человѣкомъ*.

Я женился рано, и съ удовольствіемъ замѣтилъ, что наклонности моей жены не противорѣчили моимъ. Видя мое пристрастіе къ ручнымъ животнымъ, она не упускала случая доставлять мнѣ самые пріятные экземпляры такихъ существъ. У насъ были птицы, золотая рыбка, славная собака, кролики, маленькая обезьянка, и *котъ*.

Этотъ послѣдній былъ необыкновенно породистъ и красивъ, весь черный, и понятливости прямо удивительной. Говоря о томъ, какъ онъ уменъ, жена моя, которая въ глубинѣ сердца была порядкомъ суевѣрна, неоднократно намекала на старинное народное повѣрье относительно того, что всѣ черныя кошки—превращенныя колдуньи. Не то, чтобы она была всегда *серьезна*, когда касалась даннаго пункта̀, нѣтъ, и я упоминаю объ этомъ только потому, что сдѣлать такое упоминаніе можно именно теперь.

Плутонъ—такъ назывался котъ—былъ моимъ излюбленнымъ и неизмѣннымъ товарищемъ. Я самъ кормилъ

его, и онъ сопровождалъ меня всюду въ домѣ, куда бы я ни пошелъ. Мнѣ даже стоило усилій удерживать его, чтобы онъ не слѣдовалъ за мной по улицамъ.

Такая дружба между нами продолжалась нѣсколько лѣтъ, и за это время мой темпераментъ и мой характеръ—подъ воздѣйствіемъ Демона Невоздержности (стыжусь признаться въ этомъ)—претерпѣлъ рѣзкую перемѣну къ худшему. День ото дня, я становился все капризнѣе, все раздражительнѣе, все небрежнѣе по отношенію къ другимъ. Я позволялъ себѣ говорить самымъ грубымъ образомъ съ своей женой. Я дошелъ даже до того, что позволилъ себѣ произвести надъ ней насиліе. Мои любимцы, конечно, также не преминули почувствовать перемѣну въ моемъ настроеніи. Я не только совершенно забросилъ ихъ, но и злоупотреблялъ ихъ безпомощностью. По отношенію къ Плутону, однако, я еще былъ настроенъ въ достаточной степени благосклонно, чтобы удерживаться отъ всякихъ злоупотребленій; зато я нимало не стѣснялся съ кроликами, съ обезьяной, и даже съ собакой, когда случайно или въ силу привязанности они приближались ко мнѣ. Но мой недугъ все болѣе завладѣвалъ мной—ибо какой-же недугъ можетъ сравниться съ Алкоголемъ!—и наконецъ, даже Плутонъ, который теперь успѣлъ постарѣть и, естественно, былъ нѣсколько раздражителенъ — даже Плутонъ началъ испытывать вліяніе моего дурного нрава.

Однажды, ночью, когда я, въ состояніи сильнаго опьяненія, вернулся домой изъ одного подгороднаго притона, бывшаго моимъ обычнымъ убѣжищемъ, мнѣ пришло въ голову, что котъ избѣгаетъ моего присутствія. Я схватилъ его, и онъ, испугавшись моей грубости, слегка укусилъ меня за руку. Мгновенно мною овладѣло бѣшенство дьявола. Я не узнавалъ самого себя. Первоначальная душа моя какъ будто сразу вылетѣла изъ моего тѣла, и я затрепеталъ всѣми фибрами моего существа отъ ощущенія болѣе чѣмъ дьявольскаго злорадства, вспоеннаго джиномъ.

Я вынулъ изъ жилета перочинный ножикъ, раскрылъ его, схватилъ несчастное животное за горло, и хладнокровно вырѣзалъ у него одинъ глазъ изъ орбиты! Я краснѣю, я горю, я дрожу, записывая разсказъ объ этой проклятой жестокости.

Когда съ утромъ вернулся разсудокъ — когда хмѣль ночного безпутства разсѣялся—я былъ охваченъ чувствомъ не то ужаса, не то раскаянія, при мысли о совершенномъ преступленіи; но это было лишь слабое и уклончивое чувство, и душа моя оставалась нетронутой. Я опять погрузился въ излишества, и вскорѣ утопилъ въ винѣ всякое воспоминаніе объ этой гнусности.

Между тѣмъ котъ мало-по-малу поправлялся. Пустая глазная впадина, правда, представляла изъ себя нѣчто ужасающее, но онъ, повидимому, больше не испытывалъ никакихъ страданій. Онъ по-прежнему бродилъ въ домѣ, заходя во всѣ углы, но, какъ можно было ожидать, съ непобѣдимымъ страхомъ убѣгалъ, какъ только я приближался къ нему. У меня еще сохранилось настолько изъ моихъ прежнихъ чувствъ, что я сначала крайне огорчался, видя явное отвращеніе со стороны существа, которое когда-то такъ любило меня. Но это чувство вскорѣ смѣнилось чувствомъ раздраженія. И тогда, какъ-бы для моей окончательной и непоправимой пагубы, пришелъ духъ Извращенности. Философія не занимается разсмотрѣніемъ этого чувства. Но насколько вѣрно, что я живу, настолько-же несомнѣнно для меня, что извращенность является однимъ изъ самыхъ первичныхъ побужденій человѣческаго сердца— одной изъ основныхъ нераздѣльныхъ способностей, дающихъ направленіе характеру Человѣка. Кто-же не чувствовалъ, сотни разъ, что онъ совершаетъ низость или глупость только потому, что, какъ онъ знаетъ, онъ *не* долженъ былъ-бы этого дѣлать? Развѣ мы не испытываемъ постоянной наклонности нарушать, вопреки нашему здравому смыслу, то, что является *Закономъ*, именно потому, что мы понимаемъ его какъ таковой? Повторяю, этотъ духъ извра-

щенности пришелъ ко мнѣ для моей окончательной пагубы. Эта непостижимая жажда души *мучить себя*—именно производить насиліе надъ собственной природой—дѣлать зло ради самаго зла—побуждала меня продолжать несправедливость по отношенію къ беззащитному животному — и заставила меня довести злоупотребленіе до конца. Однажды утромъ, совершенно хладнокровно, я набросилъ коту на шею петлю и повѣсилъ его на сучкѣ;—повѣсилъ его, несмотря на то, что слезы текли ручьемъ изъ моихъ глазъ, и сердце сжималось чувствомъ самаго горькаго раскаянія; повѣсилъ его, *потому что* зналъ, что онъ любилъ меня, и *потому что* я чувствовалъ, что онъ не сдѣлалъ мнѣ ничего дурного; повѣсилъ его, *потому что* я зналъ, что, поступая такимъ образомъ, я совершалъ грѣхъ — смертный грѣхъ, который безвозвратно оскверняль мою неумирающую душу, и силой своей гнусности, быть можетъ, выбрасывалъ меня, если только это возможно, за предѣлы безконечнаго милосердія Господа, Бога Милосерднѣйшаго и самаго Страшнаго.

Въ ночь послѣ того дня, когда было совершено это жестокое дѣяніе, я былъ пробужденъ отъ сна криками „пожаръ". Занавѣси на моей постели пылали. Весь домъ былъ объятъ пламенемъ. Моя жена, слуга, и я самъ, мы еле-еле спаслись отъ опасности сгорѣть заживо. Раззореніе было полнымъ. Все мое имущество было поглощено огнемъ, и отнынѣ я былъ обреченъ на отчаяніе.

Я, конечно, не на столько слабъ духомъ, чтобы искать причинной связи между несчастіемъ и жестокостью. Но я развертываю цѣпь фактовъ, и не хочу опускать ни одного звена, какъ бы оно ни было ничтожно. На другой день я пошелъ на пожарище. Стѣны были разрушены, исключая одной. Сохранилась именно, не очень толстая, перегородка; она находилась приблизительно въ серединѣ дома, и въ нее упиралось изголовье кровати, на которой я спалъ. Штукатурка на этой стѣнѣ во многихъ мѣстахъ оказала сильное

сопротивленіе огню, фактъ, который я приписалъ тому обстоятельству, что она недавно была отдѣлана заново. Около этой стѣны собралась густая толпа, и многіе, повидимому, пристально и необыкновенно внимательно осматривали ее въ одномъ мѣстѣ. Возгласы „странно!“, „необыкновенно!“, и другія подобныя замѣчанія, возбудили мое любопытство. Я подошелъ ближе, и увидѣлъ, какъ бы втиснутымъ, въ видѣ барельефа, на бѣлой поверхности стѣны изображеніе гигантскаго *кота*. Очертанія были воспроизведены съ точностью по истинѣ замѣчательной. Вкругъ шеи животнаго виднѣлась веревка.

Въ первую минуту, когда я замѣтилъ это привидѣніе— чѣмъ другимъ могло оно быть на самомъ дѣлѣ?—мое удивленіе и мой ужасъ были безграничны. Но, въ концѣ концовъ, размышленіе пришло мнѣ на помощь. Я вспомнилъ, что котъ былъ повѣшенъ въ саду. Когда началась пожарная суматоха, этотъ садъ немедленно наполнился толпой, кто-нибудь сорвалъ кота съ дерева и бросилъ его въ открытое окно, въ мою комнату, вѣроятно съ цѣлью разбудить меня. Другія стѣны, падая, втиснули жертву моей жестокости въ свѣжую штукатурку; сочетаніемъ извести, огня и амміака, выдѣлившагося изъ трупа, было довершено изображеніе кота, такъ, какъ я его увидалъ.

Хотя я такимъ образомъ быстро успокоилъ свой разсудокъ, если не совѣсть, найдя естественное объясненіе этому поразительному факту, онъ тѣмъ не менѣе оказалъ на мою фантазію самое глубокое впечатлѣніе. Нѣсколько мѣсяцевъ я не могъ отдѣлаться отъ фантома кота, и за это время ко мнѣ вернулось то половинчатое чувство, которое казалось раскаяніемъ, не будучи имъ. Я даже началъ сожалѣть объ утратѣ животнаго, и не разъ, когда находился въ томъ или въ другомъ изъ своихъ обычныхъ гнусныхъ притоновъ, осматривался кругомъ ища другого экземпляра той-же породы, который, будучи хотя сколько-нибудь похожъ на Плутона, могъ бы замѣнить его.

Однажды ночью, когда я, наполовину отупѣвъ, сидѣлъ въ вертепѣ, болѣе чѣмъ отвратительномъ, вниманіе мое было внезапно привлечено какимъ-то чернымъ предметомъ, лежавшимъ на верхушкѣ одной изъ огромныхъ бочекъ джина или рома, составлявшихъ главное украшеніе комнаты. Нѣсколько минутъ я пристально смотрѣлъ на верхушку этой бочки, и что меня теперь удивляло, это тотъ странный фактъ, что я не замѣтилъ даннаго предмета раньше. Я приблизился къ нему, и коснулся его своей рукой. Это былъ черный котъ—очень большой—совершенно такихъ же размѣровъ, какъ Плутонъ, и похожій на него во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ одного. У Плутона не было ни одного бѣлаго волоска на всемъ тѣлѣ; а у этого кота было широкое, хотя и неопредѣленное, бѣлое пятно, почти во всю грудь.

Когда я прикоснулся къ нему, онъ немедленно приподнялся на лапы, громко замурлыкалъ, сталъ тереться объ мою руку и, повидимому, былъ весьма плѣненъ моимъ вниманіемъ. Вотъ, наконецъ, подумалъ я, именно то, чего я ищу. Я немедленно обратился къ хозяину трактира съ предложеніемъ продать мнѣ кота; но тотъ не имѣлъ на него никакихъ претензій—ничего о немъ не зналъ—никогда его раньше не видѣлъ.

Я продолжалъ ласкать кота, и когда я приготовился уходить домой, онъ выразилъ желаніе сопровождать меня. Я, съ своей стороны, все манилъ его, время отъ времени нагибаясь и поглаживая его по спинѣ. Когда котъ достигъ моего жилища, онъ немедленно устроился тамъ, какъ дома, и быстро сдѣлался любимцемъ моей жены.

Что касается меня, я вскорѣ почувствовалъ, что во мнѣ возникаетъ отвращеніе къ нему. Это было нѣчто какъ разъ противоположное тому, что я заранѣе предвкушалъ; не знаю, какъ и почему, но его очевидное расположеніе ко мнѣ вызывало во мнѣ надоѣдливое враждебное чувство. Мало-по-малу это чувство досады и отвращенія возросло до

жгучей ненависти. Я избѣгалъ этой твари; однако, извѣстное чувство стыда, а также воспоминанія о моемъ прежнемъ жестокомъ поступкѣ, не позволяли мнѣ посягать на него. Недѣли шли за недѣлями, и я не смѣлъ ударить его или позволить себѣ какое-нибудь другое насиліе, но малу-помалу—ощущеніе, развивавшееся постепенно—я сталъ смотрѣть на него съ невыразимымъ омерзеніемъ, я сталъ безмолвно убѣгать отъ его ненавистнаго присутствія, какъ отъ дыханія чумы.

Что, безъ сомнѣнія, увеличивало мою ненависть къ животному, это—открытіе, которое я сдѣлалъ утромъ на другой день, послѣ того какъ котъ появился въ моемъ домѣ—именно, что онъ, подобно Плутону, былъ лишенъ одного глаза. Данное обстоятельство, однако, сдѣлало его еще болѣе любезнымъ сердцу моей жены: она, какъ я уже сказалъ, въ высокой степени обладала тѣмъ мягкосердечіемъ, которое было когда-то и моей отличительной чертой и послужило для меня источникомъ многихъ самыхъ простыхъ и самыхъ чистыхъ удовольствій.

Но по мѣрѣ того какъ мое отвращеніе къ коту росло, въ равной мѣрѣ, повидимому, возростало его пристрастіе ко мнѣ. Гдѣ бы я ни сидѣлъ, онъ непремѣнно забирался ко мнѣ подъ стулъ или вспрыгивалъ ко мнѣ на колѣни, обременяя меня своими омерзительными ласками. Когда я вставалъ, онъ путался у меня въ ногахъ, и я едва не падалъ, или, цѣпляясь своими длинными и острыми когтями за мое платье, вѣшался такимъ образомъ ко мнѣ на грудь. Хотя въ такія минуты у меня было искреннее желаніе убить его однимъ ударомъ, я всетаки воздерживался, частью благодаря воспоминанію о моемъ прежнемъ преступленіи, но главнымъ образомъ—пусть ужь я признаюсь въ этомъ сразу—благодаря несомнѣнному *страху* передъ животнымъ.

То не былъ страхъ физическаго зла—и однако же я затрудняюсь, какъ мнѣ иначе опредѣлить его. Мнѣ

почти стыдно признаться — даже въ этой камерѣ осужденныхъ, мнѣ почти стыдно признаться, что страхъ и ужасъ, которые мнѣ внушало животное, были усилены одной изъ нелѣпѣйшихъ химеръ, какія только возможно себѣ представить. Жена неоднократно обращала мое вниманіе на характеръ бѣлаго пятна, о которомъ я говорилъ, и которое являлось единственнымъ отличіемъ этой странной твари отъ животнаго, убитаго мной. Читатель можетъ припомнить, что это пятно, хотя и широкое, было сперва очень неопредѣленнымъ, но мало-по-малу—посредствомъ измѣненій почти незамѣтныхъ, и долгое время казавшихся моему разсудку призрачными — оно приняло, наконецъ, отчетливыя, строго опредѣленныя очертанія. Оно теперь представляло изъ себя изображеніе страшнаго предмета, который я боюсь назвать — и благодаря этому-то болѣе всего я гнушался чудовищемъ, боялся его, и хотѣлъ бы отъ него избавиться, *если бы только смѣлъ* — пятно, говорю я, являлось теперь изображеніемъ предмета гнуснаго—омерзительно страшнаго — Висѣлицы! — О, мрачное и грозное орудіе ужаса и преступленія—агоніи и смерти!

И теперь я дѣйствительно былъ безпримѣрно-злосчастнымъ, за предѣлами чисто-человѣческаго злосчастія. *Грудь животнаго* — равнаго которому я презрительно уничтожилъ — *грудь животнаго* доставляла *мнѣ* — мнѣ, человѣку, сотворенному по образу и подобію Всевышняго— столько невыносимыхъ мукъ! Увы, ни днемъ, ни ночью я больше не зналъ благословеннаго покоя! Въ продолженіи дня отвратительная тварь ни на минуту не оставляла меня одного; а по ночамъ я чуть не каждый часъ вскакивалъ, просыпаясь отъ неизреченно страшныхъ сновъ, чувствуя на лицѣ своемъ горячее дыханіе *чего-то*, чувствуя, что огромная тяжесть этого *чего-то*—олицетворенный кошмаръ, стряхнуть который я былъ не въ силахъ—навѣки налегла на мое *сердце*.

Подъ давленьемъ подобныхъ пытокъ во мнѣ изнемогло

все то немногое доброе, что еще оставалось. Дурныя мысли сдѣлались моими единственными незримыми сотоварищами—мысли самыя черныя и самыя злыя. Капризная неровность, обыкновенно отличавшая мой характеръ, возросла настолько, что превратилась въ ненависть рѣшительно ко всему и ко всѣмъ; и безропотная жена моя, при всѣхъ этихъ внезапныхъ и неукротимыхъ вспышкахъ бѣшенства, которымъ я теперь слѣпо отдавался, была, увы, самой обычной и самой безсловесной жертвой.

Однажды она пошла со мной по какой-то хозяйственной надобности въ погребъ, примыкавшій къ тому старому зданію, гдѣ мы, благодаря нашей бѣдности, были вынуждены жить. Котъ сопровождалъ меня по крутой лѣстницѣ и, почти сталкивая меня со ступенекъ, возмущалъ меня до бѣшенства. Взмахнувъ топоромъ, и забывая въ своей ярости ребяческій страхъ, дотого удерживавшій мою руку, я хотѣлъ нанести животному ударъ, и онъ, конечно, былъ-бы фатальнымъ, если-бы пришелся такъ, какъ я мѣтилъ. Но ударъ былъ задержанъ рукой моей жены. Уязвленный такимъ вмѣшательствомъ, я исполнился бѣшенствомъ, болѣе чѣмъ дьявольскимъ, отдернулъ свою руку и однимъ взмахомъ погрузилъ топоръ въ ея голову. Она упала на мѣстѣ, не крикнувъ.

Совершивъ это чудовищное убійство, я тотчасъ-же, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, принялся за работу, чтобы скрыть трупъ. Я зналъ, что мнѣ нельзя было удалить его изъ дому, ни днемъ, ни ночью, безъ риска быть замѣченнымъ сосѣдями. Цѣлое множество плановъ возникло у меня въ головѣ. Одну минуту мнѣ казалось, что тѣло нужно разрѣзать на мелкіе кусочки и сжечь. Въ другую минуту мною овладѣло рѣшеніе выкопать заступомъ могилу въ землѣ, служившей поломъ для погреба, и зарыть его. И еще новая мысль пришла мнѣ въ голову: я подумалъ, не бросить ли тѣло въ колодецъ, находившійся на дворѣ—а то хорошо было-бы запаковать его въ ящикъ, какъ товаръ, и, при-

давъ этому ящику обычный видъ клади, позвать носильщика и, такимъ образомъ, удалить его изъ дому. Наконецъ, я натолкнулся на мысль, показавшуюся мнѣ наилучшей изо всѣхъ. Я рѣшилъ замуровать тѣло въ погребѣ — какъ, говорятъ, средневѣковые монахи замуровывали свои жертвы.

Колодецъ, какъ нельзя лучше былъ приспособленъ для такой задачи. Стѣны его были выстроены неплотно, и недавно были сплошь покрыты грубой штукатуркой, не успѣвшей, благодаря сырости атмосферы, затвердѣть. Кромѣ того, въ одной изъ стѣнъ былъ выступъ, обусловленный ложнымъ каминомъ или очагомъ; онъ былъ задѣланъ кладкой и имѣлъ полное сходство съ остальными частями погреба. У меня не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что мнѣ легко будетъ отдѣлить на этомъ мѣстѣ кирпичи, втиснуть туда тѣло, и замуровать все какъ прежде, такъ чтобъ ничей глазъ не могъ открыть ничего подозрительнаго.

И въ этомъ разсчетѣ я не ошибся. Съ помощью лома я легко вынулъ кирпичи и, тщательно помѣстивъ тѣло противъ внутренней стѣны, я подпиралъ его въ этомъ положеніи, пока съ нѣкоторыми небольшими усиліями не придалъ всей кладкѣ ея прежняго вида. Соблюдая самыя тщательныя предосторожности, я досталъ песку, шерсти, и известковаго раствора, приготовилъ штукатурку, которая не отличалась отъ старой, и съ большимъ тщаніемъ покрылъ ею новую кирпичную кладку. Окончивъ это, я почувствовалъ себя удовлетвореннымъ, видя, какъ все великолѣпно. На стѣнѣ не было нигдѣ ни малѣйшаго признака передѣлки. Мусоръ на полу я собралъ со вниманіемъ самымъ тщательнымъ. Оглядѣвшись вокругъ торжествующимъ взглядомъ, я сказалъ самому себѣ: „Да, здѣсь, по крайней мѣрѣ, моя работа не пропала даромъ".

Затѣмъ первымъ моимъ движеніемъ было — отыскать животное, явившееся причиной такого злополучія. Я, на-

конецъ, твердо рѣшился убить его, и, если-бы мнѣ удалось увидать его въ ту минуту, его участь опредѣлилась-бы несомнѣннымъ образомъ. Но лукавый звѣрь, повидимому, былъ испуганъ моимъ недавнимъ гнѣвомъ, и остерегался показываться. Невозможно описать или вообразить чувство глубокаго благодѣтельнаго облегченія, возникшее въ груди моей, благодаря отсутствію этой ненавистной гадины. Котъ не показывался въ теченіи всей ночи, и такимъ образомъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ вошелъ въ мой домъ, это была первая ночь, когда я заснулъ глубокимъ и спокойнымъ сномъ. Да, да, *заснулъ*, хотя бремя убійства лежало на моей душѣ!

Прошелъ второй день, прошелъ третій, а мой мучитель все не приходилъ. Наконецъ-то я опять чувствовалъ себя свободнымъ человѣкомъ. Чудовище, въ страхѣ, бѣжало изъ моего дома навсегда! Я больше его не увижу! Блаженство мое не знало предѣловъ. Преступность моего чернаго злодѣянія очень мало безпокоила меня. Произведенъ былъ небольшой допросъ, но я отвѣчалъ твердо. Былъ устроенъ даже обыскъ, но, конечно, ничего не могли найти. Я считалъ свое будущее благополучіе обезпеченнымъ.

На четвертый день послѣ убійства нѣсколько полицейскихъ чиновниковъ совершенно неожиданно пришли ко мнѣ, и сказали, что они должны опять произвести строгій обыскъ. Я, однако, не чувствовалъ ни малѣйшаго безпокойства, будучи вполнѣ увѣренъ, что мой тайникъ не можетъ быть открытъ. Полицейскіе чиновники попросили меня сопровождать ихъ во время обыска. Ни одного уголка, ни одной щели не оставили они необслѣдованными. Наконецъ, въ третій или въ четвертый разъ, они сошли въ погребъ. У меня не дрогнулъ ни одинъ мускулъ. Мое сердце билось ровно, какъ у человѣка, спящаго сномъ невинности. Я прогуливался по погребу изъ конца въ конецъ. Скрестивъ руки на груди, я спокойно расхаживалъ взадъ и впередъ. Полиція была совершенно удовлетворена, и собиралась

уходить. Сердце мое исполнилось ликованія, слишкомъ сильнаго, чтобы его можно было удержать. Я сгоралъ желаніемъ сказать хоть одно торжествующее слово, и вдвойнѣ усилить увѣренность этихъ людей въ моей невиновности.

„Джентльмены", выговорилъ я наконецъ, когда полиція уже всходила по лѣстницѣ, „я положительно восхищенъ, что мнѣ удалось разсѣять ваши подозрѣнія. Желаю вамъ добраго здоровья, а также немножко побольше любезности. А однако, милостивые государи,—вотъ, скажу я вамъ, домъ, который прекрасно выстроенъ". [Задыхаясь отъ бѣшенаго желанія сказать что-нибудь спокойно, я едва зналъ, что говорилъ].—„Могу сказать, *великолѣпная* архитектура. Вотъ эти стѣны—да вы уже, кажется, уходите?—вотъ эти стѣны, какъ онѣ плотно сложены"; и тутъ, объятый бѣшенствомъ бравады, я изо всей силы хлопнулъ палкой, находившейся у меня въ рукахъ, въ то самое мѣсто кирпичной кладки, гдѣ стоялъ трупъ моей жены.

Но да защититъ меня Господь отъ когтей врага человѣческаго! Не успѣлъ отзвукъ удара слиться съ молчаніемъ, какъ изъ гробницы раздался отвѣтный голосъ!—То былъ крикъ, сперва заглушенный и прерывистый, какъ плачъ ребенка; потомъ онъ быстро выросъ въ долгій, громкій, и протяжный визгъ, нечеловѣческій, чудовищный—то былъ вой—то былъ рыдающій вопль не то ужаса, не то торжества; такіе вопли могутъ исходить только изъ ада, какъ совокупное слитіе криковъ, исторгнутыхъ изъ горла осужденныхъ, терзающихся въ агоніи, и воплей демоновъ, ликующихъ въ самомъ осужденіи.

Говорить о томъ, что я тогда подумалъ, было бы безуміемъ. Теряя сознаніе, шатаясь, я прислонился къ противоположной стѣнѣ. Одно мгновеніе, кучка людей, стоявшихъ на лѣстницѣ, оставалась недвижной, застывши въ чрезмѣрности страха и ужаса. Въ слѣдующее мгновенье дюжина сильныхъ рукъ разрушала стѣну. Она тяжело рухнула. Тѣло, уже сильно разложившееся и покрытое густой

запекшейся кровью, стояло, выпрямившись передъ глазами зрителей. А на мертвой головѣ, — съ красной раскрытой пастью и съ одиноко сверкающимъ огненнымъ глазомъ, сидѣла гнусная тварь, чье лукавство соблазнило меня совершить убійство, и чей изобличительный голосъ выдалъ меня палачу. Я замуровалъ чудовище въ гробницу!

НИСХОЖДЕНІЕ ВЪ МАЛЬСТРЁМЪ.

Пути Господа въ Природѣ, какъ и въ Провидѣніи, не то, что *наши* пути; и слѣпки, которые мы создаемъ, отнюдь не соизмѣримы съ обширностью, глубиной, и неизслѣдимостью дѣлъ Его, *которыя содержатъ въ себѣ бездну, болѣе глубокую, чѣмъ колодецъ Демокрита.*

Joseph Glanville.

Мы достигли теперь вершины самаго высокаго утеса. Въ теченіи нѣскольких минутъ старикъ, повидимому, былъ настолько утомленъ, что не могъ говорить.

„Еще недавно", промолвилъ онъ наконецъ, „я могъ бы вести васъ по этой дорогѣ совершенно такъ же, какъ самый младшій изъ моихъ сыновей; но года три тому назадъ со мной случилось нѣчто, что не случалось донынѣ никогда ни съ однимъ изъ смертныхъ — или, по крайней мѣрѣ, что ни одинъ изъ смертныхъ не пережилъ, чтобы разсказать — и шесть часовъ, которые я провелъ тогда въ состояніи смертельнаго ужаса, надломили и мою душу, и мое тѣло. Вы думаете, что я *очень* старъ — вы ошибаетесь. Не нужно было даже цѣлаго дня, чтобы эти волосы, черные, какъ смоль, побѣлѣли, чтобы всѣ члены мои ослабли, и

нервы расшатались до такой степени, что я пугаюсь тѣни, и дрожу при малѣйшемъ напряженіи. Вы не повѣрите, я почти не могу смотрѣть безъ головокруженія съ этого небольшого утеса!“

„Небольшой утесъ“, на краю котораго онъ безпечно улегся, такъ что болѣе тяжелая часть его тѣла свѣсилась внизъ, и онъ удерживался отъ паденія опираясь локтями о скользкій и покатый край обрыва — этотъ „небольшой утесъ“, возносясь крутой глянцевито-черной громадой, выдѣлялся на пятнадцать или шестнадцать сотенъ футовъ изъ толпы скалъ, тѣснившихся подъ нами. Ни за что въ мірѣ не рѣшился бы я приблизиться и на шесть ярдовъ къ его краю. Мало того, я до такой степени былъ взволнованъ рискованнымъ положеніемъ спутника, что во всю длину своего тѣла упалъ на землю, уцѣпился за кустарники, окружавшіе меня, и даже не рѣшался посмотрѣть вверхъ на небо—напрасно боролся съ самимъ собой, стараясь освободиться отъ мысли, что самыя основанія горы могутъ рушиться подъ бѣшенствомъ вѣтровъ. Прошелъ значительный промежутокъ времени, прежде чѣмъ я сколько-нибудь могъ овладѣть собой и рѣшился сѣсть и посмотрѣть въ пространство.

„Бросьте вы это ребячество“, сказалъ проводникъ, „я привелъ васъ сюда нарочно, чтобы вы лучше могли видѣть сцену событія, о которомъ я упомянулъ, и чтобы разсказать вамъ всю исторію, имѣя передъ глазами самое мѣсто дѣйствія“.

„Теперь“, продолжалъ онъ съ той обстоятельностью, которая была его отличительной чертой, „теперь мы находимся на самомъ берегу Норвегіи — на шестьдесятъ восьмомъ градусѣ широты—въ обширной провинціи Нордландъ—въ угрюмомъ округѣ Лофодена. Гора, на вершинѣ которой мы сидимъ, называется Носительницей Тучъ, Хельсеггенъ. Теперь привстаньте немного выше — держитесь за траву, если вы чувствуете головокруженіе—вотъ такъ — взгляните теперь туда, въ море, за полосу тумановъ“.

Я взглянулъ, и голова у меня закружилась. Я увидалъ мощный просторъ океана, воды его были такъ черны, что сразу вызвали въ моемъ воспоминаніи разсказъ Нубійскаго географа о *Mare Tenebrarum*. Панорамы болѣе скорбной и безутѣшной никогда не могла бы себѣ представить человѣческая фантазія. Справа и слѣва, насколько глазъ могъ видѣть, лежали, раскинувшись, точно оплоты міра, очертанья страшно-черной нависшей скалы, и мрачный видъ ея еще больше оттѣнялся буруномъ, который, высоко вскидываясь, съ бѣшенствомъ бился о нее своей сѣдою гривой, крича и завывая неумолчно. Какъ разъ противъ мыса, на вершинѣ котораго мы находились, на разстояніи пяти или шести миль въ морѣ, угрюмо виднѣлся небольшой открытый островъ; или, точнѣе говоря, его очертанія можно было различить сквозь смятеніе буруна, который окутывалъ его. Мили на двѣ ближе къ берегу возвышался другой островокъ, меньшихъ размѣровъ, чудовищно обрывистый и каменистый, и окруженный тамъ и сямъ грядою темныхъ скалъ.

Въ самомъ видѣ океана, на пространствѣ между болѣе отдаленнымъ островомъ и берегомъ, было что-то особенное. Дулъ вѣтеръ, по направленію къ берегу, настолько сильный, что бригъ, находившійся въ открытомъ морѣ, держался подъ трайселемъ съ двойнымъ рифомъ, и весь его корпусъ постоянно терялся изъ виду; и, однако же, здѣсь не было ничего похожаго на правильное волненіе, здѣсь было только сердитое всплескиваніе воды по всѣмъ направленіямъ, короткое, быстрое, и косвенное. Пѣны почти не было, она только бѣлѣлась около самыхъ скалъ.

„Дальній островъ“, снова началъ старикъ, „называется у Норвежцевъ Вурргомъ. Тотъ, что находится на серединѣ дороги, зовется Москё. На милю къ сѣверу лежитъ Амборенъ. Вонъ тамъ раскинулись Ислесенъ, Готхольмъ, Кейльдхельмъ, Суарвенъ, и Букхольмъ. Далѣе—между Москё и Вурргомъ—Оттерхольмъ, Флименъ, Сант-

флесенъ, и Стокхольмъ. Таковы истинныя наименованія этихъ мѣстъ — но почему вообще ихъ нужно было именовать, этого не понять ни вамъ, ни мнѣ. Вы слышите что-нибудь? Вы видите какую-нибудь перемѣну въ водѣ?“

Мы были теперь минутъ около десяти на вершинѣ Хельсеггенъ, къ которой поднялись изъ нижней части Лофодена, такимъ образомъ, что мы ни разу не могли взглянуть на море, пока оно вдругъ не вспыхнуло передъ нами, когда мы взошли на высоту. Между тѣмъ какъ старикъ говорилъ, я услышалъ громкій и постепенно возроставшій гулъ, подобный реву огромнаго стада буйволовъ на Американскихъ преріяхъ; и въ то же самое мгновеніе я увидалъ подъ нами то, что моряки называютъ *водяной сѣчкой;* она быстро превращалась въ крутящійся потокъ, который убѣгалъ по направленію къ востоку. Пока я смотрѣлъ на него, этотъ потокъ пріобрѣталъ въ своемъ стремленьи чудовищную быстроту. Каждый моментъ прибавлялъ что-нибудь къ его скорости — къ его слѣпому бѣшенству. Въ теченіи пяти минутъ все море до Вуррга, какъ нахлестанное, исполнилось непобѣдимой ярости; но главное волненье клокотало въ пространствѣ между берегомъ и Москё. Здѣсь обширная водная поверхность, испещренная и изрубцованная тысячью встрѣчныхъ потоковъ, внезапно охватывалась бѣшеными конвульсіями — кипѣла, свистѣла, вздымалась, какъ будто тяжело дыша — вставала круговымъ движеньемъ гигантскихъ и безчисленныхъ водоворотовъ, и, крутясь, уносилась и падала, все впередъ, на востокъ, съ той необузданной быстротой, съ которой воды убѣгаютъ, покидая горный скатъ.

Черезъ нѣсколько мгновеній въ этой картинѣ произошла другая рѣзкая перемѣна. Вся поверхность сдѣлалась нѣсколько болѣе гладкой, и водовороты одинъ за другимъ исчезли, и огромныя полосы пѣны забѣлѣлись тамъ, гдѣ до сихъ поръ ихъ не было совсѣмъ. Эти полосы, распространяясь на громадное разстояніе, и сплетаясь между

собою, восприняли, наконецъ, въ себя круговое движеніе осѣвшихъ водоворотовъ и какъ бы образовали зародышъ новаго водоворота, болѣе обширнаго. Вдругъ — совершенно внезапно — онъ принялъ явственныя, рѣзко-опредѣленныя очертанія круга, имѣвшаго болѣе мили въ діаметрѣ. Край водоворота обозначился въ видѣ широкаго пояса изъ блестящей пѣны; но ни одна изъ частицъ ея не ускользала въ пасть чудовищной воронки, внутренность которой, насколько глазъ могъ ее измѣрить, являлась гладкой, блестящей, и агатово-черной водной стѣной, наклоненной къ горизонту приблизительно подъ угломъ въ сорокъ пять градусовъ; эта водная стѣна съ ошеломляющей стремительностью вращалась своимъ выпуклымъ наклономъ, и посылала вѣтрамъ ужасающіе возгласы, не то крикъ, не то ревъ, такіе вопли, какихъ даже мощный водопадъ Ніагары, въ своей агоніи, никогда не посылаетъ Небесамъ.

Гора колебалась въ своемъ основаніи, и утесъ содрогался. Я бросился на землю, лицомъ внизъ, и уцѣпился за чахлую траву, охваченный крайнимъ нервнымъ возбужденіемъ.

„Это", проговорилъ я, наконецъ, обращаясь къ старику — „это, *конечно*, знаменитый водоворотъ Мальстрёмъ".

„Да", отвѣчалъ старикъ, „онъ такъ иногда называется. Мы, Норвежцы, называемъ его Москестрёмъ, потому что на полдорогѣ здѣсь находится островъ Москё".

Обычныя описанія этого водоворота нимало не подготовили меня къ тому, что я увидалъ. Описаніе, которое сдѣлалъ Іонасъ Рамусъ, быть можетъ, самое обстоятельное изо всѣхъ, не даетъ ни малѣйшаго представленія о величавомъ ужасѣ этой картины — о безумномъ очарованіи *новизны*, захватывающемъ зрителя. Я не знаю въ точности, съ какого именно пункта, и въ какое время, упомянутый писатель наблюдалъ водоворотъ; но во всякомъ случаѣ не съ вершины Хельсеггенъ, и не во время бури. Въ его описаніи есть, однако, мѣста, которыя могутъ быть

приведены ради отдѣльныхъ подробностей, хотя они крайне слабы въ смыслѣ обрисовки впечатлѣнія всей картины.

„Между Лофоденомъ и Москё“, говоритъ онъ, „глубина воды составляетъ отъ тридцати пяти до сорока саженей; но, съ другой стороны, по направленія къ Веру (Вурргу) эта глубина уменьшается настолько, что не даетъ надлежащаго пути для морского суднà, рискующаго разбиться о скалы, что случается и при самой тихой погодѣ. Когда наступаетъ приливъ, потокъ съ бурной стремительностью спѣшитъ ринуться въ пространство между Лофоденомъ и Москё, но ревъ его свирѣпаго отлива, бѣгущаго въ море, превышаетъ гулъ самыхъ громкихъ и самыхъ страшныхъ водопадовъ — шумъ слышенъ за нѣсколько лигъ, и водовороты или водныя пропасти отличаются такой обширностью и глубиной, что если корабль вступитъ въ область его притяженія, онъ неизбѣжно поглощается и уносится на дно, и тамъ расщепляется о подводныя скалы, когда же вода стихаетъ, обломки выбрасываются вверхъ. Но эти промежутки спокойствія наступаютъ только отъ отлива до прилива, и въ ясную погоду, продолжаются не болѣе четверти часа, и затѣмъ бѣшенство водоворота постепенно опять возростаетъ. Когда онъ бушуетъ наиболѣе яростно, и когда его свирѣпость усиливается штормомъ, къ нему опасно подходить на разстояніе Норвежской мили. Лодки, яхты, и корабли, бываютъ увлечены теченіемъ, если они заранѣе не остерегутся, до вступленія въ сферу его притяженія. Подобно этому, нерѣдко случается, что киты подходятъ слишкомъ близко къ теченію, и бываютъ захвачены его яростнымъ порывомъ; невозможно описать, какъ они ревутъ тогда и стонутъ въ своихъ безполезныхъ попыткахъ освободиться. Случилось разъ, что медвѣдь, пытаясь переплыть изъ Лофодена къ Москё, былъ захваченъ потокомъ и поглощенъ имъ; при этомъ онъ вылъ такъ страшно, что его слышали на берегу. Громадные стволы сосенъ и елей, будучи поглощены потокомъ, снова выплы-

ваютъ вверхъ изломанными и расщепленными до такой степени, что какъ будто на нихъ выросла щетина. Въ этомъ ясное доказательство, что дно состоитъ изъ острыхъ подводныхъ камней, среди которыхъ они бьются, подчиняясь силѣ теченія. Потокъ этотъ регулируется приливомъ и отливомъ моря,—по истеченіи каждыхъ шести часовъ. Въ 1645 году, рано утромъ, въ Воскресенье на Мясопустной Недѣлѣ, потокъ свирѣпствовалъ съ такой яростью и съ такимъ необузданнымъ грохотомъ, что камни отрывались на прибрежныхъ домахъ и падали на землю".

Относительно глубины воды, я не понимаю, какимъ образомъ можно было ее измѣрить въ непосредственной близости отъ водоворота. „Сорокъ саженей" должны относиться только къ частямъ канала, примыкающимъ вплоть къ берегу Москё или къ берегу Лофодена. Въ центрѣ Москестрёма глубина воды должна быть неизмѣримо больше; чтобы убѣдиться въ этомъ—достаточно бросить косвенный взглядъ въ пропасть водоворота съ самаго высокаго утеса Хельсеггенъ. Глядя внизъ съ этой вершины на ревущій Флегетонъ, я не могъ не улыбнуться на простоту, съ которой добрѣйшій Іонасъ Рамусъ разсказываетъ, какъ о вещахъ трудно допустимыхъ, анекдоты о китахъ и медвѣдяхъ; ибо мнѣ представлялось совершенно очевиднымъ, что самый громадный линейный корабль, какой только можетъ быть въ дѣйствительности, войдя въ сферу этого убійственнаго притяженія, могъ бы бороться съ нимъ не болѣе, чѣмъ перышко съ ураганомъ, и долженъ былъ бы исчезнуть мгновенно и цѣликомъ.

Попытки объяснить данное явленіе — нѣкоторыя изъ нихъ, я помню, казались мнѣ, при чтеніи, достаточно убѣдительными — теперь представлялись очень трудными и мало удовлетворительными. Общепринятое объясненіе заключается въ томъ, что этотъ водоворотъ, такъ-же какъ три небольшіе водоворота, находящіеся между Феррейскими островами, „обусловливается ничѣмъ инымъ, какъ столк-

новеніемъ волнъ, поднимающихся и опускающихся, во время прилива и отлива, противъ гряды скалъ и рифовъ, тѣснящихъ воду такимъ образомъ, что она обрушивается, подобно водопаду; и такимъ образомъ, чѣмъ выше поднимается теченіе, тѣмъ глубже должно оно упасть, и естественнымъ результатомъ всего этого является водоворотъ, сила поглощенія котораго, со всей ея громадностью, достаточно можетъ быть узнана по опытамъ менѣе значительнымъ". — Такъ говоритъ Encyclopaedia Britannica. Кирхеръ и другіе воображаютъ, что въ центрѣ канала Мальстрёма находится бездна, проникающая сквозь земной шаръ, и выходящая въ какой-нибудь очень отдаленной части его — въ одномъ случаѣ, почти рѣшительно, называется Ботническій заливъ. Такая мысль, сама по себѣ пустая, показалась мнѣ теперь, пока я смотрѣлъ, очень правдоподобной; и когда я сообщилъ о ней моему проводнику, я былъ не мало удивленъ, услышавъ, что, хотя почти всѣ Норвежцы держатся такого воззрѣнія, онъ его не раздѣляетъ. Что касается перваго представленія, онъ признался, что онъ неспособенъ его понять, и въ этомъ я согласился съ нимъ; потому что, какъ ни убѣдительно оно на бумагѣ, оно дѣлается совершенно непостижимымъ и даже нелѣпымъ среди грохота пучины.

„Ну, теперь вы видѣли водоворотъ", сказалъ старикъ, „и, если вамъ угодно, проползите кругомъ по скалѣ; на подвѣтренной сторонѣ насъ не будетъ оглушать грохотъ воды, и я разскажу вамъ исторію, которая убѣдитъ васъ, что я кое-что долженъ знать о Москестрёмѣ".

Я послѣдовалъ его указанію, и онъ продолжалъ.

„Мнѣ и двумъ моимъ братьямъ принадлежалъ когда-то смакъ, оснащенный какъ шкуна, приблизительно въ семьдесятъ тоннъ. На этомъ суднѣ мы обыкновенно ловили рыбу среди островъ, находящихся за Москё, близь Вуррга. Во время сильныхъ приливовъ на морѣ всегда бываетъ хорошій уловъ, если только выбрать подходящую минуту, и имѣть

мужество для смѣлой попытки; но изъ всѣхъ Лофоденскихъ рыбаковъ только мы трое сдѣлали постояннымъ ремесломъ такія поѣздки за острова. Обычная рыбная ловля происходитъ гораздо ниже къ югу. Рыба тамъ есть всегда, и можно ее брать безъ большого риска; потому эти мѣста и предпочитаются. Но избранныя мѣста, находящіяся выше, среди скалъ, доставляютъ рыбу не только болѣе тонкаго качества, но и въ гораздо большемъ изобиліи, такъ что нерѣдко за одинъ день мы добывали столько, сколько осторожный рыбакъ не могъ бы наскрести и за цѣлую недѣлю. Въ концѣ концовъ мы какъ бы устроили отчаянную спекуляцію—вмѣсто труда у насъ былъ жизненный рискъ, и вмѣсто капитала отвага.

Мы держали наше судно въ небольшой бухтѣ, приблизительно на пять миль выше здѣшней по берегу; и въ хорошую погоду мы неукоснительно пользовались затишьемъ, наступавшимъ на четверть часа между приливомъ и отливомъ, чтобы пересѣчь главный каналъ Москестрёма, значительно выше прудка, и затѣмъ бросить якорь гдѣ-нибудь близъ Оттерхольма, или неподалеку отъ Сантфлесена, гдѣ приливы не такъ сильны, какъ въ другихъ мѣстахъ. Здѣсь мы обыкновенно оставались приблизительно до того времени, когда опять наступало затишье, затѣмъ снимались съ якоря и возвращались домой. Мы никогда не пускались въ такую экспедицію, если не было устойчиваго бокового вѣтра, для поѣздки и возвращенія — такого вѣтра, относительно котораго мы могли быть увѣрены, что онъ не спадетъ до нашего возвращенія—и мы рѣдко ошибались въ разсчетахъ. Дважды, въ теченіе шести лѣтъ, мы были вынуждены цѣлую ночь простоять на якорѣ по причинѣ мертваго штиля—явленіе здѣсь поистинѣ рѣдкостное; и однажды мы пробыли на рыболовномъ мѣстѣ почти цѣлую недѣлю, умирая отъ голода, благодаря тому, что вскорѣ послѣ нашего прибытія поднялся штормъ, и каналъ сдѣлался слишкомъ безпокойнымъ, чтобы можно было думать о переѣздѣ. Въ этомъ случаѣ мы были

бы увлечены въ море, несмотря ни на что (ибо водовороты кружили насъ въ разныхъ направленіяхъ такъ сильно, что, наконецъ, мы запутали якорь и волочили его), если бы насъ не отнесло въ сторону однимъ изъ бэзчисленныхъ перекрестныхъ теченій — что сегодня здѣсь, а завтра тамъ—послѣ чего попутный вѣтеръ привелъ насъ къ Флимену, гдѣ намъ удалось стать на якорь.

„Я не могу разсказать вамъ и двадцатой доли разнообразныхъ затрудненій, которыя мы встрѣчали въ мѣстахъ рыбной ловли — это скверныя мѣста даже въ хорошую погоду — но мы всегда пускались на разныя хитрости и умѣли благополучно избѣгать ярости Москестрёма; хотя иногда душа у меня уходила въ пятки, если намъ случалось на какую-нибудь минуту опередить затишье или опоздать. Вѣтеръ иногда былъ не такъ силенъ, какъ мы полагали при отправленіи, и мы двигались медленнѣе, чѣмъ хотѣли бы, между тѣмъ какъ потокъ дѣлалъ управленіе лодкой совершенно немыслимымъ. У моего старшаго брата былъ сынъ восемнадцати лѣтъ, и у меня тоже были два славные молодца. Они очень были бы намъ полезны въ подобныхъ случаяхъ—они могли бы намъ грести, и помогали бы намъ во время рыбной ловли но хоть сами мы рисковали, все же у насъ какъ-то не хватало духу подвергать опасности еще и дѣтей, — потому что въ концѣ концовъ вѣдь, дѣйствительно, опасность *была*, и очень большая.

„Вотъ уже, безъ нѣсколькихъ дней, ровно три года, какъ произошло то, о чемъ я хочу вамъ разсказать. Это было 10-го Іюля 18— , день этотъ здѣшніе жители не забудутъ никогда—такого страшнаго урагана здѣсь никогда еще не было; и, однако же, все утро, и даже нѣсколько часовъ спустя послѣ полудня, съ юго-запада дулъ легкій и постоянный вѣтерокъ, между тѣмъ какъ солнце ярко свѣтило, такъ что самый старый морякъ не могъ бы предусмотрѣть того, что должно было случиться.

„Около двухъ часовъ пополудни мы втроемъ — два

мои брата и я — прошли через острова, и вскорѣ почти нагрузили нашу лодку прекрасной рыбой, которой въ этотъ день, какъ мы всѣ замѣтили, было больше, чѣмъ когда-либо. Было ровно семь часовъ *на моихъ часахъ*, когда мы снялись съ якоря и отправились домой, чтобы перейти самое опасное мѣсто Стрёма при затишьи—которое, какъ мы знали, будетъ въ восемь часовъ.

„Съ правой стороны кормы на насъ дулъ свѣжій вѣтерокъ, и въ теченіи нѣкотораго времени мы шли очень быстро, совсѣмъ не помышляя объ опасности, такъ какъ у насъ не было ни малѣйшей причины предчувствовать ее. Вдругъ — совершенно врасплохъ — мы были застигнуты вѣтеркомъ, пришедшимъ къ намъ съ Хельсеггена. Это было что-то совсѣмъ необыкновенное — никогда ничего подобнаго съ нами раньше не случалось — и я началъ немного безпокоиться, не зная, въ сущности, почему. Мы пустили лодку по вѣтру, но совершенно не двигались, благодаря приливу, и я уже хотѣлъ предложить пристать къ якорному мѣсту, какъ, взглянувъ за корму, мы увидали, что весь горизонтъ окутанъ какой-то странной тучей мѣднаго цвѣта, выроставшей съ изумительной быстротой.

„Между тѣмъ вѣтеръ, зашедшій къ намъ съ носа, исчезъ, настало мертвое затишье, и мы кружились по всѣмъ направленіямъ. Такое положеніе вещей продолжалось, однако, слишкомъ недолго, чтобы дать намъ время для размышленій. Менѣе чѣмъ черезъ минуту на насъ налетѣлъ штормъ — еще минута, и все небо окуталось мракомъ — и стало такъ темно, и брызги начали прыгать такъ бѣшено, что мы не видѣли другъ друга въ нашей лодкѣ.

„Безумно было бы пытаться описать такой ураганъ. Самый старый морякъ во всей Норвегіи никогда не испытывалъ ничего подобнаго. Мы успѣли спустить паруса прежде, чѣмъ вихрь вполнѣ захватилъ насъ; но, при первомъ же порывѣ вѣтра, обѣ наши мачты, какъ подпилен-

ныя, перекинулись черезъ бортъ—вмѣстѣ съ гротъ-мачтой упалъ мой младшій братъ: онъ привязалъ себя къ ней для безопасности.

„Какъ игрушка, какъ перышко, носилась наша лодка по водѣ. На ровной ея палубѣ былъ только одинъ маленькій люкъ около носа, и мы всегда имѣли обыкновеніе заколачивать его, передъ тѣмъ какъ отправлялись черезъ Стрёмъ. Мы дѣлали это изъ опасенія передъ бурнымъ моремъ, но теперь, если бы это не было сдѣлано, мы должны были бы сразу пойти ко дну, потому что въ теченіи нѣсколькихъ мгновеній мы были совершенно погребены въ водѣ. Какъ мой старшій братъ ускользнулъ отъ смерти, я не могу сказать, ибо я не имѣлъ случая освѣдомиться объ этомъ. Что касается меня, едва только я выпустилъ фокъ-зейль, какъ плашмя бросился на палубу, упираясь ногами въ узкій носовой шкафутъ, и цѣпляясь руками за рымъ-болтъ около низа фокъ-мачты. Я сдѣлалъ это совершенно инстинктивно, но, безъ сомнѣнія, это было лучшее, что можно было сдѣлать—думать же о чемъ бы то ни было я не могъ — я былъ слишкомъ ошеломленъ.

„Нѣсколько мгновеній, какъ я сказалъ, мы были совершенно погружены въ воду; и все это время я сдерживалъ дыханіе, и не выпускалъ болта. Потомъ, чувствуя, что я болѣе не могу оставаться въ такомъ положеніи, я сталъ на колѣни, все еще держа болтъ, и такимъ образомъ могъ свободно вздохнуть. Наша лодочка сама отряхивалась теперь, какъ собака, только что вышедшая изъ воды, и такимъ образомъ до нѣкоторой степени высвободилась изъ моря. Я старался теперь, какъ только могъ, стряхнуть съ себя оцѣпенѣніе, овладѣвшее мной, и собраться съ мыслями настолько, чтобы посмотрѣть, что теперь нужно дѣлать, какъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то уцѣпился за мою руку. Это былъ мой старшій братъ, и сердце мое запрыгало отъ радости, потому что я былъ увѣренъ, что онъ упалъ за бортъ — но въ слѣдующее мгновеніе эта радость превра-

тилась въ ужасъ — онъ наклонился къ моему уху и выкрикнулъ одно слово: „*Москестрёмъ!*“

„Никто никогда не узнаетъ, что̀ я чувствовалъ въ это мгновеніе. Я дрожалъ съ головы до ногъ, какъ будто у меня былъ сильнѣйшій приступъ лихорадки. Я хорошо зналъ, что̀ онъ разумѣлъ подъ этимъ словомъ — я зналъ, что̀ онъ хотѣлъ сказать мнѣ. Вѣтеръ гналъ насъ къ водовороту Стрёма, мы были привязаны къ нему, и ничто не могло насъ спасти!

„Вы понимаете, что, пересѣкая *каналъ* Стрёма, мы всегда совершали нашъ путь значительно выше водоворота, даже въ самую тихую погоду, и тщательно выслѣживали и выжидали затишье — а теперь мы мчались прямо къ гигантской водной ямѣ, и это при такомъ ураганѣ! „Навѣрно“, подумалъ я, „мы придемъ туда какъ разъ во время затишья — есть еще маленькая надежда“ — но черезъ мгновенье я проклялъ себя за такую глупость, за такую безсмысленную надежду. Я слишкомъ хорошо понималъ, что мы погибли бы даже и въ томъ случаѣ, если бы мы были на кораблѣ, снабженномъ девятьюстами пушекъ.

„Въ это время первый порывъ бѣшеной бури прошелъ, или, быть можетъ, мы уже не такъ его чувствовали, потому что убѣгали отъ него, во всякомъ случаѣ волны, которыя сперва лежали низко подъ вѣтромъ и безсильно пѣнились, теперь выросли въ настоящія горы. Странная перемѣна, кромѣ того, произошла на небѣ. Вездѣ кругомъ оно по-прежнему было чернымъ, какъ смоль, но почти какъ разъ надъ нами оно разорвалось, внезапно обнаружился круглый обрывъ совершенно ясной лазури,—ясной, какъ никогда, и ярко, ярко голубой — и сквозь это отверстіе глянулъ блестящій полный мѣсяцъ, струившій сіяніе, какого я никогда раньше не видалъ. Все кругомъ озарилось до полной отчетливости — но, Боже, что за картина была освѣщена этимъ сіяніемъ!

„Раза два я пытался заговорить съ братомъ—но, непо-

нятнымъ для меня образомъ, шумъ увеличился до такой степени, что я не могъ заставить его разслышать хотя бы одно слово, несмотря на то, что кричалъ ему прямо въ ухо изо всѣхъ силъ. Вдругъ онъ покачалъ своей головой, поблѣднѣлъ, какъ смерть, и поднялъ вверхъ палецъ, какъ бы желая сказать *„слушай“!*

„Сперва я не могъ понять, что онъ хочетъ этимъ сказать — но вскорѣ чудовищная мысль вспыхнула во мнѣ. Я вынулъ свои часы. Они стояли. Я взглянулъ на нихъ, подставляя циферблатъ подъ лучи мѣсяца, и мгновенно залился слезами, и швырнулъ часы далеко въ океанъ. *Они остановились на семи часахъ! Мы пропустили время затишья, и водоворотъ Стрёма свирѣпствовалъ теперь съ полной силой!*

„Если лодка хорошо сдѣлана, надлежащимъ образомъ снаряжена, и не слишкомъ обременена грузомъ, волны, при сильномъ штормѣ, въ открытомъ морѣ, кажутся всегда ускользающими изъ-подъ нея—для человѣка, привыкшаго къ сушѣ, это представляется очень страннымъ, и мы, моряки, называемъ это — *верховой ѣздой.* До сихъ поръ мы очень быстро ѣхали такимъ образомъ по волнамъ, но теперь гигантскій подъемъ моря подхватилъ насъ изъ-подъ кормы, и выростая, взмахнулъ съ собой—выше — выше — какъ будто подъ самое небо. Я не могъ бы повѣрить, чтобы когда-нибудь морской валъ могъ подняться такъ высоко. И потомъ мы качнулись внизъ, и соскользнули, и нырнули, такъ быстро, что у меня закружилась голова, какъ будто я падалъ во снѣ съ вершины огромной горы. Но въ то время какъ мы были вверху, я успѣлъ бросить быстрый взглядъ кругомъ — и этого взгляда было совершенно достаточно. Въ одно мгновенье я разсмотрѣлъ наше точное положеніе. Москестрёмъ былъ приблизительно на четверть мили прямо передъ нами — но онъ былъ столько же похожъ на всегдашній Москестрёмъ, какъ водоворотъ, который вы сейчасъ видите, на мельничный лотокъ. Если бы

я не зналъ, гдѣ мы были, и что насъ ожидало, я совсѣмъ не узналъ бы мѣста. Теперь же я, въ невольномъ ужасѣ, закрылъ глаза. Вѣки сжались сами собой, какъ отъ судороги.

„Не болѣе какъ черезъ двѣ минуты, мы внезапно почувствовали, что волны осѣли, и насъ окутала пѣна. Лодка сдѣлала рѣзкій полуоборотъ съ лѣвой стороны, и затѣмъ ринулась въ этомъ новомъ направленіи съ быстротой молніи. Въ то же самое мгновенье оглушительный ревъ воды былъ совершенно заглушенъ какимъ то пронзительнымъ крикомъ— вы бы подумали, что это нѣсколько тысячъ паровыхъ судовъ свистятъ своими выпускными трубами. Мы были теперь въ полосѣ буруна, всегда окружающаго водоворотъ; и я, конечно, подумалъ, что въ слѣдующее мгновеніе мы погрузимся въ бездну — заглянуть въ которую хорошенько мы не могли, потому что съ ошеломляющей быстротой неслись впередъ. Лодка совсѣмъ не погружалась въ воду, а скользила, какъ пузырь, по поверхности зыби. Правая сторона суднà примыкалà вплоть къ водовороту, а слѣва высился покинутый нами гигантскій просторъ океана. Подобно огромной судорожно искривляющейся стѣнѣ, онъ высился между нами и горизонтомъ.

„Это можетъ показаться страннымъ, но теперь, когда мы были въ самой пасти воднаго обрыва, я былъ гораздо болѣе спокоенъ, чѣмъ тогда, когда мы только приближались къ нему. Убѣдившись, что надежды больше нѣтъ, я въ значительной степени освободился отъ того страха, который сначала подавилъ меня совсѣмъ. Я думаю, что это— отчаяніе напрягло мои нервы.

„Можно подумать, что я хвастаюсь—но я говорю вамъ правду — я началъ размышлять о томъ, какъ чудно умереть такимъ образомъ, и какъ безумно было бы думать о такой ничтожной вещи, какъ моя собственная личная жизнь, передъ этимъ чудеснымъ проявленіемъ могущества Бога. Мнѣ кажется, что я покраснѣлъ отъ стыда, когда

эта мысль сверкнула въ моемъ умѣ. Вскорѣ послѣ этого мной овладѣло непобѣдимо-жгучее любопытство относительно самаго водоворота. Я положительно чувствовалъ *желаніе* изслѣдовать его глубины, хотя бы цѣной той жертвы, которая мнѣ предстояла; и о чемъ я больше всего сожалѣлъ, это о томъ, что никогда я не буду въ состояніи разсказать о тайнахъ, которыя долженъ буду увидѣть, моимъ старымъ товарищамъ, что находятся тамъ, на берегу. Странныя, конечно, это мысли въ умѣ человѣка, находящагося въ такой крайности, и я часто думалъ потомъ, что вращеніе лодки по окружности бездны могло вызвать въ моемъ умѣ легкій бредъ.

„Было еще другое обстоятельство, которое помогло мнѣ овладѣть собой, это—исчезновеніе вѣтра; онъ не могъ теперь достигать до насъ—потому что, какъ вы видите сами, полоса буруна значительно ниже общей поверхности океана, и этотъ послѣдній громоздился теперь надъ нами, высокой, черной, громадной грядой. Если вы никогда не были на морѣ во время настоящей бури, вы не можете себѣ представить, какъ помрачаются мысли, благодаря совокупному дѣйствію вѣтра и брызгъ. Вы слѣпнете, вы глохнете, вы задушены, и у васъ исчезаетъ всякая способность что-либо дѣлать или о чемъ-либо размышлять. Но теперь мы, въ значительной степени, освободились отъ такихъ затрудненій — совершенно такъ же, какъ преступнику, осужденному на смерть, дозволяются въ тюрьмѣ разныя маленькія снисхожденія, запретныя, пока его участь еще не рѣшена.

Сколько разъ мы совершили кругъ по поясу водоворота, этого я не могу сказать. Мы мчались кругомъ и кругомъ, быть можетъ, въ теченіи часа, мы не плыли, а скорѣе летѣли, постепенно все болѣе и болѣе приближаясь къ центру зыби, и все ближе и ближе къ ея страшной внутренней каймѣ. Все это время я не выпускалъ изъ рукъ рымъ-болта. Братъ мой былъ на кормѣ, онъ держался за

небольшой пустой боченокъ, въ которомъ мы брали съ собой воду, и который тщательно былъ привязанъ подъ сторожевой вышкой; это была единственная вещь на палубѣ, не смытая валомъ, когда вихрь впервые налетѣлъ на насъ. Какъ только мы приблизились къ краю воднаго колодца, братъ мой выпустилъ изъ рукъ боченокъ и схватился за кольцо, стараясь, въ агоніи ужаса, вырвать его изъ моихъ рукъ: намъ обоимъ оно не могло служить одновременно, потому что было недостаточно широко. Я никогда не чувствовалъ такой глубокой тоски, какъ въ тотъ моментъ, когда увидѣлъ его попытку—хотя я зналъ, что онъ былъ сумасшедшимъ, когда дѣлалъ это — что это былъ бѣшеный маніакъ, охваченный чувствомъ остраго испуга. Я, однако, не сталъ спорить съ нимъ изъ-за мѣста. Я зналъ, что не можетъ быть никакой разницы въ томъ, мнѣ или ему будетъ принадлежать кольцо, я выпустилъ болтъ, и ухватился за боченокъ у кормы. Сдѣлать это мнѣ было не особенно трудно, потому что лодка бѣжала кругомъ достаточно устойчиво и держалась на ровномъ килѣ, покачиваясь только туда и сюда вмѣстѣ съ измѣненіями вънаправленіи гигантскихъ взмаховъ водоворота. Едва я усѣлся на своемъ новомъ мѣстѣ, какъ лодка быстро накренилась правой стороной, и бѣшено помчалась въ водную пропасть. Я быстро прошепталъ какую-то молитву, и подумалъ, что все кончено.

„Чувствуя тошноту отъ быстраго спуска внизъ, я инстинктивно уцѣпился за боченокъ съ еще бо̀льшей энергіей, и закрылъ глаза. Нѣсколько секундъ я не рѣшался открыть ихъ, каждый мигъ ожидая конца, и удивляясь, что я еще не испытываю смертной борьбы съ водой. Но мгновенье уходило за мгновеньемъ. Я все еще былъ живъ. Ощущеніе паденья прекратилось; и движеніе лодки, повидимому, было почти такимъ же, какъ раньше, когда она была въ полосѣ пѣны, съ той только разницей, что теперь она болѣе накренялась. Я овладѣлъ собой, и опять взглянулъ на картину, раскинувшуюся кругомъ.

„Никогда мнѣ не забыть ощущенья испуга, ужаса, и восхищенія, съ которыми я посмотрѣлъ тогда. Лодка казалась подвѣшенной, какъ бы дѣйствіемъ какой-то магической силы, въ срединѣ пути своего нисхожденія, на внутренней поверхности водной воронки, обширной въ окружности, гигантской по глубинѣ—и такой, что ея совершенно гладкіе бока можно было бы принять за черное дерево, если бы не удивительная быстрота, съ которой они крутились, и не мерцающій призрачный блескъ, исходившій отъ нихъ—то были отраженные лучи полнаго мѣсяца, струившіеся изъ описаннаго мною круглаго отверстія между тучъ—выростая въ цѣлый потокъ золотого сіянія, лучи эти шли вдоль черныхъ стѣнъ и проникали внизъ до самыхъ отдаленныхъ углубленій бездны.

„Сначала я испытывалъ слишкомъ большое замѣшательство, чтобы быть въ состояніи отчетливо замѣтить что-нибудь. Все, что я увидѣлъ, это—какой-то всеобщій взрывъ ужасающаго величія. Однако, когда я немного пришелъ въ себя, взоръ мой инстинктивно устремился внизъ. Въ этомъ направленіи передъ глазами моими не было никакого препятствія, благодаря тому положенію, въ какомъ лодка висѣла на наклонной поверхности воднаго провала. Она держалась на совершенно ровномъ килѣ—т.-е., палуба ея лежала въ плоскости, параллельной съ плоскостью воды—но эта послѣдняя дѣлала наклонъ, подъ угломъ болѣе чѣмъ въ сорокъ пять градусовъ, такимъ образомъ, что мы какъ будто были опрокинуты на бокъ. Я не могъ все же не замѣтить, что у меня врядъ ли было больше затрудненій держаться руками и ногами, чѣмъ если бы мы находились на горизонтальной плоскости, я думаю, что это обстоятельство было обусловлено быстротой, съ которой мы вращались.

„Лучи мѣсяца какъ будто искали самаго дна глубокой пучины; но я еще не могъ ничего разсмотрѣть явственно; все было окутано въ густой туманъ; а надъ

туманомъ висѣла великолѣпная радуга, подобная тому узкому и колеблющемуся мосту, который, какъ говорятъ Мусульмане, является единственной дорогой между Временемъ и Вѣчностью. Этотъ туманъ или эти брызги возникали, безъ сомнѣнія, благодаря сталкиванію огромныхъ стѣнъ водной воронки, встрѣчавшихся на днѣ, но что за страшный вопль поднимался изъ этого тумана къ Небесамъ, я не берусь описывать.

„Едва только мы впервые скользнули въ самую бездну, удаляясь отъ пояса пѣны вверху, какъ мы двинулись на большое разстояніе внизъ по уклону, но наше дальнѣйшее нисхожденіе отнюдь не было пропорціональнымъ. Мы стремились кругомъ и кругомъ — но то было не какое-нибудь однообразное движеніе — а головокружительные взмахи и швырки—иногда они бросали насъ только на какую-нибудь сотню ярдовъ—иногда заставляли насъ обойти почти полную окружность водоворота. Съ каждымъ новымъ вращеніемъ, мы опускались внизъ, медленно, но очень замѣтно.

„Бросая взоръ кругомъ на обширную пустыню этой текучей черноты, по которой мы неслись, я замѣтилъ, что лодка была не единственнымъ предметомъ, находившимся въ пасти водоворота. И сверху, и снизу, виднѣлись корабельные обломки, громадныя массы бревенъ и стволы деревьевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе мелкія вещи, предметы домашней утвари, разломанные ящики, боченки, и доски. Я уже описывалъ неестественное любопытство, смѣнившее мои прежніе страхи. Оно, повидимому, все росло, по мѣрѣ того какъ я ближе и ближе подходилъ къ своей страшной участи. Я началъ теперь, съ страннымъ интересомъ, разсматривать разнообразные предметы, плывшіе въ одной съ нами компаніи. *Должно быть*, у меня былъ бредъ, потому что я положительно *забавлялся*, размышляя объ относительной скорости ихъ разнороднаго нисхожденія къ пѣнѣ, мерцавшей внизу. Я, напримѣръ, поймалъ себя на

такой мысли: „вотъ эта сосна, вѣроятно, прежде всего рухнется въ пучину, и исчезнетъ“,—и былъ очень разочарованъ, когда увидѣлъ, что ее обогналъ обломокъ Голландскаго торговаго корабля, и первый потонулъ. Наконецъ, послѣ цѣлаго ряда подобныхъ наблюденій, причемъ всѣ были ошибочными, я почувствовалъ, что этотъ фактъ — фактъ моей неизмѣнной ошибки въ разсчетахъ—натолкнулъ меня на цѣлый рядъ размышленій, отъ которыхъ я опять задрожалъ всѣми членами, и сердце мое тяжело забилось.

„То, что на меня такъ подѣйствовало, не было новымъ ужасомъ—то была заря самой кипучей *надежды*. Она возникла частью на почвѣ воспоминанія, частью благодаря теперешнимъ наблюденіямъ. Я припомнилъ цѣлую массу разныхъ легкихъ предметовъ, которыми былъ усѣянъ Лофоденскій берегъ: они были втянуты Москестрёмомъ и затѣмъ снова выброшены имъ. Предметы эти въ громадномъ большинствѣ были разбиты самымъ необыкновеннымъ образомъ — они были такъ ссажены — они были до такой степени шероховаты, точно кто сплошь утыкалъ ихъ лучинками—но тутъ я отчетливо припомнилъ, что *нѣкоторые* изъ нихъ совсѣмъ не были обезображены. Теперь я не могъ объяснить такое различіе ничѣмъ инымъ, какъ предположеніемъ, что только предметы, сдѣлавшіеся шероховатыми, были *поглощены вполнѣ* — другіе же предметы были втянуты въ водоворотъ въ такой поздній періодъ прилива, или, по какой-нибудь причинѣ, опускались внизъ такъ медленно, что они не достигли дна, прежде чѣмъ пришла смѣна прилива и отлива. Возможно, подумалъ я, что въ томъ и въ другомъ случаѣ они, такимъ образомъ, опять были выкинуты на верхній уровень океана, не претерпѣвши участи предметовъ, втянутыхъ раньше или поглощенныхъ болѣе быстро. Я сдѣлалъ также три важныя наблюденія. Во-первыхъ, общимъ правиломъ являлся тотъ фактъ, что чѣмъ больше были тѣла, тѣмъ быстрѣе

было ихъ нисхожденіе; во-вторыхъ, между двумя массами равнаго размѣра, причемъ одна была сферической, а другая *какой-нибудь другой формы*, преимущество въ скорости нисхожденія было на сторонѣ сферической; въ-третьихъ, между двумя массами одинаковаго объема, причемъ одна была цилиндрической, а другая какой-нибудь другой формы, цилиндрическая погружалась болѣе медленно. Послѣ того какъ я спасся, я много разъ говорилъ объ этомъ съ старымъ школьнымъ учителемъ нашего округа, и это отъ него я научился употребленію такихъ словъ, какъ „цилиндрическій" и „сферическій". Онъ объяснилъ мнѣ—хотя я забылъ его объясненія—какимъ образомъ явленіе, мною замѣченное, было естественнымъ слѣдствіемъ формъ пловучихъ предметовъ, и какимъ образомъ случилось, что цилиндръ, вращаясь въ водоворотѣ, оказывалъ большее противодѣйствіе силѣ поглощенія, и былъ втягиваемъ съ бо̀льшей трудностью, нежели предметъ какой-нибудь другой формы тѣхъ же самыхъ размѣровъ *).

„Было еще одно поразительное обстоятельство, въ значительной степени подкрѣпившее мои наблюденія, и заставившее меня съ тревогой искать подтвержденія ихъ, именно, при каждомъ новомъ вращеніи мы проходили мимо такихъ предметовъ, какъ боченокъ, или рей, или корабельная мачта, и многія изъ такихъ предметовъ, бывшихъ на одномъ уровнѣ съ нами, когда я въ первый разъ устремилъ свой взоръ на чудеса водоворота, были теперь высоко надъ нами, и, повидимому, отодвигались лишь очень мало отъ своего прежняго положенія.

„Я болѣе не сомнѣвался, что̀ мнѣ дѣлать. Я рѣшился тщательно привязать себя къ пустому боченку, за который держался, отрѣзать его отъ кормы, и броситься вмѣстѣ съ нимъ въ воду. Знаками я привлекъ вниманіе брата, указалъ ему на боченки, плывшіе около насъ, и сдѣлалъ

---

*) См. Archimedes, „*De Incidentibus in Fluido*"—lib. 2.

все, что было въ моей власти, чтобы дать ему понять мое намѣреніе. Наконецъ, онъ, кажется, понялъ меня, но было ли это въ дѣйствительности такъ, или нѣтъ, онъ съ отчаянной рѣшимостью началъ отрицательно качать головой, и отказался покинуть свое мѣсто у рымъ-болта. Я не могъ дотянуться до него, крайнія обстоятельства не допускали ни малѣйшей отсрочки, и, съ чувствомъ горестной борьбы въ сердцѣ, я предоставилъ брата собственной его участи, привязалъ себя къ боченку веревкой, прикрѣплявшей его къ кормѣ, и безъ малѣйшихъ колебаній бросился въ море.

„Я совершенно вѣрно разсчиталъ результатъ. Вы в · дите, я самъ вамъ разсказываю эту исторію—вы видите, я *ускользнулъ* отъ смерти — и такъ какъ вы знаете, какимъ образомъ я спасся, и должны предвидѣть все, что я могу еще сказать, я позволю себѣ поскорѣе кончить. Прошелъ, быть можетъ, часъ, или около, послѣ того какъ я бросился съ лодки, какъ вдругъ, отойдя внизъ на значительное разстояніе подо мной, она быстро сдѣлала, одно за другимъ, три безумныя круговыя движенія и, унося съ собой моего возлюбленнаго брата, бѣшено ринулась, сразу и навсегда, въ хаосъ пѣны, кипѣвшей внизу. Мой боченокъ дошелъ немного болѣе, чѣмъ до половины разстоянія между дномъ пучины и тѣмъ мѣстомъ, гдѣ я выскочилъ за бортъ, и громадная перемѣна произошла въ характерѣ водоворота. Наклонъ стѣнъ гигантской воронки съ каждой минутой сталъ дѣлаться все менѣе и менѣе крутымъ. Круговыя движенья водоворота становились все менѣе и менѣе свирѣпыми. Пѣна и радуга мало-по-малу исчезли, и самое дно бездны постепенно какъ бы поднялось. Небо было ясно, вѣтеръ стихъ, и полный мѣсяцъ пышно садился на западѣ. Я находился на поверхности океана, въ виду береговъ Лофодена, и надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ *была* зловѣщая яма Москестрёма. Наступилъ часъ затишья—но море все еще вздымало гигантскія, подобныя горамъ, волны, оставленныя ушед-

шимъ ураганомъ. Меня бѣшено мчало къ каналу Стрёма, и черезъ нѣсколько минутъ я былъ прибитъ къ берегу, гдѣ производилась рыбная ловля. Одна изъ лодокъ подобрала меня; я былъ совершенно истощенъ, благодаря усталости, и (теперь, когда опасность прошла) я онѣмѣлъ отъ воспоминанія объ ея ужасахъ. Рыбаки, подобравшіе меня, были моими старыми товарищами, мы встрѣчались изо дня въ день, но они меня не узнали, какъ не узнали бы странника, пришедшаго изъ міра духовъ. Волосы мои, бывшіе за день до этого черными, какъ вороново крыло, совершенно побѣлѣли, они стали такими, какъ теперь. Говорятъ, что и все выраженіе моего лица перемѣнилось. Я разсказалъ имъ мою исторію—они не повѣрили. Я разсказываю ее теперь *вамъ*, и врядъ ли могу надѣяться, что вы повѣрите мнѣ болѣе, нежели веселые Лофоденскіе рыбаки“.

МАНУСКРИПТЪ, НАЙДЕННЫЙ ВЪ БУТЫЛКѢ.

Qui n'a plus qu'un moment à vivre
N'a plus rien à dissimuler.
Кому осталось жить одно мгновенье,
Тому ужь нечего скрывать.

Quinault — Atys.

О моей родинѣ и о моей семьѣ мнѣ почти нечего сказать. Постоянныя злополучія и томительные годы отторгнули меня отъ одной, и сдѣлали чужимъ для другой. Родовое богатство дало мнѣ возможность получить воспитаніе незаурядное, а созерцательный характеръ моего ума помогъ мнѣ систематизировать запасъ знаній, который скопился у меня очень рано, благодаря неустаннымъ занятіямъ. Больше всего мнѣ доставляли наслажденія произведенія Германскихъ философовъ; не въ силу неумѣстнаго преклоненія передъ ихъ краснорѣчивымъ безуміемъ, но въ силу той легкости, съ которой мое строгое мышленіе позволяло мнѣ открывать ихъ ошибки. Меня часто упрекали въ сухости моего ума; недостатокъ воображенія постоянно вмѣнялся мнѣ въ особенную вину; и Пирронизмъ моихъ сужденій всегда обращалъ на меня большое вниманіе. Дѣй-

ствительно, сильная склонность къ физической философіи, я боюсь, отмѣтила мой умъ весьма распространенной ошибкой нашего вѣка—я разумѣю манеру подчинять принципамъ этой науки даже такія обстоятельства, которыя наименѣе даютъ на это право. Вообще говоря, нѣтъ человѣка менѣе меня способнаго выйти изъ строгихъ предѣловъ истины и увлечься блуждающими огнями суевѣрія. Я счелъ нужнымъ предпослать эти строки, потому что иначе мой невѣроятный разсказъ сталъ бы разсматриваться скорѣе какъ бредъ безумной фантазіи, нежели какъ положительный опытъ ума, для котораго игра воображенія всегда была мертвой буквой.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ въ скитаніяхъ по чужимъ краямъ, я отплылъ въ 18— году отъ Батавіи, изъ гавани, находящейся на богатомъ и очень населенномъ островѣ Явѣ — держа путь къ Архипелагу Зондскихъ острововъ. Я отправлялся, какъ пассажиръ—не имѣя къ этому никакой иной побудительной причины, кромѣ нервнаго безпокойства, которое преслѣдовало меня, какъ злой духъ.

Наше суднò представляло изъ себя очень солидный корабль, приблизительно въ четыреста тоннъ, скрѣпленный мѣдными склепками, и выстроенный изъ Малабарскаго тика въ Бомбеѣ. Суднò было нагружено хлопчатой бумагой и масломъ, съ Лакедивскихъ острововъ. Кромѣ того, въ грузѣ были кокосовыя охлопья, кокосовые орѣхи, тростниковый сахаръ, и нѣсколько ящиковъ съ опіумомъ. Нагрузка была сдѣлана неискусно, и благодаря этому корабль накренялся.

Мы отплыли подъ дуновеніемъ попутнаго вѣтра, и въ теченіи нѣсколькихъ дней шли вдоль восточнаго берега Явы, причемъ единственнымъ развлеченіемъ, сколько-нибудь нарушавшимъ монотонность нашего путешествія, были случайныя встрѣчи съ тѣмъ или съ другимъ изъ небольшихъ грабовъ, плавающихъ по Архипелагу, къ которому мы были прикованы.

Однажды вечеромъ, облокотясь на гакабортъ, я слѣдилъ за страннымъ облакомъ, одиноко виднѣвшимся на

сѣверо-западѣ. Оно было замѣчательно, какъ по своему цвѣту, такъ и потому, что оно было первымъ облакомъ, которое мы увидали, съ тѣхъ поръ какъ отплыли изъ Батавіи. Я внимательно наблюдалъ за нимъ до заката солнца, и тутъ оно мгновенно распространилось къ востоку и къ западу, опоясавъ горизонтъ узкой полосой тумана, и принявъ видъ длинной линіи отлогаго берега. Вниманіе мое вскорѣ послѣ этого было привлечено видомъ багроваго мѣсяца и особеннымъ характеромъ моря. Съ этимъ послѣднимъ совершалась быстрая перемѣна, и вода представлялась болѣе чѣмъ обыкновенно прозрачной. Хотя я совершенно явственно могъ видѣть дно, тѣмъ не менѣе, опустивши лотъ, я нашелъ, что корабль находился на пятнадцати саженяхъ глубины.

Воздухъ сдѣлался невыносимо удушливымъ и былъ насыщенъ спиральными испареніями, подобными тѣмъ, которыя поднимаются отъ раскаленнаго желѣза. Съ приближеніемъ ночи самое легкое дуновеніе вѣтра умерло, и болѣе невозмутимаго спокойствія невозможно было себѣ представить. Пламя свѣчи горѣло на кормѣ безъ малѣйшаго колебанія, и длинный волосъ, будучи положенъ между большимъ пальцемъ и указательнымъ, висѣлъ такъ неподвижно, что нельзя было уловить даже самаго слабаго трепетанія. Однако, по словамъ капитана, ничто не предвѣщало опасности, и, такъ какъ мы плыли лагомъ къ берегу, онъ отдалъ приказаніе убрать паруса, и ослабить якорь. Не было поставлено ни одного часового, и весь экипажъ, состоявшій главнымъ образомъ изъ Малайцевъ, нарочно улегся на палубѣ. Я сошелъ внизъ — и, долженъ сказать, въ душѣ у меня было полное предчувствіе бѣды. На самомъ дѣлѣ, все говорило мнѣ о приближеніи самума. Я высказалъ свои опасенія капитану; но онъ не обратилъ на мои слова никакого вниманія, и даже не удостоилъ меня отвѣтомъ. Какъ бы то ни было, благодаря безпокойству, я не могъ уснуть, и около полночи отправился на палубу. Когда я взошелъ на послѣднюю ступеньку трапа, находившагося

возлѣ капитанской каюты, я былъ пораженъ громкимъ и глухимъ шумомъ, подобнымъ быстрому рокоту мельничнаго колеса, и прежде чѣмъ я успѣлъ подумать, что̀ это значитъ, я почувствовалъ, какъ корабль задрожалъ до основанія. Въ слѣдующее мгновеніе, бѣшеный валъ, покрытый барашками, опрокинулъ корабль на бокъ и, промчавшись спереди и сзади, точно гигантской метлой, мгновенно очистилъ всю палубу съ носа до кормы.

Крайнее бѣшенство вихря въ значительной степени обезпечило цѣлость корабля. Хотя онъ весь окунулся въ воду, однако, черезъ нѣсколько мгновеній, послѣ того какъ мачты опрокинулись на бортъ, онъ тяжело поднялся изъ моря и, содрогаясь подъ исполинскимъ давленіемъ бури, въ концѣ концовъ совершенно выпрямился.

Какимъ чудомъ я спасся отъ гибели, не могу объяснить. Оглушенный ударомъ водного потока, я тотчасъ-же очнулся, и увидѣлъ себя стиснутымъ между старнъ-постомъ и рулемъ. Съ великимъ затрудненіемъ я высвободилъ свои ноги, и, оглядѣвшись кругомъ потеряннымъ взглядомъ, былъ прежде всего пораженъ мыслью, что вокругъ насъ свирѣпствуетъ бурунъ,—такъ чудовищно было это невообразимое круженіе исполинскихъ тѣнистыхъ массъ океана, въ смятеніе которыхъ мы были втянуты. Черезъ нѣкоторое время, я услыхалъ голосъ старика-Шведа, который сѣлъ вмѣстѣ съ нами на корабль въ ту самую минуту, когда мы оставляли гавань. Я сталъ кричать ему изо всѣхъ силъ, и невѣрными шагами онъ подошелъ ко мнѣ сзади. Вскорѣ намъ пришлось убѣдиться, что только мы двое пережили это неожиданное событіе. Исключая насъ, весь экипажъ, находившійся на палубѣ, былъ смытъ—капитанъ и штурманы несомнѣнно погибли во время сна, потому что каюты были залиты водой. Безъ какой-нибудь посторонней помощи мы врядъ ли могли сдѣлать что-нибудь для того, чтобы спасти корабль, и всякія усилія были сперва парализованы ежеминутнымъ ожиданіемъ гибели. Нашъ ка-

натъ, конечно, лопнулъ, какъ тонкая бичевка, при первомъ же взрывѣ урагана, въ противномъ случаѣ мы тотчасъ же были бы поглощены моремъ. Съ ужасающей быстротой мы мчались теперь по морю и видѣли, какъ вода дѣлаетъ въ кораблѣ трещины. Срубъ кормы былъ сильно расщепленъ, и почти повсюду мы получили значительныя поврежденія; но къ крайней нашей радости насосы не были повреждены, и въ балластѣ не произошло значительныхъ передвиженій. Главное бѣшенство бури уже миновало, и со стороны вѣтра намъ не угрожало особенной опасности; но мы съ ужасомъ думали, что порывы вихря могутъ совсѣмъ прекратиться, такъ какъ не могли не видѣть, что тогда корабль, въ своемъ полуразрушенномъ состояніи, неминуемо погибнетъ подъ напоромъ ужасающихъ валовъ. Однако, такое справедливое опасеніе, повидимому, не должно было скоро оправдаться. Цѣлые пять дней и пять ночей— въ теченіи которыхъ нашимъ единственнымъ пропитаніемъ было небольшое количество тростниковаго сахару, съ трудомъ добытаго изъ бака — корпусъ корабля устремлялся съ невообразимой поспѣшностью, подъ дуновеніемъ быстро смѣнявшихся порывомъ вихря, который, не будучи равенъ по силѣ первому взрыву самума, все же былъ настолько страшенъ, что подобнаго смятенія воздуха до тѣхъ поръ я никогда не видалъ. Первые четыре дня мы плыли, съ небольшимъ уклономъ, къ юго-востоку и къ югу; должно быть, мы направлялись къ берегу Новой Голландіи. На пятый день стало чрезвычайно холодно, хотя вѣтеръ передвинулся на одинъ градусъ къ сѣверу. Встало солнце, съ болѣзненно-желтымъ сіяніемъ, оно едва поднялось надъ горизонтомъ, не распространяя настоящаго свѣта. На небѣ не виднѣлось облаковъ, но вѣтеръ возросталъ, и дулъ съ какимъ-то тревожнымъ непостояннымъ бѣшенствомъ. Около полудня, насколько мы могли судить о времени, вниманіе наше было снова привлечено видомъ солнца. Отъ него не исходило свѣта въ собственномъ смыслѣ этого слова, но оно было ис-

полнено мертваго и пасмурнаго блеска безъ отраженія, какъ будто лучи его были поляризованы. Передъ тѣмъ какъ оно должно было опуститься за поверхность вздутаго моря, его центральные огни внезапно исчезли, какъ бы мгновенно погашенные какою-то непостижимой силой, и только туманное серебристое кольцо ринулось въ бездонный океанъ.

Мы напрасно дожидались разсвѣта, который возвѣстилъ бы намъ о пришествіи шестого дня — этотъ день для меня не насталъ—для Шведа онъ не наступилъ никогда. Мы погрузились съ тѣхъ поръ въ непроглядный мракъ, такъ что намъ ничего не было видно на разстояніи десяти футовъ отъ корабля. Часы проходили, а насъ продолжала окутывать безпрерывная ночь, не озаренная даже тѣмъ фосфорическимъ блескомъ моря, къ которому мы привыкли подъ тропиками. Мы замѣтили, кромѣ того, что, хотя буря продолжала неистовствовать, мы не могли больше замѣтить обычныхъ особенностей буруна, или пѣны, которая насъ до сихъ поръ сопровождала. Кругомъ былъ только ужасъ, и непроницаемая тьма, и, наводящая отчаяніе, пустыня черноты. Суевѣрный страхъ мало-по-малу овладѣлъ умомъ старика-Шведа, и моя собственная душа была охвачена безмолвнымъ изумленіемъ. Мы оставили всякія заботы о кораблѣ, какъ безполезныя, и, уцѣпившись, насколько возможно крѣпко, за обломокъ бизань-мачты, горестно смотрѣли въ безбрежность океана. У насъ не было возможности считать время, у насъ не было возможности составить какое-нибудь представленіе о томъ, гдѣ мы находимся. Мы, однако, ясно сознавали, что мы ушли на югъ дальше, чѣмъ кто-либо изъ предшествующихъ мореплавателей, и испытывали крайнее изумленіе, не встрѣчая обычныхъ препятствій, въ видѣ ледяныхъ глыбъ. Между тѣмъ каждое мгновенье грозило намъ гибелью—каждый исполинскій валъ стремился поглотить насъ. Морское волненіе превосходило всѣ представленія моей фантазіи, и только чудо могло

насъ спасать отъ угрозъ каждаго губительнаго мига. Мой товарищъ говорилъ о легкости нашего груза, напоминалъ мнѣ о превосходныхъ качествахъ нашего корабля; но я не могъ не чувствовать безнадежности самой надежды, и мрачно приготовился къ смерти, полагая, что она послѣдуетъ не позже какъ черезъ часъ, ибо съ каждымъ пройденнымъ узломъ подъятіе черныхъ ужасающихъ волнъ становилось все страшнѣе и чудовищнѣе. Временами мы задыхались на высотѣ большей, чѣмъ высота полета альбатросовъ — временами мы чувствовали головокруженіе отъ быстроты нашего нисхожденья въ морскую преисподнюю, гдѣ воздухъ становился недвижнымъ, и ни одинъ звукъ не возмущалъ дремоту кракена.

Мы находились на днѣ одной изъ такихъ пропастей, когда быстрый крикъ моего товарища страшно прозвучалъ въ безмолвіи ночи. „Смотрите! смотрите!“ вскричалъ онъ, выкликая прямо въ мои уши, „Господи Боже мой! смотрите! смотрите!“ Пока онъ говорилъ, я увидалъ мрачный, пасмурный отблескъ краснаго свѣта, струившагося по стѣнамъ обширной бездны, гдѣ мы находились, и бросавшаго неровное мерцанье на нашу палубу. Устремивъ глаза вверхъ, я увидалъ зрѣлище, заморозившее кровь въ моихъ жилахъ. На страшной высотѣ, прямо надъ нами, на самомъ краю чудовищнаго обрыва, качался гигантскій корабль, быть можетъ, въ четыре тысячи тоннъ. Хотя онъ находился на вершинѣ вала, болѣе чѣмъ въ сто разъ превосходившаго его собственную высоту, видимыя его очертанія все же оставляли за собой всякій линейный корабль, и всякое суднò Восточной Индійской Компаніи. Его громадный корпусъ угрюмо чернѣлся, не будучи нисколько смягченъ какимъ-либо изъ обычныхъ украшеній. Шеренга мѣдныхъ пушекъ выдвигалась изъ открытыхъ люковъ, и отбрасывала отъ своихъ полированныхъ поверхностей огни безчисленныхъ боевыхъ фонарей, которые качались тамъ и сямъ на снастяхъ. Но что̀ болѣе всего исполнило насъ ужасомъ и изумленіемъ,

это то, что онъ шелъ на всѣхъ парусахъ по этому сверхъестественному морю, и несмотря на этотъ неукротимый ураганъ. Въ первое мгновенье виднѣлись только корабельныя скулы, между тѣмъ какъ весь исполинъ медленно вставалъ изъ неясной и чудовищной пучины, находившейся за нимъ. На одинъ мигъ — мигъ напряженнаго ужаса — онъ взвился на самую вершину этого головокружительнаго вала, помедлилъ, какъ бы опьяненный собственнымъ взмахомъ, и дрогнулъ и заколебался, и — устремился внизъ.

Не знаю, откуда у меня взялось самообладаніе въ эту минуту. Откинувшись назадъ, какъ только я могъ, я безтрепетно ждалъ катастрофы. Корабль нашъ, наконецъ, перестала бороться съ моремъ, и началъ погружаться съ носовой стороны въ воду. Толчокъ стремительной водной массы, сбѣгавшей сверху, поразилъ его въ ту часть сруба, которая уже находилась подъ водой, и, въ неизбѣжномъ результатѣ, съ непобѣдимой силой швырнулъ меня на снасти чужого корабля.

Когда я падалъ, корабль поднимался на штагѣ, и повертывался на другой галсъ; замѣшательство, происшедшее благодаря этому, и было, повидимому, причиной того, что судовая команда не обратила на меня никакого вниманія. Безъ особенныхъ затрудненій я прошелъ, незамѣченный, къ главному люку, который былъ полуоткрытъ, и вскорѣ нашелъ удобный случай скрыться въ трюмъ. Почему я такъ сдѣлалъ, затрудняюсь сказать. Быть можетъ, неопредѣленное чувство страха, овладѣвшее мной сперва при видѣ этихъ мореплавателей, обусловило мое желаніе скрыться. Я совсѣмъ не былъ расположенъ довѣряться людямъ, въ которыхъ, при самомъ бѣгломъ взглядѣ, замѣтилъ столько чертъ новизны, чего-то возбуждающаго сомнѣніе и предчувствіе. Я счелъ поэтому за лучшее устроить себѣ въ трюмѣ тайникъ, удаливъ съ этой цѣлью часть передвижныхъ обшивныхъ досокъ такимъ образомъ, что онѣ давали мнѣ достаточное убѣжище среди огромныхъ реберъ корабля.

Не успѣлъ я кончить свою работу, какъ шаги, раздавшіеся въ трюмѣ, принудили меня скрыться. Около моего убѣжища невѣрными и слабыми шагами прошелъ какой-то человѣкъ. Лица его я не могъ различить, но обстоятельства позволили мнѣ замѣтить общій его видъ. На немъ лежала несомнѣнная печать дряхлости и преклонности. Колѣни его дрожали, и все тѣло колебалось подъ бременемъ долгихъ лѣтъ. Обращаясь къ самому себѣ, онъ бормоталъ глухимъ и прерывающимся голосомъ какія-то слова, на языкѣ, котораго я понять не могъ, и сталъ копошиться въ углу среди безпорядочной груды какихъ-то, необычайнаго вида, инструментовъ, и обветшавшихъ морскихъ картъ. Всѣ его манеры представляли изъ себя странную смѣсь, это была ворчливость вторичнаго дѣтства и, исполненная достоинства, величавость бога. Въ концѣ концовъ онъ отправился на палубу, и я его больше не видалъ.

* * * *

Душой моей овладѣло чувство, для котораго я не нахожу названія—ощущеніе, которое не поддается анализу; поученія минувшихъ временъ для него недостаточны, и я боюсь, что даже будущее не дастъ мнѣ къ нему никакого ключа. Для ума, подобнаго моему, послѣднее соображеніе является пагубой. Никогда — я знаю, что никогда—мнѣ не удастся узнать ничего относительно самой природы моихъ представленій. И все же нѣтъ ничего удивительнаго, если эти представленія неопредѣленны, ибо они имѣютъ свое начало въ источникахъ совершенно новыхъ. Новое чувство возникло—новая сущность присоединилась къ моей душѣ.

* * * *

Уже много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ я впервые ступилъ на палубу этого страшнаго корабля, и лучи моей судьбы, какъ я думаю, собрались въ одну точку. Непостижимые люди! Погруженные въ размышленія, самую природу которыхъ я разгадать не въ состояніи, они прохо-

дятъ предо мною, не замѣчая меня. Скрываться отъ нихъ— крайнее безуміе съ моей стороны, ибо *они не хотятъ* видѣть. Я только что прошелъ передъ самыми глазами штурмана; не такъ давно я рискнулъ пробраться въ собственную каюту Капитана, и досталъ оттуда матеріалъ, съ помощью котораго я пишу теперь, и записалъ все предъидущее. Время отъ времени я буду продолжать свой дневникъ. Это правда, у меня нѣтъ никакихъ средствъ передать его міру, но я попытаюсь какъ-нибудь устроиться. Въ послѣднюю минуту я положу манускриптъ въ бутылку, и брошу ее въ море.

* * * *

Произошло событіе, которое дало мнѣ пищу для новыхъ размышленій. Являются ли такія вещи дѣйствіемъ непостижимой случайности? Я рискнулъ выйти на палубу и, не обративъ на себя ничьего вниманія, улегся среди груды выблинокъ и старыхъ парусовъ, на днѣ ялика. Размышляя о странностяхъ моей судьбы, я совершенно безсознательно взялъ находившуюся здѣсь мазилку для смолы и сталъ мазать края только что сложеннаго лиселя, лежавшаго около меня на боченкѣ. Лисель теперь выгнутъ и красуется на кораблѣ, а случайные мазки сложились въ слово Открытіе.

За послѣднее время я сдѣлалъ много наблюденій относительно структуры судна. Хотя оно и хорошо вооружено, оно, какъ я думаю, не представляетъ изъ себя военнаго корабля. Его снасти, конструкція, и общее снаряженіе, являются живымъ отрицаніемъ военныхъ предпріятій. Что̀ корабль изъ себя *не представляетъ*, мнѣ легко понять, но что̀ онъ изъ себя *представляетъ*,—это, я боюсь, невозможно сказать. Не знаю, какимъ образомъ, но, внимательно разсматривая его необычайную форму и странный характеръ его мачтъ, его гигантскій ростъ и чрезмѣрный запасъ парусинъ, его носъ, отличающійся строгой простотой, и старинную обветшавшую корму, я чувствую, что въ моемъ умѣ возникаютъ вспышки смутныхъ ощущеній,

говорящихъ мнѣ о знакомыхъ вещахъ, и съ этими неявственными тѣнями прошлаго всегда смѣшиваются необъяснимыя воспоминанія о древнихъ чужеземныхъ лѣтописяхъ и давнопрошедшихъ вѣкахъ.

* * * *

Я внимательно освидѣтельствовалъ ребра корабля. Онъ выстроенъ изъ матеріала мнѣ неизвѣстнаго. Въ характерѣ дерева есть какія-то поразительныя особенности, дѣлающія его, какъ мнѣ думается, негоднымъ для цѣлей, къ которымъ онъ былъ предназначенъ. Я разумѣю его крайнюю *ноздреватость*, причемъ беру ее независимо отъ тѣхъ червоточинъ, которыя неразрывны съ плаваньемъ по этимъ морямъ, и независимо отъ гнилости, которую нужно отнести на счетъ его возраста. Быть можетъ, мои слова покажутся замѣчаніемъ слишкомъ утонченнымъ, но мнѣ хочется сказать, что это дерево имѣло бы всѣ отличительныя особенности Испанскаго дуба, если бы Испанскій дубъ могъ быть растянутъ какими-нибудь неестественными средствами.

Перечитывая предъидущія строки, я невольно припоминаю остроумное изреченіе одного Голландскаго мореплавателя, стараго бывалаго моряка. „Это вѣрно", имѣлъ онъ обыкновеніе говорить, когда кто-нибудь высказывалъ сомнѣніе въ правдѣ его словъ, „это такъ же вѣрно, какъ то, что есть море, гдѣ самый корабль увеличивается въ ростѣ, какъ живое тѣло моряковъ".

* * * *

Около часа тому назадъ я дерзнулъ войти въ толпу матросовъ, находившихся на палубѣ. Они не обратили на меня никакого вниманія, и, хотя я стоялъ среди нихъ, въ самой серединѣ, они, казалось, совершенно не сознавали моего присутствія. Подобно тому старику, котораго я впервые увидалъ въ трюмѣ, всѣ они носятъ на себѣ печать сѣдой старости. Ихъ слабыя колѣна дрожатъ; ихъ согбенныя плечи свидѣтельствуютъ о престарѣлости; ихъ сморщенная кожа шуршитъ подъ вѣтромъ; ихъ голоса глухи, не-

вѣрны, и прерывисты; въ ихъ глазахъ искрится слезливость годовъ; и сѣдые ихъ волосы страшно развѣваются подъ бурей. Вкругъ нихъ, на палубѣ, вездѣ разбросаны математическіе инструменты самой причудливой архаической формы.

* * * *

Я упомянулъ нѣсколько времени тому назадъ, что лисель былъ водруженъ на кораблѣ. Съ этого времени корабль, какъ бы насмѣхаясь надъ враждебнымъ вѣтромъ, продолжаетъ свое страшное шествіе къ югу, нагромоздивъ на себя всѣ паруса; онъ увѣшанъ ими съ клотовъ до нижнихъ багровъ, и ежеминутно устремляетъ свои брамъ-реи въ самую чудовищную преисподнюю морскихъ водъ, какую только можетъ вообразить себѣ человѣческій умъ. Я только что оставилъ палубу, я не могъ тамъ держаться на ногахъ, хотя судовая команда, повидимому, не ощущаетъ ни малѣйшихъ неудобствъ. Мнѣ представляется чудомъ изъ чудесъ, что вся эта громадная масса нашего корабля не поглощена водою сразу и безвозвратно. Нѣтъ сомнѣнія, мы присуждены безпрерывно колебаться на краю вѣчности, не погружаясь окончательно въ ея пучины. Съ волны на волну, изъ которыхъ каждая въ тысячу разъ болѣе чудовищна, чѣмъ всѣ гигантскія волны, когда-либо видѣнныя мной, мы скользимъ съ быстрой легкостью морской чайки; и исполинскія воды вздымаютъ свои головы, подобно демонамъ глубинъ, но подобно демонамъ, которымъ дозволено только угрожать, и воспрещено разрушать. То обстоятельство, что мы постоянно ускользаемъ отъ гибели, я могу приписать лишь одной естественной причинѣ, способной обусловить такое явленіе. Я долженъ предположить, что корабль находится въ полосѣ какого-нибудь сильнаго потока, или могучаго подводнаго буксира.

* * * *

Я встрѣтился съ капитаномъ лицомъ къ лицу, въ его собственной каютѣ—но, какъ я ожидалъ, онъ не обратилъ на меня никакого вниманія. Хотя для случайнаго наблю-

дателя въ его наружности не было ничего, что могло бы свидѣтельствовать о немъ больше или меньше, чѣмъ о человѣкѣ, однако я не могъ не смотрѣть на него иначе какъ съ чувствомъ непобѣдимой почтительности, и страха, смѣшаннаго съ изумленіемъ. Онъ почти одинаковаго со мной роста; т. е., около пяти футовъ и восьми дюймовъ. Онъ хорошо сложенъ, не очень коренастъ, и вообще ничѣмъ особеннымъ не отличается. Но въ выраженіи его лица господствуетъ что-то своеобразное; это—неотрицаемая, поразительная, заставляющая дрогнуть, очевидность преклоннаго возраста, такого глубокаго, такого исключительнаго, что въ моей душѣ возникаетъ чувство—ощущеніе несказанное. На лбу у него мало морщинъ, но на немъ лежитъ печать, указывающая на миріады лѣтъ. Его сѣдыя волосы—лѣтописи прошлаго, его бѣловато-сѣрые глаза—сибиллы будущаго. Весь полъ каюты былъ заваленъ странными фоліантами, заключенными въ желѣзные переплеты, запыленными научными инструментами, и архаическими картами давно - забытыхъ временъ. Онъ сидѣлъ, склонивъ свою голову на руки, и безпокойнымъ огнистымъ взоромъ впивался въ бумагу, которую я принялъ за государственное повелѣніе, и на которой, во всякомъ случаѣ, была подпись монарха. Онъ бормоталъ про себя—какъ это дѣлалъ первый морякъ, котораго я видѣлъ въ трюмѣ—какія-то глухія ворчливыя слова на чужомъ языкѣ; и, хотя онъ былъ со мною рядомъ, его голосъ достигалъ моего слуха какъ бы на разстояніи мили.

* * * *

Корабль, вмѣстѣ со всѣмъ, что есть на немъ, напоенъ духомъ Древности. Матросы проскользаютъ туда и сюда, подобно призракамъ погибшихъ столѣтій; въ ихъ глазахъ свѣтится безпокойное нетерпѣливое выраженіе; и когда, проходя, я вижу ихъ лица подъ дикимъ блескомъ военныхъ фонарей, я чувствую то, чего не чувствовалъ никогда, хотя всю жизнь свою я изучалъ міръ древностей,

и впиталъ въ себя тѣни поверженныхъ колоннъ Бальбека, и Тадмора, и Персеполиса, пока, наконецъ, моя собственная душа не стала руиной.

* * * *

Когда я смотрю вокругъ себя, мнѣ стыдно за свои прежнія предчувствія. Если я трепеталъ при видѣ бури, которая донынѣ сопровождала насъ, не долженъ ли я приходить теперь въ ужасъ при видѣ борьбы океана и вѣтра, по отношенію къ которой слова шквалъ и самумъ кажутся пошлыми и безцвѣтными? Въ непосредственной близости отъ корабля виситъ мракъ черной ночи, и безумствуетъ хаосъ безпѣнныхъ водъ; но, приблизительно на разстояніи одной лиги отъ насъ, съ той и съ другой стороны, виднѣются, неясно и на разномъ разстояніи, огромные оплоты изо льда, возносящіеся въ высь безутѣшнаго неба, и кажущіеся стѣнами вселенной.

* * * *

Какъ я предполагалъ, корабль находится въ полосѣ теченія—если только это названіе можетъ быть примѣнено къ могучему морскому приливу, который, съ ревомъ и съ грохотомъ, отражаемымъ бѣлыми льдами, мчится къ югу, съ поспѣшностью, подобной безумному порыву водопада.

* * * *

Постичь ужасъ моихъ ощущеній, я утверждаю, невозможно; но жадное желаніе проникнуть въ тайны этихъ страшныхъ областей перевѣшиваетъ во мнѣ даже отчаяніе, и можетъ примирить меня съ самымъ отвратительнымъ видомъ смерти. Вполнѣ очевидно, что мы бѣшено стремимся къ какому-то волнующему знанію — къ какой-то тайнѣ, которой никогда не суждено быть переданной, и достиженіе которой есть смерть. Быть можетъ, это теченіе влечетъ насъ къ южному полюсу. Я долженъ признаться, что это предположеніе, повидимому такое безумное, имѣетъ въ свою пользу всѣ вѣроятія.

* * * *

Судовая команда бродитъ по палубѣ безпокойными невѣрными шагами; но въ выраженіи этихъ лицъ больше безпокойства надежды, нежели равнодушія отчаянія.

Между тѣмъ вѣтеръ все еще бьется въ нашу корму, и такъ какъ развѣвается цѣлая масса парусовъ, корабль временами приподнимается изъ моря! О, ужасъ ужасовъ!—ледъ внезапно открывается справа и слѣва, и мы съ головокружительной быстротой начинаемъ вращаться по гигантскимъ концентрическимъ кругамъ, все кругомъ и кругомъ по окраинамъ исполинскаго ледяного полукруга, стѣны котораго вверху поглощены мракомъ и пространствомъ. Но у меня нѣтъ времени размышлять о моей участи! Круги быстро суживаются—съ бѣшенымъ порывомъ мы погружаемся въ тиски водоворота—и среди завываній океана, среди рева и грохота бури, корабль содрогается, и—Боже мой!—онъ идетъ ко дну!

МАСКА КРАСНОЙ СМЕРТИ.

„Красная Смерть“ давно уже опустошала страну. Никакая чума никогда не была такой роковой и чудовищной. Ея воплощеніемъ и печатью была кровь — красный цвѣтъ и ужасъ крови. Болѣзнь начиналась острыми болями и внезапнымъ головокруженіемъ; затѣмъ черезъ поры просачивалась торопливыми каплями кровь, и наступала смерть. Ярко-красныя пятна, распространявшіяся по тѣлу, и въ особенности по лицу жертвы, были проклятіемъ, которымъ эта моровая язва мгновенно лишала больного помощи и состраданія его ближнихъ; весь ходъ болѣзни, съ ея развитіемъ, возростаніемъ, и концомъ, былъ дѣломъ получаса.

Но Принцъ Просперо былъ веселъ и безтрепетенъ и мудръ. Послѣ того какъ его владѣнія были наполовину опустошены, онъ созвалъ тысячу веселыхъ и здоровыхъ друзей изъ числа придворныхъ рыцарей и дамъ, и удалился съ ними въ строгое уединеніе, въ одно изъ своихъ укрѣпленныхъ аббатствъ. Обширное и пышное зданіе было дѣтищемъ собственной фантазіи принца, эксцентричной, но величественной. Вкругъ аббатства шла высокая плотная стѣна. Въ стѣнѣ были желѣзныя двери. Придворные, войдя сюда, принесли горнъ и тяжелые молоты, и спаяли засовы. Они рѣшились устранить всякую возможность вторженія

внезапныхъ порывовъ отчаянія извнѣ и лишить безуміе возможности вырваться изнутри. Аббатство было съ избыткомъ снабжено необходимыми жизненными припасами. При такихъ предосторожностяхъ придворные могли смѣяться надъ заразой. Внѣшній міръ долженъ былъ заботиться о себѣ самъ. А пока—скорбѣть или размышлять—было безуміемъ. Принцъ не забылъ ни объ одномъ изъ источниковъ наслажденія. Тамъ были шуты, импровизаторы, музыканты, танцовщики и танцовщицы, тамъ были красавицы, было вино. Всѣ эти услады и безопасность были внутри. Внѣ была „Красная Смерть“.

Это было къ концу пятаго или шестого мѣсяца затворнической жизни, и въ то время какъ чума свирѣпствовала за стѣнами самымъ неукротимымъ образомъ — Принцъ Просперо пригласилъ свою тысячу на маскированный балъ, отличавшійся самымъ необыкновеннымъ великолѣпіемъ.

Что за пышно-чувственную картину представлялъ изъ себя этотъ маскарадъ! Но я хочу прежде сказать о комнатахъ, гдѣ происходило празднество. Ихъ было семь— царственная анфилада. Во многихъ дворцахъ, однако, такія анфилады образуютъ длинную и прямую перспективу, причемъ створчатыя двери съ той и съ другой стороны плотно прилегаютъ къ стѣнамъ, и такимъ образомъ взглядъ безпрепятственно можетъ прослѣдить всю перспективу отъ начала до конца. Здѣсь же было нѣчто совершенно иное, какъ и слѣдовало ожидать отъ герцога, при его любви ко всему *причудливому*. Покои были расположены неправильно, такимъ образомъ, что взгляду открывалась сразу только одна комната. Черезъ каждые двадцать — тридцать ярдовъ слѣдовалъ рѣзкій поворотъ, и при каждомъ поворотѣ новый эффектъ. Направо и налѣво, въ срединѣ каждой стѣны, высилось узкое Готическое окно, выходившее въ закрытый коридоръ, который тянулся, слѣдуя всѣмъ изгибамъ анфилады. Въ этихъ окнахъ были цвѣтныя стекла, причемъ

окраска ихъ мѣнялась въ соотвѣтствіи съ господствующимъ цвѣтомъ той комнаты, въ которую открывалось окно. Такъ, напримѣръ, крайняя комната съ восточной стороны была обита голубымъ, и окна въ ней были ярко-голубыя. Во второй комнатѣ и обивка и украшенія были пурпурнаго цвѣта, и стѣны здѣсь были пурпурными. Третья вся была зеленой, зелеными были и окна. Четвертая была украшена и освѣщена оранжевымъ цвѣтомъ, пятая—бѣлымъ, шестая — фіолетовымъ. Седьмой залъ былъ весь задрапированъ чернымъ бархатомъ, который покрывалъ и потолокъ и стѣны, ниспадая тяжелыми складками на коверъ такого же цвѣта. Но только въ этой комнатѣ, въ единственной, окраска оконъ не совпадала съ окраской обстановки. Стекла здѣсь были ярко-краснаго цвѣта— цвѣта алой крови. Нужно сказать, что ни въ одномъ изъ семи чертоговъ не было ни лампъ, ни канделябровъ среди многочисленныхъ золотыхъ украшеній, расположенныхъ тамъ и сямъ, или висѣвшихъ со сводовъ. Во всей анфиладѣ комнатъ не было никакого источника свѣта, ни лампы, ни свѣчи; но въ коридорахъ, примыкавшихъ къ покоямъ, противъ каждаго окна стоялъ тяжелый треножникъ съ жаровней, онъ устремлялъ свои лучи сквозь цвѣтныя стекла, и ярко освѣщалъ внутренность этихъ чертоговъ. Такимъ путемъ создавалось цѣлое множество пестрыхъ фантастическихъ видѣній. Но въ черной комнатѣ, находившейся на западѣ, эффектъ огнистаго сіянія, струившагося черезъ кровавыя стекла на темныя завѣсы, былъ чудовищенъ до крайности, и придавалъ такое странное выраженіе лицамъ тѣхъ, кто входилъ сюда, что немногіе изъ общества осмѣливались вступать въ ея предѣлы.

Именно въ этомъ покоѣ стояли противъ западной стѣны гигантскіе часы изъ эбеноваго дерева. Ихъ маятникъ покачивался изъ стороны въ сторону съ глухимъ, тяжелымъ, монотоннымъ звукомъ; и когда минутная стрѣлка пробѣгала кругъ циферблата, и приходило мгновеніе, воз-

вѣщающее какой-нибудь часъ, часы испускали изъ своихъ бронзовыхъ легкихъ звонъ, отчетливый, и громкій, и протяжный, и необыкновенно музыкальный, звонъ такой особенный и выразительный, что, по истеченіи каждаго часа, музыканты оркестра должны были на мгновенье прекращать свою музыку, чтобы слушать этотъ звонъ; и фигуры, кружившіяся въ вальсѣ, замедляли свои движенія, и въ весельи всего этого шумнаго общества наступало быстрое смятеніе, и, покуда часы, звеня, говорили, было видно, что самые безумные блѣднѣли, что самые престарѣлые и степенные проводили по лбу руками, какъ бы смущенные мечтой или размышленіемъ; но когда отзвуки совершенно замирали, легкій смѣхъ мгновенно овладѣвалъ собраніемъ; музыканты глядѣли другъ на друга и улыбались, какъ бы извиняясь за свою нервность и свое неразуміе, и тихимъ шопотомъ клялись другъ другу, что, когда опять раздастся бой часовъ, онъ въ нихъ не вызоветъ подобныхъ ощущеній, и потомъ, по истеченіи шестидесяти минутъ (которыя обнимаютъ три тысячи шестьсотъ секундъ убѣгающаго времени), снова раздавался бой часовъ, и снова наступало то же смятеніе и трепетъ и размышленія, какъ прежде.

Но несмотря на все это, пышный праздникъ продолжался и дикій разгулъ не уставалъ. Вкусъ у герцога былъ совершенно особенный. Онъ тонко понималъ цвѣта и эффекты. Онъ презиралъ фешенебельную *благопристойность.* Въ его планахъ было много дерзкой стремительности, его замыслы были озарены варварскимъ блескомъ. Нѣкоторые считали его сумасшедшимъ. Его приближенные знали достовѣрно, что это—не такъ. Нужно было только его видѣть, и слышать, нужно было только съ нимъ соприкасаться, чтобы быть *увѣреннымъ*, что это не—такъ.

Въ значительной части, онъ руководилъ самъ всѣми этими живыми украшеніями, волновавшимися въ семи чертогахъ, въ величественной обстановкѣ ночного праздника; и это его вкусомъ былъ опредѣленъ характеръ масокъ.

Конечно, тутъ было много причудливаго.. Много было блеска и ослѣпительности, и пикантнаго, и фантастическаго — много того, что мы видѣли потомъ въ „Эрнани“. Были фигуры-арабески съ непропорціональными членами. Были безумныя фантазіи, сумасшедшіе наряды. Было много красиваго, безпутнаго, страннаго, были вещи, возбуждающія страхъ, было не мало того, что могло-бы возбуждать отвращеніе. Словомъ, въ этихъ семи чертогахъ бродили живые сны. Они искажались—эти сны—то здѣсь, то тамъ, принимая окраску комнатъ, и какъ-бы производя музыку оркестра звуками своихъ шаговъ и ихъ отзвуками. И, время отъ времени, опять бьютъ эбеновые часы, стоящіе въ бархатномъ чертогѣ; и тогда, на мгновеніе, все утихаетъ, и все молчитъ, кромѣ голоса часовъ. Сны застываютъ въ своихъ очертаніяхъ и позахъ. Но бронзовое эхо замираетъ— оно длится только мигъ—и тихій сдержанный смѣхъ стремится вослѣдъ улетающимъ звукамъ. И снова, волной, разростается музыка, и сны опять живутъ, и сплетаются, кружатся еще веселѣе, чѣмъ прежде, принимая окраску разноцвѣтныхъ оконъ, черезъ которыя струятся лучи изъ треножниковъ. Но въ комнату, лежащую на крайней точкѣ къ западу изъ всѣхъ семи, не осмѣливается больше войти ни одинъ изъ пирующихъ; ибо ночь проходитъ; и свѣтъ все болѣе красный струится черезъ стекла цвѣта алой крови; и чернота траурныхъ ковровъ устрашаетъ; и если кто осмѣлится ступить на траурный коверъ, тому близкіе эбеновые часы посылаютъ заглушенный звонъ, болѣе торжественный въ своей выразительности, чѣмъ какіе-либо звуки, достигающіе слуха *тѣхъ*, кто безпечно кружится въ другихъ отдаленныхъ чертогахъ, исполненныхъ кипящаго веселья.

А въ этихъ чертогахъ толпа кишитъ, и пульсъ жизни бьется здѣсь лихорадочно. И бѣшено проносились мгновенья разгульнаго празднества, пока, наконецъ, не начался бой часовъ, возвѣщающій полночь. И тогда, какъ я сказалъ,

музыка умолкла; и фигуры, кружащіяся въ вальсѣ, застыли неподвижно; и все безпокойно замерло, какъ прежде. Но теперь тяжелый маятникъ долженъ былъ сдѣлать двѣнадцать ударовъ; и потому-то, быть можетъ, случилось, что больше мысли, съ бо̀льшимъ временемъ, проскользнуло въ души тѣхъ, кто размышлялъ, между тѣхъ, кто веселился. И, быть можетъ, также, по этой причинѣ нѣкоторые изъ толпы, прежде чѣмъ послѣдній отзвукъ послѣдняго удара потонулъ въ безмолвіи, успѣли замѣтить замаскированную фигуру, которая до тѣхъ поръ не привлекала ничьего вниманія. И вѣсть объ этомъ новомъ гостѣ распространилась кругомъ вмѣстѣ съ звуками шопота, и, наконецъ, все общество было охвачено какимъ-то гуломъ, или ропотомъ, выражавшимъ сперва неодобренье и удивленіе — а потомъ, страхъ, ужасъ, и отвращеніе.

Весьма понятно, что въ собраніи призраковъ, подобномъ тому, которое я описалъ, нужно было что-нибудь незаурядное, чтобы вызвать такое впечатлѣніе. Дѣйствительно, карнавальный разгулъ въ этотъ поздній часъ ночи былъ почти безграниченъ; однако, новый гость перещеголялъ всѣхъ, и вышелъ даже за предѣлы того свободнаго костюма, который былъ на принцѣ. Въ сердцахъ тѣхъ, кто наиболѣе безпеченъ, есть струны, которыхъ нельзя касаться, не возбуждая волненія. И даже для тѣхъ безвозвратно потерянныхъ, кому жизнь и смерть равно представляются шуткой, есть вещи, которыми шутить нельзя. На самомъ дѣлѣ, все общество, повидимому, глубоко чувствовало теперь, что въ костюмѣ и въ манерахъ пришлеца не было ни остроумія, ни благопристойности. Незнакомецъ былъ высокъ и костлявъ, и съ головы до ногъ онъ былъ закутанъ въ саванъ. Маска, скрывавшая его физіономію, до такой степени походила на лицо окоченѣвшаго трупа, что самый внимательный взглядъ затруднился бы открыть обманъ. Все это, однако, веселящіеся безумцы могли-бы снести, если и не одобрить. Но гость былъ такъ дерзокъ, что принялъ выраженіе Красной

Смерти. Его одежда была запачкана *кровью*—его широкій лобъ и всѣ черты его лица были обрызганы ярко-красными пятнами, говорящими объ ужасѣ.

Когда взглядъ Принца Просперо обратился на это видѣніе (которое прогуливалось въ толпѣ, между пляшущихъ, медленно и торжественно, какъ бы желая полнѣе выдержать роль), всѣ замѣтили, какъ въ первую минуту лицо его исказилось рѣзкой дрожью страха или отвращенія; но въ слѣдующее же мгновеніе чело его вспыхнуло отъ гнѣва.

„Кто посмѣлъ?“ спросилъ онъ хриплымъ голосомъ придворныхъ, стоявшихъ около него—„кто посмѣлъ оскорбить насъ этой кощунственной насмѣшкой? Схватить его и снять съ него маску! Пусть намъ будетъ извѣстно, кого мы повѣсимъ при восходѣ солнца на стѣнныхъ зубцахъ!“

Эти слова Принцъ Просперо произнесъ въ восточной голубой комнатѣ. Они громко и явственно прозвучали черезъ всѣ семь комнатъ — ибо принцъ былъ бравымъ и могучимъ человѣкомъ, и музыка умолкла по мановенію его руки.

Въ голубой комнатѣ стоялъ принцъ, окруженный группой блѣдныхъ придворныхъ. Сперва, когда онъ говорилъ, въ этой группѣ возникло легкое движеніе по направленію къ непрошенному гостю, который въ это мгновеніе былъ совсѣмъ близко, и теперь, размѣренной величественной походкой, приближался все болѣе и болѣе къ говорящему. Но какой-то неопредѣленный страхъ, внушенный безумной дерзостью замаскированнаго, охватилъ всѣхъ, и въ толпѣ не нашлось никого, кто осмѣлился бы наложить на незнакомца свою руку; такимъ образомъ онъ безъ помѣхи приблизился къ принцу на разстояніе какого-нибудь шага; и покуда многолюдное собраніе, какъ бы движимое однимъ порывомъ, отступало отъ центровъ комнатъ къ стѣнамъ, онъ безпрепятственно, но все тѣмъ же торжественнымъ размѣреннымъ шагомъ, отличавшимъ его сначала, продолжалъ свой путь, изъ голубой комнаты въ пурпурную — изъ пурпурной въ

зеленую — изъ зеленой въ оранжевую — и потомъ въ бѣлую — и потомъ въ фіолетовую — и никто не сдѣлалъ даже движенія, чтобы задержать его. Тогда-то Принцъ Просперо, придя въ безумную ярость и устыдившись своей минутной трусости, бѣшено ринулся черезъ всѣ шесть комнатъ, между тѣмъ какъ ни одинъ изъ толпы не послѣдовалъ за нимъ, по причинѣ смертельнаго страха, оковавшаго всѣхъ. Онъ потрясалъ обнаженнымъ кинжаломъ, и приближался съ бурной стремительностью, и между нимъ и удаляющейся фигурой было не болѣе трехъ-четырехъ шаговъ, какъ вдругъ незнакомецъ, достигнувъ крайней точки бархатнаго чертога, быстро обернулся и глянулъ на своего преслѣдователя. Раздался рѣзкій крикъ — и кинжалъ, сверкнувъ, скользнулъ на черный коверъ, и, мгновенье спустя, на этомъ коврѣ, объятый смертью, распростерся Принцъ Просперо. Тогда, собравши все безумное мужество отчаянія, толпа веселящихся мгновенно ринулась въ черный покой, и, съ дикой свирѣпостью хватая замаскированнаго пришлеца, высокая фигура котораго стояла прямо и неподвижно въ тѣни эбеновыхъ часовъ, каждый изъ нихъ задыхался отъ несказаннаго ужаса, видя, что подъ саваномъ и подъ мертвенной маской не было никакой осязательной формы.

И тогда для всѣхъ стало очевиднымъ присутствіе Красной Смерти. Она пришла, какъ воръ въ ночи; и одинъ за другимъ веселящіеся пали въ этихъ пиршественныхъ чертогахъ, обрызганныхъ кровавой росой, и каждый умеръ, застывъ въ той позѣ, какъ упалъ; и жизнь эбеновыхъ часовъ изсякла вмѣстѣ съ жизнью послѣдняго изъ веселившихся; и огни треножниковъ погасли; и тьма и разрушеніе, и Красная Смерть простерли надо всѣмъ свое безбрежное владычество.

ПРОДОЛГОВАТЫЙ ЯЩИКЪ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я запасся билетомъ на проѣздъ изъ Чарльстона въ Нью-Йоркъ на пакетботѣ „Independence“, капитаномъ котораго былъ Мистеръ Харди. Мы должны были отплыть, въ случаѣ хорошей погоды, пятнадцатаго Іюня; четырнадцатаго числа я отправился на корабль, чтобы кое-что привести въ порядокъ въ моей каютѣ.

Оказалось, что пассажировъ было очень много, а дамъ болѣе обыкновеннаго. Я замѣтилъ въ росписи нѣсколько знакомыхъ именъ; особенно я обрадовался, увидѣвъ имя Мистера Корнеліуса Вайэта, молодого художника, къ которому я относился съ чувствомъ самой искренней дружбы. Онъ былъ со мной въ К — университетѣ, гдѣ мы много времени проводили вмѣстѣ. Вайэтъ обладалъ обычнымъ темпераментомъ генія, т. е. представлялъ изъ себя смѣсь мизантропіи, повышенной чувствительности, и энтузіазма. Съ этими качествами онъ соединялъ самое пламенное и самое вѣрное сердце, какое когда-либо билось въ человѣческой груди.

Я замѣтилъ, что его имя было помѣчено противъ трехъ каютъ, и, заглянувъ снова въ роспись пассажировъ, увидѣлъ, что онъ взялъ мѣста на проѣздъ для себя, для жены, и для двухъ своихъ сестеръ. Каюты были довольно про-

сторны, и въ каждой было по двѣ койки, одна надъ другой. Правда, эти койки были чрезвычайно узки, такъ что на нихъ не могло помѣщаться болѣе какъ по одному человѣку; все же я не могъ понять, почему для этихъ четырехъ пассажировъ было взято три каюты. Въ это время я какъ разъ былъ въ одномъ изъ тѣхъ капризныхъ состояній духа, которыя дѣлаютъ человѣка ненормально любопытнымъ по поводу малѣйшихъ пустяковъ, и со стыдомъ признаюсь, что я построилъ тогда цѣлый рядъ неумѣстныхъ и свидѣтельствующихъ о неблаговоспитанности догадокъ относительно этого излишняго количества каютъ. Конечно, это нисколько меня не касалось; но тѣмъ не менѣе я съ упорствомъ старался разрѣшить загадку. Наконецъ, я пришелъ къ заключенію, заставившему меня весьма подивиться, какъ это я не пришелъ къ нему раньше. „Это для прислуги, конечно“, сказалъ я, „какой же я глупецъ, что мнѣ раньше не пришла въ голову такая очевидная разгадка!“ Я опять пробѣжалъ роспись — но совершенно ясно увидѣлъ, что съ этой компаніей не было прислуги; раньше, правда, предполагалось захватить съ собой одного человѣка — ибо слова „и прислуга“ были сначала написаны и потомъ вычеркнуты. „Ну, такъ это какой-нибудь лишній багажъ“, сказалъ я себѣ „что-нибудь такое, чего онъ не хочетъ отдать въ трюмъ — хочетъ за чѣмъ-нибудь присмотрѣть самъ — а, нашелъ — это какая-нибудь картина, или что-нибудь въ этомъ родѣ — такъ вотъ о чемъ онъ торговался съ итальянскимъ жидомъ Николино“. Этой мыслью я удовольствовался, и преднамѣренно подавилъ свое любопытство.

Сестеръ Вайэта я зналъ хорошо, это были очень милыя и умныя дѣвушки. Женился онъ только что, и я еще не видалъ его жены. Онъ не разъ однако же говорилъ о ней въ моемъ присутствіи, со свойственнымъ ему энтузіазмомъ. Онъ изображалъ ее какъ совершенство ума и поразительной красоты. И мнѣ такимъ образомъ вдвойнѣ хотѣлось познакомиться съ ней.

Въ тотъ день, когда я зашелъ на корабль (четырнадцатаго числа), Вайэтъ вмѣстѣ съ своими спутницами былъ также тамъ — мнѣ сказалъ это капитанъ — и я прождалъ на палубѣ цѣлый лишній часъ, въ надеждѣ быть представленнымъ новобрачной; но мнѣ было послано извиненіе. „Мистрисъ Вайэтъ нездоровится, она не выйдетъ на палубу до завтра, когда корабль будетъ отплывать“.

Завтрашній день наступилъ; я шелъ изъ своего отеля къ пристани, какъ вдругъ повстрѣчалъ Капитана Харди, который сказалъ мнѣ, что „въ силу обстоятельствъ“ (глупая, но принятая фраза) „онъ полагаетъ, что „Independence“ отплыветъ не раньше, какъ дня черезъ два, и, что, когда все будетъ готово, онъ дастъ мнѣ знать“. Я нашелъ это весьма страннымъ, такъ какъ дулъ свѣжій южный вѣтеръ: но разъ „обстоятельства“ пребывали за сценой, несмотря на упорныя старанія разузнать о нихъ, мнѣ ничего не оставалось, какъ возвратиться домой и насладиться вдоволь моимъ нетерпѣніемъ.

Я не получалъ ожидаемаго извѣщенія отъ капитана почти цѣлую недѣлю. Оно пришло, наконецъ, и я немедленно отправился на палубу; на кораблѣ толпилось множество пассажировъ, и повсюду шла обычная суматоха, предшествующая отплытію. Вайэтъ вмѣстѣ съ своими спутницами прибылъ минутъ черезъ десять послѣ меня. Компанія состояла изъ двухъ его сестеръ, новобрачной, и самого художника — послѣдній находился въ одномъ изъ своихъ обычныхъ приступовъ капризной мизантропіи. Я однако, слишкомъ къ нимъ привыкъ, чтобы обратить на это какое-нибудь вниманіе. Онъ даже не познакомилъ меня съ своей женой — этотъ долгъ вѣжливости, поневолѣ, должна была выполнить его сестра, Маріанъ — очень милая и умная дѣвушка, которая, сказавъ нѣсколько торопливыхъ словъ, познакомила насъ.

Мистрисъ Вайэтъ была закрыта густой вуалью, и когда она приподняла его, отвѣчая на мой поклонъ, при-

знаюсь, я былъ крайне изумленъ. Я удивился бы еще больше, если бы давнишній опытъ не научилъ меня не относиться съ слишкомъ слѣпымъ довѣріемъ къ энтузіазму моего друга художника, когда онъ начиналъ описывать красоту какой-нибудь женщины. Когда темой разговора была красота, я хорошо зналъ, съ какой легкостью онъ уносился въ область чистѣйшей идеальности.

Дѣло въ томъ, что, смотря на Мистрисъ Вайэтъ, я никакъ не могъ не увидѣть въ ней существо положительно плоское. Хотя ее и нельзя было назвать уродомъ, я думаю, она была не слишкомъ далека отъ этого. Одѣта она была однако же съ большимъ вкусомъ—и для меня не было сомнѣнія, что она плѣнила сердце моего друга болѣе прочными чарами ума и души. Сказавъ всего нѣсколько словъ, она тотчасъ же прошла вмѣстѣ съ Мистеромъ Вайэтомъ въ свою каюту.

Мое придирчивое любопытство снова загорѣлось во мнѣ. Прислуги не было — это былъ пунктъ установленный. Я посмотрѣлъ, нѣтъ ли лишняго багажа. Черезъ нѣкоторое время на набережную пріѣхала повозка съ продолговатымъ ящикомъ изъ сосноваго дерева, и, казалось, этого ящика только и ждали. Немедленно по его прибытіи мы подняли паруса, и черезъ нѣкоторое время, благополучно пройдя мелководье, направили нашъ путь въ море.

Упомянутый ящикъ былъ, какъ я сказалъ, продолговатый. Въ немъ было футовъ шесть въ длину, и фута два съ половиной въ ширину; я осмотрѣлъ его внимательно, и постарался замѣтить все въ точности. Форма его была *особенная;* и, едва его увидѣвъ, я тотчасъ же увѣровалъ въ справедливость моей догадки. Какъ вы помните, я пришелъ къ заключенію, что лишній багажъ моего друга заключался въ картинахъ или, по крайней мѣрѣ, въ картинѣ; ибо я зналъ, что въ теченіи нѣсколькихъ недѣль онъ велъ переговоры съ Николино; форма же ящика была такова, что навѣрно въ немъ *должно было* быть ничто иное, какъ копія съ „Тайной

Вечери“ Леонардо; а копія именно съ этой „Тайной Вечери“, сдѣланная Рубини младшимъ, во Флоренціи, какъ я зналъ, нѣкоторое время находилась въ рукахъ Николино. Такимъ образомъ этотъ пунктъ я считалъ достаточно установленнымъ. Я задыхался отъ смѣха, при мысли о моей проницательности. Это былъ, сколько мнѣ извѣстно, первый случай, что Вайэтъ держалъ отъ меня втайнѣ что-нибудь изъ своихъ художническихъ секретовъ. И въ этомъ случаѣ, очевидно, онъ намѣревался надуть меня самымъ рѣшительнымъ образомъ, и контрабандой провезти прекрасную картину въ Нью-Йоркъ подъ самымъ моимъ носомъ, въ надеждѣ, что я ровно ничего объ этомъ не узнаю. Я рѣшилъ потѣшиться надъ нимъ *хорошенько*, и теперь, и послѣ.

Одно обстоятельство всетаки причиняло мнѣ немалое безпокойство. Ящикъ не былъ поставленъ въ лишнюю каюту. Онъ былъ положенъ въ каюту Вайэта, и тамъ оставался, занимая почти все пространство пола, что̀, конечно, должно было причинять большое неудобство и художнику и его женѣ;—въ особенности въ виду того, что деготь или краска, которой была сдѣлана надпись на немъ, размашистыми крупными буквами, издавала рѣзкій, непріятный и, какъ *мнѣ* представлялось, совсѣмъ особенно противный запахъ. На крышкѣ были написаны слова — *„Мистрисъ Аделаидѣ Кёртисъ, Альбани, Нью-Йоркъ. Отъ Корнеліуса Вайэта. Верхъ. Осторожно“*.

Я зналъ, что Мистрисъ Аделаида Кёртисъ, жившая на Альбани, была матерью жены художника; но тогда я посмотрѣлъ на весь этотъ адресъ, какъ на мистификацію, спеціально предназначенную для меня. Я рѣшилъ, конечно, что ящикъ, вмѣстѣ съ содержимымъ, отправится не сѣвернѣе, чѣмъ въ мастерскую моего друга — мизантропа, въ Chambers-Street, въ Нью-Йоркѣ.

Первые три-четыре дня погода была хорошая, хотя попутный вѣтеръ притихъ. Онъ измѣнился въ направ-

леніи къ сѣверу тотчасъ же послѣ того, какъ мы потеряли берегъ изъ виду. Пассажиры, естественно, были возбуждены и склонны къ разговорамъ. Я *долженъ*, однако, исключить изъ этого числа Вайэта и его сестеръ, которые держались чопорно и—я не могъ этого не найти—невѣжливо по отношенію къ остальному обществу. Поведеніе *Вайэта* меня не удивляло. Онъ былъ мраченъ, свыше даже обыкновеннаго—онъ былъ *угрюмъ*—но относительно его я былъ подготовленъ ко всякимъ эксцентричностямъ. Сестеръ я, однако, не могъ извинить. Онѣ уходили въ свои каюты въ теченіи большей части переѣзда и, несмотря на мои неоднократныя понужденія, рѣшительно отказывались заводить знакомство съ кѣмъ бы то ни было изъ пассажировъ.

Сама Мистрисъ Вайэтъ была гораздо болѣе пріятна, т. е. я хочу сказать, она была *болтлива*, а быть болтливой—это серьезная рекомендація на морѣ. Она *необыкновенно* коротко сошлась съ большинствомъ изъ дамъ, и, къ моему глубокому удивленію, выказала недвусмысленную наклонность кокетничать съ мужчинами. Насъ всѣхъ она очень забавляла. Я говорю „*забавляла*" — и врядъ-ли сумѣю объясниться точнѣе. Дѣло въ томъ, что, какъ я скоро увидалъ, публика не столько смѣялась *съ мистрисъ* Вайэтъ, сколько смѣялась *надъ* ней. Мужчины говорили о ней мало, но дамы весьма скоро произнесли свой приговоръ, сказавъ, что она „очень доброе существо, ничего изъ себя не представляетъ по внѣшности, совершенно невоспитанна, и рѣшительно вульгарна". Весьма было удивительно, какъ это Вайэтъ могъ закабалиться въ такое супружество. Общимъ мнѣніемъ была мысль о деньгахъ—но я зналъ, что такого объясненія быть не можетъ; Вайэтъ говорилъ мнѣ, что у нея не было ни одного доллара и никакихъ надеждъ на полученіе денегъ впослѣдствіи. „Онъ женился", сказалъ онъ, „по любви, только по любви; и его возлюбленная была болѣе чѣмъ достойна его любви".

Когда я думалъ объ этихъ словахъ моего друга, сознаюсь, я приходилъ въ неописуемое замѣшательство. Ужь не утратилъ ли онъ на самомъ дѣлѣ обладаніе своими чувствами? Что иное я могъ подумать? *Онъ*, такой утонченный, такой умный, такой требовательный, съ такимъ изысканнымъ пониманіемъ всего, что составляетъ недостатокъ, и съ такимъ острымъ воспріятіемъ красоты! Правда, эта дама, повидимому, была необычайно плѣнена *имъ*—въ особенности въ его отсутствіе—когда она положительно была смѣшна частымъ повтореніемъ того, что̀ сказалъ ея „возлюбленный супругъ, Мистеръ Вайэтъ". Слово „супругъ", повидимому, всегда—пользуясь однимъ изъ ея собственныхъ деликатныхъ выраженій — было „на кончикѣ ея языка". Между тѣмъ всѣ пассажиры замѣтили, что онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ избѣгалъ *ея*, и большей частью запирался одинъ въ своей каютѣ, гдѣ онъ, можно сказать, и проживалъ, предоставляя своей супругѣ полную свободу забавляться, какъ ей вздумается, въ обществѣ, находившемся въ главной каютѣ.

Изъ того, что я видѣлъ и слышалъ, я заключилъ, что художникъ, по необъяснимому капризу судьбы, а можетъ быть повинуясь какой-нибудь вспышкѣ, полной энтузіазма, причудливой страсти, былъ вовлеченъ въ союзъ съ женщиной, которая была безусловно ниже его, и что, какъ естественный результатъ, послѣдовало быстрое и полное отвращеніе. Я жалѣлъ его искреннѣйшимъ образомъ, но это не могло меня заставить совершенно простить ему несообщительность относительно „Тайной Вечери". Въ этомъ я рѣшилъ отомстить за себя.

Однажды онъ вышелъ на палубу, и, взявъ его по обыкновенію подъ руку, я сталъ ходить съ нимъ взадъ и впередъ. Однако же его угрюмость (которую при данныхъ обстоятельствахъ я считалъ вполнѣ натуральной), повидимому, нисколько не уменьшалась. Онъ говорилъ мало, съ видимымъ усиліемъ, и былъ мраченъ. Я рискнулъ раза

два пошутить, и онъ сдѣлалъ болѣзненную попытку улыбнуться. Бѣднякъ!—при мысли о *его женѣ* я удивлялся, что у него еще хватало мужества хотя бы надѣвать маску веселости. Наконецъ, я рѣшился намѣтить прямо въ цѣль. Я началъ съ цѣлаго ряда скрытыхъ недомолвокъ и намековъ по поводу продолговатаго ящика—какъ разъ такимъ образомъ, чтобы дать ему понять, что я *не* вполнѣ былъ слѣпой мишенью или жертвой маленькаго каприза его шутливой мистификаціи. Первымъ моимъ намѣреніемъ было открыть баттарею, находившуюся въ засадѣ. Я сказалъ что-то объ „особенной формѣ *этого* ящика"; и, произнося эти слова, я многозначительно улыбнулся, подмигнулъ, и слегка коснулся его поясницы своимъ указательнымъ пальцемъ.

То, какъ Вайэтъ принялъ эту невинную шутку, убѣдило меня сразу, что онъ помѣшанъ. Сперва онъ такъ уставился на меня, какъ будто онъ находилъ совершенно невозможнымъ постичь остроуміе моего замѣчанія, но по мѣрѣ того какъ эта острота, повидимому, медленно проникала въ его мозгъ, его глаза, въ точномъ соотвѣтствіи съ этимъ, стали выкатываться изъ орбитъ. Потомъ, онъ весь залился краской — потомъ, сдѣлался до отвратительности блѣденъ — потомъ, какъ бы въ высшей степени распотѣшенный моими намеками, онъ началъ громко хохотать, и судорожный смѣхъ его, къ моему изумленію, постепенно возросталъ въ силѣ въ теченіи десяти минутъ или болѣе. Наконецъ, плашмя, онъ тяжко рухнулся на палубу. Когда я подбѣжалъ, чтобы поднять его, по всей видимости онъ былъ *мертвъ*.

Я позвалъ на помощь, и съ большими затрудненіями мы привели его въ чувство. Нѣкоторое время онъ что-то безсвязно говорилъ. Потомъ мы пустили ему кровь и уложили его въ постель. На слѣдующее утро онъ совершенно поправился, насколько дѣло шло о его чисто физическомъ здоровьи. О состояніи его ума я, конечно, не говорю ничего. Во все остальное время переѣзда я избѣгалъ его,

по совѣту капитана, который, повидимому, думалъ то же, что и я, относительно его помѣшательства, но предупредилъ меня, чтобы я не говорилъ ничего объ этомъ никому изъ пассажировъ.

Непосредственно вслѣдъ за припадкомъ Вайэта случилось нѣчто еще болѣе усилившее, и безъ того уже значительно возбужденное во мнѣ, любопытство. Между прочимъ, вотъ что: я былъ очень нервно настроенъ — пилъ слишкомъ много крѣпкаго зеленаго чаю, и плохо спалъ— въ точности говоря, въ теченіи двухъ ночей я не спалъ вовсе. Теперь: моя каюта выходила въ главную каюту, иначе столовую, какъ и вообще всѣ каюты одинокихъ пассажировъ. Три отдѣленія, принадлежавшія Вайэту, были въ задней каютѣ, отдѣлявшейся отъ главной легкою выдвижною дверью, которая не запиралась даже и на ночь. Въ виду того, что мы почти все время пользовались попутнымъ вѣтромъ, и довольно сильнымъ, корабль очень накренялся въ подвѣтренную сторону; и каждый разъ, когда правая сторона корабля была на подвѣтренной сторонѣ, выдвижная дверь между каютами, соскользнувъ, открывалась, и такъ оставалась, ибо никто не хотѣлъ брать на себя труда закрыть ее. Моя койка была расположена такимъ образомъ, что, когда дверь въ моей собственной каютѣ была открыта, равно какъ и упомянутая выдвижная дверь (по причинѣ жары дверь у меня была открыта *всегда)*, я могъ совершенно явственно видѣть въ задней каютѣ все, и именно въ той ея части, гдѣ помѣщались каюты Мистера Вайэта. Прекрасно. Двѣ ночи (*не* подъ рядъ), когда я не спалъ, каждый разъ часовъ около одиннадцати, я совершенно ясно видѣлъ, какъ Мистрисъ Вайэтъ осторожно выходила изъ каюты Мистера Вайэта и входила въ лишнее отдѣленіе, гдѣ и оставалась до разсвѣта. Съ разсвѣтомъ мужъ призывалъ ее, и она возвращалась. Не было сомнѣнія, что въ дѣйствительности они разошлись. У нихъ были отдѣльныя помѣщенія — конечно, въ виду

ожидавшаго ихъ, болѣе продолжительнаго разрыва; такъ вотъ въ чемъ, думалъ я, въ концѣ-концовъ кроется тайна лишней каюты.

Было, кромѣ того, еще одно обстоятельство, весьма меня интересовавшее. Въ теченіи этихъ двухъ безсонныхъ ночей, каждый разъ тотчасъ послѣ исчезновенія Мистрисъ Вайэтъ въ лишней каютѣ, вниманіе мое привлекалось какими-то особенными, осторожными, заглушенными звуками, раздававшимися въ каютѣ ея мужа. Затаивъ дыханіе, я въ теченіи нѣкотораго времени прислушивался къ нимъ и, наконецъ, вполнѣ уразумѣлъ ихъ смыслъ. Звуки эти происходили отъ того, что художникъ открывалъ продолговатый ящикъ съ помощью долота и молотка, причемъ послѣдній былъ, очевидно, для смягченія звука, обернутъ въ что-то мягкое, въ шерсть или въ вату.

Такимъ образомъ, чудилось мнѣ, я могъ различить точный моментъ, когда онъ совершенно высвобождалъ крышку — моментъ, когда онъ отодвигалъ ее и клалъ на нижнюю койку въ своей каютѣ; объ этомъ послѣднемъ, напримѣръ, я узнавалъ по нѣкоторымъ легкимъ стукамъ, которые производила крышка, наталкиваясь на деревянные края койки, въ то время какъ онъ старался *тихонько* положить ее, ибо на полу для нея не было мѣста въ каютѣ. Послѣ этого наступала мертвая тишина, и ни въ первомъ, ни во второмъ случаѣ, вплоть до разсвѣта, я не слыхалъ ничего; развѣ, быть можетъ, я могу упомянуть только о тихомъ рыдающемъ или ропщущемъ звукѣ, такомъ подавленномъ, что его было почти не слышно, если на самомъ дѣлѣ онъ не былъ скорѣе созданъ моимъ собственнымъ воображеніемъ. Я говорю, что это *походило* на рыданіе или тяжелый вздохъ, но, конечно, здѣсь не могло быть ни того, ни другого. Я думаю скорѣе, что это звенѣло въ моихъ собственныхъ ушахъ. Слѣдуя своему обыкновенію, Мистеръ Вайэтъ, безъ сомнѣнія, просто-напросто давалъ полный просторъ одному изъ своихъ увле-

ченій—предавался одному изъ своихъ припадковъ художническаго энтузіазма. Онъ открывалъ продолговатый ящикъ, чтобы усладить зрѣніе скрывавшимся въ немъ художественнымъ сокровищемъ. Въ этомъ не было, однако, ничего, что могло бы заставить его *рыдать*. Я повторяю поэтому, что это просто была причуда моей собственной фантазіи, разстроенной зеленымъ чаемъ добрѣйшаго Капитана Харди. Какъ разъ передъ зарей, въ каждую изъ двухъ упомянутыхъ ночей, я совершенно явственно слышалъ, какъ Мистеръ Вайэтъ снова клалъ крышку на продолговатый ящикъ, и забивалъ гвозди на ихъ старыхъ мѣстахъ, молоткомъ, закутаннымъ во что-то мягкое. Сдѣлавъ это, онъ выходилъ изъ своей каюты, совершенно одѣтый, и вызывалъ Мистрисъ Вайэтъ изъ ея отдѣленія.

Мы были въ морѣ уже семь дней, и только что миновали Мысъ Гаттерасъ, какъ съ юго-запада налетѣла тяжелая буря. До извѣстной степени мы были, однако, къ ней подготовлены, ибо погода въ теченіи нѣкотораго времени предостерегала насъ своими угрозами. Все на кораблѣ, сверху до низу, было приведено въ порядокъ; и такъ какъ вѣтеръ упорно свѣжѣлъ, мы легли въ дрейфъ, оставивъ только контръ-бизань и форъ-марсъ, причемъ они оба были зарифлены.

При такомъ распорядкѣ мы плыли довольно благополучно въ теченіи сорока восьми часовъ—корабль оказался во многихъ отношеніяхъ превосходнымъ судномъ, и не зачерпывалъ воды въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ. По истеченіи двухъ сутокъ, однако же, буря, свѣжѣя, превратилась въ ураганъ, нашъ задній парусъ былъ разорванъ въ клочья, и мы настолько погрузились въ разъятыя хляби, что нѣсколько разъ подрядъ зачерпнули огромное количество воды. Благодаря этому обстоятельству, мы потеряли трехъ человѣкъ, упавшихъ за бортъ, вмѣстѣ съ камбузомъ, и почти всю лѣвую сторону корабельныхъ укрѣпленій. Едва мы успѣли опомниться,

какъ форъ-марсъ разлетѣлся въ куски; мы подняли штагъ-парусъ, и съ его помощью довольно хорошо держались нѣсколько часовъ, причемъ ходъ корабля былъ гораздо правильнѣе, чѣмъ прежде.

Но буря все еще не утихала, и не было никакихъ признаковъ того, что она уляжется. Снасти были дурно прилажены и сильно натянуты; на третій день бури, около пяти часовъ пополудни, бизань-мачта, сильно накренившись къ навѣтренной сторонѣ, рухнула на бортъ. Цѣлый часъ, или даже больше того, при чудовищной качкѣ, мы тщетно пытались освободиться отъ нея, и, прежде чѣмъ намъ это удалось, съ задней части корабля пришелъ плотникъ и сообщилъ, что въ трюмѣ на четыре фута воды. Въ довершеніе къ нашей дилеммѣ, оказалось, что насосы засорены и почти не дѣйствуютъ.

Смятеніе и отчаяніе овладѣли всѣми — мы сдѣлали, однако, попытки облегчить корабль, бросивъ за бортъ возможно большее количество груза, и срѣзавъ двѣ оставшіяся мачты. Въ концѣ концовъ это намъ удалось, но мы попрежнему ничего не могли сдѣлать съ насосами; а течь тѣмъ временемъ быстро усиливалась.

На закатѣ буря значительно уменьшилась въ силѣ, и такъ какъ море вмѣстѣ съ тѣмъ притихло, мы еще продолжали питать слабую надежду спастись въ шлюпкахъ. Въ восемь часовъ пополудни облака разорвались, по направленію къ навѣтренной сторонѣ, и на наше счастье предсталъ полный мѣсяцъ—добрый знакъ, посланный намъ судьбой, и удивительнымъ образомъ оживившій нашъ изнемогавшій духъ.

Послѣ невѣроятныхъ усилій намъ удалось, наконецъ, спустить безъ существенныхъ поврежденій баркасъ, и въ него мы помѣстили весь экипажъ и большую часть пассажировъ. Партія эта отплыла тотчасъ же, и, послѣ разныхъ злоключеній, наконецъ, прибыла благополучно въ Окракокъ-Инлетъ, на третій день послѣ кораблекрушенія.

Четырнадцать пассажировъ, съ капитаномъ, остались на палубѣ, рѣшившись довѣрить свою участь малому гребному судну, находившемуся у кормы. Мы опустили его безъ затрудненій, хотя это было просто чудо, что намъ удалось помѣшать ему опрокинуться, когда оно касалось воды. Въ него сѣли: капитанъ, его жена, Мистеръ Вайэтъ, съ своей семьей, одинъ Мексиканскій офицеръ, вмѣстѣ съ женой и четырьмя дѣтьми, и я, вмѣстѣ съ слугой-негромъ.

У насъ, конечно, не было мѣста ни для чего, кромѣ нѣсколькихъ, безусловно необходимыхъ, инструментовъ, коекакой провизіи, и платья, которое было на насъ; никому даже и въ голову не пришло попытаться что-нибудь спасти. Каково же было всеобщее изумленіе, когда, послѣ того какъ мы отплыли отъ корабля на нѣсколько саженей, Мистеръ Вайэтъ всталъ на своемъ мѣстѣ, и холодно потребовалъ отъ Капитана Харди направить лодку назадъ, чтобы взять въ нее его продолговатый ящикъ!

„Сядьте, Мистеръ Вайэтъ", отвѣтилъ капитанъ нѣсколько сурово. „Вы опрокинете насъ, если не будете сидѣть спокойно. Шкафутъ уже почти весь въ водѣ."

„Ящикъ!" завопилъ Мистеръ Вайэтъ, продолжая стоять, „ящикъ, говорю я вамъ! Капитанъ Харди, вы не можете, вы не *захотите* отказать мнѣ. Онъ вѣситъ самые пустяки — это ничего, совсѣмъ ничего. Во имя матери, которая родила васъ—во имя Бога—во имя вашей надежды на спасеніе, *умоляю* васъ, вернитесь за ящикомъ!"

Капитанъ на мгновенье, казалось, былъ тронутъ этимъ искреннимъ призывомъ художника, но онъ снова принялъ суровое выраженіе, и только сказалъ:

„Мистеръ Вайэтъ, вы—*сумасшедшій*. Я не могу васъ слушать, сядьте, говорю я вамъ, или вы потопите лодку. Постойте—держите его—схватите его!—онъ сейчасъ прыгнетъ за бортъ! Ну, вотъ—я такъ и зналъ—готово!"

Пока капитанъ говорилъ такимъ образомъ, Мистеръ Вайэтъ, дѣйствительно, выпрыгнулъ изъ лодки, и, такъ какъ

мы были еще на подвѣтренней сторонѣ близъ погибавшаго корабля, ему удалось, съ помощью почти сверхчеловѣческихъ усилій, ухватиться за канатъ, висѣвшій съ переднихъ цѣпей. Въ слѣдующее мгновеніе онъ былъ уже на кораблѣ, и бѣшено ринулся въ каюту.

Между тѣмъ насъ отнесло за корму корабля, и, находясь совершенно внѣ предѣловъ его подвѣтренней стороны, мы были предоставлены произволу грознаго моря, все еще бушевавшаго. Мы устремились было назадъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ, но наша маленькая лодка была какъ перышко въ дыханіи бури. Намъ было ясно, что судьба несчастнаго художника свершилась.

Въ то время какъ разстояніе между нами и кораблемъ быстро увеличивалось, сумасшедшій (ибо иначе мы не могли смотрѣть на него) показался возлѣ капитанской каюты, на трапѣ, на который съ силой, казавшейся гигантской, онъ втаскивалъ продолговатый ящикъ. Между тѣмъ какъ мы смотрѣли на него въ крайнемъ изумленіи, онъ быстро обернулъ нѣсколько разъ трехдюймовый канатъ сперва вокругъ ящика, потомъ вокругъ себя. Въ слѣдующее мгновеніе ящикъ и онъ были въ морѣ—они исчезли внезапно, сразу и безвозвратно.

Со взорами, прикованными къ мѣсту гибели, мы нѣкоторое время печально медлили, застывши на веслахъ. Потомъ, сильно гребя, мы поплыли прочь. Молчаніе не прерывалось цѣлый часъ. Наконецъ, я осмѣлился промолвить:

„Замѣтили ли вы, капитанъ, какъ быстро они погрузились въ воду? Не представляетъ ли это изъ себя что-то совершенно необыкновенное? Признаюсь, я питалъ слабую надежду, что онъ въ концѣ-концовъ спасется, когда увидѣлъ, что онъ привязалъ себя къ ящику, и бросился въ море“.

„Они погрузились, какъ имъ и слѣдовало“, отвѣчалъ капитанъ, „какъ камень. Они вскорѣ поднимутся опять, но не прежде, чѣмъ *соль растаетъ*“.

„Соль!“ воскликнулъ я.

„Тссъ“, сказалъ капитанъ, указывая на жену и на сестеръ усопшаго. „Мы поговоримъ объ этомъ при болѣе удобномъ случаѣ“.

Послѣ всяческихъ бѣдъ мы кое-какъ спаслись; но *намъ* судьба благопріятствовала, такъ же какъ и нашимъ сотоварищамъ по несчастію. Полуживые, мы пристали, наконецъ, послѣ четырехъ дней напряженной тревоги, къ бухтѣ, противъ Острова Ронокъ. Мы оставались тамъ недѣлю, не претерпѣли никакихъ непріятностей отъ мѣстныхъ жителей, подбирающихъ морскіе выброски, и, наконецъ, получили возможность достигнуть Нью-Йорка.

Приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ крушенія „Independence“, случай столкнулъ меня съ Капитаномъ Харди на Broadway. Разговоръ нашъ, понятно, перешелъ на это несчастье и въ особенности на прискорбную судьбу бѣдняги Вайэта. Я узналъ слѣдующія подробности:

Художникъ пріобрѣлъ мѣста для себя, жены, двухъ сестеръ, и служанки. Жена его, дѣйствительно, какъ онъ ее описывалъ, была очаровательнѣйшей красивой женщиной. Утромъ четырнадцатаго Іюня (въ тотъ день, какъ я приходилъ на корабль) она внезапно захворала и умерла. Юный супругъ былъ внѣ себя отъ горя — но обстоятельства безусловнымъ образомъ требовали его немедленнаго прибытія въ Нью-Йоркъ. Тѣло обожаемой имъ жены было необходимо отвезти къ ея матери, съ другой же стороны, всеобщій, хорошо извѣстный, предразсудокъ мѣшалъ ему сдѣлать это открыто. Девять пассажировъ изъ десяти скорѣе бѣжали бы съ корабля, нежели отправились бы съ мертвымъ тѣломъ.

Ввиду такой дилеммы Капитанъ Харди распорядился, чтобы тѣло, предварительно частью набальзамированное и уложенное съ большимъ количествомъ соли въ ящикъ соотвѣтственныхъ размѣровъ, было доставлено на бортъ, какъ кладь. Ничего не было сказано о кончинѣ леди; и такъ какъ

то обстоятельство, что Мистеръ Вайэтъ пріобрѣлъ мѣсто для своей жены, было фактомъ установленнымъ, сдѣлалось необходимымъ, чтобы кто-нибудь замѣщалъ ее во время путешествія. На это легко склонили служанку усопшей. Лишняя каюта, первоначально пріобрѣтенная для этой дѣвушки, въ то время какъ ея госпожа была еще жива, теперь была просто удержана. Въ этой каютѣ, какъ само собой разумѣется, спала каждую ночь псевдо-супруга. Днемъ, по мѣрѣ силъ, она играла роль своей госпожи— внѣшность которой, это было тщательно провѣрено, никому изъ пассажировъ не была извѣстна. Мои собственныя невѣрныя предположенія возникли, довольно естественнымъ образомъ, благодаря излишней разсѣянности, излишней наклонности выспрашивать, и излишней нетерпѣливости. Но за послѣднее время мнѣ не часто удается крѣпко уснуть. Есть лицо, которое мучительно возникаетъ передо мной, какъ бы я ни повертывался. Есть истерическій смѣхъ, который неотступно звучитъ въ моихъ ушахъ.

ПОМѢСТЬЕ АРНГЕЙМЪ.

Какъ нѣжная красавица во свѣ
Чуть смотритъ въ небо, очи закрывая,
Волшебный садъ свѣтился въ тишинѣ.
Лазурь небесъ блистаньемъ согрѣвая,
Кругомъ вставала сѣть цвѣтовъ живая.
На ирисахъ, сомкнувшихся толпой,
Роса дышала свѣтомъ и мольбой,
Какъ дышутъ звѣзды въ вечеръ голубой.

Giles Fletcher.

Отъ колыбели до могилы мой другъ Эллисонъ, какъ попутнымъ вѣтромъ, былъ сопровождаемъ преуспѣяніемъ. И не въ чисто мірскомъ смыслѣ употребляю я это слово— преуспѣяніе. Я разумѣю его какъ синонимъ счастья. Человѣкъ, о которомъ я говорю, казалось, былъ рожденъ для того, чтобы нагляднымъ образомъ подтвердить идеи Тюрго, Прайса, Пристли, и Кондорсэ—доставить частный примѣръ того, что было названо химерой перфекціонистовъ. Я думаю, что за краткій періодъ его существованія я видѣлъ опроверженіе догмата, утверждающаго, что въ самой природѣ человѣка есть нѣкоторое скрытое начало, враждебное блаженству. Тщательное изслѣдованіе его участи дало мнѣ понять, что вообще злосчастія человѣчества проистекаютъ отъ нарушенія нѣсколькихъ простыхъ законовъ, управляющихъ человѣческой природой,—

что, какъ извѣстный видъ существъ, мы имѣемъ въ нашемъ распоряженіи элементы счастья, къ которымъ мы еще не прикоснулись — и, что даже теперь, при настоящей смутѣ и безумной спутанности всѣхъ мыслей въ великомъ вопросѣ общежитія, не невозможно, чтобы человѣкъ, какъ отдѣльная личность, при извѣстныхъ, необычныхъ, и въ высокой степени случайныхъ, обстоятельствахъ, былъ счастливъ.

Притомъ, мой юный другъ былъ вполнѣ проникнутъ мыслями, подобными вышеизложеннымъ; и такимъ образомъ нелишнее будетъ замѣтить, что безпрерывная полоса наслажденія, которою отличалась его жизнь, въ значительной степени была результатомъ предумышленности. На самомъ дѣлѣ, вполнѣ очевидно, что при меньшей наличности той инстинктивной философіи, которая время отъ времени такъ хорошо замѣняетъ опытъ, Мистеръ Эллисонъ уже самымъ чрезмѣрнымъ успѣхомъ своей жизни былъ бы вброшенъ во всеобщій водоворотъ несчастья, зіяющій предъ тѣми, кто надѣленъ необычными качествами. Но я отнюдь не задаюсь намѣреніемъ писать этюдъ о счастьи. Идеи моего друга могутъ быть изложены въ нѣсколькихъ словахъ. Онъ допускалъ лишь четыре основные принципа, или, говоря точнѣе, условія блаженства. Главнымъ условіемъ онъ считалъ (странно сказать!) нѣчто простое и чисто физическое: какое-нибудь свободное занятіе на открытомъ воздухѣ. „Здоровье“, говорилъ онъ, „достигаемое какими-нибудь другими средствами, врядъ ли достойно такого наименованія“. Онъ приводилъ въ примѣръ восторги, доступные охотникамъ по красному звѣрю, и указывалъ на земледѣльцевъ, какъ на единственный классъ людей, которые справедливо могутъ считаться болѣе счастливыми, чѣмъ другіе. Вторымъ его условіемъ была женская любовь. Третьимъ, и наиболѣе труднымъ для выполненія, было презрѣніе къ честолюбію. Четвертымъ — какой-нибудь предметъ безпрерывнаго стремленія; и онъ утверждалъ, что, при равенствѣ другихъ ве-

щей, объемъ достижимаго счастья былъ въ прямомъ отношеніи къ возвышенности предмета такого стремленія.

Эллисонъ былъ достопримѣчателенъ этимъ непрестаннымъ обиліемъ благихъ даровъ, расточавшихся для него судьбой. Въ личномъ изяществѣ и красотѣ онъ превосходилъ всѣхъ другихъ. Умъ его былъ такого порядка, что пріобрѣтеніе знаній было для него не столько трудомъ, сколько проникновеніемъ и необходимостью. Его родъ былъ однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ въ государствѣ. Его невѣста была очаровательнѣйшей и преданнѣйшей изъ женщинъ. Его владѣнія всегда были обширными; но, при наступленіи его совершеннолѣтія, обнаружилось, что въ его пользу судьба устроила одну изъ тѣхъ необыкновенныхъ, капризныхъ выходокъ, которыя заставляютъ дрогнуть весь тотъ людской міръ, въ которомъ онѣ возникаютъ, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ не измѣняютъ коренным образомъ весь нравственный составъ тѣхъ, кто является ихъ предметомъ.

Оказывается, что приблизительно за сто лѣтъ передъ тѣмъ, какъ Мистеръ Эллисонъ сдѣлался совершеннолѣтнимъ, въ одной отдаленной провинціи умеръ нѣкій Мистеръ Сибрайтъ Эллисонъ. Этотъ господинъ составилъ, путемъ сбереженій, царское имущество, и, такъ какъ у него не было ближайшихъ родственниковъ, ему заблагоразсудилось пожелать, чтобы его богатство наростало въ теченіи столѣтія послѣ его смерти. Подробнымъ образомъ, и съ большой прозорливостью, означивъ различные способы помѣщенія капитала, онъ завѣщалъ общую его сумму ближайшему изъ кровныхъ родственниковъ, носящихъ имя Эллисона, который оказался бы въ живыхъ по истеченіи столѣтія. Были сдѣланы многочисленныя попытки, чтобы устранить это необыкновенное завѣщаніе; ихъ характеръ *ex post facto* обусловилъ ихъ недѣйствительность; но вниманіе ревниваго правительства было пробуждено, и въ концѣ концовъ былъ созданъ законодательный актъ, воспрещающій всякія по-

добныя накопленія. Этотъ актъ, однако, не помѣшалъ юному Эллисону сдѣлаться на двадцать первомъ году наслѣдникомъ своего предка Сибрайта, и вступить въ обладаніе суммой въ *четыреста пятьдесятъ милліоновъ долларовъ* *).

Когда сдѣлалось извѣстнымъ, какими чудовищными размѣрами отличалось наслѣдство, возникли, конечно, различныя предположенія о способахъ пользованія имъ. Обширность суммы и возможность немедленно ею воспользоваться вскружили голову всѣмъ, кто размышлялъ объ этомъ предметѣ. Относительно обладателя сколько-нибудь *серьезной* суммы можно воображать, что онъ совершитъ любую изъ тысячи вещей. При богатствѣ, лишь просто превышающемъ состояніе другихъ согражданъ, легко себѣ представить его вовлеченнымъ въ крайнія излишества общепринятыхъ въ данную минуту экстравагантностей—или занимающимся политическими интригами—или стремящимся къ министерскому посту—или заботящимся объ увеличеніи знатности—или составляющимъ обширные музеи художественныхъ *шедевровъ*—или играющимъ роль щедраго покровителя литературы, науки, искусства—или сочетающимъ свое имя съ облагодѣтельствованными имъ крупными благотворительными учрежденіями. Но для непостижимаго богатства, находившагося въ рукахъ этого наслѣдника, такія задачи и всѣ

*) Случай, подобный, въ общихъ чертахъ, предположенному здѣсь, произошелъ не такъ давно въ Англіи. Имя счастливаго наслѣдника—Теллесонъ. Я встрѣтилъ впервые разсказъ объ этомъ въ „Tour“, Князя Пёклера Мёскау, который опредѣляетъ унаслѣдованную сумму въ *девяносто милліоновъ фунтовъ стерлинговъ*, и справедливо замѣчаетъ, что „въ разсмотрѣніи суммы такой обширной, и того, что̀ съ ея помощью могло бы быть сдѣлано, есть что-то даже возвышенное“. Въ согласіи со взглядами, выражаемыми въ данномъ очеркѣ, я принялъ утвержденіе Князя, хотя бы оно и было сильно преувеличено. Въ зачаточномъ видѣ, а начало даже цѣликомъ, этотъ очеркъ былъ напечатанъ много лѣтъ тому назадъ—прежде, чѣмъ вышелъ первый номеръ превосходнаго „*Juif Errant*“, Эженя Сю, можетъ быть внушеннаго ему разсказомъ Мёскау.

ординарныя задачи, это чувствовалось, представляли поле слишкомъ ограниченное. Фантазія прибѣгла къ цифрамъ, но онѣ только еще болѣе запутали дѣло. Оказывалось, что, даже при трехъ процентахъ на сто, годовой доходъ отъ наслѣдства возросталъ, ни много, ни мало, до тринадцати милліоновъ пятисотъ тысячъ долларовъ; это составляло милліонъ сто двадцать пять тысячъ въ мѣсяцъ; или тридцать шесть тысячъ девятьсотъ восемьдесятъ шесть въ день; или тысячу пятьсотъ сорокъ одинъ въ часъ; или двадцать шесть долларовъ въ каждую убѣгающую минуту. Такимъ образомъ обычные пути предположеній были совершенно прерваны. Люди не знали, что́ вообразить. Были даже такіе, которые предполагали, что Мистеръ Эллисонъ откажется по крайней мѣрѣ отъ половины своего состоянія, какъ отъ достатка безусловно лишняго—и обогатитъ цѣлое полчище родственниковъ, раздѣливъ между ними свой излишекъ. Ближайшимъ изъ нихъ онъ, дѣйствительно, отдалъ свое, весьма крупное, состояніе, которое ему принадлежало до полученія наслѣдства.

Я, однако, не удивился, замѣтивъ, что онъ уже давно былъ подготовленъ относительно того пункта, который возбуждалъ такія разногласія среди его друзей. Что касалось дѣяній личной благотворительности, онъ удовлетворилъ свою совѣсть. Въ возможность какого-либо, точно говоря, улучшенія, совершеннаго самими людьми въ общихъ условіяхъ жизни людей, онъ (говорю съ прискорбіемъ) вѣрилъ мало. Вообще, къ счастью или къ несчастью, онъ, въ значительной степени, былъ предоставленъ самому себѣ.

Онъ былъ поэтомъ, въ самомъ широкомъ и благородномъ смыслѣ этого слова. Онъ понималъ, кромѣ того, истинный характеръ величественной цѣли, высокую торжественность и достоинство поэтическаго чувства. Самое полное, если только не единственно вѣрное, удовлетвореніе этого чувства онъ инстинктивно видѣлъ въ созданіи новыхъ формъ красоты. Нѣкоторыя особенности, или въ его

раннемъ воспитаніи, или въ самой природѣ его разума, придали всѣмъ его этическимъ умозрѣніямъ окраску такъ называемаго матеріализма; и, быть можетъ, именно эта черта заставила его думать, что, по крайней мѣрѣ, наиболѣе благодарная, если не единственно законная, область поэтическаго творчества кроется въ созданіи новыхъ настроеній чисто *физическаго* очарованія. Такимъ образомъ случилось, что онъ не сдѣлался ни музыкантомъ, ни поэтомъ— если мы употребляемъ этотъ послѣдній терминъ въ его повседневномъ смыслѣ. Или, быть можетъ, онъ не захотѣлъ сдѣлаться ни тѣмъ, ни другимъ, просто преслѣдуя свою мысль, что презрѣніе честолюбія есть одно изъ существенныхъ условій счастья на землѣ. Не является ли, на самомъ дѣлѣ, возможнымъ, что, въ то время какъ высшій разрядъ генія по необходимости честолюбивъ, высочайшій — выше того, что называется честолюбіемъ? И не могло ли, такимъ образомъ, случиться, что многіе, гораздо болѣе великіе, чѣмъ Мильтонъ, спокойно остались „нѣмыми и безвѣстными“? Я думаю, что міръ никогда не видалъ—и что, если только цѣлый рядъ случайностей не вынудитъ какой-нибудь умъ благороднѣйшій къ занятію противному, міръ никогда не увидитъ—полный объемъ торжествующей законченности въ самыхъ богатыхъ областяхъ искусства, на которую человѣческая природа безусловно способна.

Эллисонъ не сдѣлался ни музыкантомъ, ни поэтомъ, хотя не было человѣка, глубже его влюбленнаго въ музыку и въ поэзію. Если бы жизнь его сопровождалась обстоятельствами иными, чѣмъ тѣ, которыя были налицо, не невозможно, что онъ сдѣлался бы художникомъ. Ваяніе, хотя по природѣ своей и строго поэтическое, было слишкомъ ограничено по своему объему и послѣдствіямъ, чтобы когда-нибудь надолго удержать его вниманіе. И я уже назвалъ всѣ тѣ области, гдѣ поэтическое чувство, согласно тому, какъ оно понимается въ общепринятомъ смыслѣ, способно проявляться. Но Эллисонъ утверждалъ, что область самая

богатая, самая истинная, и наиболѣе естественная, если даже не самая обширная изъ всѣхъ, была, необъяснимымъ образомъ, позабыта. Ничего не говорилось о создателѣ садовъ-ландшафтовъ, какъ о поэтѣ; между тѣмъ моему другу казалось, что созданіе сада-ландшафта открывало для истинной Музы цѣлый рядъ самыхъ пышныхъ возможностей. Здѣсь, дѣйствительно, для воображенія былъ полный просторъ—развернуться въ безконечныхъ сочетаніяхъ формъ новой красоты, такъ какъ самые элементы этихъ сочетаній, принадлежа къ высшему порядку, являлись самыми блистательными, какіе только могла доставить земля. Въ многообразіи и многоцвѣтности цвѣтка и дерева онъ видѣлъ самыя непосредственныя и самыя сильныя стремленія Природы къ физическому очарованію. И въ руководящемъ завѣдываніи этими усиліями, или въ ихъ сосредоточеніи, или, говоря точнѣе, въ ихъ приспособленіи къ глазамъ, существующимъ, чтобы созерцать ихъ на землѣ — онъ думалъ найти наилучшее средство — достигнуть наибольшихъ результатовъ — для осуществленія, не только своей собственной судьбы, какъ поэта, но и величественныхъ цѣлей, для которыхъ Божество напечатлѣло въ человѣкѣ поэтическое чувство.

„Въ приспособленіи къ глазамъ, существующимъ, чтобы созерцать ихъ на землѣ“. Объясняя эту фразу, Мистеръ Эллисонъ въ значительной степени приблизилъ меня къ разрѣшенію того, что мнѣ всегда казалось загадкой — я разумѣю тотъ фактъ (никѣмъ, кромѣ невѣждъ, не оспариваемый), что въ природѣ не существуетъ такихъ зримыхъ сочетаній, какія можетъ создать геніальный художникъ. Нѣтъ такихъ эдемовъ въ дѣйствительности, какіе вспыхнули на полотнахъ Клода. Въ самыхъ чарующихъ природныхъ ландшафтахъ всегда встрѣтишь какой-нибудь недостатокъ или что-нибудь лишнее—много лишняго и много недостатковъ. Въ то время какъ составныя части могутъ, каждая въ отдѣльности, посмѣваться надъ высшимъ ис-

кусствомъ художника, распредѣленіе этихъ частей всегда будетъ давать возможность внести улучшеніе. Словомъ, нѣтъ такой точки на обширной поверхности земли, находящейся въ *природной* цѣльности, пристально смотря съ которой, художественный глазъ не нашелъ бы чего-нибудь оскорбительнаго въ томъ, что называется „общимъ составомъ“ ландшафта. И, однако же, какъ это непостижимо! Во всемъ другомъ мы справедливо научены смотрѣть на природу, какъ на нѣчто высшее. Передъ ея отдѣльностями мы съ трепетомъ отказываемся отъ соперничества. Кто вознамѣрится поддѣлать краски тюльпана, или улучшить соразмѣрность лиліи долины? Критика, гласящая, что въ ваяніи или въ портретной живописи природа должна быть скорѣе возвышена или идеализована, нежели передана просто, заблуждается. Никакія живописныя или скульптурныя сочетанія отдѣльныхъ чертъ человѣческаго очарованія не могутъ сдѣлать больше того, какъ только приблизиться къ живой, исполненной дыханія, красотѣ. Лишь въ ландшафтѣ этотъ критическій принципъ вѣренъ; и разъ человѣкъ почувствовалъ его вѣрность въ данномъ случаѣ, только безудержный духъ обобщенія заставилъ его объявить этотъ принципъ приложимымъ и ко всѣмъ областямъ искусства. Я сказалъ, *почувствовалъ* его вѣрность здѣсь; ибо чувство—не аффектація и не химера. Математики не могутъ доставить доказательствъ болѣе безусловныхъ, чѣмъ тѣ, которыя художнику доставляетъ чувство его искусства. Онъ не только вѣритъ, онъ положительно знаетъ, что такія-то и такія-то, повидимому, произвольныя соединенія матеріи образуютъ, и только онѣ однѣ образуютъ, истинную красоту. Его доводы, однако, еще не созрѣли до выраженія. Анализу болѣе глубокому, чѣмъ до сихъ поръ видѣнный міромъ, предстоитъ вполнѣ изслѣдовать и выразить ихъ. Тѣмъ не менѣе его инстинктивныя мнѣнія подтверждены голосомъ всѣхъ его собратьевъ. Пусть извѣстный „общій составъ“ будетъ имѣть недостатки; пусть исправленіе будетъ

внесено въ самый распорядокъ формы; пусть это исправленіе будетъ предоставлено всякому художнику въ мірѣ; каждый признаетъ его необходимость. И мало того: для исправленія основныхъ въ этомъ общемъ составѣ недостатковъ, каждый отдѣльный сочленъ братства укажетъ на тождественное улучшеніе.

Я повторяю, что лишь въ расположеніи ландшафта физическая природа допускаетъ улучшеніе, и что поэтому данное ея свойство было для меня тайною, которую я не могъ разгадать. Собственныя мои мысли относительно этого предмета говорили мнѣ, что первоначальнымъ замысломъ природы было такъ распредѣлить все на земной поверхности, чтобы во всемъ удовлетворить человѣческое чувство совершенства—и въ красивомъ, и въ возвышенномъ, и въ живописномъ; но что этотъ первобытный замыселъ былъ разрушенъ извѣстными геологическими переворотами—переворотами въ формѣ и въ распредѣленіи красокъ, исправленіе или смягченіе которыхъ составляетъ душу искусства. Сила этой идеи была, однако, въ значительной степени ослаблена тѣмъ, что она необходимымъ образомъ заставляла разсматривать земные перевороты какъ нѣчто ненормальное и совершенно непригодное для какой-либо цѣли. И это именно Эллисонъ внушилъ мнѣ, что они были предварительными показателями *смерти*. Онъ говорилъ такимъ образомъ:—Допустимъ, что первоначальнымъ замысломъ было безсмертіе человѣка на землѣ. Передъ нами тогда—первоначальное устроеніе земной поверхности, приспособленное къ его блаженному состоянію, не какъ существующему, но какъ бывшему въ замыслѣ. Перевороты были подготовленіемъ къ его позднѣе задуманному смертному состоянію.

„Теперь“, говорилъ мой другъ, „то, что мы разсматриваемъ, какъ улучшеніе ландшафта, можетъ дѣйствительно быть таковымъ, насколько это касается лишь моральной или человѣческой *точки зрѣнія*. Каждое измѣненіе въ природной сценѣ, весьма возможно, создаетъ на

картинѣ пятно, если мы предположимъ эту картину созерцаемой издали—въ массѣ—съ какой-нибудь точки, далекой отъ земной поверхности, хотя находящейся и не внѣ предѣловъ земной атмосферы. Легко понять, что именно то самое, что можетъ улучшать близко разсматриваемую подробность, можетъ, въ то же самое время, нарушать общее, или зримое съ болѣе далекой точки, впечатлѣніе. *Можетъ* существовать извѣстный классъ существъ, нѣкогда человѣческихъ, но теперь для человѣчества невидимыхъ, для которыхъ, изъ дали, нашъ безпорядокъ можетъ казаться порядкомъ, наша неживописность — живописной; словомъ, земле-ангеловъ, для вниманія которыхъ, болѣе, чѣмъ для нашего вниманія, и для ихъ утонченнаго смертью воспріятія прекраснаго, могли быть созданы Богомъ обширные сады-ландшафты полушарій".

Говоря со мной, мой другъ привелъ слѣдующіе отрывки изъ одного писателя, мнѣнія котораго о садахъ-ландшафтахъ считались весьма существенными:—

„Собственно говоря, есть лишь два стиля сада-ландшафта: природный и искусственный. Одинъ стремится возсоздать первоначальную красоту мѣстности, приспособляя ея элементы къ окружающей сценѣ; культивируя деревья, въ содружественномъ сочетаніи съ холмами или равниною сосѣдней мѣстности; угадывая и воплощая въ действительность эти тонкія отношенія величины, соразмѣрности, и цвѣта, которыя, будучи скрыты отъ зауряднаго созерцателя, повсюду зримы испытанному наблюдателю природы. Конечный результатъ, достигаемый природнымъ стилемъ сада-ландшафта, состоитъ скорѣе въ отсутствіи всякихъ недостатковъ и непріемлемостей — въ господствѣ здравой гармоніи и порядка—чѣмъ въ созданіи какихъ-либо особыхъ дивъ и чудесъ. Искусственный стиль имѣетъ столько же разновидностей, сколько есть разныхъ вкусовъ, предъявляющихъ свой спросъ. Онъ находится въ нѣкоторомъ общемъ отношеніи къ различнымъ стилямъ зданій. Суще-

ствуютъ стройныя аллеи и уютные уголки Версаля; Итальянскія террасы; и разнообразный смѣшанный старый Англійскій стиль, находящійся въ извѣстной связи съ Отечественной Готической или Англійской Елисаветинской архитектурой. Что бы ни говорилось противъ злоупотребленій искусственнымъ садомъ-ландшафтомъ, примѣсь чистаго искусства, въ той или другой части сада, придаетъ ему извѣстную большую красоту. Частью это происходитъ отъ услады зрѣнія, благодаря зримости порядка и замысла, частью это имѣетъ моральный характеръ. Терраса, со старой, обросшей мхомъ, балюстрадой, сразу вызываетъ передъ глазами прекрасныя формы, что проходили здѣсь въ иные дни. Малѣйшее проявленіе искусства есть очевидный знакъ заботливости и человѣческаго интереса".

„Изъ того, что я уже сказалъ", промолвилъ Эллисонъ, „вы можете видѣть, что я отвергаю высказанную здѣсь мысль о возсозданіи первоначальной красоты мѣстности. Первоначальная красота никогда не бываетъ такъ велика, какъ та, которую можно создать. Конечно, все зависитъ отъ выбора мѣста съ надлежащими данными. То, что было сказано объ угадываніи и воплощеніи въ дѣйствительность тонкихъ отношеній величины, соразмѣрности, и цвѣта, является однимъ изъ примѣровъ спутанности языка, служащей для прикрытія неточности мысли. Указанная фраза можетъ означать что-нибудь, можетъ не означать ничего, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть руководящей. Что истинный результатъ природнаго стиля сада-ландшафта можно видѣть скорѣе въ отсутствіи всяческихъ недостатковъ и непріемлемостей, чѣмъ въ созданіи какихъ-либо особыхъ дивъ и чудесъ, это—положеніе, болѣе приспособленное къ шаткимъ мыслямъ толпы, нежели къ пламеннымъ снамъ человѣка геніальнаго. Указанная отрицательная заслуга является принадлежностью той хромающей критики, которая въ литературѣ превознесетъ до небесъ Аддисона. На самомъ дѣлѣ, въ то время какъ достоинство, состоящее

въ простомъ избѣганіи порока, взываетъ непосредственно къ разумѣнію, и можетъ, такимъ образомъ, быть очерчено кругомъ *правила*, болѣе высокое достоинство, вспыхивающее въ творчествѣ, можетъ быть постигаемо только въ своихъ результатахъ. Правило приложимо лишь къ заслугамъ отрицательнымъ — къ достоинствамъ, которыя побуждаютъ къ воздержанію. Внѣ этого, искусство критики можетъ только внушать. Насъ могутъ научить создать „Катона", но намъ тщетно стали бы говорить, *какъ* замыслить Пароенонъ или „Inferno". Но разъ извѣстная вещь сдѣлана—разъ чудо совершилось — способность пониманія дѣлается всеобщей. Софисты отрицательной школы, смѣявшіеся надъ созиданіемъ, благодаря неспособности создавать, теперь громче всѣхъ въ раздачѣ аплодисментовъ. То, что въ хризалидномъ состояніи своего основного начала оскорбляло ихъ вялый разсудокъ, въ завершенности выполненія всегда рождаетъ восторгъ, взывая къ ихъ инстинкту красоты.

„Замѣчанія автора относительно искусственнаго стиля", продолжалъ Эллисонъ, „менѣе подлежатъ возраженію. Примѣсь чистаго искусства въ той или иной части сада придаетъ ему извѣстную большую красоту. Это справедливо; вѣрно также и указаніе на человѣческій интересъ. Выраженную здѣсь основную мысль нельзя оспаривать,— но что-нибудь *можетъ* быть за предѣлами этого. Можетъ быть извѣстный эффектъ въ соотвѣтствіи съ основной мыслью—эффектъ, который недостижимъ при обычныхъ средствахъ, находящихся въ распоряженіи отдѣльной личности, но который, если его достигнуть, могъ бы придать саду-ландшафту очарованіе, далеко превосходящее чары, придаваемыя ощущеніемъ чисто человѣческаго интереса. Поэтъ, имѣющій изъ ряду вонъ выходящія денежныя средства, могъ бы, не отвергая необходимой идеи искусства, или культуры, или, какъ выражается нашъ авторъ, интереса, такъ напитать свои замыслы необычностью размѣровъ и новизной красоты, что онъ достигъ бы впечатлѣнія нѣкоего

духовнаго вмѣшательства. Можно видѣть, что при достиженіи такого результата онъ сохранитъ всѣ выгоды интереса или *замысла,* въ то же время отрѣшая свое произведеніе отъ сухости и отъ технической стороны общепринятаго *искусства.* Въ самой суровой пустынѣ—въ самыхъ дикихъ мѣстахъ никѣмъ нетронутой природы—явно видится *искусство* создателя, но это искусство явно видится только размышленію; ни въ какомъ отношеніи оно не имѣетъ непосредственной силы чувства. Теперь, предположимъ, что это ощущеніе замысла, возникшаго въ умѣ Всемогущаго, *на одну ступень понижено*—что оно приведено какъ бы въ гармоническую или содружественную связь съ чувствомъ человѣческаго искусства — что оно образуетъ какъ бы нѣкое междуцарствіе: — вообразимъ, напримѣръ, какой-нибудь ландшафтъ, сложная обширность и законченность котораго— ландшафтъ, красота котораго, пышность и *странность*— возбуждаютъ представленіе о заботливости, или дѣятельныхъ усиліяхъ, или надзорѣ, со стороны существъ высшихъ, но родственныхъ человѣчеству — тогда ощущеніе *интереса* будетъ сохранено, между тѣмъ какъ вложенное здѣсь искусство будетъ вызывать впечатлѣніе посредствующей или вторичной природы — природы, которая не есть Богъ, и не эманація Бога, но которая все еще остается природой, какъ созданіе ангеловъ, витающихъ между человѣкомъ и Богомъ“.

Въ посвященіи своего огромнаго состоянія осуществленію подобнаго видѣнія — въ свободныхъ занятіяхъ на открытомъ воздухѣ, обусловленныхъ личнымъ надзоромъ за выполненіемъ своихъ плановъ—въ безпрерывномъ стремленіи, этими планами доставляемомъ, въ высокой духовности такого стремленія, въ презрѣніи честолюбія, давшемъ ему возможность истинно ощущать единственную страсть его души, жажду красоты, которую онъ утишалъ, прикасаясь къ вѣчнымъ источникамъ, безъ возможности насыщенія;— и, прежде всего, въ сочувствіи женщины, которая была жен-

ственной, и своимъ очарованіемъ и любовью окружила его существованіе пурпурной атмосферой Рая — Эллисонъ думалъ найти, *и нашелъ*, изъятіе изъ общихъ заботъ человѣчества, съ гораздо бо́льшимъ количествомъ положительнаго счастья, чѣмъ это когда-нибудь грезилось пылкой фантазіи M-me Сталь, въ ея зачарованныхъ дневныхъ сновидѣніяхъ.

Я отчаиваюсь дать читателю хоть сколько-нибудь ясное представленіе о чудесахъ, которыя мой другъ совершилъ въ дѣйствительности. Мнѣ хочется описать ихъ, но я падаю духомъ, при мысли о трудности описанія, и колеблюсь между подробностями и обобщеніемъ. Быть можетъ, наилучшее—соединить и то, и другое, въ ихъ крайностяхъ.

Первой заботой Мистера Эллисона былъ, конечно, выборъ мѣстности; и едва онъ только помыслилъ объ этомъ, какъ его вниманіе остановилось на пышной природѣ острововъ Тихаго Океана. Онъ уже задумалъ путешествіе къ Южнымъ Морямъ, но размышленія одной ночи побудили его оставить эту мысль. „Если бы я былъ мизантропомъ“, сказалъ онъ, „такая *мѣстность* была бы мнѣ какъ разъ подстать. Завершенность ея островного уединеннаго характера, и трудность входа и выхода, были бы въ данномъ случаѣ первѣйшимъ очарованіемъ; но я еще не сдѣлался Тимономъ. Мнѣ хочется покоя, но не подавленности одиночества. Я долженъ сохранить за собой извѣстный контроль надъ размѣрами и длительностью моего покоя. Кромѣ того, нерѣдко будутъ возникать часы, когда я буду нуждаться въ сочувствіи къ тому, что мной сдѣлано, со стороны людей поэтически настроенныхъ. Итакъ , я долженъ найти какое-нибудь мѣсто недалеко отъ людного города — сосѣдство его, къ тому же, дастъ мнѣ возможность наилучшимъ образомъ выполнить мои планы“.

Отыскивая подходящее мѣсто, такимъ образомъ расположенное, Эллисонъ путешествовалъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, и мнѣ дано было сопровождать его. Тысячу мѣстъ,

которыя привели меня въ восхищеніе, онъ отвергъ безъ колебанія, и его доводы въ концѣ концовъ убѣдили меня, что онъ былъ правъ. Мы прибыли, наконецъ, къ одному возвышенному плоскогорью, красоты и плодородности удивительной; съ него открывалась панорамная перспектива, немногимъ развѣ меньшая по размѣрамъ, чѣмъ панорама Этны, и, какъ думалъ Эллисонъ, а равно и я, она превосходила прославленный видъ съ этой горы, во всѣхъ истинныхъ элементахъ живописности.

„Я сознаю“, сказалъ путникъ, испустивъ глубокій вздохъ восторга, послѣ того какъ, заколдованный, онъ чуть не цѣлый часъ смотрѣлъ на эту сцену, „я знаю, что изъ людей самыхъ разборчивыхъ, будь они на моемъ мѣстѣ, девять десятыхъ здѣсь почувствовали бы себя вполнѣ удовлетворенными. Эта панорама дѣйствительно великолѣпна, и я могъ бы наслаждаться ею уже въ силу чрезмѣрности ея великолѣпія. Вкусъ всѣхъ архитекторовъ, которыхъ я когда-либо зналъ, побуждалъ ихъ, во имя „перспективы“, ставить зданія на горныя вершины. Ошибка очевидна. Величіе въ любомъ изъ своихъ видовъ, въ особенности же величіе въ объемѣ, поражаетъ, возбуждаетъ—и затѣмъ вызываетъ утомленіе, угнетаетъ. Для созерцанія случайнаго, ничего не можетъ быть лучше—для созерцанія постояннаго, это худшее, что только можетъ быть. И, при созерцаніи постоянномъ, наименѣе пріемлемая форма величія есть величіе объема; худшая форма объема есть объемъ разстоянія. Оно враждебно сталкивается съ чувствомъ и съ ощущеніемъ *уединенности*—съ чувствомъ и ощущеніемъ, которому мы повинуемся, когда „уѣзжаемъ въ деревню“. Смотря съ вершины горы, мы не можемъ не чувствовать себя *внѣ* міра. Тотъ, у кого болитъ сердце, избѣгаетъ далекихъ перспективъ, какъ чумы“.

Лишь къ концу четвертаго года нашихъ изысканій, мы нашли мѣстность, относительно которой Эллисонъ самъ сказалъ, что она его удовлетворяетъ. Излишнее, конечно, говорить, *гдѣ* была эта мѣстность. Недавняя кончина моего

друга, открывъ доступъ въ его помѣстье нѣкоторому классу посѣтителей, окружила *Арнгеймъ* извѣстнаго рода тайной, и полуразглашенной, если не торжественной, знаменитостью, похожей на ту, которою такъ долго отличался Фонтхилль, хотя безконечно высшей по степени.

Обыкновенно къ Арнгейму пріѣзжали по рѣкѣ. Посѣтитель покидалъ городъ раннимъ утромъ. До полудня путь его лежалъ между береговъ, отмѣченныхъ спокойной, уютной красотой, на нихъ паслись безчисленныя стада овецъ, и бѣлая ихъ шерсть выступала свѣтлыми пятнами на яркой зелени волнистыхъ луговъ. Мало-по-малу впечатлѣніе сельской культуры уступало впечатлѣнію чего-то чисто пастушескаго. Это впечатлѣніе постепенно переходило въ ощущеніе уединенности—и это послѣднее, въ свою очередь, превращалось въ сознаніе полнаго уединенія. По мѣрѣ того какъ приближался вечеръ, каналъ становился все болѣе узкимъ; берега дѣлались все болѣе и болѣе обрывистыми, и одѣтыми въ болѣе богатую, болѣе пышную, и болѣе мрачную листву. Вода становилась прозрачнѣе. Потокъ дѣлалъ тысячи поворотовъ, такъ что въ каждую минуту блистающая его поверхность была видима не болѣе, какъ на восьмую часть мили. Каждое мгновеніе судно́ казалось захваченнымъ въ заколдованный кругъ, будучи осѣнено непреодолимыми и непроницаемыми стѣнами листвы, кровлей изъ ультрамариноваго сатина, и, *не имѣя* дна,—киль съ поразительнымъ изяществомъ совпаденія балансировалъ на килѣ призрачной лодки, которая, какой-то случайностью опрокинутая вверхъ дномъ, плыла въ постоянномъ содружествѣ съ дѣйствительной лодкой, дабы поддерживать ее. Каналъ превращался теперь въ *ущелье* — хотя этотъ терминъ не вполнѣ здѣсь примѣнимъ, и я пользуюсь имъ лишь потому, что нѣтъ слова, которое бы лучше опредѣлило наиболѣе поразительную—не наиболѣе отличительную—черту сцены. Характеръ ущелья сказывался только въ высотѣ и параллельности береговъ; онъ совершенно терялся въ дру-

гихъ чертахъ. Стѣны лощины (между которыми свѣтлая вода продолжала протекать совершенно спокойно) поднимались до высоты ста, а мѣстами и полутораста, футовъ, и до такой степени наклонялись одна къ другой, что почти не пропускали дневного свѣта, между тѣмъ какъ длинный, подобный перьямъ, мохъ, густо свѣшиваясь съ переплетенныхъ кустарниковъ, придавалъ всей расщелинѣ видъ похоронной угрюмости. Извивы становились все болѣе частыми и запутанными, и нерѣдко, казалось, возвращались къ самимъ себѣ, такъ что путникъ быстро утрачивалъ всякое представленье о направленіи. Онъ весь, кромѣ того, былъ овѣянъ изысканнымъ чувствомъ страннаго. Мысль природы еще оставалась, но характеръ ея, повидимому, претерпѣвалъ измѣненія; въ этомъ ея творчествѣ чувствовалась какая-то зачарованная симметрія, какое-то поразительное однообразіе, что-то колдовское. Нигдѣ не было видно ни сухой вѣтки—ни поблекшаго листка—ни случайно лежащаго камешка — ни куска темной земли. Кристальная влага, волнуясь, ударялась о чистый гранитъ или о мохъ, ничѣмъ не запятнанный, и съ очертаніями такими четкими, что они, смущая, восхищали глазъ.

Послѣ того какъ суднò, въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, проходило по лабиринту этого канала, причемъ сумракъ становился мрачнѣе съ каждой минутой, рѣзкій и неожиданный поворотъ приводилъ его внезапно, какъ будто оно падало съ неба, въ круглый бассейнъ, очень значительнаго объема, если сравнить его съ шириной ущелья. Онъ имѣлъ около двухсотъ ярдовъ въ діаметрѣ и, за исключеніемъ одного мѣста, находившагося прямо передъ суднòмъ, когда оно въ него вступало, со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ холмами, въ общемъ одинаковой высоты со стѣнами стремнины, хотя совершенно иного характера. Ихъ стѣны уклономъ выходили изъ воды, подъ угломъ градусовъ въ сорокъ пять, и были одѣты сверху до низу—безъ малѣйшаго видимаго пробѣла—въ покровы изъ самыхъ роскош-

ныхъ цвѣтущихъ цвѣтковъ; едва одинъ зеленый листъ виднѣлся гдѣ-нибудь въ этомъ морѣ ароматнаго и переливнаго цвѣта. Бассейнъ былъ очень глубокъ, но такъ прозрачна была вода, что дно, состоявшее, повидимому, изъ плотной массы небольшихъ круглыхъ алебастровыхъ камешковъ, было явственно видно, вспышками, то-есть тамъ, гдѣ глазъ могъ позволить себѣ *не* смотрѣть въ находящееся далеко внизу опрокинутое небо на двойной расцвѣтъ холмовъ. На этихъ холмахъ не было деревьевъ, не было ни одного сколько-нибудь высокаго кустарника. Впечатлѣніе, возникавшее въ наблюдателѣ, было впечатлѣніемъ роскоши, теплоты, красочности, спокойствія, однообразія, мягкости, тонкости, изящества, чувственной нѣжности, и чудесной изысканности культуры, возбуждавшей мечтанія о какой-то новой расѣ фей, трудолюбивыхъ, полныхъ вкуса, щедрыхъ, и прихотливыхъ; но насколько глазъ могъ прослѣдить вверхъ этотъ миріадно-цвѣтный склонъ, отъ остраго угла, соединяющаго его съ водой, до смутнаго его окончанія среди извивовъ нависшаго облака, онъ смотрѣлъ, и становилось на самомъ дѣлѣ затруднительнымъ не думать, что эта панорама есть водопадъ рубиновъ, сафировъ, опаловъ, и золотыхъ ониксовъ, безгласно струящихся съ неба.

Мгновенно вступивъ въ эту бухту изъ мрака стремнины, посѣтитель восхищенъ и совершенно пораженъ, видя полный шаръ заходящаго солнца: въ то время какъ онъ думалъ, что оно уже давно за горизонтомъ, оно было прямо передъ нимъ, являясь единственнымъ окончаніемъ безграничной перспективы, видимой черезъ другую расщелинообразную пробоину въ горахъ.

Но тутъ путникъ покидаетъ судно, которое доставило его такъ далеко, и входитъ въ легкій челнокъ изъ слоновой кости, украшенный девизами изъ арабесокъ, выступающими яркимъ багрянцомъ изнутри и снаружи. Корма и носъ этой лодки высоко поднимаются надъ водой своими острыми концами, такъ что въ цѣломъ она имѣетъ видъ неправиль-

наго полумѣсяца. Она покоится на поверхности бухты съ гордою граціей лебедя. На днѣ ея, покрытомъ горностаями, лежитъ, какъ перышко—легкое, весло изъ сатиноваго дерева; но нѣтъ въ челнокѣ ни гребца, ни слуги. Гостя просятъ не безпокоиться—Парки о немъ позаботятся. Болѣе обширное суднò исчезаетъ, и онъ остается одинъ въ челнокѣ, который, повидимому, недвижно, медлитъ на серединѣ озера. Но въ то время какъ путникъ размышляетъ, какое принять направленіе, онъ замѣчаетъ, что волшебная ладья слегка движется. Она тихонько повертывается вокругъ себя, пока ея передняя часть не обращается къ солнцу. Съ легкой, но постепенно увеличивающейся быстротой, она устремляется впередъ, въ то время какъ слабые всплески, ею создаваемые, повидимому, разбиваются о края этой ладьи изъ слоновой кости въ божественныя мелодіи—повидимому, являются единственно возможнымъ объясненіемъ умиротворяющей, хотя меланхоличной, музыки, незримую причину которой изумленный путникъ тщетно высматриваетъ вокругъ себя.

Челнокъ упорно продолжаетъ свой путь, и скалистыя ворота перспективы приближаются, такъ что ея глубины становятся зримы болѣе явственно. Направо возникаетъ цѣпь высокихъ холмовъ, съ безпорядочной роскошью покрытыхъ лѣсомъ. Видно, однако же, что черта изысканной *чистоты* тамъ, гдѣ берегъ погружается въ воду, все еще преобладаетъ. Нѣтъ ни малѣйшаго признака мелкихъ постороннихъ предметовъ, постоянно встрѣчающихся въ рѣкахъ. Налѣво сцена имѣетъ болѣе мягкій характеръ и болѣе очевидно искусственный. Здѣсь берегъ поднимается изъ воды уклономъ, въ постепенномъ восхожденіи образуя широкій травяной газонъ, по ткани своей ничего такъ не напоминающій какъ бархатъ, и такой блистательно зеленый, что его можно сравнить съ оттѣнками чистѣйшаго изумруда. Это *плоскогорье* мѣняется въ ширинѣ отъ десяти до трехъ сотенъ ярдовъ, выростая изъ рѣчного берега стѣною въ пятьдесятъ футовъ высоты, которая простирается въ без-

конечности изгибовъ, но слѣдуетъ общему направленію рѣки, пока не теряется въ отдаленности по направленію къ западу. Эта стѣна представляетъ изъ себя сплошную скалу, и она была образована черезъ перпендикулярный обрѣзъ нѣкогда извилистаго обрыва, составлявшаго южный берегъ рѣки; но ни малѣйшихъ слѣдовъ работы не было оставлено. Вытесанный камень имѣетъ окраску вѣковъ, и съ него, въ распространенномъ изобиліи, свѣшивается плющъ, коралловая жимолость, душистый шиповникъ, и ломоносъ. Однообразіе линій—и верха, и низа стѣны—вполнѣ смягчено отдѣльными деревьями гигантскаго роста, ростущими то по одному, то небольшими группами, вдоль по плоскогорью, и въ области, находящейся за предѣлами стѣны, но въ тѣсномъ соприкосновеніи съ ней; такимъ образомъ, что многочисленныя вѣтви (въ особенности вѣтви чернаго орѣшника) свѣшиваются и погружаютъ свои нависшіе края въ воду. Дальше, на заднемъ фонѣ, взоръ задерживается непроницаемой преградой изъ листвы.

Все это возникаетъ передъ глазами, пока челнокъ постепенно приближается къ тому, что я назвалъ воротами перспективы. При бо́льшемъ приближеніи къ нимъ, однако же, ихъ расщелинообразный видъ исчезаетъ; новый выходъ изъ бухты открывается слѣва, и стѣна, въ этомъ направленіи, также изгибается, все еще слѣдуя общему теченію потока. Въ это новое отверстіе глазъ не можетъ проникнуть очень далеко, потому что потокъ, сопровождаемый стѣною, продолжаетъ уклоняться налѣво, пока они не исчезаютъ въ листвѣ.

Ладья, тѣмъ не менѣе, скользитъ магически по извилистому каналу; и здѣсь берегъ, противоположный стѣнѣ, походитъ на берегъ, противоположный стѣнѣ въ узкой перспективѣ. Высокіе холмы, мѣстами выростая въ настоящія горы, и покрытые растительностью безумно роскошной, все еще закрываютъ сцену.

Легко плывя впередъ, но съ быстротой незамѣтнымъ образомъ увеличивающейся, путникъ, послѣ нѣсколькихъ

короткихъ поворотовъ, находитъ дальнѣйшее свое движеніе повидимому, прегражденнымъ гигантскими воротами или, скорѣе, дверью изъ полированнаго золота, тщательно выкованной, разукрашенной лѣпными украшеніями, и отражающей прямые лучи солнца, теперь быстро заходящаго, съ лучезарностью, которая какъ будто обнимаетъ весь окружающій лѣсъ пламенемъ. Этотъ входъ вдѣланъ въ высокую стѣну, которая, повидимому, пересѣкаетъ здѣсь рѣку подъ прямыми углами. Черезъ нѣсколько мгновеній становится, однако, очевиднымъ, что главная масса воды, постепеннымъ и легкимъ изгибомъ, убѣгаетъ налѣво, и стѣна слѣдуетъ за нимъ попрежнему, между тѣмъ какъ потокъ значительной величины, отдѣляясь отъ главнаго, съ легкими всплесками направляется подъ дверь и такимъ образомъ скрывается изъ виду. Челнокъ попадаетъ въ меньшій каналъ и приближается къ воротамъ. Ихъ могучія створы медленно и благозвучно раскрываются. Лодка скользитъ между ними и начинаетъ свое быстрое нисхожденіе въ обширный полукругъ всецѣло опоясанный пурпурными горами, основаніе которыхъ омывается блистательной рѣкой, по всему протяженію. Въ то же время весь Эдемъ Арнгейма сразу вспыхиваетъ передъ глазами. Это цѣлый потокъ зачаровывающей мелодіи; это—подавляющая роскошь страннаго, нѣжнаго аромата; это — подобное сну смѣшеніе высокихъ, стройныхъ, Восточныхъ деревьевъ, кустовъ, расположенныхъ рощицами, цѣлыхъ полчищъ золотыхъ и алыхъ птицъ, озеръ, обрамленныхъ лиліями, луговъ, заросшихъ фіалками, тюльпанами, маками, гіацинтами, и туберозами, далеко перерѣзанныхъ линіями серебряныхъ ручьевъ — и надо всѣмъ этимъ смутно возникающая громада полу-Готической, полу-Сарацинской архитектуры, держащейся какъ бы чудомъ въ воздухѣ, переливающейся въ багряномъ свѣтѣ солнца сотнями своихъ оконъ, минаретовъ, и башенокъ, и кажущейся призрачнымъ созданіемъ соединившихся вмѣстѣ Сильфовъ, Фей, Геніевъ и Гномовъ.

КОТТЭДЖЪ ЛЭНДОРА.

Параллель къ „Помѣстью Арнгеймъ".

Во время одного изъ моихъ странствій пѣшкомъ, послѣднимъ лѣтомъ, по рѣчнымъ областямъ Нью-Йорка, я нѣсколько сбился съ дороги, а день уже склонялся къ западу. Мѣстность была удивительно волнообразная; и, стараясь держаться въ долинахъ, я такъ долго кружился, за послѣдній часъ, что не зналъ болѣе, въ какомъ направленіи находится прелестное селеніе Б., гдѣ я рѣшилъ переночевать. Солнце, строго говоря, едва *свѣтило* въ продолженіи дня; но, несмотря на это, воздухъ былъ до непріятности теплымъ. Дымный туманъ, похожій на туманъ Индійскаго Лѣта, окутывалъ все кругомъ, и, конечно, еще болѣе усиливалъ мою неувѣренность. Не то, чтобы я очень безпокоился объ этомъ. Если бы я, до заката или даже до наступленія ночи, не пришелъ въ селеніе, было болѣе, чѣмъ возможно, что я скоро могъ набрести на какую-нибудь небольшую Голландскую ферму, или на что-нибудь въ этомъ родѣ, хотя, по правдѣ сказать, окрестная мѣстность (быть можетъ, оттого, что она была не столько плодородной, сколько живописной) была очень слабо заселена. Во всякомъ случаѣ, бивуакъ на открытомъ воздухѣ, съ дорожной сумкой вмѣсто подушки,

и съ собакой, какъ съ часовымъ, представлялъ изъ себя какъ разъ нѣчто такое, что могло бы весьма позабавить меня. Итакъ, я весело и бодро шелъ впередъ, предоставивъ Понто заботиться о моемъ ружьѣ, пока, наконецъ, какъ разъ когда я началъ смотрѣть, не являются ли многочисленныя небольшія прогалины, шедшія по разнымъ направленіямъ, путеводнымъ указаніемъ, я былъ приведенъ, наиболѣе заманчивой изъ нихъ, къ проѣзжей дорогѣ. Въ этомъ не могло быть никакого сомнѣнія. Слѣды легкихъ колесъ были очевидны; и, несмотря на то, что высокіе кустарники и разросшіяся заросли встрѣчались вверху, внизу не было никакого препятствія, хотя бы и для Виргиніевской фуры, похожей на гору, для повозки, какъ я полагаю, наиболѣе стремящейся въ высь. Дорога, однако, не имѣла никакого сходства съ какой-либо изъ дорогъ, видѣнныхъ мною доселѣ, исключая того, что она проходила черезъ лѣсъ, если названіе „лѣсъ“ не было слишкомъ пышно въ примѣненіи къ группѣ этихъ легкихъ деревьевъ, и за исключеніемъ очевиднаго слѣда отъ колесъ. Онъ былъ лишь слабо замѣтенъ, отпечатлѣвшись на плотной, но пріятно влажной поверхности чего-то, походившаго болѣе на зеленый генуэзскій бархатъ, чѣмъ на что-либо иное. Это была, конечно, трава, но трава, какую мы обыкновенно видимъ только въ Англіи, такая короткая, такая густая, такая ровная, и такая яркая. Ни малѣйшаго посторонняго предмета не было въ колеяхъ, ни малѣйшей даже щепочки, или сухой вѣтки. Камни, нѣкогда загромождавшіе путь, были тщательно *положены,* не брошены, по обѣимъ сторонамъ узкой дороги, такимъ образомъ, что они полу-опредѣленно, полу-небрежно, и вполнѣ живописно опредѣляли ея границы на грунтѣ. Въ промежуткахъ вездѣ виднѣлись роскошные гроздья дикихъ цвѣтовъ.

Чтò все это означало, я, конечно, не зналъ. *Искусство* присутствовало здѣсь несомнѣннымъ образомъ, но *это* меня не удивляло, всѣ дороги, въ обычномъ смыслѣ слова, яв-

ляются произведеніями искусства; не могу также сказать, чтобы въ данномъ случаѣ можно было очень удивляться на *избытокъ* проявленій искусства; все это, повидимому, было сдѣлано, могло быть сдѣлано *здѣсь*, съ помощью природныхъ „данныхъ“ (какъ они опредѣляются въ книгахъ объ Устройствѣ Садовъ-Ландшафтовъ), при незначительной затратѣ труда и денегъ. Нѣтъ, не количество проявленій искусства, а *характеръ* ихъ заставилъ меня сѣсть на одинъ изъ обросшихъ цвѣтами камней и съ изумленнымъ восхищеніемъ внимательно смотрѣть, цѣлые полчаса или больше, на эту феерическую аллею. Чѣмъ дольше я смотрѣлъ, тѣмъ болѣе и болѣе для меня становилось очевиднымъ одно: распредѣленіемъ всѣхъ этихъ подробностей завѣдывалъ художникъ, и художникъ съ самымъ изысканнымъ чувствомъ формы. Приняты были самыя тщательныя мѣры, чтобы сохранить должное соотвѣтствіе между изящнымъ и граціознымъ, съ одной стороны, и *живописнымъ* съ другой, въ томъ истинномъ смыслѣ слова, какъ понимаютъ это Итальянцы. Здѣсь было очень мало прямыхъ линій, и не было вовсе длинныхъ линій безъ перерывовъ. Одинаковый эффектъ изгиба или краски повторялся почти вездѣ дважды, но не чаще, съ какой бы точки ни смотрѣлъ наблюдатель. Вездѣ была различность въ однообразіи. Это было „образцовое произведеніе“, въ которомъ самый прихотливый взыскательный вкусъ врядъ ли могъ бы указать на какой-либо недостатокъ.

Выйдя на эту дорогу, я повернулъ направо, и теперь, поднявшись, пошелъ дальше въ томъ же направленіи. Путь былъ такой змѣевидный, что, проходя, я ни разу не могъ опредѣлить его направленія болѣе, чѣмъ на два или на три шага. Существеннымъ образомъ характеръ его былъ безперемѣннымъ.

Вдругъ какое-то журчаніе мягко проникло въ мой слухъ, и, нѣсколько мгновеній спустя, сдѣлавъ поворотъ нѣсколько болѣе рѣзкій, чѣмъ прежде, я увидѣлъ, какъ разъ передъ собой, какое-то особенное зданіе, находившееся у основа-

нія небольшой возвышенности. Я ничего не могъ ясно разсмотрѣть, такъ какъ вся небольшая долина внизу была захвачена туманомъ. Теперь, однако, поднялся легкій вѣтерокъ, между тѣмъ какъ солнце близилось къ закату; и, пока я медлилъ на вершинѣ склона, туманъ постепенно разсѣивался въ отдѣльные хлопья, и такъ плылъ надъ всей сценой.

Когда такимъ образомъ все совершенно явственно предстало предо мною, *постепенно*, какъ я это описываю, здѣсь, отдѣльное дерево, тамъ, мерцаніе воды, и здѣсь опять, верхъ домовой трубы, я едва могъ отрѣшиться отъ мысли, что все это не было одной изъ тѣхъ, искусно созданныхъ, иллюзій, которыя носятъ названіе „туманныхъ картинъ“.

Въ то время, однако, когда туманъ разсѣялся совершенно, солнце завершило свой путь, зайдя за небольшіе холмы, и потомъ, какъ бы сдѣлавъ легкій поворотъ къ югу, снова предстало круглымъ шаромъ, блистая темнымъ багрянцомъ сквозь расщелину, которая вступала въ долину съ запада. И внезапно, какъ бы силою магическаго мановенія руки, вся долина, со всѣмъ, что въ ней было, сдѣлалась блистательно зримой.

Первый взглядъ, который я бросилъ на возникшую картину, когда солнце, соскользнувъ, заняло указанное мною положеніе, произвелъ на меня очень сильное впечатлѣніе, вродѣ того, какъ, бывало, еще ребенкомъ, я чувствовалъ себя взволнованнымъ при заключительной сценѣ какого-нибудь хорошо устроеннаго театральнаго зрѣлища или мелодрамы. Даже соотвѣтственная чудовищность краски была налицо, ибо солнечный свѣтъ исходилъ изъ расщелины, весь исполненный оранжевыхъ и багряныхъ тоновъ; а яркая зелень долинной травы болѣе или менѣе отражалась на всѣхъ предметахъ, отъ туманной завѣсы, которая все еще медлила вверху, какъ будто не желая совсѣмъ отойти отъ сцены, такой чарующе красивой.

Небольшая долина, на которую я такимъ образомъ смотрѣлъ съ высоты, изъ-подъ свода, сплетеннаго туманомъ,

не могла простираться болѣе, чѣмъ на четыреста ярдовъ въ длину; ширина ея мѣнялась отъ пятидесяти до полутораста, или, быть можетъ, до двухсотъ ярдовъ. Уже всего она была на своемъ сѣверномъ краю, какъ бы открываясь къ югу, но безъ особенно точной правильности. Самая широкая часть ея была въ восьмидесяти ярдахъ отъ южнаго края. Возвышенности, окружавшія долину, за исключеніемъ тѣхъ, что были на сѣверѣ, строго говоря, не могли называться горами. Здѣсь обрывистый слой гранита поднимался до высоты въ девяносто футовъ; и, какъ я упомянулъ, долина въ этомъ мѣстѣ была не болѣе пятидесяти футовъ въ длину; но, по мѣрѣ того какъ наблюдатель слѣдовалъ отъ этого утеса къ югу, онъ видѣлъ, направо и налѣво, скаты, менѣе высокіе, менѣе обрывистые, и менѣе скалистые. Словомъ, все уклонялось и умягчалось по направленію къ югу; и тѣмъ не менѣе, вся долина была опоясана возвышенностями, болѣе или менѣе значительными, за исключеніемъ двухъ пунктовъ. Объ одномъ изъ нихъ я уже говорилъ. Онъ находился довольно далеко на сѣверо-западѣ, и былъ тамъ, гдѣ солнце, завершая свой путь, какъ я это описалъ, зашло въ горный полукругъ, проходя черезъ четко изсѣченную природную расщелину въ гранитной массѣ; эта трещина, насколько глазъ могъ ее прослѣдить, въ самомъ широкомъ мѣстѣ простиралась на десять ярдовъ. Какъ нѣкое природное шоссе, она, повидимому, вела все выше, выше, въ уединенія неизслѣдованныхъ горъ и лѣсовъ. Другой открытый пунктъ былъ прямо на южномъ концѣ долины, здѣсь, вообще, скаты представляли изъ себя ничто иное, какъ легкіе уклоны, простирающіеся отъ востока къ западу приблизительно на полтораста ярдовъ. Въ серединѣ этого пространства было нѣкоторое пониженіе почвы, въ уровень съ дномъ долины. Что касается растительности, также какъ и всего другого, сцена *умягчалась и уклонялась* къ югу. Къ сѣверу, на скалистомъ обрывѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ края

пропасти, высились пышные стволы многочисленныхъ орѣшниковъ, черныхъ орѣховыхъ деревьевъ, и каштановъ, тамъ и сямъ перемѣшанныхъ съ дубомъ; развѣсистыя боковыя вѣтви черныхъ орѣховыхъ деревьевъ простирались далеко надъ краемъ утеса. Слѣдуя по направленію къ западу, наблюдатель видѣлъ сначала тотъ же самый разрядъ деревьевъ, только они были все менѣе и менѣе высокими, и во вкусѣ Сальватора; затѣмъ онъ замѣчалъ нѣчто болѣе нѣжное— вязъ, за нимъ сассафрасъ, и локустовое дерево—за этими опять нѣчто болѣе мягкое — липу, катальпу, и кленъ— и за этими опять еще болѣе изящныя и еще болѣе скромныя разновидности. Южный склонъ весь былъ покрытъ лишь дикими кустарниками, и только тамъ и сямъ виднѣлись серебристая ива или бѣлый тополь. Въ глубинѣ самой долины (не нужно забывать, что растительность, до сихъ поръ упомянутая, была только на утесахъ или склонахъ холмовъ) виднѣлись три отдѣльныя дерева. Одно—вязъ большихъ размѣровъ и изысканной формы; онъ стоялъ стражемъ надъ южнымъ входомъ въ долину. Другое—орѣшникъ гораздо болѣе развѣсистый, чѣмъ вязъ, и вообще дерево гораздо болѣе изящное, хотя оба были красоты необыкновенной; онъ, повидимому, охранялъ сѣверо-западный входъ, выростая изъ группы каменныхъ глыбъ, въ самой пасти лощины, и устремляя всю свою граціозную форму, подъ угломъ градусовъ въ сорокъ пять, далеко въ солнечный свѣтъ горнаго полукруга. Но на востокъ отъ этого дерева, приблизительно въ тридцати ярдахъ, высилась истинная гордость долины, и это было, внѣ всякаго сомнѣнія, самое пышное дерево, какое я когда-либо видѣлъ, за исключеніемъ развѣ кипарисовъ Итчіатукани. Это было троествольное тюльпановое дерево—*Liriodendron tulipiferum*—изъ разряда магнолій. Три его ствола отдѣлялись отъ основного футахъ въ трехъ отъ почвы и, расходясь мало-по-малу, съ большой постепенностью, отдѣлялись не болѣе, чѣмъ на четыре фута въ томъ мѣстѣ, гдѣ самый

широкій стволъ раскидывалъ водопадъ листвы: это было на высотѣ приблизительно въ восемьдесятъ футовъ. Вся высота главнаго ствола простиралась на сто двадцать футовъ. По красотѣ формы или по яркому блеску зелени ничто не можетъ превзойти листовъ тюльпановаго дерева. Въ данномъ случаѣ ихъ ширина простиралась на цѣлыхъ восемь дюймовъ; но ихъ сіяніе совершенно затемнялось роскошнымъ блескомъ пышныхъ цвѣтковъ. Вообразите, въ тѣсномъ соединеніи, милліонъ самыхъ широкихъ и самыхъ блистательныхъ тюльпановъ! Только такимъ путемъ читатель можетъ составить какое-нибудь представленіе о картинѣ, которую я хочу нарисовать. И затѣмъ, вообразите стройное изящество чистыхъ, подобныхъ колоннамъ и усѣянныхъ нѣжными крупинками, стволовъ, причемъ въ самомъ большомъ—четыре фута въ діаметрѣ, на разстояніи двадцати футовъ отъ земли. Безчисленные цвѣты его, смѣшиваясь съ цвѣтками другихъ деревьевъ, врядъ ли менѣе красивыхъ, хотя безконечно менѣе величественныхъ, наполняли долину благовоніями, болѣе чѣмъ Аравійскими.

Весь нижній фонъ горнаго полукруга составляла *трава*, отличавшаяся тѣмъ же характеромъ, какъ и трава, которую я увидѣлъ на дорогѣ; быть можетъ, только болѣе нѣжная, болѣе густая, бархатистая, и чудесно-зеленая. Трудно было понять, какимъ образомъ вся эта красота была достигнута.

Я говорилъ о двухъ расщелинахъ, входящихъ въ долину. Сквозь одну изъ нихъ, къ сѣверо-западу, проходила рѣчка; тихонько журча и слегка пѣнясь, она пробѣгала по лощинѣ, пока не ударялась о группу каменныхъ глыбъ, изъ которыхъ возвышался одиноко стоявшій орѣшникъ. Здѣсь, обогнувъ дерево, она слегка уклонялась къ сѣверо-востоку, оставляя тюльпановое дерево футовъ на двадцать къ югу, и не дѣлая никакого значительнаго измѣненія въ своемъ теченіи, пока не достигала полдороги между восточной и западной границей долины. Въ этомъ мѣстѣ, послѣ цѣлаго ряда уклоновъ, она дѣлала поворотъ подъ прямымъ угломъ,

и принимала общее направленіе къ югу, дѣлая различные изгибы въ своемъ движеніи, пока совершенно не терялась въ небольшомъ озерѣ неправильной формы (грубо-овальной), которое свѣтилось близь нижняго края долины. Это маленькое озеро имѣло, быть можетъ, сто ярдовъ въ діаметрѣ, въ самой широкой своей части. Никакой кристаллъ не могъ быть свѣтлѣе, чѣмъ его воды. Явственно зримое дно все состояло изъ ослѣпительно бѣлыхъ камешковъ. Берега, покрытые уже описанной изумрудной травой, не столько образуя склонъ, сколько *закругляясь*, уходили въ это ясное опрокинутое небо; и *такъ* ясно было это небо, съ такимъ совершенствомъ оно по временамъ отражало всѣ предметы, находившіеся надъ нимъ, что гдѣ кончался настоящій берегъ и гдѣ начинался подражательный, было весьма трудно рѣшить. Форель, и рыбы нѣкоторыхъ другихъ разновидностей, которыми эта заводь какъ бы кишѣла, имѣли видъ настоящихъ летучихъ рыбъ. Было почти невозможно повѣрить, что онѣ не висятъ въ воздухѣ. Легкій березовый челнокъ, мирно покоившійся на водѣ, до мельчайшихъ своихъ жилокъ былъ отраженъ, съ вѣрностью безпримѣрной, изысканнѣйшимъ гладкимъ зеркаломъ. Небольшой островокъ, весь переливающійся цвѣтами въ полномъ расцвѣтѣ, и какъ разъ настолько просторный, чтобы съ нѣкоторымъ избыткомъ дать мѣсто живописному строеньицу, повидимому птичнику— выдѣлялся изъ озера, недалеко отъ его сѣвернаго берега— съ которымъ его соединялъ непостижимо легкій на видъ, и въ то же время очень первобытный, мостъ. Это была просто широкая и плотная доска изъ тюльпановаго дерева. Она простиралась на сорокъ футовъ въ длину, и охватывала пространство отъ берега до берега легкой, но очень явственной аркой, предупреждающей всякую возможность качанія. Изъ южнаго края озера исходило продолженіе рѣчки, которая, послѣ нѣсколькихъ излучинъ, на разстояніи, быть можетъ, тридцати футовъ, проходила наконецъ черезъ (описанный) „уклонъ“ въ середину южнаго ската, и, низринувшись съ

крутого обрыва въ сто футовъ, незамѣтно продолжала свой прихотливый путь къ Гудсону.

Озеро было глубокое—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на тридцать футовъ—но рѣчка рѣдко гдѣ была глубже чѣмъ на три фута, и въ самыхъ широкихъ мѣстахъ простиралась лишь футовъ на восемь. Ея дно и берега были такіе же, какъ дно и берега заводи—и если въ отношеніи живописности, имъ что-нибудь можно было поставить въ недостатокъ, такъ это избытокъ *чистоты*.

Пространство зеленаго дерна было, тамъ и сямъ, смягчено отдѣльными, бросающимися въ глаза, порослями, какъ напримѣръ, гортензіей, или обыкновенной калиной, или душистымъ чубучникомъ; или, всего чаще, отдѣльными гроздьями цвѣтовъ герани, представавшихъ въ пышномъ разнообразіи. Эти послѣдніе цвѣты росли въ горшкахъ, тщательно скрытыхъ въ почвѣ, чтобы дать растенію видъ мѣстныхъ. Кромѣ всего этого, бархатъ луга былъ изысканнымъ образомъ усѣянъ множествомъ овецъ, которыя паслись въ долинѣ вмѣстѣ съ тремя ручными ланями, и многочисленными блистательно оперенными утками. Надзоръ за этими существами, всѣми вмѣстѣ и каждымъ въ отдѣльности, былъ, повидимому, вполнѣ предоставленъ огромному дворовому псу.

Вдоль восточныхъ и западныхъ утесовъ—тамъ, гдѣ въ верхней части горнаго полукруга возвышенности были болѣе или менѣе обрывисты—въ большомъ количествѣ разростался плющъ—такъ что лишь тамъ и сямъ виднѣлся кусокъ неприкрытаго камня. Сѣверный обрывъ, подобнымъ образомъ, былъ почти весь одѣтъ рѣдкостно пышными виноградными побѣгами; нѣкоторые изъ нихъ возникали изъ почвы у самого основанія утеса, другіе свѣшивались съ его высокихъ выступовъ.

Небольшое возвышеніе, являвшееся нижней границей этого небольшого помѣстья, было увѣнчано стѣной изъ сплошнаго камня, достаточной высоты, чтобы удержать лань отъ бѣгства. Кромѣ этого, нигдѣ не было видно ничего, похожаго на ограду; нигдѣ и не было надобности ни въ ка-

кой искусственной загородкѣ: если бы какая-нибудь овца, заблудившись, захотѣла выйти, лощиной, изъ долины, она, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, была бы удержана крутой скалистой стѣной, съ которой ниспадалъ потокъ, обратившій на себя мое вниманіе, когда я только что подошелъ къ помѣстью. Словомъ, входить и выходить можно было только черезъ ворота, занимавшія горный проходъ на дорогѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ ниже отъ того пункта, гдѣ я остановился, чтобы осмотрѣться.

Я говорилъ, что рѣчка, на всемъ своемъ протяженіи, шла очень неправильными извивами. Два ея *главныя* направленія, какъ я сказалъ, шли сперва отъ запада къ востоку, и потомъ отъ сѣвера къ югу. На *поворотѣ,* теченіе, уклоняясь назадъ, дѣлало почти круговую *скобку,* образуя полуостровъ, *очень* похожій на островъ, приблизительно въ шестнадцатую долю десятины. На этомъ полуостровѣ стоялъ жилой домъ—и если я скажу, что этотъ домъ, подобно адской террасѣ, увидѣнной Ватекомъ, *„était d'une architecture inconnue dans les annales de la terre“ *),* я этимъ только скажу, что весь его *ensemble* поразилъ меня самымъ острымъ чувствомъ новизны и общей соразмѣрности—словомъ, чувствомъ *поэзіи*—(ибо врядъ ли я могъ бы дать болѣе строгое опредѣленіе поэзіи, въ отвлеченномъ смыслѣ, иначе, чѣмъ употребивъ именно эти слова)—и я *не* разумѣю этимъ, чтобы хотя въ какомъ-нибудь отношеніи здѣсь было что-нибудь *преувеличенное.*

На самомъ дѣлѣ, ничто не могло быть болѣе простымъ—ничто не могло быть до такой степени безпритязательнымъ, какъ этотъ коттэджъ. Чудесное *впечатлѣніе,* производимое имъ, крылось всецѣло въ томъ, что по художественности своей онъ былъ *какъ картина.* Смотря на него, я могъ бы подумать, что какой-нибудь выдающійся пейзажистъ создалъ его своею кистью.

---

*) Былъ архитектуры невѣдомой въ лѣтописяхъ земли.

Тотъ пунктъ, съ котораго я сперва увидалъ долину, былъ хорошъ, но онъ *не былъ* лучшимъ для обозрѣнія дома. Я поэтому опишу домъ такъ, какъ я его увидѣлъ позднѣе— съ каменной стѣны на южномъ краѣ горнаго полукруга.

Главное зданіе простиралось приблизительно на двадцать четыре фута въ длину и на шестнадцать въ ширину—никакъ не больше. Вся его вышина, отъ основанія до верхней точки кровли, не превышала восемнадцати футовъ. Къ западному краю строенія примыкало другое, приблизительно на треть меньшее въ своихъ размѣрахъ:—линія его фасада отступала назадъ на два ярда отъ фасада бо̀льшаго дома; и его кровля, конечно, была значительно ниже кровли главнаго строенія. Подъ прямымъ угломъ къ этимъ зданіямъ, и не изъ задняго фасада главнаго строенія—не вполнѣ въ серединѣ—простиралось третье зданіе, очень маленькое— въ общемъ на треть меньше западнаго крыла. Кровли двухъ болѣе значительныхъ построекъ были очень покатыя—онѣ убѣгали отъ конька длинной вогнутой линіей, и простирались по крайней мѣрѣ на четыре фута за предѣлы стѣнъ фасада, такимъ образомъ, что образовывали кровлю двухъ галлерей. Эти послѣднія кровли, конечно, не нуждались въ поддержкѣ; но такъ какъ онѣ имѣли *видъ* нуждающихся въ ней, легкія и совершенно гладкія колонны были помѣщены въ углахъ. Кровля сѣвернаго крыла являлась простымъ продолженіемъ нѣкоторой части главной кровли. Между главнымъ зданіемъ и западнымъ крыломъ поднималась очень высокая и скорѣе тонкая четырехугольная труба изъ необожженныхъ голландскихъ кирпичей, попеременно то черныхъ, то красныхъ:—на верхушкѣ кирпичи выступали легкимъ карнизомъ. Надъ щипцомъ, кровли также выдѣлялись значительнымъ выступомъ: въ главномъ зданіи фута на четыре къ востоку и фута на два къ западу. Главный входъ находился въ самомъ большомъ зданіи, и помѣщался не вполнѣ симметрично, нѣсколько отступая къ востоку, между тѣмъ какъ два окна отступали къ западу. Эти послѣднія

не доходили до полу, но были гораздо длиннѣе и уже обыкновеннаго—у нихъ было по одной ставнѣ, подобной дверямъ—стекла имѣли форму косоугольника, но были очень широки. Въ самой двери верхняя часть была изъ стекла, имѣвшаго также форму косоугольниковъ—на ночь они закрывались подвижной ставней. Дверь въ западномъ крылѣ находилась около конька, и была совершенно простая. На югъ выходило одно окно. Въ сѣверномъ крылѣ не было внѣшней двери, и въ немъ было также одно окно, выходившее на востокъ.

Глухая стѣна подъ восточнымъ конькомъ была смягчена очертаніями лѣстницы (съ балюстрадой), проходившей по ней діагональю—отъ юга. Находясь подъ сѣнью далеко выступающихъ краевъ крыши, ступени эти восходили къ двери, ведущей на башенку, или вѣрнѣе на чердакъ—ибо эта комната освѣщалась только однимъ окошкомъ, выходящимъ на сѣверъ, и, повидимому, исполняла роль чулана.

Въ галлереяхъ главнаго зданія и западнаго крыла не было пола, въ обычномъ смыслѣ; но около дверей и у каждаго окна, широкія, плоскія, и неправильныя, гранитныя плиты были вдѣланы въ восхитительный дернъ, доставляя удобный проходъ во всякую погоду. Превосходныя дорожки изъ того же матеріала—не *безпрерывныя*, а съ бархатистымъ газономъ, заполняющимъ частые промежутки между камнями, вели по разнымъ направленіямъ отъ дома, къ кристальному источнику, находившемуся шагахъ въ пяти, къ дорогѣ, и къ одному, или къ двумъ надворнымъ строеніямъ, которыя находились къ сѣверу, за рѣчкой, и были совершенно скрыты нѣсколькими локустовыми деревьями и катальпами.

Не болѣе чѣмъ въ шести шагахъ отъ главной двери коттэджа стоялъ сухой стволъ фантастическаго грушеваго дерева, такъ одѣтый, отъ вершины до основанія, роскошными цвѣтками индійскаго жасмина, что требовались немалыя усилія вниманія, чтобы рѣшить, что это за причудливо

нѣжная вещь. Съ различныхъ вѣтокъ этого дерева свѣшивались разнообразныя клѣтки. Въ одной, сплетенной изъ ивоваго прута, съ кольцомъ наверху, потѣшалась птица—пересмѣшникъ; въ другой была иволга, въ третьей—наглая стрепатка — а въ трехъ или четырехъ тюрьмахъ болѣе тонкаго устройства звонко заливались канарейки.

Колонны галлереи были перевиты гирляндами жасмина и нѣжной жимолости, въ то время какъ изъ угла, образуемаго главнымъ строеніемъ и западнымъ его крыломъ, на лицевой сторонѣ росъ безпримѣрно пышный виноградъ. Презирая всякія задержки, онъ цѣплялся сначала за нижнюю кровлю, потомъ за верхнюю, и продолжалъ виться вдоль хребта этой, болѣе высокой, крыши, устремляя свои усики направо и налѣво, пока, наконецъ, благополучно не достигалъ восточнаго конька, и тутъ, падая, онъ тянулся надъ лѣстницей.

Весь домъ, также какъ два его крыла, былъ построенъ изъ старомодныхъ Голландскихъ драницъ, широкихъ и съ незакругленными углами. Свойство этого матеріала таково, что дома, изъ него выстроенные, внизу кажутся болѣе широкими, чѣмъ вверху, какъ мы это видимъ въ Египетской архитектурѣ; и въ данномъ случаѣ это въ высшей степени живописное впечатлѣніе усиливалось еще многочисленными горшками роскошныхъ цвѣтовъ, которые почти окружали основаніе зданія.

Драницы были расписаны въ темносѣрый цвѣтъ, и художникъ легко пойметъ, въ какомъ счастливомъ сочетаніи этотъ цвѣтъ сливался съ яркой зеленью тюльпановаго дерева, нѣсколько затѣнявшаго коттэджъ.

Съ пункта, находившагося близь каменной стѣны, какъ описано, зданія представали въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, ибо южно-восточный уголъ выдавался впередъ такъ, что глазъ могъ сразу захватить общій видъ двухъ фасадовъ, съ живописнымъ восточнымъ конькомъ, и въ то же самое время могъ видѣть, какъ разъ достаточную, часть сѣвер-

наго крыла, часть нарядной крыши, простиравшейся надъ теплицей, и почти половину легкаго моста, перекинутаго черезъ рѣчку, въ непосредственной близости отъ главнаго строенія.

Я не слишкомъ долго оставался на вершинѣ холма, хотя довольно долго для того, чтобы подробнымъ образомъ осмотрѣть сцену, бывшую у моихъ ногъ. Было ясно, что я сбился съ дороги, ведущей къ селенію, и у меня, такимъ образомъ, было отличное извиненіе путника, чтобы открыть ворота, и на всякій случай освѣдомиться, куда мнѣ идти; такъ я, безъ большихъ церемоній, и сдѣлалъ.

Дорога, за воротами, казалось, шла по естественному выступу, простираясь постепеннымъ уклономъ вдоль стѣны сѣверо-восточныхъ утесовъ. Она привела меня къ подножію сѣвернаго обрыва, и отсюда, черезъ мостъ, вокругъ восточнаго конька, къ двери фасада. Совершая этотъ переходъ, я замѣтилъ, что надворныхъ строеній было совершенно невидно.

Когда я обогнулъ уголъ конька, дворовый песъ устремился ко мнѣ съ видомъ тигра, хотя и соблюдая суровое молчаніе. Я однако въ знакъ дружбы протянулъ ему руку, и никогда еще мнѣ не случалось видѣть собаку, которая устояла бы отъ такого призыва къ ея вѣжливости. Песъ не только закрылъ свою пасть и замахалъ хвостомъ, но и безусловно подалъ мнѣ свою лапу, а потомъ распространилъ свою учтивость и на Понто.

Такъ какъ звонка нигдѣ не было видно, я постучалъ своей палкой въ полуоткрытую дверь. Немедленно къ порогу приблизилась фигура молодой женщины — лѣтъ двадцати восьми—стройной, или скорѣе тонкой, и нѣсколько выше средняго роста. Въ то время какъ она приближалась ко мнѣ, походкой, изобличающей нѣкую *скромную рѣшительность*, совершенно неописуемую, я сказалъ самому себѣ: „Вотъ это, безъ сомнѣнія, природное *изящество* въ противоположность искусственному“. Вторичнымъ впечатлѣ-

ніемъ, которое она на меня произвела, и гораздо болѣе сильнымъ, чѣмъ первое, было впечатлѣніе *энтузіазма*. Никогда до тѣхъ поръ въ сердце моего сердца не проникало такое напряженное выраженіе чего-то, быть можетъ я долженъ такъ назвать это, *романическаго*, или немірского,—какъ выраженіе, сверкавшее въ ея глубоко посаженныхъ глазахъ. Я не знаю какъ, но именно это особенное выраженіе глазъ, иногда сказывающееся въ изгибѣ губъ, представляетъ изъ себя самое сильное, если не безусловно *единственное*, очарованіе, возбуждающее во мнѣ интересъ къ женщинѣ. *„Романическое"*, лишь бы только мои читатели вполнѣ поняли, чтò я разумѣю здѣсь подъ этимъ словомъ— „романическое" и „женственное" представляются мнѣ взаимно измѣняемыми выраженіями, и, въ концѣ концовъ, чтò человѣкъ истиннымъ образомъ *любитъ* въ женщинѣ, это именно то, что она *женщина*. Глаза Энни (я услышалъ, какъ кто-то изъ комнатъ сказалъ ей: „Энни, милая!") были „духовно сѣраго цвѣта", волосы у нея были свѣтло-каштановые; это все, что я успѣлъ въ ней замѣтить.

Съ изысканнѣйшей любезостью она попросила меня войти, и я прошелъ, прежде всего, въ довольно просторную прихожую. Такъ какъ я пришелъ, главнымъ образомъ, для того, чтобы наблюдать, я обратилъ вниманіе на то, что съ правой моей стороны было окно, съ лѣвой — дверь, ведущая въ главную комнату, а прямо передо мной *открытая* дверь, черезъ которую я могъ разсмотрѣть небольшую комнату, совершенно такихъ же размѣровъ, какъ прихожая, обставленную, какъ рабочій кабинетъ, съ большимъ сводчатымъ окномъ, выходящимъ на сѣверъ.

Пройдя въ гостинную, я очутился въ обществѣ *Мистера Лэндора*, ибо таково было его имя, какъ я узналъ впослѣдствіи. Онъ держалъ себя очень мило, даже сердечно, но какъ разъ тогда я съ гораздо бóльшимъ вниманіемъ наблюдалъ обстановку столь интересовавшаго меня обиталища, чѣмъ внѣшній видъ его хозяина.

Какъ я теперь видѣлъ, сѣверное крыло представляло изъ себя спальню, дверь ея выходила въ гостинную. На западъ отъ этой двери было одно окно, съ видомъ на рѣчку. У западной стѣны гостинной былъ каминъ, и въ ней была дверь, ведущая въ западную пристройку, вѣроятно въ кухню.

Ничто не могло бы сравниться, по строгой простотѣ, съ обстановкой этой гостинной. На полу былъ толстый двойной коверъ, превосходнаго качества—бѣлый фонъ, усѣянный небольшими круговыми зелеными фигурами. На окнахъ были занавѣси изъ бѣлоснѣжной жаконетовой кисеи; они были довольно пышныя, и висѣли *опредѣленно*, быть можетъ даже до формальности, четкими параллельными складками до полу, *какъ разъ* до полу. Стѣны были обиты французскими обоями, очень нѣжными — по серебряному фону пробѣгала зигзагомъ блѣдно-зеленая полоса. Для разнообразія, на этомъ фонѣ были прикрѣплены къ стѣнѣ, безъ рамъ, три превосходныя Жюльеновскія литографіи *aux trois crayons*. Одинъ изъ рисунковъ представлялъ изъ себя нѣчто Восточное по роскоши, или скорѣе по чувственности; другой представлялъ изъ себя „карнавальную сцену“, исполненную несравненной зажигательности; третій представлялъ изъ себя греческую женскую головку: никогда до тѣхъ поръ мое вниманіе не останавливалось на лицѣ столь божественно-прекрасномъ, и все же съ выраженіемъ такъ вызывающе - неопредѣленнымъ.

Болѣе существенная часть обстановки состояла изъ круглаго стола, нѣсколькихъ стульевъ (включая сюда и большую качалку), и софы, или скорѣе „канапе“; оно было сдѣлано изъ чистаго, какъ сливки бѣлаго, клена, слегка пересѣченнаго зелеными полосами; сидѣніе было камышевое. Стулья и столъ соотвѣтствовали другъ другу, но *формы* всего видимо были опредѣлены тѣмъ же самымъ умомъ, который создалъ „общій планъ“ сада - ландшафта — невозможно было себѣ представить что-нибудь болѣе изящное.

На столѣ было нѣсколько книгъ, широкій, четырехугольный, хрустальный флаконъ съ какимъ-то новымъ благоуханіемъ, простая *астральная* (не солнечная), лампа со шлифованнымъ стекломъ, и съ Итальянскимъ абажуромъ, и большая ваза съ блистательно распустившимися цвѣтами. Въ сущности, только цвѣты, роскошные по краскамъ и нѣжные по благоуханію, составляли единственное *украшеніе* комнаты. Каминъ почти весь былъ заполненъ вазой съ яркой геранью. На трехугольной полкѣ, въ каждомъ изъ угловъ комнаты, стояла подобная же ваза, мѣнявшаяся лишь въ зависимости отъ нѣжной красоты, въ ней содержавшейся. Одинъ или два небольшіе *букета* украшали доску надъ каминомъ, и позднія фіалки гроздьями виднѣлись на открытыхъ окнахъ.

Задачей моей было дать ничто иное, какъ подробную картину жилища Мистера Лэндора, такъ, *какъ я его нашелъ*.

ПАДЕНІЕ ДОМА ЭШЕРЪ.

Son coeur est un luth suspendu:
Sitôt qu'on le touche, il resonne.

Его сердце—воздушная лютня,
Прикоснись—и она зазвучитъ.

Béranger.

Въ продолженіи цѣлаго дня, тусклаго и беззвучнаго дня мрачной осени, подъ небомъ, обремененнымъ низкими облаками, одинъ, я проѣзжалъ, верхомъ, по странно-печальной равнинѣ, и наконецъ, когда уже надвинулись вечернія тѣни, передо мной предсталъ угрюмый Домъ Эшеръ. Не знаю почему — но лишь только взглянулъ я на зданіе, чувство нестерпимой тоски охватило меня. Я говорю нестерпимой; потому что она отнюдь не была смягчена тѣмъ поэтическимъ, почти сладостнымъ, ощущеніемъ, которое обыкновенно испытываешь даже передъ самыми суровыми, передъ самыми пустынными и страшными картинами природы. Я смотрѣлъ на сцену, открывшуюся моимъ взорамъ — на домъ, выдѣлявшійся изъ самаго обыкновеннаго ландшафта — на зябнущія стѣны — на окна, подобныя глазнымъ впадинамъ — на разъединенные кусты густой осоки — на отдѣльные стволы сѣдыхъ обветшавшихъ деревьевъ — и душа моя была подавлена уныніемъ, которое я не сравню ни съ чѣмъ изъ земныхъ ощущеній, развѣ только съ пробужденіемъ отъ пиршественнаго

сна, навѣяннаго опіумомъ — съ этимъ горькимъ внезапнымъ возвратомъ къ будничной жизни — съ ненавистнымъ зрѣлищемъ, которое выростаетъ изъ-за поднимающейся завѣсы. Сердце замерло, упало, сжалось холодною болью — и фантазія, безсильная освѣтить мысль, не могла перебросить ни къ чему возвышенному непобѣдимую печаль. Что же это — остановился я въ раздумьи — что же это неизвѣстное, что надрываетъ мою душу при одномъ только видѣ Дома Эшеръ? Это было тайной неразрѣшимой, и я не могъ бороться противъ смутныхъ фантастическихъ грезъ, которыя зароились въ моемъ умѣ, пока я размышлялъ. Я долженъ былъ удовлетвориться тѣмъ скуднымъ заключеніемъ, что *есть* несомнѣнно извѣстныя сочетанія самыхъ простыхъ естественныхъ предметовъ, имѣющія власть дѣйствовать на насъ именно такимъ образомъ, но что анализъ этихъ сочетаній связанъ съ мыслями, которыя теряются въ глубинѣ, для насъ недоступной. Весьма возможно, размышлялъ я, что было бы достаточно одного перемѣщенія особенностей этой сцены, отдѣльныхъ чертъ картины, для того чтобы измѣнить, или даже совсѣмъ уничтожить ея способность производить такое скорбное впечатлѣніе; и, отвѣчая на эту мысль, я направилъ лошадь къ обрывистому берегу чернаго мрачнаго пруда, недвижно лоснившагося передъ зданіемъ, и посмотрѣлъ внизъ — но трепетъ еще болѣе настойчивый охватилъ меня — когда я глянулъ на измѣненныя опрокинутыя отраженія сѣдой осоки, и призрачныхъ деревьевъ, и, подобныхъ глазнымъ впадинамъ, пустыхъ оконъ.

И, однако, въ этомъ-то обиталищѣ печали я предполагалъ теперь пробыть нѣсколько недѣль. Его владѣлецъ, Родерикъ Эшеръ, былъ однимъ изъ веселыхъ товарищей моего дѣтства; но много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ мы видѣлись въ послѣдній разъ. Несмотря на это, недавно, находясь въ отдаленномъ уголкѣ страны, я получилъ письмо — письмо отъ него — полубезумное и такое тягостное, что оно допускало только одну форму отвѣта — личный пріѣздъ.

Каждая строка дышала нервнымъ возбужденіемъ. Эшеръ писалъ объ острыхъ физическихъ страданіяхъ—о душевномъ разстройствѣ, которое угнетало его—и о настойчивомъ желаніи видѣть меня, какъ его лучшаго, болѣе того, его единственнаго друга, о надеждѣ, что радостное удовольствіе быть вмѣстѣ со мной можетъ нѣсколько облегчить его болѣзненныя муки. Такъ писалъ онъ, въ такомъ тонѣ было сказано еще многое другое—это *сердце* открывалось и просило отвѣта — я не могъ ни минуты колебаться, и отправился на призывъ, который все же казался мнѣ весьма необычнымъ.

Хотя въ дѣтскіе годы мы были закадычными друзьями, я почти ничего не зналъ о моемъ другѣ. Онъ всегда былъ очень сдержанъ. Мнѣ было извѣстно, однако, что его родъ, весьма древній, съ незапамятныхъ временъ отличался особенной впечатлительностью темперамента, проявившейся, черезъ цѣлыя поколѣнія, въ созданіяхъ высокаго искусства, и обнаружившейся недавно въ дѣяніяхъ неустанной благотворительности, щедрой и деликатной, равно какъ въ страстной любви къ музыкѣ, быть можетъ болѣе къ ея трудностямъ, чѣмъ къ ортодоксальнымъ очевиднымъ ея красотамъ. Я зналъ, кромѣ того, одинъ достопримѣчательный фактъ, именно, что родъ Эшеръ, при всей своей древности, никогда не имѣлъ болѣе или менѣе живучаго отпрыска, — другими словами, что происхожденіе всей фамиліи шло по прямой линіи, за немногими исключеніями, совершенно незначительными и весьма недолговѣчными. Въ головѣ моей промелькнула теперь быстрая мысль о полномъ соотвѣтствіи характера мѣстности съ установившимся характеромъ ея обитателей -- и, разсуждая объ ихъ взаимномъ вліяніи, весьма вѣроятномъ въ теченіи долгаго ряда столѣтій, я подумалъ, что можетъ быть именно это отсутствіе побочной линіи, эта послѣдовательная неуклонная передача родового имѣнія отъ отца къ сыну, вмѣстѣ съ именемъ, обусловила въ концѣ концовъ тождество между двумя взаимодѣйствующими, настолько полное, что первоначальное названіе

помѣстья потерялось въ причудливомъ и исполненномъ двойного смысла наименованіи — „Домъ Эшеръ“ — наименованіи, которое въ умахъ крестьянъ, его употреблявшихъ, сливало воедино и семью, и фамильный домъ.

Я сказалъ, что единственнымъ результатомъ моего нѣсколько ребяческаго эксперимента—именно, того, что я заглянулъ внизъ, въ прудъ—было усиленіе моего первоначальнаго исключительнаго впечатлѣнія. Несомнѣнно, что сознаніе быстраго возростанія моего суевѣрія—отчего мнѣ не назвать его такъ?—значительно ускорило самое возростаніе. Таковъ, какъ я уже давно зналъ, парадоксальный законъ всѣхъ чувствъ, имѣющихъ исходной точкой страхъ; и быть можетъ, потому-то, когда я опять устремилъ свой взглядъ къ дому, отъ его отраженія въ прудѣ, въ моемъ умѣ возникла странная фантазія—фантазія по истинѣ такая смѣшная, что я упоминаю о ней лишь съ цѣлью указать на силу и живость ощущеній, меня угнетавшихъ. Я совершенно явственно увидалъ—такъ настроилъ я свое воображеніе—что вокругъ всего дома и помѣстья нависла атмосфера, свойственная только имъ и всему находившемуся въ непосредственной отъ нихъ близости—атмосфера, которая не имѣла сродства съ воздухомъ неба, но медленно курилась отъ дряхлыхъ деревъ, и отъ сѣрыхъ стѣнъ, и отъ безмолвнаго пруда — заразительное и мистическое испареніе, лѣнивое, тяжелое, еле замѣтное, свинцоваго цвѣта.

Стряхнувъ съ себя то, что *должно было* быть только сномъ, я обратилъ болѣе подробное вниманіе на дѣйствительный видъ зданія. Его главной особенностью была, повидимому, глубокая древность. Подъ вліяніемъ долгаго времени оно сильно выцвѣло. Мелкіе грибки покрывали всю его наружную поверхность, свѣшиваясь съ крышъ тонкой перепутанной тканью. Но это отнюдь не было признакомъ какой-нибудь необычайной обветшалости. Ни одна изъ частей каменной кладки не обрушилась; и это устойчивое положеніе ихъ представлялось рѣзкимъ контрастомъ по от-

ношенію къ отдѣльнымъ искрошившимися камнямъ. Во всемъ было много чего-то такого, что напомнило мнѣ цѣлость стараго деревяннаго издѣлія, которое долгіе годы гнило въ какомъ-нибудь заброшенномъ подвалѣ, будучи въ то же время предохранено отъ разрушительнаго дѣйствія наружнаго воздуха. Но, кромѣ этого указанія на внѣшнее разложеніе, зданіе не имѣло ни малѣйшаго признака непрочности. Быть можетъ, взглядъ внимательнаго наблюдателя открылъ бы только еле замѣтную расщелину, которая, начинаясь отъ крыши, зигзагомъ шла по стѣнѣ фасада и потомъ терялась въ угрюмыхъ водахъ пруда.

Наблюдая эти особенности, я подъѣзжалъ по короткому шоссе къ дому. Дежурный слуга взялъ мою лошадь, и я вошелъ въ прихожую замка, съ ея Готическими сводами. Отсюда безмолвный лакей, неслышно ступая, повелъ меня черезъ темные и запутанные переходы въ *студію* своего хозяина. Многое изъ того, что я видѣлъ, проходя, усиливало, не знаю какимъ образомъ, смутное чувство, о которомъ я уже говорилъ. Все, что окружало меня—рѣзьба на потолкахъ, темная стѣнная обивка, эбеновые мрачные полы, и бряцаніе фантасмагорическихъ боевыхъ трофеевъ, сотрясавшихся отъ моихъ быстрыхъ шаговъ—все это, или нѣчто подобное этому, было для меня обычнымъ еще съ дѣтства — и я безъ колебаній увидалъ, что все это знакомо—и все же дивился, чувствуя, какія незнакомыя, невѣдомыя грезы возникаютъ во мнѣ при видѣ этихъ обыкновенныхъ предметовъ. На одной изъ лѣстницъ я встрѣтилъ домашняго врача. Его лицо, какъ показалось мнѣ, имѣло смѣшанное выраженіе низкаго коварства и смущенія. Онъ первый поспѣшно подошелъ ко мнѣ и, поздоровавшись, тотчасъ же скрылся. Лакей отворилъ дверь и ввелъ меня къ своему господину.

Комната, въ которой я очутился теперь, была очень просторна и высока. Длинныя и узкія, остроконечныя окна находились на такомъ большомъ разстояніи отъ чернаго

дубоваго пола, что были совершенно недоступны изнутри. Слабые красноватые лучи, проходя черезъ оконныя стекла, защищенныя рѣшеткой, проливали достаточно свѣта, чтобы сдѣлать явственными наиболѣе рельефные предметы; но глазъ тщетно пытался достичь отдаленныхъ угловъ комнаты, или углубленій потолка, украшеннаго рѣзьбой и раскинувшагося сводами. Тяжелыя драпировки висѣли на стѣнахъ. Вся обстановка, старинная и изношенная, отличалась чрезмѣрностью и отсутствіемъ комфорта. Повсюду кругомъ были разбросаны книги и музыкальные инструменты, но они не могли хотя сколько-нибудь оживить картину. Я чувствовалъ, что дышу атмосферой скорби. Все было окутано, надо всѣмъ нависло что-то суровое, глубокопечальное и безутѣшное.

При моемъ входѣ Эшеръ всталъ съ дивана, на которомъ онъ лежалъ во всю длину, и привѣтствовалъ меня съ живой сердечностью. Въ первую минуту мнѣ показалось, что въ этой живости было много дѣланной привѣтливости — вынужденныхъ усилій свѣтскаго ennuyé. Но одного бѣглаго взгляда на его лицо было для меня достаточно, чтобы убѣдиться въ полной его искренности. Мы сѣли; и въ теченіи нѣсколькихъ мгновеній, пока онъ молчалъ, я глядѣлъ на него со смѣшанымъ чувствомъ состраданія и страха. О, конечно, никогда ни одинъ человѣкъ не измѣнялся такъ страшно въ такое короткое время! Я не узнавалъ Родерика Эшеръ, я не могъ повѣрить, что блѣдное существо, находившееся передо мной, и товарищъ моего ранняго дѣтства—одинъ и тотъ же человѣкъ. Однако, лицо его по-прежнему было замѣчательно. Мертвенная блѣдность; большіе глаза, нѣжные и необыкновенно блестящіе; губы нѣсколько тонкія и очень блѣдныя, но изогнутыя удивительно красиво; изящный носъ, съ Еврейскими очертаніями, но съ широтой ноздрей необычной для подобной формы; очаровательный подбородокъ, мало выдающійся впередъ и этимъ говорящій о недостаткѣ нравственной энергіи; волосы нѣжнѣй и тоньше, чѣмъ паутина; всѣ

эти черты, въ соединеніи съ необыкновеннымъ развитіемъ лба, придавали его лицу выраженіе, которое нелегко забыть. Теперь же, въ самомъ преувеличеніи этихъ отличительныхъ чертъ, и выраженія имъ свойственнаго, было столько перемѣнъ, что я сомнѣвался, кого это я вижу предъ собой. Эта новая призрачная блѣдность кожи, и этотъ новый чудесный блескъ глазъ, больше всего поражали и даже пугали меня. Кромѣ того, шелковистые волосы росли теперь въ полномъ безпорядкѣ, и, какъ тысячи тѣхъ паутинокъ, что летаютъ въ воздухѣ, они не падали, а скорѣе развѣвались вокругъ лица — въ нихъ было нѣчто, напоминающее Арабески и совершенно чуждое простому представленію о человѣческомъ существѣ.

Я былъ сразу пораженъ безсвязностью — непослѣдовательностью въ манерахъ моего друга; какъ я скоро замѣтилъ, это происходило отъ постоянныхъ и безплодныхъ усилій побороть не покидавшій его трепетъ — крайнее нервное возбужденіе, сдѣлавшееся у него обычнымъ. Я ожидалъ чего-нибудь подобнаго, я былъ подготовленъ къ этому, съ одной стороны, письмомъ, съ другой — воспоминаніемъ объ извѣстныхъ чертахъ изъ дѣтства, и заключеніями, выведенными изъ особенностей его физическаго сложенія и темперамента. Всѣ его движенія были поперемѣнно то живыми, то лѣнивыми. Его голосъ быстро мѣнялся, переходя отъ трепета нерѣшительности (когда силы какъ будто совсѣмъ покидали его) къ той особенной энергической сжатости — къ тѣмъ рѣзкимъ, тяжелымъ, неспѣшнымъ, и глухо-звучащимъ интонаціямъ — къ тому гортанному, прекрасно-размѣренному, и модулированному говору, который можно наблюдать только у неисправимаго пьяницы, или у закоренѣлаго потребителя опіума, въ періодъ наиболѣе сильнаго возбужденія.

Именно такимъ голосомъ говорилъ Эшеръ о цѣли моего пріѣзда, о своемъ настойчивомъ желаніи видѣть меня, объ облегченіи, котораго онъ отъ меня ожидалъ. Онъ подробно, и даже нѣсколько длинно, распространился относительно того, что онъ считалъ истинной природой своей болѣзни.

Это, говорилъ онъ, зло фамильное и зависящее отъ тѣлосложенія, онъ отчаялся найти какое-нибудь средство излѣченія — это просто нервное возбужденіе, прибавилъ онъ тотчасъ-же, и, конечно, оно скоро пройдетъ. Болѣзнь проявлялась въ цѣломъ рядѣ ненормальныхъ ощущеній. Нѣкоторыя изъ нихъ заинтересовали меня въ его описаніи и поставили меня втупикъ; хотя, быть можетъ, при этомъ дѣйствовали также самыя выраженія и его манера разсказывать. Онъ очень страдалъ отъ болѣзненной остроты ощущеній; онъ могъ выносить только самую безвкусную пищу; онъ могъ носить платье только изъ извѣстныхъ тканей; запахъ какихъ бы то ни было цвѣтовъ обременялъ его; глаза его страдали отъ самаго слабаго свѣта; и только нѣкоторые звуки, именно звуки струнныхъ инструментовъ, не внушали ему ужаса.

Я увидѣлъ, что Эшеръ сдѣлался рабомъ страха, совершенно ненормальнаго. „Я погибну", говорилъ онъ, „я *долженъ* погибнуть отъ этого жалкаго безумія. Такъ, именно такъ, а не иначе, суждено мнѣ погибнуть. Я боюсь будущаго, не ради его самого, но ради того, что за нимъ послѣдуетъ. Я дрожу при мысли о какомъ-нибудь, даже самомъ обыкновенномъ, случаѣ, который можетъ оказать свое дѣйствіе на это невыносимое душевное возбужденіе. Не самой опасности я боюсь, а ея неизбѣжнаго спутника— страха. Находясь въ этомъ безнадежномъ—въ этомъ жалкомъ состояніи—я чувствую, что рано или поздно настанетъ періодъ, когда я долженъ буду утратить сразу и жизнь и разсудокъ, въ какой-то борьбѣ съ свирѣпымъ призракомъ, чье имя—„Страхъ".

Я познакомился кромѣ того, по нѣкоторымъ отрывистымъ и неяснымъ намекамъ, съ другими своеобразными чертами душевнаго состоянія, которое переживалъ Эшеръ. Онъ былъ совершенно порабощенъ какими-то суевѣрными ощущеніями; они были связаны съ домомъ, гдѣ онъ жилъ, и откуда, уже много лѣтъ, не рѣшался выйти—

котораго онъ говорилъ въ выраженіяхъ слишкомъ смутныхъ, чтобы ихъ возстановлять здѣсь; онъ говорилъ, что, своимъ матеріальнымъ составомъ и самой формой, семейный домъ, точно тяжкимъ бременемъ, налегъ на его душу—что элементы *физическіе*, эти сѣдыя стѣны и домовыя башни, и темный прудъ, куда они глядѣлись, наложили свою властную печать на его *внутреннее* существованіе.

Онъ допускалъ, однако, хотя и съ нѣкоторымъ колебаніемъ, что необыкновенная тоска, угнетавшая его, въ значительной степени могла проистекать изъ причины болѣе естественной и гораздо болѣе ощутительной—онъ разумѣлъ тяжелую и давнишнюю болѣзнь—больше того, очевидную, уже грядущую, смерть—его нѣжно-любимой сестры—его единственнаго товарища за эти долгіе годы—единственнаго и послѣдняго человѣка на землѣ, съ которымъ онъ былъ связанъ кровными узами. „Послѣ ея смерти", проговорилъ онъ съ такимъ горькимъ выраженіемъ, что я не забуду его никогда, „онъ, (больной и лишенный какихъ-бы то ни было надеждъ), останется послѣднимъ изъ древняго рода Эшеръ". Въ то время какъ онъ говорилъ это, леди Мэдиляйнъ (такъ называлась она) безшумно прошла черезъ отдаленную часть комнаты и, не замѣтивъ моего присутствія, исчезла. Я глядѣлъ на нее съ чувствомъ крайняго изумленія, нечуждымъ ужаса — ощущеніе, которое я до сихъ поръ такъ и не могъ объяснить себѣ — слѣдилъ за ея удаляющимися шагами въ состояніи полнаго оцѣпенѣнія. Когда же дверь, наконецъ, закрылась, я съ инстинктивнымъ и жаднымъ любопытствомъ взглянулъ на ея брата, но онъ закрылъ лицо руками, и я могъ только замѣтить, что блѣдность, блѣдность необыкновенная, распространилась по его исхудавшимъ пальцамъ, чрезъ которые брызнули горькія слезы.

Врачебное искусство уже давно было безсильно передъ болѣзнью леди Мэдиляйнъ. Упорная апатія, постепенное угасаніе личности, и частые, хотя преходящіе, „при-

падки каталептическаго характера, таковы были діагностическія данныя ея необычайной болѣзни. До послѣдняго времени она мужественно переносила тягости своей болѣзни и не хотѣла обречь себя на лежанье въ постели; но въ день моего пріѣзда, къ концу вечера, она покорилась уничтожающей силѣ разрушителя (какъ тогда же сообщилъ мнѣ ея братъ, въ крайнемъ возбужденіи); такимъ образомъ мнѣ стало извѣстно, что я видѣлъ леди, вѣроятно, въ послѣдній разъ—что, живую, я не увижу ее больше никогда.

Прошло нѣсколько дней, и мы оба—ни я, ни Эшеръ— ни разу не упоминали ея имени; въ теченіи этихъ дней я ревностно пытался разсѣять меланхолію моего друга. Мы вмѣстѣ читали и рисовали, а иногда я, какъ бы убаюканный, внималъ полубезумнымъ импровизаціямъ его краснорѣчивой гитары. И чѣмъ тѣснѣй и все тѣснѣе становилась наша дружба, чѣмъ глубже я могъ заглянуть въ потаенные уголки его души, тѣмъ съ большей горечью я видѣлъ безплодность какихъ-либо попытокъ озарить умъ, который былъ окутанъ, какъ свойственной ему стихіей, безутѣшной тьмой, умъ, который былъ напоенъ мракомъ, распространявшимъ на весь нравственный и физическій міръ свои непобѣдимые черные лучи.

Мнѣ будутъ вѣчно памятны тѣ незабвенные часы, что я провелъ наединѣ съ владѣльцемъ Дома Эшеръ. Но было-бы тщетной попыткой стараться обрисовать опредѣленно характеръ тѣхъ замысловъ, или тѣхъ занятій, къ которымъ онъ меня пріучилъ или къ которымъ указалъ дорогу. Идеальный экстазъ, достигшій крайнихъ болѣзненныхъ предѣловъ, освѣщалъ все своимъ сѣрнистымъ свѣтомъ. Протяжныя, внезапно рождавшіяся пѣсни, которыя пѣлъ Эшеръ, будутъ вѣчно звучать въ моей душѣ. Среди другихъ похоронныхъ мелодій въ моемъ умѣ еще до сей поры дрожитъ безумная арія, страннымъ образомъ извращающая и дополняющая одинъ изъ послѣднихъ вальсовъ Вебера. А эти картины, которыя создавала его изысканная фантазія! Съ

каждымъ новымъ штрихомъ они облекались какой-то смутностью, заставлявшей меня трепетать все сильнѣй и сильнѣй, именно потому, что я не зналъ причинъ этого трепета;—какъ живые образы, они еще стоятъ передо мной, но напрасно было бы стараться вложить болѣе чѣмъ самую ничтожную ихъ часть въ написанныя слова. Онъ приковывалъ и пугалъ вниманіе крайней обнаженностью, простотой своихъ замысловъ. Если когда-нибудь кто-нибудь изъ смертныхъ нарисовалъ идею, этотъ смертный былъ Родерикъ Эшеръ. По крайней мѣрѣ, на меня—при обстоятельствахъ, тогда меня окружавшихъ — вѣяло непобѣдимымъ ужасомъ отъ этихъ чистыхъ отвлеченій, которыя ипохондрикъ старался положить на полотно; даже и тѣни такихъ ощущеній я не испытывалъ при созерцаніи грезъ Фьюзели, блестящихъ, но все еще слишкомъ конкретныхъ.

Одинъ изъ фантастическихъ замысловъ моего друга, не такъ строго проникнутый духомъ отвлеченія, можетъ быть очерченъ въ словахъ, хотя лишь очень смутно. Небольшая картина изображала внутренность безконечно длиннаго и прямоугольнаго склепа или туннеля, съ низкими, гладкими, бѣлыми стѣнами, безъ всякихъ выступовъ или украшеній. Нѣкоторыя подробности рисунка давали возможность думать, что это углубленіе находится на громной глубинѣ подъ земной поверхностью. Ни одного отверстія не было замѣтно на всемъ его обширномъ пространствѣ, не было также видно ни факела, ни какого-нибудь другого искусственнаго источника свѣта, но потокъ яркихъ лучей проникалъ весь туннель, заливая его фантастическимъ неестественнымъ блескомъ.

Я говорилъ, что слухъ моего друга находился въ болѣзненномъ состояніи, дѣлавшемъ для него всякую музыку несносной, за исключеніемъ извѣстныхъ звуковыхъ сочетаній, получавшихся отъ струнныхъ инструментовъ. Быть можетъ, именно то обстоятельство, что онъ ограничилъ

свой талантъ узкой сферой игры на гитарѣ, въ значительной степени обусловило фантастическій характеръ его музыкальныхъ мелодій. Но что касается лихорадочной *легкости* его мгновенныхъ *импровизацій*, она не можетъ быть истолкована даннымъ обстоятельствомъ. Эти необузданныя фантазіи, съ особеннымъ подборомъ звуковъ, а также и словъ (музыка нерѣдко сопровождалась стихотворными импровизаціями), были результатомъ той напряженной умственной сосредоточенности, и самозамкнутости, которая, какъ я уже говорилъ, проявляется лишь при условіи исключительныхъ моментовъ крайняго искусственнаго возбужденія. Я легко запомнилъ слова одной рапсодіи. Быть можетъ, она потому особенно поразила меня, что я, какъ мнѣ показалось, благодаря ея скрытому или мистическому смыслу впервые понялъ тогда одно обстоятельство, а именно: какъ мнѣ почудилось, Эшеръ вполнѣ сознавалъ, что его царственный разумъ колеблется на своемъ тронѣ. Стихи назывались „Заколдованный замокъ“, и звучали приблизительно, или даже въ точности, такъ:

I.

Въ самой зеленой изъ нашихъ долинъ,
Гдѣ обиталище духовъ добра,
Нѣкогда замокъ стоялъ властелинъ,
Кажется, высился только вчера.
Тамъ онъ вздымался, гдѣ Умъ молодой
Былъ самодержцемъ своимъ.
Нѣтъ, никогда надъ такой красотой
Не раскрывалъ своихъ крылъ Серафимъ!

II.

Бились знамена, горя, какъ огни,
Какъ золотое сверкая руно.
(Все это было—въ минувшіе дни,
Все это было давно).
Полный воздушныхъ своихъ перемѣнъ,

Въ нѣжномъ сіяніи дня,
Вѣтеръ душистый вдоль призрачныхъ стѣнъ
Бился, крылатый, чуть слышно звеня.

III.

Путники, странствуя въ области той,
Видѣли въ два огневыя окна
Духовъ, идущихъ пѣвучей четой,
Духовъ, которымъ звучала струна,
Вкругъ того трона, гдѣ высился онъ,
Багрянородный герой,
Славой, достойной его, окруженъ,
Царь надъ волшебною этой страной.

VI.

Вся въ жемчугахъ и рубинахъ была
Пышная дверь золотого дворца,
Въ дверь все плыла, и плыла, и плыла,
Искрясь, горя безъ конца,
Армія Откликовъ, долгъ чей святой
Былъ только славить его,
Пѣть, съ поражающей слухъ красотой,
Мудрость и силу царя своего.

V.

Но злыя созданья, въ одеждахъ печали,
Напали на дивную область царя.
(О, плачьте, о, плачьте! Надъ тѣмъ, кто въ опалѣ,
Ни завтра, ни послѣ не вспыхнетъ заря!)
И вкругъ его дома та слава, что прежде
Жила и цвѣла въ обаяньи лучей,
Живетъ лишь какъ стонъ панихиды надеждѣ,
Какъ память едва вспоминаемыхъ дней.

VI.

И путники видятъ, въ томъ краѣ туманномъ,
Сквозь окна, залитыя красною мглой,
Огромныя формы, въ движеніи странномъ,
Диктуемомъ дико-звучащей струной.

Межъ тѣмъ какъ, противныя, быстрой рѣкою.
Сквозь блѣдную дверь, за которой Бѣда,
Выносятся тѣни — и шумной толпою,
Забывши улыбку, хохочутъ всегда.

Я хорошо помню, что впечатлѣніе, получившееся отъ этой баллады, навѣяло на насъ цѣлый рядъ мыслей, причемъ выяснилось одно интересное воззрѣніе Эшера, на которое я указываю теперь не столько въ силу его новизны (ибо и другіе [1]) высказывали то же), сколько по причинѣ упорства, съ какимъ Эшеръ настаивалъ на немъ. Въ общемъ это воззрѣніе сводилось къ признанію за растительнымъ міромъ способности чувствовать. Но въ разстроенной фантазіи больного эта идея приняла болѣе смѣлый характеръ, и была перенесена, съ извѣстными оговорками, въ міръ неорганическій. У меня нѣтъ словъ, чтобы выразить полноту его убѣжденія., или силу *самозабвенія* его въ этомъ. Оно соединялось (какъ я уже намекнулъ) съ сѣрыми камнями, изъ которыхъ былъ выстроенъ домъ его предковъ. Способность чувствовать, говорилъ онъ, была обусловлена въ данномъ случаѣ извѣстной формой соединенія этихъ камней — порядкомъ ихъ сочетанія, а равно и множествомъ *грибковъ,* распространявшихся по ихъ поверхности, и ветхими деревьями, стоявшими вокругъ — больше всего она сказывалась въ продолжительной неприкосновенности всего этого сочетанія, и въ его двойномъ существованіи, созданномъ недвижными водами пруда. Очевидность этого — очевидность того, что все это чувствуетъ — проявлялась, какъ онъ сказалъ (и тутъ я невольно дрогнулъ), въ постепенномъ и несомнѣнномъ уплотненіи надъ водами и вокругъ стѣнъ ихъ собственной атмосферы. Результатъ всего этого, прибавилъ онъ, обнаруживался еще и въ томъ безмолвномъ, но фатальномъ вліяніи, которое въ теченіи вѣковъ опредѣлило

[1]) Watson, Dr. Percival, Spallanzani, и въ особенности Bishop of Llandaff. — См. „Chemical Essays", vol. V.

судьбы его рода, и сдѣлало изъ *него* то, что я видѣлъ— то, чѣмъ онъ былъ. Такія воззрѣнія не нуждаются въ комментаріяхъ, и я не буду ихъ дѣлать.

Книги, которыя мы читали—книги, являвшіяся въ продолженіи цѣлыхъ лѣтъ постоянными участниками умственной жизни больного — были, понятно, въ строгомъ соотвѣтствіи съ характеромъ такихъ видѣній. Мы вмѣстѣ размышляли надъ произведеніями, вродѣ—„Vert-Vert“ и „La Chartreuse“ Грэссэ; „Belphegor“ Маккіавелли; „Адъ и Рай“ Сведенборга; „Подземное путешествіе Николая Климма“ Гольберга; „Хиромантія“ Роберта Флёда, Жана д'Эндажинэ и де-ля-Шамбра; „Путешествіе въ область голубого“ Тика; „Городъ солнца“ Кампанеллы. Одной изъ излюбленныхъ книгъ былъ небольшой волюмъ, in-octavo, *Directorium Inquisitorium* Доминиканскаго монаха Эймерика де Жиронна; по цѣлымъ часамъ Эшеръ грезилъ также надъ нѣкоторыми страницами Помпонія Мелы, гдѣ описываются древніе африканскіе сатиры. Но главной, наиболѣе заманчивой, его усладой было—постоянно перечитывать любопытную и необычайно рѣдкую книгу, in-quarto, готической печати,— молитвенникъ какой-то позабытой церкви—*Vigiliae Mortuorum secundum Chorum Ecclesiae Maguntinae*.

Я не могъ не подумать о странномъ ритуалѣ, описанномъ въ книгѣ, и объ его вѣроятномъ вліяніи на ипохондрика, когда, однажды вечеромъ, Эшеръ отрывисто сообщилъ мнѣ, что лэди Мэдиляйнъ уже нѣтъ въ живыхъ и что онъ намѣренъ втеченіи двухъ недѣль (до окончательнаго погребенія) сохранять тѣло въ одномъ изъ многочисленныхъ склеповъ, расположенныхъ подъ тяжелыми стѣнами зданія. Я не чувствовалъ себя въ правѣ спорить противъ чистомірскаго соображенія, высказаннаго имъ. Какъ братъ (сказалъ онъ мнѣ) я принялъ такое рѣшеніе, благодаря необычайному характеру болѣзни, сразившей покойницу, благодаря назойливымъ и усиленнымъ разспросамъ ея доктора, а также отдаленности и открытости фамильнаго склепа. Не могу

отрицать, что когда я вспомнилъ зловѣщее лицо, которое я встрѣтилъ на лѣстницѣ, въ первый день моего пріѣзда, у меня пропала всякая охота спорить противъ того, что представлялось мнѣ самой невинной и въ то же время отнюдь не неестественной предосторожностью.

По просьбѣ Эшера я самъ помогъ ему устроить это временное погребеніе. Тѣло было положено въ гробъ, и мы вдвоемъ отнесли его въ мѣсто успокоенія. Склепъ, куда мы положили тѣло, не открывался въ теченіи столькихъ лѣтъ, что, когда мы вошли въ него, наши факелы наполовину погасли въ этой удушливой атмосферѣ, и мы съ трудомъ могли разсмотрѣть что-нибудь. Въ эту сырость и тѣсноту не было доступа дневному свѣту. Склепъ былъ расположенъ очень глубоко. и какъ разъ подъ той частью зданія, гдѣ находилась моя спальня. Въ отдаленныя времена феодализма онъ, очевидно, служилъ для иныхъ худшихъ цѣлей, а позднѣе превратился изъ подземной темницы въ складочное мѣсто пороха или какихъ-нибудь другихъ легко-воспламеняемыхъ веществъ, такъ какъ часть пола и вся внутренность длиннаго свода, черезъ который мы пришли сюда, были тщательно обиты мѣдью. Массивная желѣзная дверь была предохранена подобнымъ же образомъ. Повернувшись на своихъ петляхъ, эта тяжелая громада издала какой-то необыкновенно рѣзкій пронзительный скрипъ.

Сложивъ на подставки траурную ношу, въ этомъ царствѣ ужаса, мы отодвинули немного въ сторону еще незавинченную крышку гроба и взглянули на лицо усопшей. Поразительное сходство между братомъ и сестрой только теперь впервые бросилось мнѣ въ глаза, и Эшеръ, быть можетъ, угадавъ мои мысли, пробормоталъ нѣсколько словъ, изъ которыхъ я узналъ, что покойница и онъ были близнецами, и что между ними всегда существовала горячая симпатія, по природѣ своей едва-ли постижимая. Наши взоры однако недолго были прикованы къ лицу усопшей—

мы не могли смотрѣть на него безъ чувства трепета. Болѣзнь, погубившая леди въ расцвѣтѣ юности, какъ бы въ насмѣшку оставила слабую краску на щекахъ и на груди покойницы, какъ это неизмѣнно бываетъ при всѣхъ болѣзняхъ строго-каталептическаго характера, а также эту нерѣшительную, точно на что-то намекающую, улыбку, которую такъ ужасно видѣть на мертвомъ лицѣ. Уставивъ и привинтивъ крышку, мы заперли желѣзную дверь, и измученные, отправились въ верхніе покои дома врядъ ли менѣе мрачные.

И вотъ, послѣ нѣсколькихъ дней горькой печали, характеръ душевнаго разстройства, которое угнетало моего друга, замѣтно измѣнился. Исчезла его обычная манера держать себя. Обычныя его занятія были заброшены или забыты. Безцѣльно переходилъ онъ изъ комнаты въ комнату, быстрыми и неровными шагами. Блѣдность его лица какъ будто сдѣлалась еще болѣе призрачной—но лучистый блескъ его глазъ совершенно потухъ. Тонъ его голоса утратилъ ту рѣзкость, которая иногда слышалась прежде, и ея мѣсто заступилъ трепетъ волненія, точно продиктованный чувствомъ крайняго ужаса. Были минуты, когда мнѣ положительно казалось, что безпрерывно возбужденный умъ больного былъ угнетенъ какой-то мучительной тайной, сообщить которую онъ никакъ не рѣшался. Временами же я опять приходилъ къ заключенію, что все это необъяснимыя причуды безумія, такъ какъ по цѣлымъ часамъ онъ смотрѣлъ въ пространство въ позѣ глубочайшаго вниманія, какъ бы стараясь уловить слухомъ какой-то воображаемый звукъ. Удивительно ли, что его душевное состояніе наполнило меня страхомъ — заразило меня. Я чувствовалъ, какъ на меня медленно ползутъ, какъ меня неотступно захватываютъ его суевѣрныя и властныя фантазіи.

Полную власть такихъ ощущеній я особенно сильно испыталъ на седьмой или восьмой день, послѣ того, какъ мы положили трупъ леди Мэдиляйнъ въ склепъ. Поздно

ночью я легъ спать. Бѣжали мгновенья, уходили часы— а сна все не было. Я старался трезвыми разсужденіями утишить нервное возбужденіе, охватившее меня. Я говорилъ себѣ, что, вѣроятно, многое изъ того, что я чувствовалъ, если только не все, было навѣяно чарами мрачной обстановки — этими темными и оборванными завѣсами которыя, какъ бы неохотно повинуясь дыханію зарождающейся бури, порывами вздрагивали на стѣнахъ, и скорбно шелестѣли вкругъ рѣзного алькова. Но тщетны были мои усилія. Неотступный страхъ все болѣе проникалъ мою душу, и наконецъ безпричинная тревога налегла мнѣ на сердце, какъ инкубусъ. Я сдѣлалъ усиліе, стряхнулъ его, приподнялъ голову отъ подушки, и, устремивъ пронзительный взглядъ въ темноту, сталъ прислушиваться—самъ не знаю, почему, быть можетъ инстинктивно — къ какимъ-то глухимъ и неопредѣленнымъ звукамъ, которые долетали неизвѣстно откуда съ большими паузами, въ промежутки, когда буря затихала. Охваченный острымъ чувствомъ ужаса, непонятнаго и невыносимаго, я быстро накинулъ на себя платье (ибо я зналъ, что мнѣ ужь не уснуть) и, принявшись быстро шагать взадъ и впередъ по комнатѣ, старался вывести себя изъ жалкаго состоянія, охватившаго меня такъ неожиданно.

Но едва я прошелся такимъ образомъ нѣсколько разъ, какъ вниманіе мое было привлечено мягкими шагами, послышавшимися на ближайшей лѣстницѣ. Я тотчасъ же узналъ, что это Эшеръ. Черезъ мгновеніе онъ слегка постучался въ мою дверь, и вошелъ, съ лампой въ рукѣ. Лицо его было по обыкновенію мертвенно - блѣдно — но, кромѣ того, въ его глазахъ было какое-то выраженіе бѣшеной веселости—всѣ черты носили явную печать сдержаннаго *истерическаго* возбужденія. Его видъ ужаснулъ меня—но, чтό бы ни случилось, все, все было предпочтительнѣе того одиночества, которое я такъ долго выносилъ, и, когда онъ вошелъ, я почувствовалъ нѣкоторое облегченіе.

„И вы не видали?“ рѣзко проговорилъ онъ, послѣ того какъ нѣсколько мгновеній безмолвно и пристально смотрѣлъ вокругъ себя—„такъ вы не видали?—но, постойте! сейчасъ!“

Тщательно загородивъ лампу, онъ бросился къ одному изъ оконъ, которыя можно было открывать, и распахнулъ его настежь—въ бурю и тьму.

Вихрь, съ страшнымъ бѣшенствомъ ворвавшійся въ комнату, чуть не приподнялъ насъ съ полу. Бурная мрачно-прекрасная ночь была, по-истинѣ, безумной и необычайной въ своемъ ужасѣ и въ своей красотѣ. Не было сомнѣнія, что смерчъ собралъ всѣ свои силы гдѣ-нибудь неподалеку отъ насъ, потому что въ направленіи вѣтра были частыя и рѣзкія перемѣны, и поразительная густота облаковъ (висѣвшихъ такъ низко, что они какъ бы давили своей тяжестью башенки дома) не мѣшала намъ видѣть, какъ они мчатся съ яростной быстротой, другъ на друга, со всѣхъ концовъ, собираясь и не убѣгая въ пространство.

Я говорю, что даже ихъ поразительная густота не мѣшала намъ видѣть это — между тѣмъ не было проблеска звѣздъ или мѣсяца — не было и ни одной вспышки молніи. Но нижняя поверхность возмущенныхъ паровъ, выроставшихъ исполинскими клубами, а также и всѣ земные предметы, непосредственно насъ окружавшіе, блистали неестественнымъ свѣтомъ газовыхъ испареній, которыя окутывали весь домъ саваномъ, слабо мерцавшимъ и совершенно явственнымъ.

„Вы не должны смотрѣть на это—не смотрите, не смотрите!“ вскричалъ я, весь дрожа, — и, съ ласковымъ насиліемъ отведя своего друга отъ окна, усадилъ его въ кресло. „Зачѣмъ вы такъ волнуетесь? Вѣдь все это не болѣе какъ электрическія явленія, не представляющія изъ себя ничего особеннаго — а, можетъ быть, это мрачное зрѣлище обусловлено нездоровыми міазмами, выдѣляющимися изъ пруда. Давайте, закроемте окно; холодный воздухъ

вреденъ для васъ. Вотъ здѣсь одинъ изъ вашихъ излюбленныхъ романовъ. Я буду читать, а вы слушайте; и мы вмѣстѣ проведемъ эту ужасную ночь".

Старинный волюмъ, который я взялъ, назывался „Mad Trist", и принадлежалъ перу Сэра Ланчелота Кэннинга. Но, назвавъ эту книгу излюбленной книгой Эшера, я хотѣлъ сказать скорѣе горькую шутку, нежели что-нибудь серьезное; ибо въ наивной и неуклюжей болтливости этого романа было весьма мало привлекательнаго для его высокаго и идеальнаго ума. Это была, однако, единственная книга, находившаяся подъ рукой, и я лелѣялъ смутную надежду, что возбужденіе, которое переживалъ ипохондрикъ, немного уляжется (исторія мозговыхъ разстройствъ полна такихъ аномалій) именно въ силу преувеличенности безумныхъ фантазій, разсказанныхъ въ данномъ произведеніи. Судя по тому странному и напряженному вниманію, съ которымъ больной слушалъ чтеніе, или дѣлалъ видъ, что слушалъ, я могъ поздравить себя съ успѣхомъ.

Я дошелъ до той извѣстной сцены, гдѣ герой повѣствованія, Эсельредъ, послѣ тщетныхъ попытокъ найти мирный доступъ въ жилище отшельника, рѣшается проникнуть туда силой. Какъ читатель можетъ припомнить, слова разсказа въ этомъ мѣстѣ таковы:

„И Эсельредъ, обладавшій отъ природы сердцемъ мужественнымъ, и бывшій тогда весьма силенъ отъ могущества выпитаго имъ вина, не сталъ больше ждать да вести переговоры съ отшельникомъ, какъ видится коварнымъ и упорнымъ, но чувствуя у себя за плечами дождь, и думая, какъ бы не разыгралась буря, взмахнулъ онъ своей палицей, и двумя-тремя ударами пробилъ отверстіе въ двери, и просунулъ туда руку, одѣтую въ желѣзную перчатку; и изо всей силы дернулъ онъ къ себѣ дверь, и треснула она, и расщепилась, и разлетѣлась въ куски, и трескъ и шумъ раздался кругомъ, и глухое эхо прокатилось въ лѣсу".

Окончивъ этотъ отрывокъ, я вздрогнулъ, и на мгновеніе остановился: мнѣ показалось (хотя я тотчасъ же заключилъ, что это обманъ моего разстроеннаго воображенія)— мнѣ показалось, что издалека, изъ очень отдаленной части дома, до слуха моего донесся неясный звукъ, какъ бы заглушенное подавленное эхо того самаго треска и грохота, которые такъ подробно описалъ Сэръ Ланчелотъ. Вниманіе мое, несомнѣнно, было привлечено именно этимъ совпаденіемъ, потому что среди треска оконницъ, и обычнаго смутнаго шума все возроставшей бури, звукъ самъ по себѣ, конечно, не заключалъ въ себѣ ничего, что могло бы заинтересовать меня или смутить.

Я продолжалъ чтеніе:

„Но славный рыцарь Эсельредъ, войдя черезъ дверь, былъ разгнѣванъ и изумленъ, видя, что коварнаго отшельника нѣтъ и въ поминѣ, а вмѣсто него, драконъ, покрытый чешуей, и вида чудовищнаго, и съ огненнымъ языкомъ, сторожитъ золотой дворецъ съ серебрянымъ поломъ; и на стѣнѣ тамъ висѣлъ щитъ изъ желтой блестящей мѣди, а на немъ круговая надпись:

Кто дверь разбилъ, побѣдителемъ былъ;
Кто дракона убьетъ, тотъ щитъ себѣ возьметъ.

„И взмахнулъ Эсельредъ своей палицей, и ударилъ дракона въ голову, и тотъ упалъ передъ нимъ, и испустилъ свой заразный духъ, съ крикомъ такимъ страшнымъ, и съ такимъ пронзительнымъ, что поневолѣ Эсельредъ закрылъ себѣ уши руками, дабы предохранить себя отъ страшнаго шума, подобнаго которому онъ никогда не слышалъ“.

Здѣсь я опять быстро остановился, и на этотъ разъ съ чувствомъ крайняго изумленія — ибо не было ни малѣйшаго сомнѣнья, что теперь я дѣйствительно слышалъ звукъ (откуда онъ доносился, я не могъ опредѣлить), звукъ заглушенный и, очевидно, далекій, но рѣзкій, протяжный, и необыкновенно скрипучій или пронзительный — совершенный двойникъ того неестественнаго крика, съ которымъ умеръ

легендарный драконъ и который уже былъ созданъ въ моей фантазіи.

При этомъ второмъ и совершенно непостижимомъ совпаденіи я былъ смущенъ цѣлымъ множествомъ противорѣчивыхъ ощущеній, среди которыхъ удивленіе и ужасъ были господствующими; все же у меня нашлось еще настолько присутствія духа, что я не сдѣлалъ никакого замѣчанія, боясь возбудить чуткую нервозность моего товарища. Я отнюдь не былъ увѣренъ, что онъ слышалъ эти звуки, хотя, правда, странная перемѣна произошла въ его внѣшнемъ видѣ за эти немногія минуты. Раньше онъ сидѣлъ противъ меня, потомъ, мало-по-малу повертываясь на креслѣ, онъ обратился лицомъ прямо къ двери; такимъ образомъ, теперь я могъ только отчасти видѣть черты его лица, но мнѣ было видно, что его губы дрожатъ, какъ будто онъ что-то неслышно шепталъ. Голова его свѣсилась на грудь, но я зналъ, что онъ не спалъ, по его профилю можно было судить, что глаза его широко раскрыты и смотрятъ пристальнымъ взглядомъ. Кромѣ того, самое движеніе его тѣла исключало мысль о снѣ — онъ качался изъ стороны въ сторону, чуть замѣтно, но неустанно и однообразно. Быстро подмѣтивъ все это, я продолжалъ повѣствованіе Сэра Ланчелота:

„И тутъ-то мужественный рыцарь, избѣгнувъ страшной ярости дракона и вспомнивъ о мѣдномъ щитѣ, и о разрушенномъ волшебствѣ, что было надъ нимъ, отодвинулъ съ дороги трупъ, и смѣло подошелъ по серебряному полу замка къ стѣнѣ, на которой висѣлъ щитъ; и еще не успѣлъ онъ подойти вплоть, какъ щитъ самъ упалъ къ его ногамъ на серебряный полъ съ страшнымъ дребезжаньемъ и тяжкимъ грохотомъ“.

Едва замерли въ воздухѣ эти слова, какъ вдругъ — точно мѣдный щитъ дѣйствительно упалъ въ это мгновенье на серебряный полъ — я услышалъ явственный повторный ударъ, металлическій, гулкій, и дребезжащій,

но, очевидно, заглушенный. Внѣ себя, я вскочилъ съ мѣста, но Эшеръ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ ритмически покачиваться. Я бросился къ креслу, на которомъ онъ сидѣлъ. Его глаза смотрѣли неподвижно, всѣ черты застыли въ каменномъ спокойствіи. Но лишь только я положилъ свою руку къ нему на плечо, по всему тѣлу его пробѣжала судорожная дрожь; жалкая улыбка затрепетала на его губахъ, и я услыхалъ быстрый невнятный шопотъ; комкая слоги, Эшеръ говорилъ тихо, тихо, и какъ бы не сознавалъ моего присутствія. Наклонившись надъ нимъ, къ самому его лицу, я проникъ наконецъ въ чудовищный смыслъ его словъ.

„Не слышите? — нѣтъ, я слышу, и *раньше* слышалъ. Давно-давно-давно — шли минуты, шли часы, шли дни — я слышалъ — но я не смѣлъ — о, сжальтесь, сжальтесь надо мной! — я не смѣлъ — я не *смѣлъ* говорить! *Мы похоронили ее заживо!* Развѣ я не говорилъ, что мои чувства остры? Я говорю вамъ *теперь*, я слышалъ, какъ она въ первый разъ зашевелилась въ своемъ впаломъ гробу. Я слышалъ — много, много дней тому назадъ — но я не смѣлъ — *я не смѣлъ говорить!* И вотъ — нынче ночью — Эсельредъ — а! а! — разломилась дверь отшельника, и драконъ закричалъ, умирая, и щитъ загремѣлъ! — скажите лучше, ея гробъ разломился, и желѣзныя петли ея тюрьмы заскрипѣли, и она сама стала биться подъ мѣдными сводами. О, куда мнѣ убѣжать? Развѣ она не придетъ сюда сейчасъ? Развѣ она не бѣжитъ сюда, чтобъ упрекать меня за мою поспѣшность? Вотъ, вотъ, я слышу ея шаги на лѣстницѣ! Вотъ, вотъ, я слышу, какъ тяжело и страшно бьется ея сердце! Сумасшедшій!“ Онъ бѣшено вскочилъ съ мѣста, и выкрикнулъ свое бормотанье, словно въ этомъ громадномъ усиліи испуская послѣдній духъ. *„Сумасшедшій! я говорю вамъ, что она стоитъ теперь за дверью!“*

И какъ будто сверхчеловѣческая энергія его словъ пріобрѣла силу волшебства — тотчасъ же ветхая стѣнная

вставка, на которую указывалъ Эшеръ, медленно раздвинула свои тяжелыя эбеновыя челюсти. То было дѣйствіемъ порывистаго вихря — но изъ-за этой двери *предстала* высокая, окутанная саваномъ, фигура леди Мэдиляйнъ Эшеръ. На ея бѣломъ одѣяніи виднѣлась кровь, и вся ея изможденная фигура носила слѣды тяжелой борьбы. На мгновенье она остановилась на порогѣ, дрожа и шатаясь — потомъ, съ глухимъ и жалобнымъ крикомъ, она тяжело упала впередъ на брата, и въ своей судорожной, и на этотъ разъ окончательной, смертной агоніи, увлекла его на-земь, трупъ, и жертву предвкушеннаго страха.

Я въ ужасѣ бѣжалъ изъ этой комнаты и изъ этого дома. Буря все еще свирѣпѣла въ своемъ неистовствѣ. Я пересѣкалъ старое шоссе, какъ вдругъ вдоль дороги блеснулъ странный свѣтъ, и я обернулся, чтобы посмотрѣть, откуда можетъ исходить такое необыкновенное сіяніе, потому что за мной не было ничего, кромѣ обширнаго дома и его тѣней. Свѣтъ исходилъ отъ кроваво-краснаго полнаго мѣсяца, который, опускаясь къ горизонту, ярко блисталъ теперь черезъ расщелину, прежде едва замѣтную и проходившую, какъ я говорилъ, въ видѣ зигзага отъ крыши дома до его основанія. Пока я глядѣлъ, эта расщелина быстро расширялась; смерчъ поднялся съ новой силой; шаръ мѣсяца весь цѣликомъ предсталъ моимъ глазамъ; голова у меня закружилась, я, увидалъ, что мощныя стѣны распадаются, рушатся; послышался долгій бушующій шумъ, подобный возгласу тысячи источниковъ, и темныя воды глубокаго пруда угрюмо и безмолвно сомкнулись надъ обломками *„Дома Эшеръ“*.

МОЛЧАНІЕ.

Сказка.

Ευδουσιν δ ορεων κορυφαι τε και φαραγγες,
Πρωνες τε και χαραδραι.

Вершины горъ дремлютъ; долины,
скалы, и пещеры *молчатъ*.

Алкменъ.

„Слушай *меня*“, сказалъ Дьяволъ, кладя свою руку мнѣ на голову. „Область, о которой я говорю, есть печальная область въ Ливіи, на берегахъ рѣки Заиры. И тамъ нѣтъ покоя, нѣтъ молчанія.

„Воды рѣки окрашены шафраннымъ нездоровымъ цвѣтомъ; и они не текутъ въ море, но трепещутъ каждый мигъ и каждое мгновенье, подъ краснымъ окомъ солнца, охваченныя смятеннымъ, судорожнымъ волненіемъ. На много миль кругомъ, по обѣ стороны рѣки, на илистой постели раскинулась блѣдная пустыня гигантскихъ водяныхъ лилій. Они вздыхаютъ одна къ другой въ этомъ уединеніи, и, какъ привидѣнія, протягиваютъ къ небу длинныя шеи, и, кивая, колышутъ своими неумирающими главами. И неясный ропотъ исходитъ отъ нихъ, подобный быстрому журчанью подземнаго ключа. И они вздыхаютъ одна къ другой.

„Но есть граница ихъ владѣніямъ—предѣльная полоса темнаго, дремучаго, высокаго лѣса. Тамъ, подобно Гебридскимъ волнамъ, низкія заросли волнуются непрестанно. Но

въ небесахъ тамъ нѣтъ вѣтра. И тяжелыя первобытныя деревья вѣчно качаются изъ стороны въ сторону, съ могучимъ скрипомъ и шумомъ. И съ ихъ высокихъ вершинъ капля за каплей сочится вѣчная роса. И у корней лежать странные ядовитые цвѣты, переплетаясь въ безпокойномъ снѣ. И въ высотѣ, съ шумнымъ смятеніемъ, бѣгутъ сѣрыя тучи, всегда на западъ, пока они не перекинутся, водопадомъ, черезъ огненную стѣну горизонта. Но въ небесахъ тамъ нѣтъ вѣтра. И на берегахъ рѣки Заиры нѣтъ покоя, нѣтъ молчанія.

„Была ночь, и шелъ дождь; и когда онъ падалъ, это былъ дождь, и когда онъ упадалъ, это была кровь. И я стоялъ въ болотѣ среди высокихъ лилій, и дождь падалъ мнѣ на голову—и лиліи вздыхали одна къ другой, и торжественно было ихъ отчаяніе.

„И вдругъ взошелъ мѣсяцъ сквозь тонкій призрачный туманъ, и былъ онъ ярко-красный. И взоръ мой устремился къ гигантскому, дикаго цвѣта, утесу, который стоялъ на берегу рѣки, освѣщенный сіяніемъ мѣсяца. И утесъ былъ дикаго цвѣта, и высокій, и стоялъ, какъ привидѣнье,—и утесъ былъ дикаго цвѣта. На передней его сторонѣ, на камнѣ, были вырѣзаны буквы; и я пробирался черезъ болотную пустыню водяныхъ лилій, пока не пришелъ къ самому берегу, чтобы прочесть буквы на камнѣ. Но я не могъ разобрать ихъ. И я уже пошелъ назадъ въ болото, какъ вдругъ ярче загорѣлся красный свѣтъ мѣсяца, и я обернулся, и взглянулъ опять на утесъ, и на буквы;— и буквы были отчаяніе.

„И я посмотрѣлъ вверхъ, и тамъ стоялъ человѣкъ на вершинѣ утеса; и я укрылся среди водяныхъ лилій, чтобы можно мнѣ было слѣдить за дѣйствіями человѣка. И человѣкъ былъ рослый и статный, и съ плечъ до ногъ онъ былъ закутанъ въ древне-Римскую тогу. И очеркъ его лица былъ неясенъ—но черты его были чертами божества; потому что покровъ ночи, и тумана, и мѣсяца, и росы, не могъ

закрыть его лица. И чело его было возвышенно отъ мысли, и глаза его были безумны отъ заботы; и, въ немногихъ морщинахъ на его щекахъ, я прочелъ повѣсть скорби, и усталости, и отвращенья къ человѣческому, и жаднаго стремленья къ одиночеству.

„И человѣкъ сидѣлъ на утесѣ, склонивъ свою голову на руку, и взиралъ на картину безутѣшности. Онъ смотрѣлъ на низкорослые тревожные кустарники, и на высокія первобытныя деревья, и смотрѣлъ вверхъ на небо, исполненное шороха, и на ярко-красный мѣсяцъ. И я лежалъ, сокрытый среди лилій, и слѣдилъ за дѣйствіями человѣка. И человѣкъ трепеталъ въ уединеніи;—и ночь убывала, но онъ сидѣлъ на утесѣ.

„И человѣкъ отвратилъ свое вниманіе отъ неба, и взглянулъ на печальную рѣку Заиру, и на желтыя призрачныя воды, и на блѣдные сонмы водяныхъ лилій. И человѣкъ сталъ прислушиваться къ вздохамъ водяныхъ лилій, и къ ропоту, который исходилъ отъ нихъ. И я лежалъ тайно въ своемъ прибѣжищѣ и слѣдилъ за дѣйствіями человѣка. И человѣкъ трепеталъ въ уединеніи;—и ночь убывала, но онъ сидѣлъ на утесѣ.

„Тогда я углубился въ сокрытыя пристанища болота, и пошелъ среди ропота лилій, и воззвалъ къ гиппопотамамъ, которые живутъ среди топей въ пристанищахъ болота. И гиппопотамы услышали зовъ мой, и пришли, съ бегемотомъ, къ подножью утеса, и громки, и ужасны были ихъ вопли, и мѣсяцъ горѣлъ на небесахъ. И я лежалъ тайно въ своемъ прибѣжищѣ и слѣдилъ за дѣйствіями человѣка. И человѣкъ трепеталъ въ уединеніи;—и ночь убывала, но онъ сидѣлъ на утесѣ.

„Тогда я проклялъ стихіи заклятіемъ смятенія, и страшная буря собралась на небѣ, гдѣ до тѣхъ поръ не было вѣтра. И небеса побагровѣли отъ свирѣпости бури—и дождь сталъ хлестать о голову человѣка—и воды рѣки полились черезъ берега—и рѣка, возмущенная, покрылась пѣной—

и водяныя лиліи закричали на своемъ ложѣ—и лѣсъ, ломаясь, затрещалъ подъ вѣтромъ—и прокатился громъ—и засверкала молнія—и утесъ треснулъ до основанія. И я лежалъ тайно въ своемъ прибѣжищѣ и слѣдилъ за дѣйствіями человѣка. И человѣкъ трепеталъ въ уединеніи; — и ночь убывала, но онъ сидѣлъ на утесѣ.

„Тогда я пришелъ въ ярость, и проклялъ, заклятіемъ *молчанія*, рѣку, и лиліи, и вѣтеръ, и лѣсъ, и небо, и громъ, и вздохи водяныхъ лилій. И стали они прокляты, и *погрузились въ безмолвіе*. И мѣсяцъ задержалъ свой колеблющійся путь по небу—и громъ замеръ вдали—и молнія потухла—и тучи повисли недвижно—и воды вошли въ берега и замерли—и деревья перестали качаться—и водяныя лиліи больше не вздыхали—и ропотъ не былъ слышенъ между нихъ—ни тѣни звука во всей обширной безпредѣльной пустынѣ. И я устремилъ свой взглядъ къ буквамъ на утесѣ, и они измѣнились;—и буквы были молчаніе.

„И я взглянулъ на лицо человѣка, и лицо его было блѣдно отъ ужаса. И, поспѣшно, онъ поднялъ свою голову, и вскочилъ, и прислушался. Но не было ни звука во всей обширной безпредѣльной пустынѣ, и буквы на утесѣ были молчаніе. И человѣкъ задрожалъ, и отвратилъ лицо свое, и убѣжалъ, бѣжалъ прочь такъ быстро, что я больше не видалъ его“.

* * * * *

Да, много есть прекрасныхъ сказокъ въ томахъ, исписанныхъ Магами—въ окованныхъ желѣзными переплетами задумчивыхъ томахъ, исписанныхъ Магами. Я говорю, въ нихъ есть великія легенды о Небѣ, и Землѣ, и о могучемъ Морѣ—и о Геніяхъ, которые управляли и моремъ, и землей, и высокимъ небомъ. И много было знанія въ изреченіяхъ, которыя говорились сибиллами; и святыя, святыя тайны были услышаны нѣкогда темными листьями, трепетавшими вокругъ Додоны—но, истинно, эту сказку, которую разсказалъ мнѣ Дьяволъ, сидя рядомъ со мной въ тѣни гробницы,

считаю я самой чудной изо всѣхъ! И когда Дьяволъ окончилъ свой разсказъ, онъ упалъ навзничь въ углубленіе гробницы и захохоталъ. И я не могъ смѣяться вмѣстѣ съ Дьяволомъ, и онъ проклялъ меня, потому что я не могъ смѣяться. И рысь, которая всегда живетъ въ гробницѣ, вышла оттуда, и легла у ногъ Дьявола, и стала пристально смотрѣть ему въ глаза.

КНИГИ К. Д. БАЛЬМОНТА.

Подъ сѣвернымъ небомъ. Элегіи, стансы, сонеты. Ц. 50 к.
Въ безбрежности. Лирика. Изд. 2-е. Ц. 1 р.
Тишина. Лирическія поэмы. Ц. 1 р.
Горящія зданія. Лирика современной души. Ц. 1 р.
Гофманъ. Котъ Мурръ. Фантастическій романъ. Перев. съ нѣмецк. Ц. 70 к.
Ибсенъ. Привидѣнія. Драма. Пер. съ норвежск. Ц 50 к.
Эдгаръ По. Баллады и фантазіи. Пер. съ англ. Ц. 1 р. 25 к.
Эдгаръ По. Таинственные разсказы. Пер. съ англ. Ц. 1 р.
Шелли. Сочиненія. Пер. съ англ. Вып. 1-й, 2-й, 3-й, 4-й по 50 к. вып. 5-й, 6-й, 7-й по 75 к.
Кальдеронъ. Сочиненія. Пер. съ испанск. Вып. 1-й. Ц. 90 к.
Горнъ. Исторія скандинавской литературы отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Пер. съ нѣмецк. Ц. 2 р. 50 к.
Гаспари. Исторія итальянской литературы. Пер. съ итальянск. Т. 1-й. Средніе вѣка. Ц. 3 р.—Т. 2-й. Эпоха Возрожденія. Ц. 3 р.
Книга раздумій. (Бальмонтъ, Брюсовъ, Дурновъ, Коневской). Ц. 50 к.
Гауптманъ. Драмы. Т. 1-й. Пер. съ нѣмецк. подъ редакціей К. Бальмонта. Ц. 1 р. 80 к.
Р. Мутеръ. Исторія живописи. Т. 1-й. Перев. съ нѣмецк. подъ ред. К. Бальмонта. Ц. 2 р. 50 к.

Готовятся къ печати, и печатаются.

Сочиненія Кальдерона, двѣнадцать лучшихъ драмъ, перев. К. Бальмонта. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ.
Сочиненія Эдгара По, въ четырехъ томахъ, перев. К. Бальмонта. Изд. к-ва „Скорпіонъ“.
Сочиненія Гауптмана, въ двухъ томахъ, перев. подъ редакціей К. Бальмонта. Изд. С. А. Скирмунта.

Цѣна 1 р. 50 к.

